

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК · ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
АЛЬМАНАХ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Адам Ева
Adam & Eve

GENDER HISTORY REVIEW

2019

Москва

№27

ББК 63.3

A 281

Главный редактор

А.Ю. СЕРЕГИНА

Ответственный редактор

А.В. СТОГОВА

АДАМ & ЕВА. Альманах гендерной истории.

Под ред. А.Ю. Серегинной. Отв. ред. А.В. Стогова – № 27. Москва: ИВИ РАН, 2019. – 388 с.

ADAM & EVE. Gender History Review.

Chief Editor: Anna Seregina. Editor: Anna Stogova – № 27. Moscow: IGH RAS, 2019. – 388 p.

Альманах «Адам & Ева» – первое в России периодическое издание, специально посвященное проблемам гендерной истории, которая является составной частью междисциплинарного направления в социальном и гуманитарном знании. Авторы используют широкие возможности гендерного анализа в изучении различных исторических эпох и сфер человеческой деятельности, рассматривая прошлое и настоящее сквозь призму взаимоотношений между полами и социокультурных представлений о «мужском» и «женском».

ЭЛ № ФС 77-54410

ISSN 2307-8383

© Коллектив авторов, 2019

© Институт всеобщей истории РАН, 2019

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

АННА СЕРЕГИНА

Редакторы

ЕКАТЕРИНА КИРИЛЛОВА

МАРИЯ НЕКЛЮДОВА

МАЙЯ ПЕТРОВА

АННА СТОГОВА

ОЛЬГА ТОГОЕВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ЛОРИНА РЕПИНА

(Москва)

ИДА БЛУМ

(Норвегия)

МАРИНА ВИНОКУРОВА

(Москва)

КРИСТИНА ВОРОБЕК

(США)

НАТАЛИ ЗЕМОН ДЕВИС

(Канада)

ОЛЬГА ДЕМИДОВА

(С.-Петербург)

ЮРИЙ ЗАРЕЦКИЙ

(Москва)

ГАЛИНА ЗВЕРЕВА

(Москва)

КАТРИОНА КЕЛЛИ

(Великобритания)

МАРИАННА ЛИЛЬЕСТРЕМ

(Финляндия)

НАТАЛЬЯ ПУШКАРЕВА

(Москва)

МИШЕЛЬ ПЕРРО

(Франция)

ЭЛИЗАБЕТ ШОРЕ

(Германия)

СЕМЕН ЭКШТУТ

(Москва)

EDITORIAL BOARD

Chief editor

ANNA SEREGINA

Editors

EKATERINA KIRILLOVA

MARIA NEKLYUDOVA

MAYA PETROVA

ANNA STOGOVA

OLGA TOGOEVA

EDITORIAL COUNCIL

LORINA REPINA

(Moscow)

IDA BLOM

(Norway)

MARINA VINOKUROVA

(Moscow)

CHRISTINE WOROBEC

(USA)

NATALIE ZEMON DAVIS

(Canada)

OL'GA DEMIDOVA

(S.-Petersburg)

JURI ZARETSKIY

(Moscow)

GALINA ZVEREVA

(Moscow)

CATRIONA KELLY

(United Kingdom)

MARIANNE LILJESTROM

(Finland)

NATALIA PUSHKAREVA

(Moscow)

MICHELLE PERROT

(France)

ELISABETH CHEAURE

(Germany)

SEMEN EKSHUT

(Moscow)

ПОЗДРАВЛЕНИЕ	6
ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ПРИДВОРНАЯ КУЛЬТУРА	
Тогоева О.И. Семейная история Амбруаза II де Лоре, или откуда берутся слухи	9
Крылова Ю.П. Целоваться нельзя отказаться? Прием эрцгерцога и эрцгерцогини Австрийских в Блуа (1501)	26
ГЕНДЕРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ	
Шапиро Б.Л. Конструирование квазимужского и феминизированного придворного костюма в XVIII столетии: русская специфика	48
Лисицына О.И. Секс, любовь и брак в контексте российской дворянской культуры конца XVIII — первой половины XIX века	75
Солодянкина О.Ю. Княжна В.И. Туркестанова: загадки Фрейлины-интеллектуалки	113
Юкина И.И. Праведные Марфа и Мария	149
ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОРИЯ ДВОРА	
Зайцева Т.И. Статус вдовы правителя в придворном пространстве Германии и Франции (по материалам современной гендерной медиевистики)	182
ПУБЛИКАЦИИ	
Ноний Марцел Сжатая наука (ввод. статья, пер. и комм. А.А. Павлова)	196
Корреспонденция англосаксонских монахинь в собрании Майкла Тэнгла (ввод. статья, пер. и комм. И.И. Болдыревой)	233
Генри Клиффорд. Жизнеописание леди Джейн Дормер, герцогини Ферия (ввод. статья, пер. и комм. А.Ю. Серegiной)	261
Марианна Эрман. Мое вступительное слово (ввод. статья, пер. и комм. В.А. Думачевой)	350
ГЕНДЕРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ	
Серегина А.Ю. Конференция «Паломничество и чувства». Оксфорд, 7 июня 2019 г.	369
SUMMARIES	376
ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ	382

CONTENTS

- 6 **CONGRATULATIONS**
- GENDER STEREOTYPES AND COURT CULTURE**
- 9 **TOGOEVA O.I.** FAMILY HISTORY OF AMBROISE II DE LORÉ, OR WHERE RUMOURS COME FROM
- 26 **KRYLOVA YU.P.** TO KISS OR NOT TO KISS? THE RECEPTION OF THE ARCHDUKE AND THE ARCHDUCHESS OF AUSTRIA AT BLOIS (1501)
- GENDER REPRESENTATIONS AND SOCIAL STEREOTYPES**
- 48 **SHAPIRO B.L.** DESIGNING A QUASI-MALE AND FEMINIZED COURT COSTUME IN THE 18TH CENTURY : A RUSSIAN SPECIFIC
- 75 **LISITSYNA O.I.** SEX, LOVE AND MARRIAGE IN THE CONTEXT OF RUSSIAN NOBLE CULTURE OF THE LATE 18TH – EARLY 19TH CC.
- 113 **SOLODYANKINA O.YU.** PRINCESS VARVARA TURKESTANOVA: MYSTERIES OF AN INTELLECTUAL MAID OF HONOUR
- 149 **IUKINA I.I.** THE RIGHTEOUS MARTHA AND MARY
- GENDER STUDIES AND COURT HISTORY**
- 182 **ZAYTSEVA T.I.** THE STATUS OF A RULER'S WIDOW AT GERMAN AND FRENCH COURTS IN CONTEMPORARY MEDIEVAL GENDER STUDIES
- PUBLICATIONS**
- 196 **NONNIUS MARCELLUS.** DE COMPENDIOSA DOCTRINA (preface, transl. and comm. by A.A. Pavlov)
- 233 THE CORRESPONDENCE OF ANGLO-SAXON NUNS IN THE COLLECTION OF MICHAEL TANGLE (preface, transl. and comm. by I.I. Boldyreva)
- 261 **HENRY CLIFFORD.** THE LIFE OF JANE DORMER, DUCHESS OF FERIA (preface, transl. and comm. by A.Yu. Seregina)
- 350 **MARIANNE ERHMANN.** MY INTRODUCTORY SPEECH (preface, transl. and comm. by V.A. Dumacheva)
- GENDER REPRESENTATIONS**
- 269 **SEREGINA A.YU.** CONFERENCE "PILGRIMAGE AND SENSES", 7 JUNE 2019, OXFORD
- 376 **SUMMARIES**
- 382 **SUBMISSION INFORMATION**

Центру гендерной истории
Института всеобщей истории
РАН

10 лет

Поздравление

Милостивые государыни!

Ваши друзья столь вас уважают и любят, что день вашего первого круглого юбилея не может не произвести в них всеобщей радости, а особливо, когда вы наслаждаетесь процветанием и благоденствием. Можем ли мы молчать при ликующем возгласе всего научного сообщества? Позвольте и нам в сей драгоценный для всех нас день уверить вас, что едва ли кто-нибудь расположен к вам более нас. Совесть наша уверяет нас в этом. Соединяем наши ликования с восклицаниями других, чтоб изъявить удовольствие, чувствуемое всеми, знающими ваши отличные заслуги и достоинства на ниве гендерной истории и иже с ней. Поздравить вас почитаем своею первою и священнейшею обязанностию, и если приятие оного благосклонно, то мера нашего счастья исполнена.

Мы искренно молим Бога о сохранении вашего спокойствия и благоденствия, нужного для всего общества, а еще более для нас, трепетных и верных ваших авторов и читателей. Ваши достоинства и наша взаимная дружба заменят недостаток нашего красноречия. Сердца наша льстятся надеждою, что вы еще очень долго будете получать подобные поздравления от тех, которые за особливую честь для себя поставляет, с истинным почтением и усердною признательностью оставаться всегда

Вашими покорными и проч.,
Ольга Тогоева и Юлия Крылова,
редакция альманаха
«Казус. Индивидуальное и уникальное в истории»

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ПРИДВОРНАЯ КУЛЬТУРА

О.И. Тогоева

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ АМБРУАЗА II ДЕ ЛОРЕ, или ОТКУДА БЕРУТСЯ СЛУХИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Средние века, Франция, Столетняя война, королевский двор, прево Парижа, бастарды, уголовный суд.

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются возможные истоки слухов, сопровождавших в 1446 г. смерть одного из ближайших соратников Карла VII, активного участника Столетней войны, королевского советника и маршала, прево Парижа Амбруаза II де Лоре. Судебные документы, сохранившиеся в архиве Парижского парламента и королевской канцелярии, позволяют автору выдвинуть предположение о том, что эти слухи лишь отчасти были связаны с профессиональной деятельностью прево. Возможно, в их основе лежал скандал, сопровождавший заключение брака между Амбруазом де Лоре и Гийометтой де Курсерьер, главную роль в котором сыграла Тифани Арнуль, бабушка жениха.

Король Англии постоянно продвигался [вперед] и занимал [разные] города, как в герцогстве Нормандском, так и в графстве Мэн, и не встречал сопротивления ни от кого, если не считать некоторых достойных людей. Среди прочих был там и благородный экуйе по имени Амбруаз де Лоре, державший замок Курсерьер и прикладывавший все силы, дабы найти и захватить англичан¹.

Таковыми словами Жан Жувеналь дез Урсен описывал в «Истории Карла VI» (1430–1440-е гг.) личность Амбруаза II

- 1 **Juvenal des Ursins.** 1861: 540. 'Le roy d'Angleterre tousjours conquestoit et prenoit places, tant en la duché de Normandie que en la comté du Maine, et ne trouvoit aucune résistance, sinon d'aucuns gentilshommes de bonne volonté. Entre les autres y avoit un gentil escuyer nommé Ambroise de Lore, qui estoit dans le chastel de Courceries, et mettoit peine de trouver et attraper les Anglois'.

де Лоре (*Ambroise de Loré*), верного соратника Карла VII, активного участника сражений Столетней войны, а впоследствии — королевского прево Парижа.

Впрочем, первые известия об Амбруазе относились еще к 1415 г., когда он выступил на стороне французов в битве при Азенкуре². Начиная с этого момента, судьба де Лоре оказалась неразрывно связана с партией арманьяков, которую он поддерживал, и лично с дофином Карлом, в бегстве которого 29 мая 1418 г. из Парижа, занятого бургиньонами, он принял самое непосредственное участие наравне с Танги дю Шателем³. На протяжении последующих лет Амбруаз не раз доказывал свою преданность наследнику престола, а затем и королю Карлу VII. Он сражался с англичанами в Мэне, Анжу и Нормандии⁴, весной 1429 г., находясь при дворе в Шиноне, встречал там Жанну д'Арк и сопровождал ее по поручению дофина в Блуа, где собирались королевские войска⁵. Оттуда

-
- 2 Краткую биографию Амбруаза II де Лоре см. в: **Contamine, Bouzy, Héлары**. 2012. 826–827.
 - 3 Подробнее об этой операции см.: **Цатурова**. 2007.
 - 4 Мишель Пинтуэн, монах из Сен-Дени, сообщил в своей «Хронике» об одном таком сражении, имевшем место в графстве Мэн в 1422 г., когда сорок копейщиков под предводительством Амбруаза де Лоре столкнулись с наступающим на них войском англичан. Французский отряд обратил в бегство противника, «оставившего на поле боя более семисот убитых»: **Chronique du Religieux de Saint-Denis**. 1852: 478. 'Et dominus Ambrosius de Lore, milles strenuus Cenomanensis, cum quadraginta lanceis et ultra retrocustoserat... Nichilominus tamen Gallici equestres modo terribili et asperrimo applicuerunt, et Anglici statim fugam ceperunt. Mortui vero in dicto loco numero septingenti et ultra fuerunt reperti'. См. также: **Chronique de la Pucelle**. 1859: 212, 228, 242–243, 248.
 - 5 **Chronique de la Pucelle**. 1859: 278. 'Le roy avoit mandé plusieurs capitaines pour conduire et estre en la compaignee de ladicte Jeanne, et entre autres, le mareschal de Rays, Messire Ambroise de Loré et plusieurs autres, lesquels conduirent ladicte Jeanne jusques en la ville de Blois'. См. также: **Procès en nullité**. 1977: I, 3, 65–66; **Chronique de Charles VII**. 1858: I, 68.

вместе с французской героиней де Лоре направился в Орлеан⁶, где принял самое активное участие в снятии английской осады с города⁷, а затем — по-прежнему вместе с Девой — сопровождал Карла на его коронацию в Реймс в июле 1429 г.

Верность удачливого капитана не осталась безответной. Именно Амбруаза Карл VII назначил командующим войсками в капитулировавшем перед французами Труа, а затем — капитаном Ланьи⁸. В декабре 1429 г. де Лоре стал маршалом и возглавил оборону Сен-Ценери (*Saint-Céneri*), который англичане безрезультатно осаждали в течение последующих пяти лет⁹. Только в 1433 г. крепость пала, а ее капитан оказался захвачен в плен, однако практически сразу же был обменен на Джона Тальбота и отпущен на свободу¹⁰. Уже в 1435 г. по личному приказу Карла VII он был вызван в войска, участвовавшие во взятии Парижа¹¹. Эта операция завершилась удачей: французская столица открыла ворота перед своим государем, который и здесь не забыл о

-
- 6 **Journal du siège d'Orléans.** 1896. 76. 'Le mareschal de Rays et messire Ambroise de Loré, qui par le commandement du roy l'avoyent conduite jusques là...'. См. также: **Chronique de la Pucelle.** 1859: 286.
 - 7 **Journal du siège d'Orléans.** 1896. 104, 112, 119–120; **Chronique de la Pucelle.** 1859: 297, 300–301, 307; **Chronique de Charles VII.** 1858: I, 73–74, 77, 79, 82, 84, 86.
 - 8 **Journal du siège d'Orléans.** 1896. 129. 'Et ce fait, se partist (Карл VII — O.T.) le douziesme jour de septembre, et s'en ala à Laigny sur Marne, dont il se partit le lendemain, et y ordonna cappitaine messire Ambroys de Loré'. См. также: **Chronique de Charles VII.** 1858: I, 96; **Chronique de la Pucelle.** 1859: 334–336, 338–339; **Chronique de Charles VII.** 1858: I, 111.
 - 9 **Chroniques de Perceval de Cagny.** 1902: 185–186; **Chronique de Charles VII.** 1858: I, 110, 154–157.
 - 10 **Chronique de Charles VII.** 1858: I, 164–165; **Œuvres de Robert Blondel.** 1893: 386. Интересно отметить, что в память об исключительной храбрости и выносливости гарнизона крепости и его капитана Амбруаза де Лоре в Сен-Ценери была установлена стена. Это единственный памятник во Франции, посвященный событиям Столетней войны.
 - 11 **Chronique de Charles VII.** 1858: I, 181, 223–228.

верном соратнике. Де Лоре был назначен королевским советником и камергером, а также получил должность прево Парижа, которую занимал 10 лет — с 1436 г. вплоть до самой смерти¹².

На этом посту Амбруаз также показал себя крайне энергичным и успешным человеком. Он прославился многими важными преобразованиями в области судопроизводства и управления городом. И все же, очевидно, далеко не все реформы, предпринятые королевским советником, были встречены парижанами с пониманием. Амбруаз продолжил, в частности, линию своих предшественников по наведению порядка в сфере парижской проституции: он наложил ограничения на пребывание женщин легкого поведения в столице, приказал выделить им особые места для проживания, ужесточил контроль за деятельностью публичных домов¹³. Как следствие, очень скоро по городу стали распространяться самые невероятные слухи о самом прево и о его личной жизни. Так, в «Дневнике» Парижского горожанина сообщалось, что среди столичных «потаскух» (*femmes folieuses*) Амбруаз нашел себе «трех или четырех конкубин», с которыми сожительствовал, несмотря на наличие законной супруги, а потому (вероятно, тайком) поддерживал всех городских проституток и их сутенерш¹⁴.

С одной стороны, появление этих расказней можно было бы легко объяснить профессиональной деятельностью па-

12 Это, однако, не помешало ему принимать участие в последующих военных операциях: *Chronique d'Arthur de Richemont*. 1890: 144–151.

13 *Geremek*. 1991: 256–259; *Toroeva*. 2018: 163–164.

14 *Journal d'un bourgeois de Paris*. 1990: 433. 'On disait pour vrai qu'il avoit 3 ou 4 concubines qui étaient droites communes, et supportait partout les femmes folieuses, dont trop y avoit à Paris pas sa lâchete, et acquit une très mauvaise renommée de tout le peuple, car à peine pouvait-on avoir droit des folles femmes de Paris, tant les supportait, et leurs maquerelles'.

рижского прево. Слухи, которые зафиксировал в своем «Дневнике» Парижский горожанин, начали циркулировать по городу сразу же после смерти Амбруаза де Лоре 25 мая 1446 г. Ровно за день до этого, 24 мая, был опубликован новый королевский ордонанс, ужесточивший положение проституток в столице королевства, и народная молва, возможно, поспешила связать воедино два прискорбных события¹⁵. Тем более, что точно такие же небылицы ходили по Парижу и о предшественнике де Лоре на посту прево — Гуго Обрио (ок. 1320–1382), который также обвинялся в сожителстве с женщинами легкого поведения. Именно он в 1367 г. ввел новое правило расселения проституток в столице, выделив им семь отдаленных районов и запретив появляться в центре города¹⁶.

С другой стороны, в рождении слухов о недостойном поведении верного советника Карла VII могла, на мой взгляд, сыграть его семейная история, наделавшая много шума во Французском королевстве в 1409-1410 гг.

В 1409 г. юный Амбруаз де Лоре, которому на тот момент было около пятнадцати лет, решил жениться. Вернее, о выгодном брачном союзе для своего старшего сына задумалась Мари де Пре, вдова Амбруаза I, сеньора де Лоре. Выбор пал на Гийометту де Курсерьер (*Guillemette de Courceriers*), дочь Гийома, сеньора де Курсерьера, советника герцога Анжуйского, и Жанны д'Авогур (*Jeanne d'Avaugour*), придворной дамы герцогини¹⁷. Семья будущей невесты обладала не

15 **Beaune.** 1994: 196.

16 Подробнее см.: **Favier.** 1974: 80–81; **Rossiaud.** 1988: 12–14, 82–171; **Rossiaud.** 2010: 90, 134–139.

17 Ее брат Луи д'Авогур являлся капитаном королевского войска в 1420-х гг.: **Chronique de la Pucelle.** 1859: 230–231.

только политическим весом, но и завидными земельными владениями: помимо собственно сеньории де Курсерьер, у них имелись замки в Анжу и в Ла Феррьерере. Иными словами, о лучшей партии для Амбруаза II де Лоре не приходилось и мечтать.

Проблема, однако, заключалась в том, что жених не мог похвастаться столь же значительным капиталом. Более того, и его происхождение оставляло желать лучшего: мать Амбруаза, Мари де Пре, являлась незаконнорожденной, поскольку появилась на свет в результате сожителства ее отца, Гийома де Пре (*Guillaume de Prez*), со служанкой Тифани Арнуль (*Thiphaine Arnoul*), которая «некоторое время проживала с ним вместе» (*par aucun temps demeura avec lui*)¹⁸. И хотя дочь сеньор де Пре признал¹⁹ и лично устроил ее брак с Амбруазом I де Лоре, дав за ней вполне достойное приданое, Мари не имела права претендовать на обширные земельные владения отца, которые после смерти этого последнего перешли к единственному законному наследнику – Оливье де Пре, сыну Гийома от его брака с Жанной де Боке. Таким образом, Амбруазу II де Лоре было нечего предложить своему будущему тестю, Гийому де Курсерьеру, тем более, что его блестящая военная и политическая карьера еще даже не началась.

18 Все детали данной истории подробно изложены в так называемом приговоре (*arrêt*), составленном по уголовному делу, возбужденному в Парижском парламенте против Тифани Арнуль, Мари де Пре и Гийома де Курсерьера: **ANF. X 2a 16**. Fol. 60–63v. Именно этот документ и стал основным источником для данной статьи. Все цитаты в тексте, за исключением специально оговоренных, даются по нему. Об обстоятельствах дела см. также: **Angot**. 1894; **Gauvard**. 1991: 575.

19 Подобное признание внебрачных детей их знатными отцами было вполне рядовым явлением во Французском королевстве эпохи позднего Средневековья: **Harsgor**. 1975.

Однако в этот критический момент на исторической сцене появился новый персонаж — бабушка нашего героя, Тифани Арнуль. В отличие от Гийома де Пре, скончавшегося, по-видимому, еще в 1390-е гг., она к 1409 г. была не только жива, но и исключительно активна. Более того, она, как кажется, отнюдь не утратила своей смекалки и предприимчивости, позволивших ей в свое время добиться от собственного хозяина и сожителя признания их общей дочери-бастарда. Напротив, устроив судьбу Мари, теперь Тифани взялась за личную жизнь своего старшего внука.

Именно бабушка Амбруаза отправила к Гийому де Курсерьере и его супруге сватов, сообщая, что «брак между одной из их дочерей с Амбруазом, сеньором де Лоре, молодым экуйе, сыном Мари [де Пре], будет [им] весьма выгоден» (*un mariage seroit bien séant d'une sienne fille à Ambroise, seigneur de Loré, jeune escuier, fils de ladite Marie*). Гийом поначалу решил отказать мадам Арнуль, справедливо заметив, что «молодой экуйе не имеет ни земель, ни [достойного] происхождения, которое равнялось бы его собственному, и о котором никто не слышал» (*le jeune escuier n'avoit pas terre ne lignée avenant ne pareille à soy et que point n'y entendroit*).

Однако подобное развитие событий Тифани, похоже, предвидела, поскольку сваты сразу же заверили своих визави, что в действительности Мари де Пре являлась законнорожденной дочерью Гийома де Пре, иными словами, между ее родителями был заключен церковный брак, который держался в тайне ото всех заинтересованных лиц (прежде всего, от наследника Гийома, Оливье де Пре). Были названы имена свидетелей, якобы присутствовавших при церемонии и готовых подтвердить данный факт. Таким образом, сваты настаивали, что Мари имеет полное право претендовать на часть владений своего покойного отца, которые она не ре-

шалась отсудить у сводного брата лишь потому, что не имела никакой поддержки, тогда как сам Оливье был и остается весьма могущественным сеньором, имеющим множество высокопоставленных друзей. Теперь же — при помощи де Курсерьеров и стоящего у них за спиной герцога Анжуйского — Тифани и Мари намеревались возбудить судебный процесс против Оливье и обрести наконец принадлежащее им по праву наследство. В этом случае Гийометта де Курсерьер получала в мужья знатного и богатого Амбруаза II де Лоре, который к тому же располагал вполне достойной родословной.

Удивительно, но Гийом де Курсерьер поверил посланцам Тифани Арнуль и представленным ему «свидетелям» ее брака с Гийомом де Пре. Он дал согласие на союз своей дочери с Амбруазом, и свадьба была сыграна в 1409 г. Тем не менее, Гийом не забыл об обещаниях Тифани и Мари: он потребовал, чтобы они подали в суд на Оливье де Пре и вернули себе причитающиеся им денежные средства и земли. Мать и дочь действительно начали процесс, обратившись к бальи Турени (*commencèrent procès par devant le bailly de Touraine et des ressors d'Anjou et du Maine à l'encontre de messire Olivier, seigneur de Prez*). Тифани потребовала от пасынка свою «вдовью долю» (*douaire*)²⁰, а Мари — часть наследства Гийома де Пре.

Любопытно, что местные судебные чиновники не отказали двум дамам в возбуждении подобного дела. Объяснялось это, прежде всего, тем, что с момента предполагаемого бракосочетания Тифани Арнуль с сеньором де Пре прошло уже не менее сорока лет, а потому истицы, вероятно, надеялись, что никто и не вспомнит, состоялась ли свадьба в действительности или нет. Тем не менее, они решили подстра-

20 На возвращение *douaire* после смерти супруга могла претендовать только его законная жена: Olivier-Martin. 1992: 276, 652; Тогоева. 2018: 202-216.

ховаться и представили в суд сразу четырех свидетелей, готовых подтвердить законность их притязаний²¹.

Первым из них стал человек знатный — экуюе Жан де Белле (*Jean de Bellée*), который согласился выступить на стороне Тифани Арнуль за деньги: как он признавался затем на допросе в Парижском парламенте, ему заплатили 100 франков. Жюлиот Дюплесси (*Julliotte Duplessis*), женщина неизвестного социального статуса, получила за свои услуги уже значительно меньше — 30 экую, а персонаж по имени Жуше (*Jouchet*) удовлетворился новой одеждой (всего ему было подарено девять предметов гардероба). Наконец, четвертым свидетелем стал некий Колен Боден (*Colin Bodin*) по прозвищу Косоглазый (*Lornerreux*), сыгравший важную роль в переговорах между Тифани Арнуль и Гийомом де Курсерьером: именно он засвидетельствовал перед этим знатным сеньором — в присутствии самой Тифани, Мари и Амбруаза де Пре — что лично присутствовал при заключении брака между Гийомом де Пре и его служанкой и наблюдал крестины их маленькой дочери. Показания Бодена оказались исключительно важными для хода дела, поскольку подтолкнули сеньора де Курсерьера к участию в процессе.

Впрочем, и Оливье де Пре отнюдь не сидел без дела. Напротив, он проявил завидную активность и не стал дожидаться рассмотрения иска, поданного против него в бальяже Турени. В ответ на происки своих «родственниц» он обратился с жалобой к королю и добился переноса процесса в столицу, в Парижский парламент. Местные чиновники приняли дело к рассмотрению, вот почему мы располагаем детальным описанием всей этой запутанной истории: ее пери-

21 Возможно, это были те же люди, которых Тифани предъявила Гийому де Курсерьеру в то время, когда шли переговоры о свадьбе ее внука Амбруаза и юной Гийометты.

петии сохранились на страницах регистров королевского уголовного суда.

Очевидно, что Оливье де Пре оспорил претензии Тифани и ее сообщников, иначе сложно объяснить, почему все четверо «свидетелей» были сразу же по прибытии в Париж посланы на пытку: лжесвидетельство само по себе издавна рассматривалось во Французском королевстве как уголовное преступление²². Угроза физических страданий заставила Колена Бодена сразу же отказаться от прежних показаний и заявить, что «пытать его не имеет смысла, поскольку он ничего не знает» (*pour néant serait-il examiné, car il ne savait rien*). Что до Жюлиотт Дюплесси, то она сказалась беременной (*grosse d'enfant*), что исключало использование дыбы, но в то же время ставило под вопрос ее роль свидетельницы на свадьбе Тифани Арнуль и Гийома де Пре, якобы состоявшейся сорок лет назад: в это время Жюлиотт должна была быть если не младенцем, то слишком юной особой для подобной ответственной миссии.

Так или иначе, но женщину выпустили из тюрьмы, и она укрылась в одном из замков де Курсерьеров в Анжу (*en un hostel fort, nommé La Ferrière, en Anjou*), где ее приняла Жанна д'Авогур, супруга Гийома, служанкой которой Жюлиотт и стала, получая за услуги в качестве платы старую одежду (*une vieille cotte ou houppelande*). Тем не менее, Оливье де Пре все-таки удалось добиться ее повторного ареста: он получил королевское письмо, в соответствии с которым советник Андрие Маршан (*Andrieu Marchant*) и секретарь Парижского парламента Гийом де Бюимон (*Guillaume de Buymont*) разыскали Жюлиотт и бросили ее в тюрьму в Силле — вместе со прочими «свидетелями», которых подкупила в свое время

22 Carbasse. 2014: 64–65, 98–100, 369–370.

мадам Арнуль и которых теперь насчитывалось уже девять человек.

Сама Тифани вместе с дочерью Мари де Пре также были арестованы и помещены в королевскую тюрьму Шатле в Париже. Не избежал заключения и Гийом де Курсерьер, заподозренный (и совершенно справедливо, заметим в скобках) в пособничестве семейству де Лоре. Его посадили в Консьержери, откуда он сумел отправить своим поделницам письмо (также приобщенное к делу), в котором заклинал их, «чтобы они держались своих первых показаний и если что-то противное им сказали, то чтобы заявили, что это было сделано под пыткой» (*pour qu'ils se tinsent bien en leur première déposition et que si aucune chose avoient dit au contraire, qu'ils dissent en sortant du Chastelet que ce avoit esté par force de gehaine*). Тем не менее, именно на пытке — а, вернее, после нее — Тифани Арнуль признала правду. Она показала, что «сеньор де Пре всячески желал жениться на ней, если бы не боялся бесчестья, которое он причинил бы [этим поступком] своим друзьям и детям, [а потому так] и не решился заключить [с ней брак]» (*le seigneur de Prez auroit bien voulu l'espouser s'il n'avoit craint la deshonneur que il feroit a ses amis et enfans maiz pour doubte d'eulx ne l'osoit faire*). В качестве смягчающего ее вину обстоятельства Тифани назвала желание видеть своих внуков преуспевающими людьми (*veant la belle generacion de sadicte fille, desirant que ilz peussent estre avancier*).

Именно эту причину, толкнувшую ее на преступление, бабка Амбруаза II де Лоре назвала и в прошении, с которым она обратилась к королю Карлу VI²³. В нем также говорилось, что ни она, ни Мари де Пре никогда ранее никому «не нано-

23 ANF. JJ 164. Fol. 143-144 (26.05.1410).

силы столь ужасного оскорбления» (*aucun autre villain blâme*), а потому заслуживают помилования. Любопытно, что адвокат просительниц (или нанятый ими нотариус), предусмотрительно оставляя в стороне личность и происхождение Тифани Арнуль, всячески подчеркивал достойное социальное положение ее дочери, вдовы Амбруаза I де Лоре, отец которого являлся шевалье, а сам он верно служил французскому королю. Сама же Мари положила «прекрасное [продолжение этого] рода, [произведя на свет] трех сыновей и дочь» (*belle génération, c'est assavoir trois fils et une fille*). И ее сыновья, добавлял он, «имеют доброе намерение послужить [своему королю] на войне» (*ont aussi lesdits trois fils bonne volonté de servir à la guerre*).

Еще одно письмо о помиловании было выдано на имя Гийома де Курсерьера и ратифицировано Парижским парламентом 26 мая 1410 г. Тесть Амбруаза де Лоре был назван в нем «шевалье, [происходящим] из достойного рода» (*chevalier, de noble génération*), а потому ему в качестве наказания предлагалось уплатить Оливье де Пре всего лишь пятьсот ливров в качестве возмещения морального ущерба.

Вернемся, однако, к нашему главному герою — Амбруазу II де Лоре. Насколько сильно скандал, в который оказались вовлечены практически все его родственники (мать, бабушка и тесть с тещей), отразился на его собственной карьере?

С одной стороны, в 1409 г. Амбруаз уже являлся главой семейства де Лоре как старший сын своего на тот момент покойного отца. Вероятно, он все же принимал самое непосредственное участие в подготовке и заключении брака с Гийометтой де Курсерьер. Тем не менее, молодые супруги ни разу не упоминались ни на страницах уголовного дела, ни в

письмах о помиловании, которые получили их старшие родственники.

С другой стороны, юный экюйе действительно отбыл на войну, как о том сообщалось в прошении его матери, поданном на имя короля. Был ли этот шаг напрямую связан с разразившимся скандалом, сказать, к сожалению, невозможно, однако ясно одно: вся последующая — и весьма успешная — военная и политическая карьера Амбруаза II де Лоре при дворе Карла VII стала, по всей видимости, делом исключительно его рук. Его собственной заслугой, возможно, являлось и получение нового титула: вступив в королевское войско как скромный экюйе, уже в 1422 г. во всех хрониках он именовался шевалье²⁴.

Не менее удачно складывалась и личная жизнь Амбруаза: от Гийометты де Курсерьер он имел сына и дочь, а от второй супруги, Катрин де Марсильи (*Catherine de Marcilly*), баронессы д'Иври, — двух дочерей²⁵. Данное обстоятельство, тем не менее, не помешало возникновению тех неприятных слухов, с которых мы начали свой рассказ и которые ходили по Парижу сразу же после смерти королевского прево. Были ли они на самом деле связаны со скандалом, произошедшим в семействе де Лоре за 25 лет до того? Точного

24 **Chronique du Religieux de Saint-Denis.** 1852: 478; **Chronique de la Pucelle.** 1859: 212. В более поздних титул шевалье применительно к Амбруазу де Лоре также оставался без изменений: **Journal du siège d'Orléans.** 1896. 192, 204. **Chronique de la Pucelle.** 1859: 242, 248, 297, 338.

25 Сказать, когда именно был заключен этот второй брак, не представляется возможным, однако в 1437 г. Амбруаз де Лоре упоминался в источниках уже как сеньор д'Иври: **Chroniques de Perceval de Cagny.** 1902: 231. 'Messire Ambrois de Loré, seigneur d'Yvry et prevost de Paris...'. Одна из дочерей Амбруаза и Катрин, Амбруазина де Лоре, стала супругой Робера VII д'Этувиля, прево Парижа при Карле VII и Людовике XI (1446–1461, 1465–1479) и покровителя Франсуа Вийона, посвятившего Амбруазине одну из своих баллад: **Brunelli.** 1957.

ответа на этот вопрос мы уже, к сожалению, никогда не узнаем. Однако косвенным подтверждением именно такого развития событий может служить история уже упоминавшегося выше предшественника Амбруаза де Лоре, Гуго Обрио. Слухи о его распущенном образе жизни на самом деле объяснялись отнюдь не политикой планомерного преследования парижских проституток. В 1380-1382 гг. прево встал на защиту еврейской общины, подвергшейся нападкам со стороны горожан, что в свою очередь повлекло за собой обвинение Обрио в ереси, и о нем стали поговаривать, что он посещает еврейских женщин легкого поведения. Именно эта деталь сохранилась в памяти потомков, и спустя почти триста лет Анри Соваль писал в своей «Скандальной хронике»:

Это был человек, погрязший в разврате и сладострастии. Тайно он посещал еврейских проституток и замужних женщин, которые предавались с ним самым разнузданным развлечениям... И это было одним из преступлений, в которых обвинил его Университет²⁶.

Что же касается прочих участников этой истории, то о них мы знаем значительно меньше, чем о нашем главном герое. Очевидно, высокое положение при дворе герцога и герцогини Анжуйских позволило Гийому де Курсерьеру и его супруге полностью замять скандал, разразившийся по вине излишне заботливой бабушки Амбруаза де Лоре, Тифани Арнуль, поскольку ни в одном ином французском источнике XV в. мы не найдем никаких упоминаний о состоявшемся судебном процессе. Таким образом, сообщение Парижского горожанина о слухах, ходивших в 1446 г. по сто-

26 **Sauval.** 1910: 51. Стоит заметить, что и с Парижским университетом у Гуго Обрио отношения также не складывались, поскольку прево всячески преследовал студентов, творящих беспорядки в столице королевства: **Le Roux de Lincy.** 1862.

Тогоева О.И. *Семейная история...*

лице Французского королевства, остается, возможно, единственным следом событий, сопровождавших заключение брака между юным экуйе и богатой наследницей владельца сеньора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

ANF. JJ 164 — Archives Nationales de France. Série JJ – Registres du Trésor des chartes. JJ 164, fol. 143–144.

ANF. X 2a 16 — Archives Nationales de France. Série X – Parlement de Paris. Série X 2 – Parlement criminel. X 2a – Registres criminels. X 2a 16, fol. 60–63v.

Chronique d'Arthur de Richemont. 1890 — Gruel G. Chronique d'Arthur de Richemont / Publ. par A. Le Vavas seur. P., 1890.

Chronique de Charles VII. 1858 — Chartier J. Chronique de Charles VII, roi de France / Ed. par A. Vallet de Viriville. P., 1858.

Chronique de la Pucelle. 1859 — Chronique de la Pucelle ou Chronique de Cousinot suivie de la Chronique normande de P. Cochon / Publ. par A. Vallet de Viriville. P., 1859.

Chronique du Religieux de Saint-Denis. 1852 — Chronique du Religieux de Saint-Denis / Publ. par M.L. Bellaguet. T. 6. P., 1852.

Chroniques de Perceval de Cagny. 1902 — Chroniques de Perceval de Cagny / Publ. par H. Moranvillé. P., 1902.

Journal d'un bourgeois de Paris. 1990 — Journal d'un bourgeois de Paris / Ed. par C. Beaune. P., 1990.

Journal du siège d'Orléans. 1896 — Journal du siège d'Orléans, 1428-1429, augmenté de plusieurs documents notamment des comptes de ville, 1429-1431 / Publ. par P. Charpentier et C. Cuissard. Orléans, 1896.

Juvenal des Ursins. 1861 — Juvenal des Ursins J. Histoire de Charles VI, roi de France // Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France / Ed. par J.-A.-C. Buchon. P., 1861.

Œuvres de Robert Blondel. 1893 — Œuvres de Robert Blondel / Publ. par A. Héron. T. 2. Rouen, 1893.

Procès en nullité. 1977 — Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc / Ed. par P. Duparc. 5 vol. P., 1977–1988.

ЛИТЕРАТУРА

Тогоева. 2018 — Тогоева О.И. Дела плоти. Интимная жизнь людей Средневековья в пространстве судебной полемики. М.; СПб., 2018.

Цатурова. 2007 — Цатурова С.К. Танги дю Шатель и успешный заговор чиновников (рыцарь на службе короне Франции) // Человек XV столетия: грани идентичности / Под ред. А.А. Сванидзе, В.А. Ведюшкина. М., 2007. С. 159–180.

Angot. 1894 — Angot A. Tiphaine Arnoul, aïeule d'Ambroise de Loré // La Province du Maine. 1894. P. 168–174.

Beaune. 1994 — Beaune C. La rumeur dans le “Journal du Bourgeois de Paris” // La Circulation des nouvelles au Moyen Age. XXIVe Congrès de la S.H.M.E.S. (Avignon, juin 1993). Rome, 1994. P. 191–202.

Brunelli. 1957 — Brunelli G.A. De la “Ballade de l’Espouse” aux aphrodisiaques du legs de l’Orfèvre // Revue belge de philologie et d’histoire. 1957. T. 35 (3–4). P. 763–770.

Carbasse. 2014 — Carbasse J.-M. Histoire du droit pénal et de la justice criminelle. P., 2014.

Contamine, Bouzy, Héлары. 2012 — Contamine Ph., Bouzy O., Héлары X. Jeanne d’Arc. Histoire et dictionnaire. P., 2012.

Favier. 1974 — Favier J. Paris au XVe siècle, 1380–1500. P., 1974.

Gauvard. 1991 — Gauvard C. “De grace especial”. Crime, Etat et société en France à la fin du Moyen Age. P., 1991.

Geremek. 1991 — Geremek B. Les marginaux parisiens aux XIVe et XVe siècles. P., 1991.

Harsgor. 1975 — Harsgor M. L’essor des bâtards nobles au XVe siècle // Revue Historique. 1975. T. 253 (2). P. 319–354.

Le Roux de Lincy. 1862 — Le Roux de Lincy A. Hugues Aubriot, prévôt de Paris sous Charles V, 1367–1381 // Bibliothèque de l’Ecoles des Chartes. 1862. T. 23. P. 173–213.

Olivier-Martin. 1992 — Olivier-Martin F. Histoire du droit français dès origines à la Révolution. P., 1992.

Rossiaud. 1988 — Rossiaud J. Prostitution médiévale. P., 1988.

Rossiaud. 2010 — Rossiaud J. Amours vénales. La prostitution en Occident, XIIe–XVIe siècle. P., 2010.

Sauval. 1910 — Sauval H. La chronique scandaleuse. Chronique des mauvais lieux de Paris. P., 1910.

Ю.П. Крылова

ЦЕЛОВАТЬСЯ НЕЛЬЗЯ ОТКАЗАТЬСЯ? ПРИЕМ ЭРЦГЕРЦОГА И ЭРЦГЕРЦОГИНИ АВСТРИЙСКИХ В БЛУА (1501)

Ключевые слова: Франция, Испания, позднее Средневековье, дипломатический визит, церемонии приветствия, политические иерархии, гендерные отношения

Аннотация: В статье рассматривается один любопытный эпизод, касающийся посещения Франции эрцгерцогом Австрийским Филиппом Красивым с супругой и приема четы королей в замке Блуа. Немаловажным вопросом этого дипломатического визита было церемониальное приветствие, которое могла позволить себе эрцгерцогиня Хуана, дочь королей Кастилии и Арагона. Существенное значение в этом вопросе имело различие традиций двух соседних стран. В Испании в рамках дипломатического этикета женщины не целовались с мужчинами. О визите упоминают несколько источников, написанных как французами, так и испанцами, чьи мнения разделились. Существенным источником по этому вопросу стал текст неизвестной придворной дамы из свиты инфанты Хуаны. Ее записки свидетельствуют, что за политическими и дипломатическими кулисами могли скрываться проблемы гендерных взаимоотношений.

*Приветствуйте друг друга
святым целованием.
(1 Кор. 16:20)*

Во вторник вечером, седьмого декабря 1501 года, в замок Блуа въехала торжественная процессия. Кортёж возглавляла эрцгерцогская чета: Филипп Красивый, сын Максимилиана I Габсбурга и Марии Бургундской, и его супруга — испанская принцесса Хуана. Грандиозный караван, насчитывавший не меньше 1200 лошадей, выехал из Брюсселя 4

Юлия Петровна Крылова, к.и.н., с.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, julia.p.krylova@gmail.com
DOI: 10.32608/2307-8383-2019-27-26-47

ноября. Целью путешественников была родина эрцгерцогини, далекая Испания, куда супруги ехали для того, чтобы вступить в наследство. После череды смертей в испанском королевском доме — в 1497 г. умер инфант Хуан, за ним Изабелла Арагонская (1498) и ее сын Мигель (1500) — Хуана стала наследницей корон своих родителей Католических королей Фердинанда II Арагонского и Изабеллы Кастильской.

Ее супруг Филипп вступать в наследство не торопился. Когда откладываявшийся по разным причинам визит был, наконец, намечен, к отплытию были подготовлены суда в Брюгге. В этот момент в Брюссель прибыл посол от французского короля Людовика XII, приглашавшего совершить путешествие по суше, проехав через территорию Франции¹. После некоторых колебаний предложение было принято.

Посещение супружеской парой соседнего королевства представлялось современникам беспрецедентным². В запутанных переплетениях международных отношений рубежа XV–XVI это не кажется удивительным. Филипп и Хуана представляли собой олицетворение давних, по некоторым вопросам даже уходящих вглубь веков, конфликтов стран–соседей на европейской сцене. У правителей Франции, Бургундии, Священной Римской империи и Испании находилось множество поводов для выяснения отношений. Эрцгерцог Филипп Красивый был внуком герцога Бургундского Карла Смелого, соперничавшего с французским королем и жаждавшего создания собственного королевства. В то же время Людовик XII был внуком герцога Людовика Орлеанского, убитого в парижском Марэ по приказу герцога Бургундского Жана Бесстрашного. Это из ряда вон выходящее событие способство-

1 Cauchies. 2003: 133–134.

2 Girault. 2013: 191.

вало войне арманьяков и бургиньонов, память о которой была еще жива в умах потомков. Стремясь объединить владения и оградить себя от противников, правители прибегали к династическим бракам. «Дележ» невест стал еще одним поводом для разногласий между Францией и Империей. Отец Филиппа Красивого Максимилиан Габсбург, женившись на Марии Бургундской, увел выгодную партию вместе с «бургундским наследством» из-под носа Людовика XI. Однако через некоторое время сын последнего, король Карл VIII, «отбил» герцогиню Анну Бретонскую с ее землями у овдовевшего к тому времени Максимилиана. С Испанией дела обстояли не лучше. У обеих стран имелись давние династические поводы для притязаний на Неаполитанское королевство, Сицилию и Наварру. Союз основных противников Франции в лице супружеской пары Филиппа Красивого и Хуаны Безумной стал угрозой для королевства и определил основное содержание внешнеполитической истории Европы на долгое время³. Временный компромисс между Людовиком XII и императором был достигнут осенью 1501 г. Согласно заключенному в Тренто (Тридент) договору предполагался брак между сыном Филиппа Красивого Карлом Габсбургом и дочерью Людовика XII Клод Французской. Именно в таких обстоятельствах начиналось долгое путешествие эрцгерцогской четы по направлению к Испании.

Подробности путешествия через пол-Европы, включая встречу в Блуа королем и королевой, оказались зафиксированными в большом количестве разнообразных источников. Среди них записи официальных историографов, свидетельства очевидцев, дневниковые заметки, письма. События освещали авторы, принадлежавшие ко всем заинтере-

3 Малов. 1993: 393–394.

сованным сторонам: французской, бургундской, имперской, испанской. В частности, визиту во Францию, и особенно по посещению замка Блуа, посвятил одну главу хроники королевский историограф Жан д'Отон⁴. Бургундский взгляд на происходящее был довольно подробно изложен Жаном Молине в хронике, которую он продолжал вслед за своим учителем Жаном Шатленом⁵. Обстоятельно, со всеми возможными деталями, описал путешествие в Испанию юный камергер Филиппа Красивого Антуан де Лален⁶. Его текст использовали бургундские историки в своих хрониках⁷. Не менее подробный рассказ содержится в так называемой «Венской реляции», составленной, несомненно, очевидцем событий из бургундской свиты, имя которого до сих пор не установлено⁸.

Однако совершенно особенным источником об этом событии стала, на наш взгляд, еще одна анонимная «*relation*», известная в литературе как «Реляция Дюпюи–Годфруа»⁹. Название сочинению дали современные издатели, поскольку оригинал не сохранился, а текст известен лишь в рукописях и изданиях эрудитов XVII — нач. XVIII вв.¹⁰. По жанру это мало отличающийся от прочих протокол, фиксирующий подробности и нюансы эрцгерцогского путешествия, облада-

4 **Chroniques de Louis XII.** 1891: 205–211.

5 **Chroniques de Jean Molinet.** 1828: 168–182.

6 **Collection.** 1876: 121–340. Здесь же опубликованы выдержки из писем эрцгерцога Филиппа наместнику Нидерландов Энгельберту графу Нассау и др., которые также будут использованы далее в работе.

7 **Chatenet, Girault.** 2010: 14.

8 **Reise des Erzherzogs Philipp.** 1841.

9 Этому тексту недавно была посвящена большая работа: **Chatenet, Girault.** 2010. Публикация источника: **Chatenet, Girault.** 2010: 101–135. См. рецензию на книгу: **Крылова.** 2012: 370–374. Далее в статье текст именуется «Реляция».

10 BNF. MS. Dupuy. 325: 19–40; **Le cérémonial français.** 1649: 713–735.

ющий чертами как хроники, так и дневника. Между тем, основной его интерес состоит в неизвестном авторе и его взгляде на описываемые события. Исследователями этого текста М. Шатне и П.-Ж. Жиро была выдвинута и обоснована гипотеза, согласно которой автором по ряду причин (интерес к дамской одежде, доступ в женские покои и проч.) определено могла быть только женщина. Она, скорее всего, состояла в свите эрцгерцогини Хуаны и ехала с ней из бургундских владений ее мужа. Исследователи предполагают, что это могла быть придворная дама Хуаны Элеонора де Пуатье (1444/46–1509), известная сочинением о придворном церемониале¹¹, которая по своему положению должна была бы присутствовать на описываемом мероприятии. Если же текст составила не она, то это была, возможно, дама из ее окружения, поскольку издатели «Реляции» находят стилистические заимствования из сочинения Элеоноры¹².

Данный текст интересен даже не столько конкретной личностью неизвестного автора, сколько ее взглядом на те или иные нюансы придворного этикета во время встреч и визитов, происходивших в течение длительного путешествия. Одним из таких моментов, волновавших автора, была проблема обмена приветственным поцелуем гостями и принимающей стороной. А точнее, кого именно могла позволить себе целовать эрцгерцогиня? Вопрос представлялся не таким простым, учитывая множество ипостасей Хуаны: супруга суверена Нидерландов и в то же время вассала французского короля в качестве герцога Бургундского, но вместе с тем наследница испанских корон и лицо женского пола. Осложняло ситуацию кардинальное различие традиций. В

11 **Eléonore de Poitiers.** 1998: 75–137.

12 **Chatenet, Girault.** 2010: 96.

Испании даже в рамках дипломатического этикета женщины не целовались с мужчинами. Во Франции же поцелуй вышестоящего (и тем более короля) нижестоящей или равной был принятым элементом придворной церемонии встречи гостей¹³. Вопрос чести дамы и наследницы престола казался чрезвычайно важным в данной ситуации, во всяком случае, для испанской стороны. Не менее актуальным он был, судя по всему, и для составительницы «Реляции». На всем протяжении текста она упоминает, кого поцеловала, а кого нет, герцогиня и что «по испанскому обычаю она не поцелует ни одного мужчину»¹⁴. Не исключено, что анонимная составительница текста невольно постоянно акцентирует на этом внимание по причине своего происхождения. Во-первых, она была женщиной, а во-вторых, если принять гипотезу, что речь идет об Элеоноре де Пуатье, то важно отметить, что она тоже имела пиренейские корни. Ее матерью была Изабелла де Суза, приехавшая в Бургундию в свите новой герцогини — Изабеллы Португальской, и происходившая из побочной ветви Португальского королевского дома¹⁵.

Вопрос мог иметь животрепещущее для некоторых персонажей этой истории значение отчасти из-за того, что при встрече подобного уровня (как, впрочем, и в большинстве других случаев) был принят поцелуй именно в губы.

Этот жест имел древнейшую историю и множество смыслов. Как символ единения, он находил применение во многих

13 В первой половине XVI в. в учебниках по обучению манерам говорилось, что женщин приветствуют только поцелуем в губы в отличие от мужчин. См.: **Bonnaffé**. 1893: 616.

14 **Voyage en France et réception à Blois**. 2010: 106.

15 **Paviot**. 1996: 75–76. Отец Изабеллы де Сузы происходил от бастарда короля Альфонса III.

сферах: от сакральной до эротической¹⁶. Несмотря на повсеместную распространенность (а поцелуй в щеку при встрече и других случаях — изобретение более современное), его восприятие не было обыденным и заурядным явлением. Исследователи полагают, что в Средневековье в поцелуй вкладывали больше, чем в наше время, по причине «особенной чувствительности поведения» в то время¹⁷. Он не был чем-то условным, но всегда переживался физиологически и психологически¹⁸. Средневековые мыслители не обходили стороной этот вопрос, поскольку он был теснейшим образом связан с богословскими рефлексиями и толкованием библейских текстов. Комментируя «Песнь песней», Бернар Клервосский и Гийом де Сен-Тьерри писали о «соединении духов» в поцелуе¹⁹. В XII в. Гонорий Августодунский писал: «в поцелуе плоть соединяется с плотью, дух соединяется с духом»²⁰.

Эти представления находили свое символическое применение в процедуре принесения вассальной присяги верности. Вассал становился «человеком рук и уст» сеньора, вкладывая свои руки в его и обмениваясь с ним поцелуем. Ритуал восходил к древнейшим верованиям, подтверждающим дыханием или слюной совершение обмена. От первоначального обряда осталось главное символическое значение — поце-

16 Эти «крайние» смыслы — любовный поцелуй и литургический *osculum pacis* — не будут рассматриваться в данном обзоре, поскольку выходят за рамки интересующего нас сюжета. Хотя исследователи отмечают, что, несмотря на омонимичность понятий, и любовный, и ритуальный, и этикетный поцелуи принадлежат генетически к сфере сексуального, с присущими ему мифопоэтическими коннотациями (плодородие, изобилие). См.: Байбурин, Топорков. 1990: 52.

17 Carré. 1992: 25.

18 Carré. 1992: 31.

19 Dictionnaire des symboles. 1990: P. 97–98.

20 Цит. по: Carré. 1992: 11.

луй делал равным²¹. Женщины, так же, как и простолюдины, принося, при необходимости, оммаж, чаще исключались, судя по всему, из ритуала поцелуя (хотя многое зависело от времени, места и конкретных участников процесса²²). Однако необходимо отметить, что именно вопрос поцелуя нередко дискутировался в трудах интеллектуалов Средневековья. Отмечалась опасность обмена поцелуем представителями одного пола (мужчинами), невозможность/нежелание женщин участвовать в ритуале по причине «непристойности» явления (это же относилось и к монахам). С конца XIII века ситуация, похоже, начала меняться, и уже в XVI в. процедура поцелуя при принесении оммажа практически сходит на нет²³. Что же касается женщин, то составители кутюм во Франции Нового времени все еще продолжали обсуждать вопрос уместности целования, придерживаясь зачастую диаметрально противоположных точек зрения²⁴.

С древнейших времен одной из функций поцелуя было приветствие, в том числе гостей. В Средние века он продолжал оставаться непременным атрибутом дипломатических встреч, однако также имел свои нюансы в зависимости от статуса участников процесса. Дамы королевской крови (что нас интересует в первую очередь) не исключались из этого ритуала, о чем красноречиво свидетельствуют, к примеру, миниатюры. Однако к концу Средневековья в Европе и эта функция поцелуя постепенно исчезает, находя свое выраже-

21 **Ле Гофф.** 2000: 225.

22 **Major.** 1987: 513; **Ле Гофф.** 2000: 234.

23 **Major.** 1987: 514 и далее.

24 **Major.** 1987: 521.

ние теперь лишь только в родственных, любовных и дружеских связях²⁵.

В анализируемой нами истории ситуация осложнялась еще тем, что ее участниками были король Франции с одной стороны и наследница престола соседней страны — с другой. В 1202 г. папа Иннокентий III в декретах «*Per venerabilem*» заявил, что среди светских властей нет никого выше короля Франции. Он не может быть ничьим вассалом — ни в своей стране, ни в любой другой, — включая императора²⁶. В «Трактате о коронации», выполненном для Карла V в 1372 г., Жан Голен пишет:

пребывать королем Франции достоинство высшее, нежели быть императором либо королем в каком ни на есть прочем королевстве²⁷.

Таким образом, нет светского сеньора, который мог бы быть равным французскому королю. Но немаловажным в восприятии самого себя монархом и его подданными было то, что, как писал аббат Сугерий в XII в., король — викарий Бога, несущий в себе Его живой образ²⁸. Благодаря помазанию он становился, по выражению Жана Жувеняля дез Урсе-

25 Carré. 1992: 105–106, 113. Надо отметить, что исчезновение приветственного поцелуя в губы трудно поддается датировке, поскольку источники не всегда уточняют, о каком именно виде приветствия идет речь. Если для раннего периода был характерен поцелуй в губы, то к началу Нового времени ситуация не настолько очевидна. Позиция составителей словаря «*Dictionnaire du moyen français*» (<http://atilf.fr/dmf>) считать просто *baiser* поцелуем в щеку, а *baiser au bouche* — в губы не представляется достаточно оправданной. Интересно отметить для сравнения, что, согласно заметкам иностранцев о Московии XVI–XVII вв., последних чрезвычайно удивляла русская практика приветственных поцелуев. Байбурин, Топорков. 1990: 53–56.

26 Цит. по: Carré. 1992: 203. См. подробнее: Фавье. 2001: 111–126.

27 Отрывки. 1998: 640.

28 Цит по: Carré. 1992: 268.

на, «церковным прелатом»²⁹. Во время коронационной литургии король священнодействует как церковное лицо. Эта служба демонстрирует священный аспект королевской власти, а само таинство омывает его грехи³⁰. Высказывания современников были, разумеется, эмоционально преувеличены, в том числе и в политических целях, особенно это касалось позднего Средневековья. Короли, естественно, не могли совершить таинство Евхаристии, однако, и обычными мирянами тоже себя не считали³¹.

Были ли эти аспекты существенны для авторов источников, упоминавших приветствие французского короля и эрцгерцогини? Придавали ли им вообще какое-либо значение в придворно-дипломатической среде в начале XVI в.? Или могли иметь место дополнительные факторы, о которых мы не знаем?

Каждый из авторов сохранившихся текстов по-своему описывает визит австрийцев во Францию и подробности встречи с королевской четой. Многие зависело от того, присутствовали ли они лично на церемонии, где находились в момент интересующего нас события, что им было видно и слышно с их места. Как отмечалось выше, французский хронист Жан д'Отон в «Хронике Людовика XII» не упоминает, как именно король приветствовал инфанту Хуану, ограничиваясь общими словами, что гости «были ласково встречены, любезно приняты и <что с ними> торжественно обошлись»³².

29 Цит по: Блок. 1998: 315.

30 Carré. 1992: 286–289.

31 Блок. 1998: 282–283 и далее.

32 *Chroniques de Louis XII*. 1891: 210. Первый секретарь эрцгерцога Филипп Анетон также, судя по всему, не зафиксировал встречу гостей, описав лишь деловые вопросы визита. См. частичную публикацию: *Recueil*. 1876: 342.

Бургундский хронист Жан Молине более пространно повествует о встрече высокопоставленных персон. Он сообщает о передвижениях главных персонажей рассказа, их сопровождающих, количестве поклонов. Об интересующем нас моменте он пишет следующее:

король поцеловал мадам эрцгерцогиню, но прежде спросил, доставит ли ей это удовольствие (*bon plaisir*)³³.

Составитель «Венской реляции» также немногословен по этому поводу. Описав подробно все *honneurs*, которые продемонстрировал эрцгерцог по отношению к королю, в отношении Хуаны он упоминает лишь, что король «ее поцеловал и таким образом ее принял (*recueilla*)»³⁴. Примерно о том же пишет дипломат и советник Максимилиана Габсбурга и Филиппа Красивого Пьер Аншман в письме канцлеру Бургундии Тома де Плэну:

когда она <эрцгерцогиня> сделала первый реверанс, он быстро подошел (*courut*) к ней, поцеловал и самым приличным образом обнял (*ambrassa d'une bonne et honneste façon*)³⁵.

В подробнейшем описании путешествия в Испанию четы эрцгерцогов Австрийских сопровождавшего их Антуана де Лалэна поцелуй отсутствует вовсе. Он упоминает лишь, что «король подошел к ней (*marcha au-devant d'elle*) и оказал ей очень хороший (*très-bon*) прием»³⁶. Скорее всего, Лалэн находился достаточно далеко, поскольку он сообщает, что представший перед королем незадолго до Хуаны Филипп о чем-то говорил с Людовиком, но автор сообщает, но тихий

33 *Chroniques de Jean Molinet*. 1828: 174.

34 *Reise des Erzherzogs Philipp*. 1841: 567.

35 *Lettre de Pierre Anchemant à Thomas de Plaines*. 2010: 137.

36 *Voyage de Philippe le Beau en Espagne*. 1876: 136.

разговор ему не был слышен (*les paroles pacifiques...sont absconsées*).

Описание оказанного приема записал и сам главный герой событий — Филипп Красивый — в письме к графу Нассау. Он скорее должен был бы знать все обстоятельства встречи. По его версии, которую он счел необходимым сообщить наместнику Нидерландов, во время своего третьего реверанса по отношению к монарху, тот «приблизился к нам... обнял, поднял и поцеловал... и то же оказал нашей супруге»³⁷. Он сужает временной промежуток, существовавший между приемом его самого и его супруги, создавая у читателя ощущение, что они были приняты одновременно и приветствие у них было одинаковое. Однако, как мы увидим далее, из-за многочисленной толпы они не могли быть приняты вместе, и оказанная им королем честь также отличалась.

Еще одно любопытное мнение по интересующему нас сюжету оставила испанская сторона. В более поздней «Хронике Филиппа I называемого Красивым» Лоренсо де Падилья рассказывал, как, с его точки зрения, могли развиваться события:

король приблизился к принцессе и выразил ей величайшее почтение, и не поцеловал ее <даже> в щеку (*no la saludó en el carrillo*), потому что знал, что это не принято в Испании³⁸.

Выражение почтения и приветствия дамы в виде поцелуя руки — явление, которому еще только предстоит укрепиться в будущем. Пока же поцелуй даже в щеку инфанты (пусть и королем!) считался вопиющим случаем нарушения традиций. Испанский автор с трудом мог себе представить,

37 **Extrait.** 1876: 376.

38 **Chronique de Lorenzo de Padilla.** 2010: 145.

чтобы инфанта пошла на уступку и последовала принятому в другой стране «неприличному» обычаю приветствия.

Анонимная сочинительница «Реляции», похоже тоже была озабочена вопросом приветственного поцелуя. По сути, вопрос, кто кого целовал при встрече на протяжении путешествия, проходит через весь текст. Хуана и Филипп целуют встречающих и наносящих визиты дам (соответствующих по статусу), детей — отпрысков благородных кровей, реликвии в церквах. Иногда они кого-то не целуют по им известным причинам, хотя, возможно, должны были бы (или могли бы), и это тоже считает нужным отметить автор. Обычно составители хроник или дневниковых записей редко сообщают, что те или иные персонажи *не сделали*. Если же наша очевидица событий акцентирует внимание на том, что герои ее повествования не сделали, значит это вызывало у нее собственные рефлексии, или же она считала нужным отметить это специально для адресата ее записок.

Уже в первые дни пребывания гостей на французской земле, в городе Сен-Кантен, автор сообщает о существовании «проблемы» обмена поцелуем. К границе своих владений король отправил торжественный эскорт встречать высоких гостей. Во главе принимающей стороны стоял граф де Линьи — Луи де Люксембург-Сен-Поль, советник и камергер короля, сын всем известного по воспоминаниям Филиппа де Коммина коннетабля де Сен-Поля, и племянник предыдущей французской королевы Шарлотты Савойской. Обменявшись соответствующими учтивыми приветствиями с эрцгерцогом, граф отправился приветствовать его супругу:

<она> не поцеловала вышеуказанного графа де Линьи, но <он> был предупрежден до <их> въезда в королевство, что по обычаю Испании <она> не будет целовать никаких мужчин и что она целует лишь короля. По каковой причине вышеназванный сеньор

де Линьи не приблизился к ней, также сделали и другие из этого королевства³⁹.

Следующий раз о непривычном для французов отказе от их обычая речь заходит, когда кортеж приблизился к окрестностям Блуа. Встречающих было около 500–600 человек, согласно наблюдениям автора, и она называет только мужчин. Они выказали свои приветствия издали, «поскольку, как было сказано выше, она [эрцгерцогиня — Ю.К.] не целовала никого, по этой причине <они> и не приближались»⁴⁰. Около герцогини остаются, как мы узнаём, некоторые благородные сеньоры, но, как оказывается, это священнослужители и дети. Дама сообщает, кто сопровождает далее в пути Хуану:

и был перед ней монсеньор Алансонский, и маркиз Монферратский около него по левую сторону. По правую руку от эрцгерцогини ехал архиепископ Кордовский, испанский посол, а слева — кардинал Сен-Жорж⁴¹.

Шарлю, герцогу Алансонскому и будущему зятю короля Франциска I, было на тот момент 12 лет. Маркиз Монферратский — Гийом IX Палеолог — был постарше, ему минуло 15.

Итак, седьмого декабря вечером кортеж высокопоставленных сеньоров достиг, наконец, королевского замка Блуа. Первым Людовик XII встретил эрцгерцога Филиппа. Из-за огромного скопления людей герцогиня смогла войти в зал существенно позже своего супруга. Видимо, составительница записок была где-то рядом с ней, поскольку она сообщает подробности, о которых умалчивают прочие источники:

39 *Voyage en France et réception à Blois*. 2010: 106.

40 *Voyage en France et réception à Blois*. 2010: 125.

41 *Voyage en France et réception à Blois*. 2010: 125–126.

на входе <эрцгерцогиня> была спрошена громким голосом, *поцелует ли она короля*, о чем она осведомилась у епископа Кордовского, каковой ей ответил, что да, и <она> ответила вышеуказанной персоне “да”⁴².

Оказывается, все было не совсем так, как это описывал Жан Молине, и что король не затевал с гостьей разговор прежде, чем поприветствовать ее. Людовик, увидев, что Хуана входит в зал, проявил себя чрезвычайно гостеприимным хозяином, позволив себе несколько отступить от принятого этикета. Он подошел встречать ее практически к дверям (*jusques à l’huis*), из-за чего она успела сделать лишь два реверанса (*honneurs*) из положенных трех. При встрече ее супруга Людовик продвигался медленно к гостю, ожидая пока тот совершит все три намеченных поклона. Король с непокрытой головой (и это тоже не ускользает от внимательной зрительницы) поцеловал эрцгерцогиню и под руку повел туда, где их уже ожидал Филипп. Рядом с ним находился монсеньор Ангулемский, которого Хуана поцеловала сама. Автор не оговаривает никаких условий этого второго поцелуя и никак не комментирует его. Лишь сверившись с датами, мы понимаем почему: перед нами вновь ребенок. Графу Ангулемскому, будущему королю Франциску I, было в тот момент 7 лет. Таким образом, в интерпретации анонимной дамы событие усложняется и обретает новые черты. Позволив монарху поприветствовать себя приятным во Франции образом, Хуана заслужила ответную любезность: ей была оказана встреча на более высоком уровне, чем ее мужу, на которую она по своему статусу жены эрцгерцога Австрийского не могла бы претендовать.

42 Voyage en France et réception à Blois. 2010: 127.

Еще одним немаловажным нюансом, оказавшим возможное опосредованное влияние на всю эту историю, было заключение в том же году предварительного договора, в рамках которого обсуждался вопрос брака Карла Габсбурга и принцессы Клод. Именно во время визита в Блуа произошло знакомство эрцгерцогов Австрийских с будущей невесткой. А 14 декабря в замке был торжественно отмечен мирный договор между державами, подкрепленный соглашением о будущем браке ныне двухлетней Клод и полуторагодовалого Карла. Таким образом, с обеих сторон в Блуа встретились практически родственники⁴³ — предполагаемые сваты⁴⁴. Возможно, осознание этого факта также сыграло роль в изменении дипломатического этикета и способствовало уступке испанской стороной непривычным традициям соседей.

Однако эта история могла иметь и дополнительные коннотации, не видимые свидетелям, присутствовавшим при встрече короля Франции и наследной испанской принцессы, но известные окружению Хуаны. Инфанта была чрезвычайно благочестива и не любила публичных приемов. Пребывая в замке Блуа, она чаще всего проводила время в церкви или в своей комнате. По свидетельству «Реляции Дююи-Годфруа», при встрече король сказал Хуане, что знает о ее желании быть лишь среди дам, а потому оставляет ее в женской компании во главе с королевой. Между тем, наравне с ее возможной стеснительностью во время офици-

43 Хотя Филипп Красивый и так являлся дальним родственником Людовика XII (их общим предком был король Франции Иоанн II Добрый (1319–1364)), но нас в данном случае интересует позиция испанской инфанты Хуаны.

44 Брак, как известно, не состоялся. Клод Французская была выдана замуж за своего троюродного брата, наследника престола Франсуа, графа Ангулемского, будущего короля Франциска I. Карл V женился на своей двоюродной сестре Изабелле Португальской.

альных церемоний и прочих многолюдных мероприятий, современники подозревали у нее проблемы ментального характера. Неслучайно, в истории за ней останется прозвище «Безумная». Усугубляло состояние инфанты (или же было следствием) ее страстная любовь к мужу⁴⁵. Вспышки гнева и ревности не были секретом для приближенных. Ее супруг, также неспроста прозванный «Красивым», не отказывал себе в удовольствии общаться с дамами, что вызывало новые обострения состояния Хуаны. Она вела замкнутый образ жизни в женском кругу. Остается вопрос: было ли это следствием сложившихся жизненных обстоятельств в чужой стране и окружении, следствием психической болезни, сурового благочестия или даже мизандрии? Во всяком случае, известно, что и мужчинам ее двора доставалось от неадекватного поведения принцессы⁴⁶. Зная об этом, отец Филиппа Максимилиан Габсбург даже предлагал ему совершить путешествие отдельно от супруги⁴⁷.

В хитросплетениях всех этих обстоятельств должен был произойти центральный пункт дипломатического приветствия королем Франции испанской принцессы. Непривычная к подобному ритуалу, Хуана могла переживать чрезвычайно остро необходимость обмениваться поцелуем, воспринимавшимся в принципе в средневековой культуре более эмоционально выражено, с незнакомым мужчиной, пусть даже монархом соседней страны и отчасти почти «церковным лицом». Все происходящее могло иметь для нее и эротический оттенок. Она любила своего мужа до безумия (*fou*), страдала

45 **Cauchies.** 2003: 232.

46 Однажды ее первый камергер Шарль де Крузи побоялся идти по ее зову к ней в одиночку и позвал с собой своего родственника Филиппа де Ланнуа. В ярости Хуана побила их палкой (**Cauchies.** 2003: 232–233).

47 **Chatenet, Girault.** 2010: 43, сн. 46.

от ревности к придворным дамам, мстила им за интерес, который испытывал к ним Филипп⁴⁸, и при этом она должна была «соединиться духом», если использовать средневековую терминологию, с другим мужчиной на глазах многочисленной публики и самого супруга (хотя, возможно, он этого и не видел, поскольку находился в отдалении). При психической нестабильности этот эпизод мог быть воспринят ею не просто как дипломатический ритуал, но стать источником напряженных переживаний нравственного толка, усугубленных присутствием множества свидетелей.

Возможно, исследовательской проблемы могло бы и не быть, если бы не сохранился женский текст «Реляции». Авторы-мужчины не дополняли своими комментариями-впечатлениями сухие факты, поскольку не видели ничего выходящего за рамки традиционных действий в данной ситуации. Они наблюдали за происходящим со стороны, или даже пересказывали чужие сведения. Французских авторов, включая самого эрцгерцога Филиппа, мало интересует этот щекотливый аспект дипломатического этикета. Они либо вовсе оставляют его без внимания, либо просто констатируют свершившийся факт («король ее поцеловал»)⁴⁹. Напряженность усиливается, когда мы обращаемся к женскому тексту. Неизвестная нам придворная дама проживала события как бы изнутри, через призму собственного эмоцио-

48 Согласно свидетельству одного из очевидцев, она ударила некую даму и велела остричь ее светлые волосы, которые нравились эрцгерцогу Филиппу. (Cauchies. 2003: 232).

49 Так, например, в своем описании путешествия эрцгерцогов в Испанию Антуана де Лалэн упоминает про отличный от французов испанский обычай, когда король Наварры приветствует инфанту Хуану «без поцелуя по моде Испании» (*Voyage de Philippe le Beau en Espagne*. 1876: 147. См.: *Chatenet, Girault*. 2010: 43, сн. 43). Однако он просто констатирует факт, не проявляя к нему особенного интереса.

нального восприятия. Вероятно, находясь в ближайшем окружении инфанты Хуаны, она знала обо всех особенностях ее характера и поведения, внутренне ожидала и готовилась к встрече «на высшем уровне». В отличие от испанского хрониста она отнюдь не порицает «непристойные» французские обычаи гостеприимства. Описывая события, предшествующие встрече короля и инфанты, она как будто интригует читателя, заставляет его ждать в предчувствии грядущего события: будет ли соблюден принятый ритуал или нет? Как поведет себя Хуана? Подобный нарастающий внутренний накал, достойный романиста Нового времени, был, видимо, следствием характера самого источника и отношением к происходящему его автора. «Реляция», судя по всему, писалась не единым текстом, а в виде ежедневных заметок о случившихся за день событиях. Именно поэтому в нем сильно личное отношение автора, размышляющего о происходящем «по свежим следам». Мы как бы читаем между строк ее внутренние размышления об увиденном и о том, что еще предстоит. Мы никогда не узнаем, что думала Хуана Безумная и как переживала необходимость соответствовать в своем поведении дипломатическому этикету. Однако «отголоски» ее чувств мы можем услышать в напряженном ожидании оставшейся нам неизвестной придворной дамы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Отрывки. 1998 — Отрывки из «Трактата о коронации» Жана Голена и анализ этого текста // Блок М. Короли-чудотворцы: очерки представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998. С. 637-652.

Chronique de Lorenzo de Padilla. 2010 — Chronique de Lorenzo de Padilla (Crónica de Felipe I, llamado el Hermoso) // Chatenet M., Girault P.-G. Fastes de cour. Les enjeux d'un voyage princier à Blois en 1501. Rennes, 2010. P. 144-149.

Chroniques de Jean Molinet. 1828 — Chroniques de Jean Molinet / Publ. par J.-A. Buchon. T. 5. P., 1828.

Chroniques de Louis XII par Jean d'Auton. 1891 — Chroniques de Louis XII par Jean d'Auton / Ed. R. de Maulde La Clavière. T. 2. P., 1891.

Eléonore de Poitiers. 1996 — Eléonore de Poitiers. Les Etats de France (Les honneurs de la cour) // Annuaire-bulletin de la Société de l'histoire de France. Année 1996. P., 1998. P. 84-118.

Extrait. 1876 — Extrait des lettres escriptes à monsr de Nassau et monsr le chancelier par monseigneur l'Archiduc de la ville de Blois le xe jour de decembre // Collection des voyages des souverains des Pays-Bas. / Publ. par L.-P. Gachard. Bruxelles, 1876. T. 1. P. 373-377.

Le cérémonial français. 1649 — Le cérémonial français...recueilly par Th. Godefroy et mis en lumière par D. Godefroy. P., 1649. T. II.

Lettre de Pierre Anchemant à Thomas de Plaines. 2010 — Lettre de Pierre Anchemant à Thomas de Plaines, chancelier de Philippe le Beau // Chatenet M., Girault P.-G. Fastes de cour. Les enjeux d'un voyage princier à Blois en 1501. Rennes, 2010. P. 136-140.

Recueil. 1876 — Recueil en forme d'histoire fait par le premier secrétaire du roi de Castille Philippe Haneton, contenant les titres, actes et traitez faits entre le roi Louis XII et ledit roi de Castille depuis l'an 1498 jusques en l'année 1507 // Collection des voyages des souverains des Pays-Bas. / Publ. par L.-P. Gachard. Bruxelles, 1876. T. 1. P. 341-344.

Reise des Erzherzogs Philipp. 1841 — Reise des Erzherzogs Philipp nach Spanien, 1501 // Die Handschriften der k.k. Hofbibliothek

in Wien im Interesse der Geschichte, besonders der österreichischen. / Hrsg.: J. Chmel. Band II. Wien, 1841. S. 554-655.

Voyage de Philippe le Beau en Espagne. 1876 — Voyage de Philippe le Beau en Espagne en 1501 par Antoine de Lalaing, Sr de Montigny // Collection des voyages des souverains des Pays-Bas. / Publ. par L.-P. Gachard. Bruxelles, 1876. T. 1. P. 123-340.

Voyage en France et réception à Blois. 2010 — Voyage en France et réception à Blois de Philippe le Beau et de Jeanne de Castille (Ms. Dupuy 325) // Chatenet M., Girault P.-G. Fastes de cour. Les enjeux d'un voyage princier à Blois en 1501. Rennes, 2010. P. 101-135.

ЛИТЕРАТУРА

Байбурин, Топорков. 1990 — Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л., 1990.

Блок. 1998 — Блок М. Короли-чудотворцы: очерки представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998.

Крылова. 2012 — Крылова Ю.П. Двор Людовика XII глазами женщины. Рец. на: Chatenet M., Girault P.-G. Fastes de cour. Les enjeux d'un voyage princier à Blois en 1501. Rennes, 2010 // Средние века. Вып. 73 (1-2). М., 2012. С. 370-374.

Ле Гофф. 2000 — Ле Гофф Ж. Символический ритуал вассалитета // Ле Гофф Ж. Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С. 211-262.

Малов. 1993 — Малов В.Н. Великие географические открытия. Международные отношения конца XV — XVI в. в Западной Европе // История Европы. Т.3. М., 1993. С. 393-394.

Фавтье. 2001 — Фавтье Р. Капетинги и Франция. Спб., 2001.

Dictionnaire du moyen français — Baiser // Dictionnaire du moyen français. <http://www.atilf.fr/dmf/definition/baiser2> (дата обращения: 30.06.2019)

Dictionnaire des symboles. 1990 — Chevalier J., Gheerbrant A. Dictionnaire des symboles, mythes, rêves, coutumes, gestes, formes, figures, couleurs, nombres. P., 1990.

Bonnaffé. 1893 — Bonnaffé E. Les livres de civilité // Revue des deux mondes: recueil de la politique, de l'administration et des moeurs. T. 117. P., 1893. P. 610-632.

Carré. 1992 — Carré Y. Le baiser sur la bouche au moyen âge: rites, symbols, mentalités à travers les texts et les images IXe-XVe siècles. P., 1992.

Cauchies. 2003. — Cauchies J.-M. Philippe le Beau. Le dernier duc de Bourgogne. Turnhout, 2003.

Chatenet, Girault. 2010 — Chatenet M., Girault P.-G. Fastes de cour. Les enjeux d'un voyage princier à Blois en 1501. Rennes, 2010.

Girault. 2013 — Girault P.-G. Jean Molinet chroniqueur et la visite de Philippe le Beau au château de Blois en décembre 1501 // Jean Molinet et son temps / Sous la dir. de J. Devaux, E. Doudet et É. Lecuppre-Desjardin. Turnhout, 2013. P. 191-203.

Major. 1987 — Major J. R. "Bastard Feudalism" and the Kiss: Changing Social Mores in Late Medieval and Early Modern France // The Journal of Interdisciplinary History. Vol. 17(3). 1987. P. 509-535.

Paviot. 1996 — Paviot J. Éléonore de Poitiers: Les États de France (Les Honneurs de la cour) // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. 1996. P. 75-83.

ГЕНДЕРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Б.Л. Шапиро

КОНСТРУИРОВАНИЕ КВАЗИМУЖСКОГО И ФЕМИНИЗИРОВАННОГО ПРИДВОРНОГО КОСТЮМА В XVIII СТОЛЕТИИ: РУССКАЯ СПЕЦИФИКА

Ключевые слова: XVIII век, Романовы, униформология, история костюма, женский костюм, амазонка.

Аннотация: Исследуется эволюция различных видов придворной женской униформы в период ее наиболее динамичного формирования. В это время женское форменное платье находилось в фокусе эстетического восприятия, создавались наиболее выдающиеся его образцы. Особое внимание уделено процессу появления квазимужских форм в женской одежде и взаимосвязи двух принципиально различных видов женской униформы — квазимужской (амазонки и мундирного платья) и феминизированной (орденского платья, придворного платья *Robe de Cour* и придворного «русского» платья). Отличаясь в главном, тем не менее, они имели и ряд общих черт. Акцент также делается на преемственности новых форм и древнерусского костюма, что нашло свое отражение в мундирном и придворном платье. Подводятся итоги работы, согласно которым ключевые события в развитии женской придворной униформы в России XVIII столетия происходили в царствование Екатерины II, когда оформились основные принципы создания униформы различных типов. В царствование Павла I существование женской униформы закрепляется законодательно.

С началом петровских реформ наступает первый звездный час русского придворного костюма как сложно структурированной системы своего рода униформы. Известно, что в русской культуре всякая униформа исторически имела при-

оритет перед партикулярной одеждой, а военный мундир имел репутацию «единственной возможности для русского щеголя проявить себя, не уронив в общественном мнении»¹ и был наиболее привлекательной ее разновидностью. Символические коды, используемые при оформлении мундира — прежде всего золото и серебро металлического прибора — ясно указывали на силу и власть². Мундир выступал определенным социальным цензом, маркером принадлежности к элитарной культуре, отделяющим «своих» от «чужих».

Широко известный феномен мундира в русской культуре ретрадируется именно в XVIII столетии, когда он был модным ориентиром не только для мужчин, но и для женщин. Известно, что факт присутствия женщин в «мире мундира» впервые был зафиксирован петровским Воинским уставом от 1716 г. (поначалу в качестве вспомогательного медицинского персонала)³. «Мундирные» документы, то есть форменные регламенты (описания образцовых вещей, правила ношения и пригонки обмундирования и амуниции), появились только во второй половине 1720-х гг.; они никак не затрагивали вопросы женского внешнего облика. Первые документы, законодательно закреплявшие статус и внешний вид женского костюма как своего рода униформы, появились только в 1797 г. К этому моменту при российском дворе сложилось два типа женской униформы: квазимужская и феминизированная⁴. Они олицетворяли принадлежность к аристократии, бытуя почти исключительно в придворном, но достаточно широком кругу.

1 Вайнштейн. 2005: 499.

2 Крейк. 2007: 18.

3 Рогатнев. 2008: 333, 336.

4 Крейк. 2007: 77.

Квазимужская униформа. Квазимужская униформа, основной характеристикой которой является подражание мужскому костюму, была представлена мундирными платьями российских императриц и их ближайшего окружения. Этот вид одежды, обладая необычными для своего времени гендерными характеристиками, более прочих указывал на принадлежность к институту власти, и поэтому был доступен только немногим избранным.

Как известно, Петр I вывел женщин русского двора из культурной изоляции, после чего они, наравне с мужчинами, стали воплощением европеизированного дворянства⁵. Именно из Европы и была заимствована идея квазимужской одежды, где женщины в случае необходимости (прежде всего при верховой езде и другой физической активности) эпизодически пользовались не только отдельными деталями мужского костюма, но и полным мужским гардеробом, прежде всего мужской военной формой; такие примеры хорошо известны⁶.

Так, уже в Азовском походе 1694–1695 гг. и в Белоруссии в 1705 г. красавица Дарья Арсеньева, будущая супруга А.Д. Меншикова, «гарцевала верхом на европейский лад, к соблазну знатных боярынь»⁷, и мужская одежда логичным образом дополнялась верховой ездой по-мужски. Характерно, что Арсеньева находилась в составе свиты царевны Натальи Алексеевны, сестры Петра I, которая всецело разделяла увлечение брата западной культурой.

Екатерина I, находясь со своим царственным супругом в действующей армии во время Персидского (Каспийского) похода 1722–1723 гг., носила мужской головной убор на

5 Уортман. 2002: 86.

6 Щербинин. 2004: 416; Щербинин. 2007: 359–366.

7 Щепкина. 1913: 163.

налысо обритой голове. Войсковые смотры первая русская императрица встречала в мужских военных мундирах⁸. Известна склонность к мужскому платью Елизаветы Петровны: императрица носила его на полковых праздниках, балах-маскарадах и на охоте. Екатерина Алексеевна в первые годы замужества также отправлялась на охоту «с ног до головы в мужском платье»⁹. Чаше прочих мест великокняжеская охота проходила в Ораниенбауме¹⁰, летом и осенью, когда «каждый Божий день бывали на охоте и иногда проводили по тринадцати часов на лошади»¹¹. Среди прочих и Екатерина «была целый день на лошади и, за исключением воскресений, не носила другого костюма, кроме мужского»¹².

Этот период истории женского придворного костюма может быть проиллюстрирован конными портретами Екатерины I (Илл. 1) и Елизаветы Петровны с арапчонком (Илл. 2), где обе императрицы представлены в офицерских мундирах Лейб-гвардии Преображенского полка. Не менее известен конный портрет Екатерины II, где императрица изображена в мундире подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка А.Ф. Талызина: этот мундир был надет на ней во время событий 28 июня 1762 г. (Илл. 3). Впоследствии сподвижница императрицы Е.Р. Дашкова вспоминала:

... Государыня предложила двинуться в голове войска в Петергоф и пригласила меня сопутствовать ей. С этой целью, желая переодеться в гвардейский мундир, она взяла его у капитана Талызина, а я, следуя примеру ее, достала себе от лейтенанта Пушкина, — двух молодых офицеров нашего роста <...> Таким образом я была зятя-

8 Хорошилова. 2018: 294.

9 Записки императрицы Екатерины. 1907: 271.

10 Летопись Ораниенбаума. 2015: 77–78, 85, 127; Штелин. 1935: 158.

11 Записки императрицы Екатерины. 1907: 306.

12 Записки императрицы Екатерины. 1907: 331.

нута в мундир, с алой лентой через плечо, без звезды, со шпорой на одном сапоге, и с видом пятнадцатилетнего мальчика¹³.

Такая манера одеваться была понята и принята не всеми современниками, о чем позднее написала сама Екатерина II:

Придрались, особенно к тому, что я всегда была одета в костюм для верховой езды и что я езжу по-мужски. Когда мы однажды приехали в Петергоф на куртаг, императрица (Елизавета Петровна — *Б.Ш.*) сказала Чоглоковой, что моя манера ездить верхом... и что мой костюм совсем неприличен; что когда она сама ездила верхом в мужском костюме, то, как только сходила с лошади, тотчас же меняла платье¹⁴.

Очевидно, что монархине требовался корректный и при этом удобный придворно-представительский костюм, визуально выражающий силу ее власти.

Неудивительно, что первоначально таким костюмом стала амазонка — платье, название которого явно восходит к сказаниям о женщинах-воительницах, не уступающих мужчинам в искусстве верховой езды и проводящих дни в конных битвах¹⁵. Это платье, специально предназначенное для верховой езды, было первым из множества женских «спортивных» костюмов. Поскольку амазонка была не только более удобной, чем обычное модное платье, но и придавала своей обладательнице респектабельность и элегантность, она надевалась не только для конной прогулки или охоты, но также и в других случаях, когда требовалась одежда достойная.

13 Дашкова. 1859: 58, 68.

14 Записки императрицы Екатерины. 1907: 332.

15 Ковалевская. 1977: 71.

Так, именно в амазонке выезжала первая русская императрица в тех случаях, когда партикулярное женское платье не соответствовало значительности исполняемой ею роли:

14-го [апреля]. Ее императорское величество [Екатерина I]... изволила поехать из Двора Своего в коляске, в амазонском платье, имея в руке жезл правления, на Адмиралтейский луг, где поставлен был в строю Преображенский полк... вышед из коляски, изволила идти к знаменам; и пришел ко оным, изволила надеть на Его Королевское высочество Герцога Голштейно-Готторпского подполковничий знак и шарф и дать ему протазан, и объявила его Подполковником от гвардии¹⁶.

Царствование женщины без мужа было для России «новым, необычным делом»¹⁷; необычным был и наряд самодержицы.

Амазонка надевалась Екатериной также по случаю Московского маскарада 1722 г. (Илл. 4), устроенного на масленицу по случаю победы в Северной войне (подписания Ништадского мира). Во время маскарадного шествия «императрица... несколько раз меняла свой костюм, являясь то голландкой, то амазонкой, то в красном бархатном платье, то в голубом, с разными камзолами и другими принадлежностями»¹⁸. Аксессуарами к амазонке были вещественные выражения высокого статуса ее обладательницы:

[Екатерина] имела на боку осыпанную брильянтами шпагу, а через плечо екатерининскую ленту с прекрасною брильянтовою звездой; в руках у нея было копье, а на голове белокурый парик и шляпа с белым пером¹⁹.

Поначалу амазонки представляли собой комбинацию женского модного платья, мужского военного костюма и муж-

16 *Походный журнал* 1726. 1855: 14–15.

17 *Костомаров*. 1904: 736.

18 *Шубинский*. 1908: 82.

19 *Шубинский*. 1908: 82.

ского костюма для верховой езды; эти формы сложились уже к началу XVIII в.²⁰. Однако амазонки еще не получили какой-либо официальной или неофициальной регламентации и поэтому выполнялись в произвольных материях и покроях. Так, на Богоявленском параде 6 января 1727 г. Екатерина I проезжала в коляске о восьми лошадях «в амазонском тканом из серебра платье, в белом парике и в шляпе.. при пребогато украшенной бриллиантами шпаге, имея в правой руке повелительный жезл»²¹. Очевидно, здесь платье императрицы представляло уникальный пример сочетания двух принципиально различных видов женского придворного костюма — квазимужского и феминизированного (амазонки и придворного платья *Robe de Cour*, которое только начало свое оформление при русском дворе; о нем будет сказано позже).

При русском дворе амазонки задействовались очень широко, что позволило им стать привычным атрибутом дворцовой повседневности. Это следует, в том числе, и из дневника Берхгольца, где в описании годовщины свадьбы Петра I в феврале 1723 г., сказано:

На ее величестве был великолепный амазонский костюм, и все ее дамы имели также амазонские платья одинакового цвета и из одинаковой материи²².

На это указывает и августовская заметка в «Санктпетербургских ведомостях» за август 1734 г., где отмечено, что за Анной Иоанновной следовал «весь придворный стат... в равноцветном богатом платье, в котором поныне на куртаги в Петергоф ездили... а Дамское платье зделано Амазонским обыкновением»²³.

20 Шапиро. 2016: 8.

21 Кавалергарды. 1997: 20.

22 Михайлов. 2002: 116.

23 Санктпетербургские ведомости. 1734: 312.

Не были забыты амазонки и в правление Елизаветы Петровны: доказательством могут служить «Реестр платьяю старинной казенной», где среди прочего указаны «амазонских шубок с юпками на булочки (разновидность женского нижнего белья, отчасти заменяющая фижмы — *Б.Ш.*) — 6 пар; амазонских карсетов с юпками — 2 пары... 1747 года»²⁴ и две «Надписи на конное литое из меди изображение ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Петровны в амазонском уборе», сделанные М.В. Ломоносовым между 1751 и 1757 гг. (однако специалисты ГРМ высказывают мнение, что эта небольшая статуэтка работы итальянского мастера А. Мартелли может изображать и Екатерину II²⁵).

К этому же времени относится и роспись предметов английских женских нарядов для разных случаев жизни, образцы которых в сентябре 1751 г. прислал в Петербург русский посол в Лондоне П.Г. Чернышев. Роспись, среди прочего, имеет раздел «В каком ездят верхом и бывают в дорогах», включающий следующий перечень адаптированных к женскому быту форм:

Кафтан камлотовой с камзолом, надевающейся на ординарное шнурованье. Юпка такова ж цвету камлотовая. Рубашка муская с манжетами, которая надевается сверх шнурованья. Парик круглой. Карпус (картуз — *Б.Ш.*) черной бархатной. Башмаки кожаные черные с стальными пряжками. Рукавицы муские. Хлыстик. Сюртук красной ратиновой. Шляпа черная гродетуровая, носящая вместо карпуза во время холоду и дождя²⁶.

В правление Екатерины II амазонка использовалась как первый в русской истории женский военный мундир. Так

24 Писаренко. 2003: 821.

25 Ломоносов. 1986: 232, 517.

26 Писаренко. 2003: 822–823.

была одета сотенная рота амазонок Балаклавского греческого на русской службе полка, действовавшая в марте–апреле 1787 г.²⁷ Их форма состояла из широких колокольных юбок малинового бархата и коротких изумрудных курток, украшенных золотым галуном и бахромой; головным убором был белый тюрбан с золотыми блестками и со страусовым пером. Вооружение крымских амазонок составляли небольшие сабли и ружья, к которым было выдано по три патрона. Женщины были обучены фехтованию и верховой езде: рота умела держать строй и перестраиваться²⁸.

Итак, в XVIII столетии именно амазонка была основной формой придворного женского костюма для активного образа жизни, и портные «едва поспевали их шить»²⁹. Применение одежд такого типа до мундирных реформ Екатерины II не имело характера императива.

Однако появление в России мундирного платья — «дамского униформа», созданного на основе сочетания амазонки и мужского мундира и, в силу этого, еще более адаптированного к нуждам монархини — сегодня связывают с правлением Елизаветы Петровны, а точнее, с возрастными изменениями комплекции ее тела за время правления³⁰. Известно, что Елизавета Петровна, которая «была заядлой охотницей, хорошо держалась в седле, неплохо стреляла и в сороковые годы любила гоняться за дичью в мужском костюме: фигура это еще позволяла»³¹. В пятидесятые годы ситуация изменилась.

По свидетельству современников, «до 1754 г. Елисавета Петровна являлась за стол лб.-компанцев, яко той роты ка-

27 Рогатнев. 2008: 333.

28 Рогатнев. 2008: 333; Селиванова. 2010: 80; Щербинин. 2007: 360–361.

29 Записки императрицы Екатерины. 1907: 306.

30 Шапиро. 2018: 116–117.

31 Хорошилова. 2018: 298.

питан... в гренадерском офицерском уборе, но с этого года — в дамском униформе, как в полковые праздники»³². Доподлинно известно о существовании в гардеробе императрицы еще как минимум одного предшественника мундирного платья — по форме Лейб-гвардии Конного полка: «дамский кафтан, который цветом на подобие Конной Гвардии мундира» отмечен в камер-фурьерском журнале за март 1755 г.³³.

«Дамский униформ», который также назывался «длинным мундиром»³⁴ и «длинным кафтаном», изготавливался по подобию мужского мундира, на основе кафтана либо пары «кафтан + камзол». От мужского мундира его отличала, прежде всего, тонкая шелковая материя, что позволяло сделать мундирное платье более «женским», то есть легким и изящным; это было скорее вольное переложение официального военного мундира, пока еще не подверженное регламентам. Во времена Елизаветы Петровны и молодой Екатерины Алексеевны «дамский униформ» обыкновенно надевался с подходящей по цвету и смыслу юбкой. Такой принцип формирования женского костюма в России второй половины 1750–х гг. считался вполне допустимым, и к концу правления Елизаветы Петровны в одежды такого рода облачилась не только она сама, но и женская часть ее свиты³⁵.

«Дамский униформ» Елизаветы Петровны и ее придворных дам не сохранился (по смерти императрицы осталось около 15 тыс. отдельных предметов гардероба³⁶, которые при ее преемниках послужили расходным материалом для изготовления церковных облачений и маскарадных костюмов).

32 Панчулидзева. 1899: 302.

33 Церемониальный, банкетный. 1870: 28.

34 Бордэриу. 2016: 16.

35 Церемониальный, банкетный. 1870: 52.

36 Амелехина. 2016: 73; Анисимов. 2008: 210–211.

Самое раннее из дошедших до нас мундирных платьев датируется не ранее 1763 г. Это платье Екатерины II по форме Лейб-гвардии Преображенского полка из Государственного Эрмитажа³⁷. Позже в гардеробе императрицы появляются мундирные платья по форме Кавалергардии (1766 г.), Л.-гв. Конного полка (несколько экземпляров от 1772/1773 г., 1770-е, 1776, 1770–1780, 1790 гг.), армейской (1772, 1784/1785 гг.) и гвардейской пехоты — Л.-гв. Измайловского полка (1766, 1775 г.), Л.-Гв. Семеновского (1770–1780-е гг.) и Л.-гв. Преображенского полка (1769, 1779, 1782, 1786, 1787 гг.) и др. Последнее мундирное платье Екатерины II, сшитое в 1796 г. — по форме Морского флота. Кирасирское платье, упомянутое в «Реестре мундирам государыни императрицы Екатерины II»³⁸, составленном при передаче мундирных платьев в 1826 г. из Эрмитажа в Арсенал, в котором, вероятно, императрица посещала маскарад в доме графа Петра Александровича Румянцева 5 февраля 1787 г.³⁹, утрачено.

На настоящий момент выявлено значительное количество принадлежащих императрице полнокомплектных мундирных платьев и некоторое количество разрозненных мундирных предметов⁴⁰. Все они относятся в одному из трех типов: первый представляет собой комплект из пышной юбки на фижмах и верхнего платья с длинными рукавами, полочки которого имитировали камзол. Второй тип — это цельнокроеное платье с длинными рукавами или лиф и юбка, и верхнее распашное платье с небольшим шлейфом, открытыми проймами и откидными рукавами, так называемый «ка-

37 Екатерина Великая. 1993: 157.

38 Вершинина. 2015: 62.

39 Полетика. 1843: 7–8.

40 Вершинина. 2016: 48; Императорский и великокняжеский костюм. 2018: 51, 67, 70, 75, 83, 94.

закин». Третий тип — в целом аналогичен второму, но казакин притален и имеет баску⁴¹. Отличаясь в главном, тем не менее, они имели и ряд общих черт, а основой, как уже отмечалось, послужила амазонка.

В день нашего полкового праздника... все гг. офицеры собирались в Зимний дворец к обедне, у которой присутствовала императрица (Екатерина II — *Б.Ш.*), будучи одета в полковой мундир, отороченный золотым кружевом и сшитый на фасон амазонки.⁴²

Так современники отмечали сходство новой униформы и ее прототипа.

Известно, что Екатерина II отдавала мундирным платьям явное предпочтение, надевая их не только в дни полковых праздников. В «дамском униформе» ее видели и в высокаторжественные дни, празднование которых проходило в Георгиевском зале, названном в честь высшей военной награды Российской империи. Об этом свидетельствуют воспоминания Н. Брусилова, состоявшего в Пажеском корпусе:

В высокаторжественные дни и кавалерские праздники столы бывали в Георгиевской зале, тогда государыня кушала на троне, в малой короне, ей прислуживали первые чины двора. Иногда государыня имела на себе платье гвардейского полка, то есть дамское платье светло-зеленого сукна, обложенное золотым галуном⁴³.

Мундирные платья сопутствовали императрице и на военных маневрах, в которых она принимала самое деятельное участие:

Летом 1765 г. в первый раз были собраны войска лагерем в Красном селе. Все три дивизии, назначенные в лагерь, расположились у подошвы Дудергофской горы, причем палатка императрицы стояла впереди всего лагеря. Конная гвардия была расположена около ставки Ее Величества. Лагерь и маневры продол-

41 **Вершинина.** 2015: 62.

42 **Штакельберг.** 1881: 14.

43 **Кавалергарды.** 1997: 32.

жались две недели, причем наш полк составлял конвой императрицы, которая все эти дни была в конногвардейском мундире⁴⁴.

Удобство покроя такого платья, допускавшего бо́льшую, чем обычно, свободу движения, позволяло использовать его как дорожный и охотничий костюм⁴⁵. «Нет одяния почетнее и дороже мундира», — заключала императрица⁴⁶.

Очевидно, что трансформации, происходившие в русском придворном обществе XVIII столетия в череду «женских правлений»⁴⁷, закономерно нашли свое отражение и в придворно-представительской моде.

После смерти Екатерины II мундирные платья несколько утратили свою популярность. Вероятно, их наличие в женских гардеробах конца XVIII в. соответствовало моде того времени, когда одежда жен военных выполнялась в цветах мундиров их мужей⁴⁸. Так, Мария Федоровна, супруга Павла I, в 1797 г. принявшего «на себя шефа и полковника всех гвардии полков»⁴⁹, имела как минимум одно мундирное платье. Оно было сделано по форме Кавалергардского полка; его мы можем видеть на гравюре 1797 г., помещенной в юбилейном издании «Истории кавалергардов» С.А. Панчулидзева (Илл. 5)⁵⁰. В истории также осталось упоминание о «военизированном» платье, которое было выполнено для Марии Федоровны в придворной мастерской Франции под руководством известной модистки Розы Бертен⁵¹. Еще одно платье Марии Федоровны, произвольно украшенное элементами формы

44 Штакельберг. 1881: 14–15.

45 Камер-фурьерский. 2006: 42–43.

46 Бордэриу. 2016: 15.

47 Анисимов. 2005: 332.

48 Мемуары графини Головиной. 200: 56.

49 Шильдер. 1901: 289.

50 Панчулидзева. 1901: 125.

51 Вершинина. 2007: 354–355.

Лейб-гвардии Гусарского полка, не относится собственно к мундирным платьям, но напоминает их⁵².

Феминизированная униформа. В России XVIII в. феминизированная униформа, ориентированная на исторически сложившиеся формы женской одежды, включала в себя орденское платье и оба вида придворного платья: робу *Robe de Cour* и «русское» платье.

Бытование в России женских орденских платьев связано с историей Ордена св. великомученицы Екатерины. Согласно первому статуту ордена от 1714 г., поначалу орденским одеянием была мантия⁵³; увы, но в тексте статута описание орденского костюма отсутствует⁵⁴. С 1734 г. к неизвестному нам церемониальному облачению было добавлено «белое платье с зеленой оторочкой и золотыми галунами»⁵⁵. Детали этого наряда можно видеть на портрете графини А.К. Воронцовой (Илл. 6), написанном после награждения Анны Карловны в феврале 1762 г. орденом св. Екатерины⁵⁶.

Окончательная редакция статута ордена и орденского платья была сделана Павлом I вместе с «Установлением орденов кавалерских российских» в день его коронации 5 апреля 1797 г. Согласно новым правилам, вводилась вторая степень ордена. Первая, существовавшая и ранее, оставалась для дам «Большого креста». Орден второй степени отныне назначался дамам «Меньшего креста». Было установлено следующее орденское платье:

одеяние орденское серебряного газета, по местам вышитое золотом, с золотыми снурками и кистями; шлейф же зеленый, бар-

52 **Рогатнев.** 2008: 334.

53 **Жабрева.** 1997: 113.

54 **Левин.** 2013: 48.

55 **Левин.** 2013: 48.

56 **Левин.** 2013: 60.

хатный, а шлейфы у Великих Княгинь и Великих Княжен наших, також у Принцесс Коронованных Домов, должны быть длиннее прочих, а у Ее Величества Императрицы и сих длиннее. Шляпы у всех зеленые бархатные, на коих полукружие, у Ее Величества алмазное с хонтами и более других; Великие Княгини и Великие Княжны Наши, також Принцессы Коронованных Домов носят полукружие с алмазами, а прочие серебром вышитые. Ее Величество Императрица имеет сверх того епанчу зеленую бархатную с горностаями⁵⁷.

Платья «Большого» и «Меньшего» креста также различались количеством и богатством отделки.

Судя по немногим сохранившимся свидетельствам, орденское платье XVIII в. наполнялось полагающейся ему символикой, но не противоречило придворной женской моде. До настоящего времени сохранилось орденское платье императрицы Марии Федоровны; оно состоит из лифа и юбки из серебряного глазета и шлейфа из зеленого лионского бархата. Мария Федоровна надевала это платье в дни орденских праздников⁵⁸.

Первые упоминания о придворных «русских» платьях, которые также называли «офранцуженными сарафанами», относятся ко времени правления Екатерины II. В период с 1770 по 1775 гг. они получили распространение при дворе как знаки отличия, подобные орденским⁵⁹. Основными декоративными элементами такого платья, отдаленно напоминающими древнерусскую одежду, были небольшой шлейф и длинные рукава; эти же элементы в аналогичное время были присвоены и мундирному платью.

Придворная роба, состоящая из корсетного лифа («шнурованья») и юбки на каркасе как разновидность официально регламентированной униформы появилась с началом прав-

57 Высочайше утвержденное Уставление. 1830: 571.

58 Вершинина. 2007: 357.

59 Бордэриу. 2016: 22.

ления Павла I. Графиня В.Н. Головина сообщала, что во время коронации императора «все были в полном параде: в первый раз появились придворные платья»⁶⁰.

Однако платья, схожие конструктивно, выполненные из светлых парчовых (глазетовых) тканей, были известны при дворе и ранее. В течение всего XVIII в. они были приняты для придворных официальных «торжеств»: коронаций, венчаний и погребений женщин императорской семьи. Основные характеристики такого платья были даны еще в 1728 г. в описании церемониала погребения цесаревны Анны Петровны: «...тело покойной одето в серебряное глазетовое платье с длинным шлейфом, вокруг обшито золотым флером»⁶¹. Однако применение одежд такого типа до костюмных реформ второй половины столетия еще не имело характера императива.

Проведенный анализ истории развития отечественного женского придворного костюма как сложно структурированной системы позволил сделать некоторые выводы о его трансформации в течение XVIII в., когда обе формы — и квазимужская, и феминизированная — развивались наиболее интенсивно. Отличаясь в главном, тем не менее, они имели и ряд общих черт, связывающий их с древнерусскими одеждами. Возможно, именно благодаря этой общности, в женском придворном костюме наблюдалась постепенная, но уверенная легитимизация элементов мужского костюма, которую, без сомнения, можно назвать одним из главных событий в истории русской придворной материальной культуры XVIII столетия. «Амазонка», которая стала первой разновидностью женского придворного костюма, открыла возможности

60 Выскочков. 2010: 182.

61 Логунова. 2011: 172.

для формирования целого ряда модификаций внутри целого направления. Формообразующий процесс пережил два пика: первый из них относится ко времени правления Екатерины II, когда закрепились на практике основные принципы конструирования женской придворной униформы во всем ее многообразии, хотя еще и весьма размыто, и второй — ко времени правления Павла I, когда существование женской придворной униформы было закреплено законодательно.

Список источников и литературы

Источники

Амелехина. 2016 — Амелехина С.А. Церемониальный костюм Российского Императорского двора в собрании Музеев Московского Кремля / науч. ред. А.Л. Баталов. М., 2016.

Высочайше утвержденное Уставное Уложение. 1830 — Высочайше утвержденное Уставное Уложение о Российских императорских орденах. № 17.908 // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIV / сост. М.М. Сперанский. СПб., 1830. С. 569–577.

Дашкова. 1859 — Дашкова Е.Р. Записки княгини Е.Р. Дашковой, писанные ею самой. Лондон, 1859.

Екатерина Великая. 1993 — Екатерина Великая: русская культура второй половины XVIII века. СПб., 1993.

Записки императрицы Екатерины. 1907 — Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907.

Императорский и великокняжеский костюм. 2018 — Императорский и великокняжеский костюм середины XVIII — первой трети XIX века в собрании ГМЗ «Павловск» / Государственный музей-заповедник «Павловск». Т. 4. Ткани. Вып. 3. СПб., 2018.

Кавалергарды. 1997 — Кавалергарды: История, биографии, мемуары / авт.–сост. А.Ю. Бондаренко. М., 1997.

Камер-фурьерский. 2006 — Камер-фурьерский церемониальный журнал. 1766–1779 год // Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. XVIII век / ред. Е. Ходова. СПб.: Изд-во Сергея Ходова, 2006. С. 42–60.

Летопись Ораниенбаума. 2015 — Летопись Ораниенбаума. История дворцового комплекса в документах, письмах, дневниках и воспоминаниях. 1710–1918. СПб., 2015.

Ломоносов. 1986 — Ломоносов М.В. Избранные произведения / Сост. и прим. А.А. Морозова. Л., 1986.

Мемуары графини Головиной. 2000 — Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына / сост., комм. С.А. Никитина. М., 2000.

Полетика. 1843 — Полетика А.А. Записки о пребывании Императрицы Екатерины Второй в Киеве в 1787 году. СПб., 1843.

Походный журнал 1726. 1855 — Походный журнал 1726 года. СПб., 1855.

Санктпетербургские ведомости. 1734 — Санктпетербургские ведомости. 1734. № 66 (19 августа). С. 305–312.

Церемониальный, банкетный. 1870 — Церемониальный, банкетный и походный журнал 1755 года. СПб., 1870.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов. 2005 — Анисимов Е.В. Женщины у власти в XVIII веке как проблема // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2005. С. 328–335.

Анисимов. 2008 — Анисимов Е.В. Императорская Россия. СПб., 2008.

Бордэриу. 2016 — Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М., 2016.

Вайнштейн. 2005 — Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2005.

Вершинина. 2016 — Вершинина Н.М. История коллекции мундирных платьев императрицы Екатерины II из собрания Государственного музея-заповедника «Павловск» // Дворцы и события. К 300-летию Большого Петергофского дворца: сб. статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2016. С. 48–57.

Вершинина. 2015 — Вершинина Н.М. Мундиры императрицы Екатерины II из собрания ГМЗ «Павловск». Вопросы терминологии и атрибуции // Атрибуция, история и судьба предметов из императорских коллекций: сборник докладов научной конференции «Кучумовские чтения» / под ред. Р.Р. Гафифуллина. СПб., 2015. С. 61–72.

Вершинина. 2007 — Вершинина Н.М. Работы модистки королевы Марии-Антуанетты Розы Бертен по заказам русского двора // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXVI: Российский императорский двор и Европа. Диалоги культур / отв. ред. С.В. Кудрявцева. СПб., 2007. С. 352–360.

Высочков. 2010 — Высочков Л.В. «Быть дамам в русском платье»: парадный костюм придворных дам в первой половине XIX в. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 181–188.

Жабрева. 1997 — Жабрева А.Э. Из истории орденского костюма (По материалам статуй отечественных и иностранных орденов) // Вече. 1997. № 8. С. 101–121.

Ковалевская. 1977 — Ковалевская В.Б. Конь и всадник: пути и судьбы. М., 1977.

Костомаров. 1904 — Костомаров Н.И. Собрание сочинений Н.И. Костомарова: исторические монографии и исследования: в 8 кн. Кн. 5. Т. 14. СПб., 1904.

Крейк. 2007 — Крейк Дж. Краткая история униформы (Форма на показ: от традиционализма к вызову) / пер. с англ. И. Красильщика (Craik J. Uniforms Exposed. From Conformity to Transgression. 2005). М., 2007.

Левин. 2013 — Левин С.С. Женские награды Российской империи. М., 2013.

Логунова. 2011 — Логунова М.О. Печальные ритуалы императорской России. М., 2011.

Михайлов. 2002 — Михайлов Г.В. Зимние дворцы Петра I. Архитектура и художественное убранство. События и люди / ред. В.В. Яковлев. СПб., 2002.

Панчулидзеv. 1899 — Панчулидзеv С.А. История кавалергардов: в 4 т. Т. 1. СПб., 1899.

Панчулидзеv. 1901 — Панчулидзеv С.А. История кавалергардов: в 4 т. Т. 2. СПб., 1901.

Писаренко. 2003 — Писаренко К.А. Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003.

Рогатнев. 2008 — Рогатнев А.С. Женские шефские военные мундиры: курьез или необходимость // Курьез в искусстве и искусство курьеза: материалы XIV Царскосельской научной конференции / ред. Т.Е. Медникова, И.А. Сенина. СПб., 2008. С. 332–336.

Селиванова. 2010 — Селиванова Л.Л. Российские амазонки на службе ее величества // Диалог со временем. 2010. № 31. С. 74–88.

Уортман. 2002 — Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.

Хорошилова. 2018 — Хорошилова О.А. Война и мода. От Петра I до Путина. М., 2018.

Шапиро. 2016 — Шапиро Б.Л. Женщина в седле: История костюма для верховой езды. М., 2016.

Шапиро. 2018 — Шапиро Б.Л. Кавалерийский кафтан: прототип «дамского мундира» Елизаветы Петровны? // Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории

XVIII века: материалы международной научной конференции / Институт археологии РАН, Институт российской истории РАН / отв. ред.: Л.А. Беляев, В.Н. Захаров. М., 2018. С. 116–117.

Шильдер. 1901 — Шильдер Н.К. Император Павел Первый. СПб., 1901.

Штакельберг. 1881 — Штакельберг К.К. Полтора века конной гвардии. 1730–1880. СПб., 1881.

Штелин. 1935 — Штелин Я.Я. Музыка и балет в России XVIII века. Л., 1935.

Шубинский. 1908 — Шубинский С.Н. Московский маскарад 1722 года // Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. СПб., 1908. С. 80–85.

Щепкина. 1913 — Щепкина Е.Н. Полковые дамы времен Петра I / Щепкина Е. Н. Женская личность в истории // Исторический вестник. 1913. № СХХХIII. С. 149–169.

Щербинин. 2004 — Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX вв. Тамбов, 2004.

Щербинин. 2007 — Щербинин П.П. Женщины в русской армии в XVIII – XIX вв. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2007. С. 359–366.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ — Государственный исторический музей

ГМЗ — Государственный музей-заповедник

ГРМ — Государственный Русский музей

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея

ГЭ — Государственный Эрмитаж.

Иллюстрации

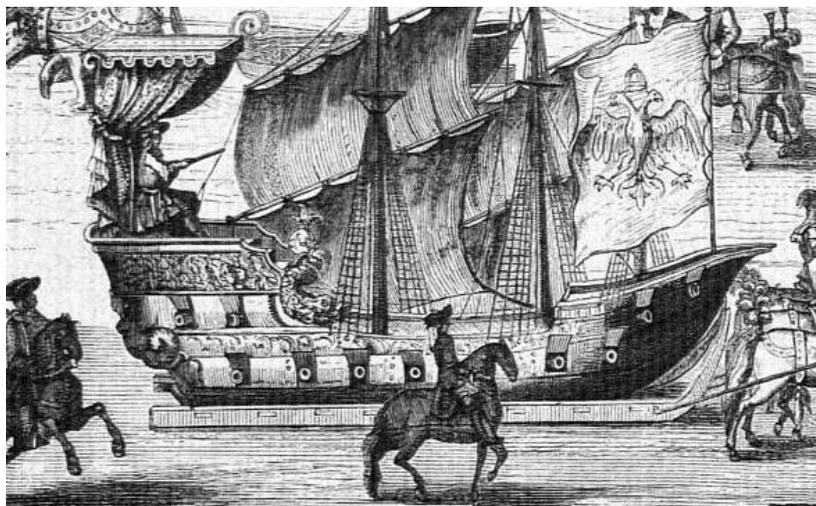
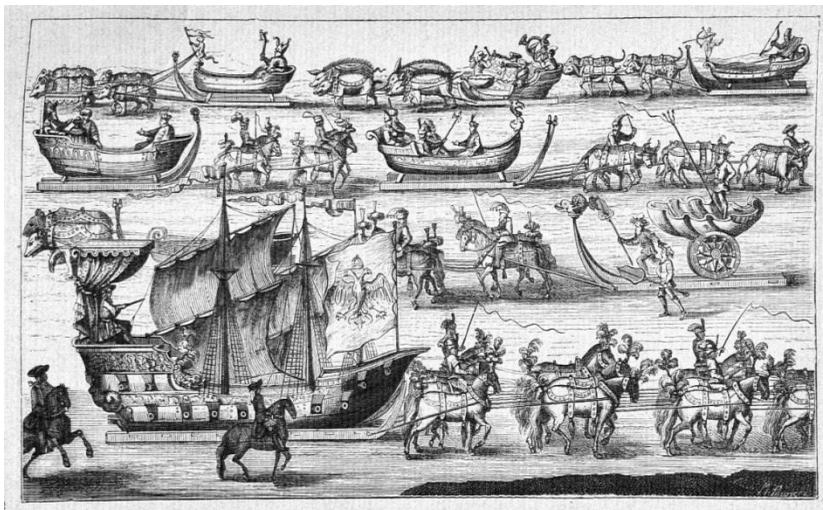
Илл. 1. Посмертный портрет Екатерины I. Неизвестный художник XVIII в. Художественный музей Эстонии во дворце Кадриорг.

Илл. 2. Портрет Елизаветы Петровны с арапчонком. Г.Х. Гроот. 1743 г. ГТГ, копия в ГРМ.

Илл. 3. Портрет Екатерины II на коне Бриллианте. В. Эриксен. 1762. Аудиенц-зал в Петергофском Большом дворце, копия в ГРМ. Мундир хранится в ГИМ.

Илл. 4. Екатерина I на Московском маскараде 1722 г. (общий план и фрагмент). См.: Шубинский. 1908: 83. Костюм хранится в собрании Музеев Московского Кремля.

Илл. 5. Мария Федоровна в мундирном платье по форме Кавалергардского полка. См.: Панчулидзева. 1901: 125.

Илл. 6. Портрет графини А.К. Воронцовой (урожденной Скавронской). Антропов А.П. 1763 г. ГРМ.

О. И. Лисицына

СЕКС, ЛЮБОВЬ И БРАК В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российское дворянство, любовная культура, сексуальное поведение, матримониальное поведение, история сексуальности, речевые практики, дискурс-анализ, любовь, брак

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена опыту изучения любовной культуры, матримониального и сексуального поведения российского дворянства первой половины XIX в. Для российской дворянской культуры было характерно табуирование сексуальности — по меньшей мере, на уровне речевых практик. Однако строгость подобных запретов была неодинаковой для мужчин и для женщин. Сопоставление мужских и женских текстов, созданных в рамках данной культуры, позволяет вскрыть принципы конструирования нормативной системы межполовых отношений, а также изучить конкретные практики взаимоотношения мужчин и женщин как результат категоризации таких понятий как «любовь», «брак», «страсть» и др. в контексте российской дворянской культуры

Традиционно в исторической науке социальные и культурные процессы рассматривались без учёта фактора пола и, тем более, — сексуальности. Между тем, постструктуралистский, постмодернистский¹, феминистский² и постфеминист-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых, проект МД-3743.2018.6.

1 Фуко. 1996; Бодрийяр. 2000 и др.

2 Бовуар. 1997; Рубин. 2000. С. 89–140 и др.

ский³ научный дискурс актуализировал изучение обыденного жизненного опыта и истории смены структур повседневности индивида. Сексуальность предстала в этой обновленной междисциплинарной научной отрасли неотъемлемым компонентом повседневности, а веками существовавшие представления о «женском» как о вторичном, производном, менее значимом и определяющим, чем «мужское», благодаря гендерным исследованиям⁴ начали существенно трансформироваться.

Безусловно, сексуальность и соответствующий дискурс не только представляют значимую часть эмоционального мира человека, его частной жизни, его культуры, но и формируют социокультурный контекст той или иной исторической эпохи. Кроме того, изучая модели сексуальности, присутствующие какому-либо обществу и узнавая о принятой в нём системе запретов, принципах их конструирования и действия, мы получаем возможность глубже понять аналогичные механизмы в современном мире. В связи с этим, представляется значимым обратиться к изучению сексуального и неразрывно с ним связанного в конце XVIII — первой половине XIX в. матримониального поведения российских дворян и дворянок, ведь без этого наши представления о жизни российского нобилитета не будут полными, а историческая картина — целостной.

Российская дворянская культура конца XVIII — середины XIX в. создала большое количество различного рода текстов, позволяющих нам сформировать достаточно полное представление о характерном для неё дискурсе сексуальности. Безусловно, в ходе формирования дискурса сексуально-

3 Иригарэ. 2001. С. 124–132 и др.

4 Пушкарева. 1999: 14–28; Репина. 1996: 20–32 и др.

сти происходит определённая догматизация сексуальной сферы человеческого бытия, и представления о ней приобретают нормативный характер, однако изучить историю сексуальности мы можем, по преимуществу, именно посредством него. Причем очевидно, что дискурс представляет собой не только некую базу для формирования моделей сексуального поведения, но и обуславливает их последующее отражение в тексте, следовательно, в одно и то же время и порождает нормы и практики сексуального поведения, и сам же является их результатом.

По мнению М. Фуко, в ходе исторического развития осуществляемый в обществе контроль за сексуальной сферой приобретает всё более и более изощрённые формы — вплоть до современности; он называл данные механизмы «полиморфными техниками власти» и считал изучение принципов их действия приоритетной исследовательской задачей, ведь зачастую они тщательно завуалированы и могут быть представлены не только «отказом, заграждением, дисквалификацией», но и, наоборот, «побуждением, интенсификацией» сексуального поведения⁵. Однако подобный дискурсивный контроль, по его мнению, стал возможен лишь тогда, когда «надзор» за населением перешёл на качественно новый уровень и стал «внутренним», то есть начал осуществляться через самоконтроль индивида на основании общепринятых морально-этических норм. Начало этих процессов в европейской культуре он датирует XVII в., когда происходит «открытие сексуальности», то есть она впервые осознаётся как дискурс; окончательно же она становится фактом сознания лишь к концу XVIII в.

5 Фуко. 1996: 109–111.

Для нашей страны хронологические рамки данных процессов отчасти смещены и связаны с приобщением к западным культурным ценностям в первой четверти XVIII в.⁶ и с последующим постоянным заимствованием образа мыслей и жизненных практик из Европы, где продолжает крепнуть и усиливаться влияние «буржуазной» этики и морали. Данное исследование берёт в качестве нижней хронологической границы последнее десятилетие XVIII в., ведь именно к этому времени во Франции, ставшей уже безусловным лидером экспорта моды и нравов в Российскую империю, вместе с революцией происходит крах аристократической (характеризующейся известной степенью сексуальной свободы) модели поведения и утверждается иная — буржуазная, которую впоследствии М. Фуко обобщённо называл «викторианской».

В то же время, несмотря на то, что опыт «буржуазного» Запада оказывал безусловное влияние на формирование сексуальной культуры и норм сексуального поведения российского нобилитета XIX в., следует отметить факт существования в допетровской Руси практики социальной изоляции женщин благородного происхождения⁷ — «теремного затворничества»⁸, имевший место задолго до обращения к морально-нравственным предписаниям западноевропейских обществ. По мнению Н.Л. Пушкарёвой, это было связано с влиянием «православного гендерного порядка»⁹, которое заметно усилилось в XV в. и привело к ужесточению половой морали и, в целом, патриарха даже раньше, нежели это произошло в Европе.

6 Кон. 1995: 46.

7 Колман. 1999: 205–216.

8 Пушкарева. 2008: 6.

9 Пушкарева. 2008: 4–5.

Однако, как известно, в самой Российской империи даже и в середине XIX в. полного перехода к капиталистическому укладу не происходит, хотя наметившаяся в 1810–е гг. тенденция к промышленному перевороту повлекла за собой существенные подвижки в развитии как общественной мысли, так и индивидуального самосознания, что выразилось, в частности, в появлении неординарных женских личностей, стремительном усилении рефлексии и развитии самостоятельного «женского письма», а также в дальнейшем включении женщин в публичную сферу жизни общества — в первую очередь, посредством салонной культуры.

В связи с этим рассматриваемый период следует охарактеризовать как переходный. Еще продолжают господствовать традиционные патриархальные ценности, в рамках которых сексуальность индивида служит «задаче укрепления его семейных, родственных и иных социальных связей»¹⁰. При этом, однако, в ходе тесных культурных контактов образованного российского общества с Западной Европой, постепенно воспринимаются и буржуазные, носившие двойственный характер. С одной стороны, имеет место «переоценка ценностей в пользу частной сферы»¹¹, «плюрализация и индивидуализация» жизненных стилей¹², моделей поведения и проявлений чувственности, стремление к самостоятельному выбору брачного партнёра, а с другой — усугубление гендерного неравенства в области сексуальности. М.Г. Муравьёва, аккумулировав представления ведущих исследователей на этот счёт, выделяет две модели сексуально-

10 Кон. 1995: 45.

11 Пушкарева. 2008: 9.

12 Кон. 1995: 46.

го поведения — «единую» и «двойственную»¹³. «Единая модель», подразумевающая известное равенство норм мужского и женского сексуального поведения, по её мнению, господствовала в Европе вплоть до начала XVIII в.¹⁴ С этого времени (а зачастую и по сей день¹⁵) распространена «двойственная» модель, предполагающая совершенно различное сексуальное поведение женщины и мужчины:

мужчины находятся в рамках идеологии либертинизма, они имеют полную сексуальную свободу, они обязаны иметь гипертрофированную сексуальность и пользоваться ею. Женщинам здесь отводится роль контролера морального климата общества, причём женщина должна контролировать не только своё желание, но и желание мужчины недопуская его до своего тела¹⁶.

Так или иначе, в результате завершившийся к концу XVIII в. трансформации поведенческой структуры русского общества, социальное поведение, которое и ранее было тесно связано с нравственными установками, теперь всё чаще стало считаться внешним проявлением внутреннего содержания личности¹⁷. Безусловно, подобная тенденция затрагивала не только дворянство, но всё же в аристократической среде строгость табу была особенно явной, и наличие двойственности морально-этических норм наиболее очевидно. Изучение женских и мужских текстов, принадлежащих дворянской культуре, и их соотнесение явно демонстрируют гендерную специфику письма. С особой остротой она прояв-

13 Муравьева. 2002: 106.

14 Муравьева. 2002: 106.

15 Гидденс. 2004: 38–39.

16 Муравьева. 2002: 106.

17 Грасиан-и-Моралес. 1742; Нобль. 1761; Добрыя мысли. 1789; Монкриф. 1788.

ляется, когда речь идёт о вопросах полового поведения и сексуальности.

В «Порядке дискурса» М. Фуко говорил о некоей «исключительности» субъекта дискурса или о «прореживании говорящих субъектов»¹⁸. По его мнению, индивиду, чтобы совершить речевой акт, необходимо удовлетворять определенным требованиям, ведь «не все области дискурса одинаково открыты и проницаемы; некоторые из них являются в высшей степени запретными... в то время как другие кажутся... предоставленными, без какого бы то ни было предварительного ограничения, в распоряжение любого говорящего субъекта»¹⁹. Цель подобного контроля — «нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности»²⁰. Для этого, по его словам, в современных обществах используются различные «процедуры исключения», из которых наиболее очевидная — запрет; наиболее же «уплотнена» данная система запретов по сегодняшний день лишь в двух областях — сексуальности и политики²¹, что демонстрирует значимость каждой из них при установлении взаимоотношений власти и подчинения.

В мужских текстах — как литературных, так и личного происхождения — с конца XVIII в. широко распространяется тенденция к выражению своих чувств, появляются и культивируются такие понятия, как «влюблённость», равно как и развивается соответствующий дискурс²². С этих пор выражение разнообразных «чувствований» для дворянина становится нормой, всё более значительное место начинает уде-

18 Фуко. 1996: 69.

19 Фуко. 1996: 69–70.

20 Фуко. 1996: 70.

21 Фуко. 1996: 52.

22 Болотов. 1986; Державин. 2000; Загряжский. 1993.

ляться описаниям любовных переживаний, и, в связи с этим, их «предмету» — женщине.

Однако, женские тексты и в этот период, и позднее продолжают создаваться значительно менее «чувствительными», демонстрируя «величайшую сдержанность в изображении любовных отношений»²³. В них подобных описаний практически нет, а повествования о чувствах и, в особенности, о любви носят гораздо более формализованный характер. Как отмечает А.В. Белова, «в письмах провинциальных дворянок... любовный и эротизированный дискурсы практически отсутствуют»²⁴. Это утверждение, по-видимому, справедливо для всей женской автодокументальной традиции, причём не только провинциальной, но и столичной²⁵. Более того, даже когда контекст предполагает наличие имеющего отношение к сексуальности дискурса, он, тем не менее, отсутствует или тщательно завуалирован²⁶. Как видим, на уровне изложения (но не переживания) любовных чувств женщины-дворянки демонстрируют значительно большую приверженность традиционным семейно-брачным ценностям в то время, как стремление к индивидуализации любовных переживаний остаётся в большинстве случаев прерогативой мужчин.

23 Пушкарева. 2008: 9.

24 Белова. 2013: 69.

25 ОХД до 1917 г. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 1258; РГАЛИ. Ф. 1. Д. 29, 45, 83; РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 134 и др.

26 Так, об истинном смысловом наполнении письма М.А. Анненковой брату можно догадаться исключительно по карандашной пометке на конверте, сделанной, очевидно, значительно позднее сыном адресата: «Письмо Марьи Алек. Батюшке — прос[ит] его о [приезде] ея любовника» (Курсив здесь и далее мой — О.Л.) (РГАЛИ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 282. Л. 2 об. Орфография и пунктуация источника сохранены).

Следующий пласт интересующего нас дискурса, выявленный в мужских автодокументальных текстах, уже представляет собой более непосредственный и явный комплекс речевых практик о сексе, однако встречается он значительно реже. Одними из самых ярких примеров таких текстов могут служить «Записки» М.П. Загряжского и «Дневники» А.Н. Вульфа, в которых тема сексуального поведения не только непосредственно представлена, но и занимает значительное место в повествовании:

Однажды она сидела у меня на коленях, держась левой рукой за шею... Я правой держал её за талию, а левой своевольничал далее и далее. Оба не знали, что делали. Один поцелуй произвел необыкновенное восхищение, какого в мою жизнь еще не бывало. Чувства нежной страсти разлились с головы до пят²⁷.

Софья становится нежнее со мною, я от этого в замешательстве: мне не хотелось бы на его (мужа Софьи, барона А.А. Дельвига — О.Л.) счёт гулять, а другого средства нет, чтобы избежать опасности, как не ходить ни к нему, ни к Анне Петровне (Керн, с которой А.Н. Вульф также состоял в любовных отношениях — О.Л.), что мне весьма тяжело <...> Софья была ещё нежнее: что будет — будет²⁸.

Как видим, в текстах мужчин не только они сами, но и дворянские женщины предстают значительно более сексуально раскрепощёнными, чем в своих собственных.

Действительно, сами дворянки по возможности вовсе избегают касаться вопросов столь «непристойного» характера, а если и затрагивают данный аспект в своих текстах, то демонстрируют самоограничение и отрицание собственной телесности и потребности в сексуальной жизни: «я не знаю скотской любви, и Боже меня спаси знать её, а я хочу любить

27 **Загряжский.** 1993: 149. У Михаила Загряжского речь идет о первых годах XIX в.

28 **Вульф.** 2016: 34. Алексей Вульф пишет в конце 1820-х гг.

чистой и непостыдной любовью»²⁹, либо собственную сексуальную непросвещённость:

ему казалось весьма естественным, чтобы 18 летняя девушка, *не имеющая понятия о любви*, отдалась человеку, который пользуется ею расположением³⁰.

Важно отметить, что и демонстрируемое отсутствие чувственности, и сексуальная непросвещённость самими дворянками — даже много лет спустя — осмысляются чаще всего³¹ в позитивном русле, очевидно, что ими подобная модель поведения воспринимается не только как предпочтительная, но как единственно возможная.

Разумеется, столь ощутимая разница ценностных ориентаций так или иначе влечёт за собой некоторое непонимание между мужчиной и женщиной, вступающих в межличностные отношения, что особенно ярко проявляется в ходе сватовства и в первое время супружеской жизни. Так А.Т. Болотов сетовал на свою невесту:

...не мог я от ней ни малейших взаимных и таких ласк и приветливостей, какие обыкновенно молодые жёны оказывают и при людях и без них мужьям своим. Нет, сего удовольствия не имел я в жизни!; ни малейшей — таки ласки и ни малейшего приветствия не хотела она мне оказать, и сколько я к ней ни ласкался, она и глядеть почти на меня не хотела.³²

29 Лабзина. 1903: 70

30 Ржевская. 2008: 46.

31 Видимое исключение составляет Е.Н. Водовозова, чьи мемуары содержат ярко выраженную негативную коннотацию своей и чужой сексуальной непросвещённости, но это, очевидно, объясняется тем, что они представляют собой один из наиболее поздних, привлечённых для данного исследования текстов и описывают события, относящиеся, в том числе, и к пореформенному периоду.

32 Болотов. 1986: 504.

А вот как пишет о своём женихе его современница А.Е. Лабзина:

я, увидя его, очень оробела, и так, что ноги подо мной дрожали. И я очень была довольна, что мне позволено было идти к себе в комнату; ...ласки моего назначенного мужа стали ко мне открытее. Но они меня не веселили, и я очень холодно их принимала... и сердце моё не чувствовало ни привязанности, ни отвращения, а больше страх в нём действовал³³.

Следует предположить, что причина столь различного описания любовного и сексуального поведения не сводится исключительно к специфике мужского и женского письма, а кроется в различном восприятии чувственной составляющей человеческого бытия, вытекающем из двойственности принципов сексуального воспитания, основанных на соответствующих представлениях о «нормативной» женственности и мужественности, сосуществования женской и мужской систем морально–этических норм.

Ещё более яркий пример, демонстрирующий подобную двойственность, — наличие в дворянской литературе такой категории, которую, используя формулировку издателя русских «непечатных» поэтических произведений в Женеве в 1879 г., можно обозначить как литература «не для дам» (или, как категоризировал некоторые свои произведения А.С. Пушкин — «не для печати»). Такое название может прекрасно охарактеризовать целое явление Пушкинской поры, да и всего интересующего нас периода, ведь произведения фривольного, «озорного» (и по большей части — эротического) содержания писал не только А.С. Пушкин³⁴, но и

33 Лабзина. 1903: 31.

34 «Не думав милого обидеть, // Взяла Лаиса микроскоп // И говорит: “Позволь увидеть, // Чем ты меня, мой милый, ё...”» (Пушкин. 2017: 33).

М.Ю. Лермонтов³⁵, а кроме признанных классиков русской литературы ещё и малоизвестные в нашей стране до недавних пор «непечатные классики» — И.С. Барков, А. Полежаев и многие другие. Данный пласт литературы свидетельствует о существовании достаточно хорошо развитого дискурса сексуальности, создаваемого, однако, исключительно мужчинами и существующего в сугубо мужской среде, ведь не вызывает сомнений, что женщины не только не писали ничего подобного, но и не читали такого рода сочинения³⁶. Очевидно, ключевыми факторами, влиявшими на формирование у мужчин такого пласта дискурсивных практик о сексе, была возможность свободного общения с представителями крестьянства (как с мужчинами, так и с женщинами, причём последние часто становятся для них и первыми сексуальными партнёрами³⁷), отличающимся достаточно непосредственным восприятием сексуальной стороны жизни, а также обсуждения сексуальных тем со сверстниками, что и нашло своё отражение в многочисленных текстах — как личного происхождения, так и литературных.

Разумеется, подобные произведения не печатались и не предназначались для печати, ведь данный период характеризуется настолько жёсткой официальной цензурой, что купюры накладывались и на гораздо более нейтральные формулировки. Как уже было упомянуто, наиболее плотно си-

35 «Меж тем рука всё далее ползёт, // Вот круглая коленочка... и вот, // Вот — для чего смеётесь вы заране? — // Вот очутилась на двойном кургане» (Лермонтов. 1970: 600).

36 В альбоме А.П. Керн А.С. Пушкин написал характерное четверостишие о И.С. Баркове, демонстрирующее обозначенную исключённость женщины из дискурса сексуальности: «Не смею вам стихи Баркова // Благоприятно перевесть // И даже имени такова // Не смею громко произнести!»

37 Кон. 1995: 49.

стема государственных запретов окутывала две сферы — власти и сексуальности. Что касается первой — об этом уже не раз писалось в историографии, о второй же говорит, в первую очередь, понятие «нецензурный», актуальное до сих пор, кроме того, её достаточно ёмко характеризует в своих «Дневниках» А.Н. Вульф:

Смешно рассказывал Пушкин, как в Москве цензи́ровали его «Графа Нулина»: нашли, что неблагопристойно его сиятельство видеть в халате! На вопрос сочинителя, как же одеть, предложили сюртук. Кофта барыни показалась тоже соблазнительною: просили, чтобы он дал ей хотя салоп³⁸.

Таким образом, как видим, любой сексуализированный дискурс пресекается уже на уровне государственной цензуры.

Однако, на наш взгляд, не менее важно, что в данный период цензура в отношении сексуальности осуществляется не только на государственном, но и на «частном» уровне. Факт наличия своего рода внутрисемейной цензуры подтверждает следующее высказывание того же Пушкина:

как будто литература и существует только для 16-летних девушек! Вероятно, благоразумный наставник не дает в руки ни им, ни даже их братцам полных собраний сочинений ни единого классического поэта, особенно древнего. На то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под. Но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик³⁹.

Подтверждается это и в IV главе «Евгения Онегина», где Ленский «... читает Оле // нравоучительный роман... // А между тем две, три страницы // (Пустые бредни, небылицы, // Опасные для сердца дев) // Он пропускает покраснев»⁴⁰. Данные примеры демонстрируют табуирование информа-

38 Вульф. 2016: 24.

39 Пушкин. 1962: 342.

40 Пушкин. 1960: 84.

ции на сексуальные темы, в первую очередь, именно для «дев», «девушек», то есть незамужних представительниц дворянского сословия.

Существование подобных запретов неоднократно упоминается и самими дворянками в воспоминаниях о своём воспитании — как домашнем, так и институтском⁴¹, на основе чего можно сделать вывод, что они являлись общим местом в системе дворянского женского воспитания. Кроме того представления об «опасности» «неразборчивого чтения» для барышень были аккумулированы писательницей-моралисткой мадам де Жанлис, весьма популярной в России в начале XIX в., в произведении «Гортензия, или Жертва романов и путешествий», что могло также способствовать распространению подобных представлений среди самих юных представительниц дворянского сословия.

Характерно, что и во второй половине XIX в., когда либеральные идеи уже несколько повлияли на отношение к женщине в обществе и «женский вопрос» занимал умы прогрессивной общественной мысли, даже «демократ по своим убеждениям» инспектор Смольного института К.Д. Ушинский демонстрирует схожие представления в отношении юных воспитанниц:

...только никогда не читайте книг, не посоветовавшись раньше со мною, а Павского, пожалуйста, не раскрывайте больше⁴².

С этим коррелирует воспоминание С.А. Толстой, жены и помощницы Л.Н. Толстого, так же относящееся к 60–м гг. XIX в.:

41 **Водовозова.** 1911: 371.

42 **Водовозова.** 1911: 383.

Помню, я раз очень огорчилась, что Лев Николаевич написал цинично о каких-то эпизодах разврата красавицы Елены Безуховой. Я умоляла его выкинуть это место; я говорила, что из-за такого ничтожного, малоинтересного и грязного эпизода *молодые девушки будут лишены счастья читать это прелестное произведение*. И Лев Николаевич сначала неприятно на меня огрызнулся, но потом выкинул всё грязное из своего романа...⁴³.

Очевидно, такая гендерная цензура, существенно ослабевала после замужества (что, в частности подтверждает пример упомянутой С.А. Толстой) — не столько в связи со сменой лиц, в зависимости от которых находилась женщина, сколько ввиду значительной перемены в её статусе и приобретения ею непосредственного сексуального опыта. Безусловно, такого рода градация была весьма существенной в жизни дворянки, но всё же не всегда контроль за её «нравственностью» ослабевал в браке, как, например, это было в случае с А.Е. Лабзиной в доме М.М. Хераскова:

*они, видя мою детскую невинность и во всём большое незнание... начали меня удалять <...> в гости никуда не брали, ни в театры, ни на гулянья*⁴⁴.

Очевидно, ввиду крайней сексуальной непросвещённости и раннего вступления в брак 15-летняя замужняя дворянка продолжала восприниматься как «невинная» девушка и подвергалась на этом основании прежней депривации.

Главным запретом в рамках обозначенной цензуры на протяжении всего интересующего нас периода остаётся недозволенность «самостоятельного» чтения девушкой иностранных романов⁴⁵, которые могли бы дать ей доступ хотя

43 Толстая. 1998: 67.

44 Лабзина. 1903: 53.

45 «...приучили... утром заниматься хорошей книгой, которые мне давали, а не сама выбирала. К счастью, я ещё не имела случая читать романов, да и не слыхала имени сего... Наконец, спросила у Елизаветы Васильевны, о

бы к малейшей информации на сексуальные темы, являясь для юной барышни фактически единственным источником подобных познаний. Однако, очевидно, что и любая другая литература, содержащая соответствующий дискурс, ей также не дозволяется — в том числе и многие из произведений отечественных сочинителей, в частности, содержащие известную долю эротизма поэтические произведения первой половины XIX в. (Е.А. Баратынского, К.Н. Батюшкова, Н.М. Языкова, Д.В. Давыдова и мн. др.) не говоря уже о «непристойных» стихотворениях этих и прочих авторов.

Если б «Недоросль», сей единственный памятник народной сатиры, «Недоросль», которым некогда восхищалась Екатерина и весь её блестящий двор, если б «Недоросль» явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку канальей и собачьей дочерью, а себя сравнивает с сукою... «Что скажут дамы! — воскликнул бы критик, — ведь эта комедия может попасться дамам!»...⁴⁶

Из этих слов А.С. Пушкина, можно сделать вывод о том, что в интересующий нас период происходит лишь ужесточение сексуальной морали через систему представлений о «пристойном» и «позволительном» для дам.

Впрочем, помимо этого, отсутствие доступа дворянки к отечественной литературе могло иметь под собой и другие основания. Так, в первой половине XIX в. «дамским» языком в высшем обществе считался французский⁴⁷ или смесь французского и русского языков, в связи с чем, многие «модницы»

каком она всё говорит Романе, а я его у них никогда не вижу. Тут мне уж было сказано, что не о человеке говорили, а о книгах, которые так называются; “но тебе их читать рано и нехорошо”» **Лабзина**. 1903: 53.

46 **Пушкин**. 1962: 342.

47 «Нужно заметить, что в то время дамы, имевшие претензию на образование, переписывались не иначе, как на французском языке» (**Водовозова**. 1911).

вовсе не читали русскую литературу⁴⁸. Однако, безусловно, не сами барышни определяли и подобную специфику собственного образования:

сами мы никогда не читали ни одного произведения знаменитого русского писателя, а преподаватель знакомил нас с ним лишь в отрывках⁴⁹; я страстно люблю поэзию <...> Баллады Жуковского долго были единственными известными мне образцами русской поэзии... у нас была довольно большая библиотека, но она состояла преимущественно из иностранных книг; ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова в ней не было. Я никак не могла дожждаться того дня, когда в первый раз досталась мне в руки хрестоматия Филонова... Это было настоящим откровением для меня. В течение нескольких дней спустя я ходила как сумасшедшая, повторяя строфы из «Мцыри» или из «Кавказского пленника», пока гувернантка не пригрозила, что отнимет у меня драгоценную книгу⁵⁰.

Разумеется, такая хрестоматия, «купленная по настояниям... учителя», содержала соответствующую выборку произведений, представляя собой «дозволенное» с точки зрения «прюдкой» гувернантки чтение для девочки.

Но, всё же, судя по всему, даже некоторые из «печатных» и «цензурных» по тем временам произведений российских авторов создаются также «не для дам» — о подобной «исключённости» дворянских девушек и даже многих женщин⁵¹ свидетельствует учреждение лишь в 1859 г. специализированного женского издания — журнала «Рассвет». Разумеется, это вовсе не означает, что ими не читались газеты и литературные журналы — так, Елизавета Быкова в письме своей приятельнице и родственнице Вере Аксаковой сообщала:

48 **Лотман.** 2006: 54–55; 76.

49 **Водовозова.** 1911: 348.

50 **Ковалевская.** 1974: 136.

51 Значимое исключение составляли жёны литераторов, так или иначе погружённые в литературную среду, хозяйки модных салонов и те немногие женщины, которые имели возможность следить за литературной жизнью.

добрейшего Сергея Тимофеевича статью я читала в Московских газетах, хоть и не было его фамилии, но я догадалась по первым буквам. [Трошинский] выписывает все журналы и газеты и я с жадностью пересматриваю все дабы найти о брате»⁵².

Конечно, это письмо характеризует ситуацию уже середины XIX в., но даже тогда, по-видимому, подобные практики не были всеобщими.

Очевидно, что зачастую даже обращение поэта к женщине в своих «публичных» и публикуемых сочинениях вовсе не гарантирует, не только того, что произведение предназначено его мнимой адресатке, но и того, что оно предназначается для женского прочтения как такового. Одним из множества примеров может служить стихотворение «Решительный вечер» Д.В. Давыдова, которое по стилистическим особенностям и смысловой нагрузке близко многочисленным «внутримужским» поэтическим «посвящениям». Следует заключить, что мужчина-автор, даже обращаясь в своих произведениях к женщине, по-прежнему ориентируется, в первую очередь, на читателя-мужчину, а, по мнению А.С. Пушкина, женщин и вовсе не интересует поэзия (при том, что собственно женские тексты, как мы увидели, демонстрируют совершенно иную картину⁵³).

На основании нового дискурса о чувствах в российском дворянском обществе формируется соответствующая система представлений и речевых практик, однако, будучи по своему происхождению «мужской» она воспринимает женщину

52 РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 9.

53 «Он (П.А. Плетнёв — О.Л.) принёс мне несколько отрывков из новой поэмы, которою занят в настоящий момент Пушкин <...> Сохрани их, — это драгоценность, так как это — руки самого Пушкина...» (Письмо С.М. Дельви́г к А.Н. Семеново́й от 13 октября 1824 г. Цит. по: **Модзалевский**. 1999: 233–234); «В несколько дней я так пристрастилась к чтению, что институтский колокол, отрывавший меня от него, сделался моим злейшим врагом» (**Водовозова**. 1911: 388).

лишь как объект, обезличивает женское любовное чувство, подвергая его определённому упорядочиванию дискурсов и отстраняя женщину от наиболее значимых из них. Всё это также сказывается и на произведениях недавно возникшей женской автодокументалистики, увеличивая различия мужского и женского письма.

Но конец XVIII — середину XIX в. характеризует разница не только «женского» и «мужского» дискурсов, но ещё и расслоение внутри сугубо «мужских» дискурсивных практик о сексе, в рамках которых наиболее противопоставлены друг другу два пласта. Чтобы наиболее наглядно продемонстрировать сосуществование двух данных способов выражения сексуальности в тексте, можно привести «хрестоматийный» пример — отношения А.П. Керн и А.С. Пушкина: известно, что именно её в своём знаменитом стихотворении⁵⁴ поэт называет «мимолётным виденьем» и «гением чистой красоты», формируя некий «публичный» дискурс; в то же самое время, в рамках дискурса «приватного», «закрытого», «мужского» (в письмах друзьям-мужчинам — А.Н. Вульф, С.А. Соболевскому) поэт между делом упоминает «*m-me Kern*, которую с помощью божией... на днях [у...б]»⁵⁵, и называет её «Вавилонской блудницей»⁵⁶. Разумеется, данный пример далеко не единственный, но он наиболее ярко свидетельствует о поляризации дискурсов мужской сексуальности, об усилении рассогласованности возвышенного духовного и низменного телесного, характеризующих как мужскую систему речевых практик о сексе, так и в целом — сек-

54 Пушкин. 1959: 89.

55 Пушкин. 1962: 273.

56 Пушкин. 1962: 232.

суальность российского дворянства в конце XVIII — первой половине XIX в.

Поскольку установившаяся в рассматриваемый период «модель сексуальной строгости»⁵⁷ блокировала соответствующие речевые практики, в особенности, у девушек и женщин, «дамский» дискурс о сексе замещается иным, также дающим возможность выражать симпатии и влечения дворянки, но выраженным исключительно в категориях романтического любовного чувства. Однако и на этом, куда более «легитимном» дискурсивном уровне, если мужчины активно выражают свои «чувствования», и это становится своего рода модной тенденцией, то женщины демонстрируют в своих текстах сдержанность, скованность и самоограничение. Такая специфика мужского и женского восприятия чувственной сферы искусственно создавалась и поддерживалась с помощью различий — как в возможностях доступа к информации о сексуальности (контроль над которыми осуществлялся, например, через наличие «гендерной цензуры»), так и в морально-нравственных установках мужчины и женщины.

Важно отметить, что и понятие о любовном чувстве у российской дворянки конца XVIII — первой половины XIX в. существенно отличалось от привычного и хорошо знакомого нам по произведениям русской классической литературы взгляда, сконструированного мужчинами-авторами. В женских эгодокументальных текстах любовь, зачастую, выступает не столько как индивидуальное романтическое чувство, сколько как некая вмняемая девушке/женщине обязанность:

...передательницу генеральских желаний я спросила: «А буду я его любить, когда сделаюсь его женою?», и она ответила: «Разумеет-

57 Фуко. 1998: 251.

ся...»⁵⁸; этого человека я могла бы сердечно любить, не будь я предупреждена, что девушка должна беречь своё сердце для человека который за неё посватается⁵⁹.

А мать мемуаристки Е.Н. Водовозовой, находит вопрос своих взрослых уже детей о том, была ли она «влюблена» в своего будущего мужа, и вовсе неприличным: «все эти ваши слова о страстной любви, о неземных увлечениях — только одни *пошлости*, и больше ничего...»⁶⁰ (а ведь этот разговор происходит уже в 60–е годы XIX в.).

Центральной категорией, определяющей поведение, «приличествующее молодой девице», в женских автодокументальных текстах на протяжении данного периода остаётся понятие «чистой и законной» любви. «...Избегай всех пороков, береги своё сердце от *непозволенной любви*»⁶¹ — вспоминает заветы своей матери мемуаристка А.Е. Лабзина. Так нормализуется сфера чувств дворянки, в результате чего у неё формируется представление о любви как о некоей регламентируемой и конструируемой деятельности, являющейся её непосредственной обязанностью. Причём обязанность эту она призвана была исполнять исключительно по отношению к «законному» объекту чувств, то есть супругу, которому она «должна беспредельным повиновением и истинною любовью»⁶² — «столь естественными и наглядными последствиями её положения, что она не может... отказаться от своей обязанности, если только не совсем ещё испорчены её естественные склонности»⁶³.

58 Керн. 1929: 48.

59 Ржевская. 2008: 57.

60 Водовозова. 1911: 6.

61 Лабзина. 1903: 32.

62 Лабзина. 1903: 35.

63 Руссо.

Следовательно, понятие любви также следует признать историчным, ведь оно наполняется различными смыслами в зависимости от тех или иных социокультурных условий. Так, ситуация, когда браки заключались без взаимной «склонности», очевидно, требовала именно такого отношения к любовному чувству. «Люби мужа твоего чистой и горячей любовью»⁶⁴ — наставляют дворянку, и она следует этому наставлению: «...любила ево очень, хатя никакова знакомства прежде не имела»,⁶⁵ — эти слова первой российской мемуаристки Натальи Долгорукой отражают тенденцию, характерную для многих женских текстов позднейшего периода: они констатируют факт любви к будущему мужу, возникшей едва ли не с первого взгляда.

Особенно наглядно это прослеживается в выявленном в РГАЛИ эпистолярном комплексе, представляющим собой последовательность из 23 писем Елизаветы Быковой (урожд. Гоголь–Яновской) к Вере Аксаковой⁶⁶, отосланных в течение более чем двух лет, на протяжении которых их автор познакомилась со своим будущим мужем, была «просватана», «выдана» замуж и родила первого ребёнка, что и находит последовательное отражение в данном источнике личного происхождения.

Так, в первом письме, где упоминается о будущем супруге, в июне 1851 г. Е.В. Быкова пишет лишь:

я сговорена за штабс-капитана Сапернаго Владимира Ивановича Быкова. Он стоял эту зиму в Кагаринке, и как мне могли заметить чудесный человек таких благородных правил и очень религиозен. Свадьба назначена в сентябре или октябре <...> помолитесь обо мне это такой важный шаг в моей жизни, попросите помо-

64 Лабзина. 1903: 32.

65 Долгорукая. 1913: 14.

66 РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–42.

литься тоже ваших милых сестриц, теперь особенно нужна для меня их молитва⁶⁷.

Однако в июле тон письма уже иной:

прошлую зиму как вы уже знаете мы провели в Кагаринке у дяди. Через несколько дней после нашего приезда перевели его с ротой туда же. Сначала он бывал редко, под конец же очень часто, но мы не как не принимали этого на свой счет, особенно я, *он как казалось совсем не обращал на меня внимания <...> и я с ним почти никогда не говорила*; нашему знакомству мы обязаны [шашечной]. Уехала я из Кагаринка очень грустная, не скрою вам, что *он мне очень нравился*, он мне ничего не [намекнул] на счет своего намерения. Через месяц только по нашему приезду домой нас удивило письмо от него с предложением...⁶⁸.

Но ещё более ощутимо её стиль «говорения» о чувствах к супругу меняется после свадьбы, то есть после «узаконения» их отношений, что вступает уже даже в некоторое противоречие с содержанием первого из приведённых писем:

22 октября я рассталась с домом, тяжело было оставить всех; я так рада, что Анет со мной приехала и что я рассталась не со всеми вдруг <...> *Я вполне счастлива, Владимир так добр, я его так много люблю и любима взаимно*⁶⁹.

Очевидно, что наличие многочисленных примеров демонстрирует некую норму, вменявшую дворянке в обязанность «любить избранника»⁷⁰, при том, что в большинстве случаев она даже не имела реальной возможности его выбирать. А ведь брак, будучи центральной категорией в системе жизненных устремлений дворянской девушки, являлся той сферой, в которой она — за неимением альтернативы —

67 РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 3 об.-4.

68 РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 5 об.-6 об.

69 РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 7-7 об.

70 Пушкирева. 2012: 54.

должна была себя реализовывать, и важность данного события для неё трудно переоценить.

Следовательно, представления о любви к мужу как о прямой обязанности и даже как о чувстве, которое можно и нужно сознательно и искусственно конструировать, внедрялись в сознание дворянки целенаправленно и должны были являться важной частью её мировоззрения, ведь такая позиция женщины сглаживала возможные конфликты между мало знакомыми, в сущности, супругами и вносила комфорт и стабильность в семейную жизнь:

несмотря на то, что её выдали замуж против воли, любит она своего мужа более, нежели другие, вышедшие замуж по склонности⁷¹.

В полной мере плоды такой воспитательной стратегии продемонстрировали женщины-дворянки 1820-х гг. — жёны декабристов, каждая из которых была «предана душой и сердцем своему... мужу»⁷². Показательно, что подобная позиция женщины по отношению к сфере чувств вызывает некое недоумение со стороны более «прогрессивных» в вопросах «чувствований» мужчин, что находит своё отражение уже в конце XVIII в. в «сентиментальных» автодокументальных текстах, а позднее — и в литературе⁷³.

71 Вульф. 2016: 79.

72 Волконская. 2006: 18.

73 «...Не промысл вас берег и прочил друг для друга, // Но света произвол вам наложил союз. // Я знаю, ты не лицемеришь; // Как свежая роса, душа твоя светла; // Но, суеверная, рассудку слепо веришь // И сердце на его поруку отдала. // Ты веришь, что, как честь, насильственным обетом // И сердце вольное нетрудно обложить, // И что ему под добровольным гнетом // Долг может счастье заменить!..» (Вяземский). Ср.: «Но я другому отдана — именно отдана, а не отдалась! Вечная верность — кому и в чём? Верность таким отношениям, которые составляют профанацию чувств и чистоты женственности, потому что некоторые отношения, не освящаемые любовью, в высшей степени безнравственны...» (Письмо В. Белинского к В. Боткину от 4 апреля 1842 г. Цит. по: Огнёв. 2000: 11).

Такое восприятие, в определённой степени лишавшее сферу любовных чувств индивидуальности, заметно сближает её с представлениями о «супружеской любви», характерными для христианства⁷⁴. Разумеется, это не означает, что дворянские девушки, даже очень религиозные, мыслили и чувствовали именно таким образом, но большинство женских текстов демонстрирует достаточно схожую систему представлений, что позволяет нам говорить о некоей норме, по меньшей мере, дискурсивной, имевшей место в рамках российской дворянской культуры.

Безусловно, во все времена чувства людей индивидуальны и неповторимы, равно как и в разные эпохи — вплоть до современности — предпринимаются попытки подвергнуть их упорядочению. В противовес вышеприведённому «легитимному» письму, до нас дошли и яркие примеры «прорыва» некоего «ненормативного» женского дискурса, значительно более эмоционального, экспрессивного и чувственного, нежели того требовал канон. В первую очередь, это широко известные эпистолярные дневники Анны Керн:

я либо холодна, либо горяча, а равнодушной быть не умею; я люблю его так, что и выразить нельзя, люблю в нём решительно всё; чем больше я думаю, тем яснее вижу, что это — настоящая любовь; ...я буду обожать Шиповника до последнего своего вздоха, разумеется, однако, если он останется мне верен...⁷⁵ и т. д.

Можно предположить, что подобные живость и эмоциональность изложения обусловлены жанром источника: это дневник⁷⁶, следовательно, в нём отражены сиюминутные чувства и порывы, а также, вероятно, в отличие от традици-

74 Пушкарева. 2008: 4–5.

75 Керн. 1929: 104–105; 113

76 Данный источник личного происхождения представляет эпистолярный дневник, то есть письма, выполненные в форме дневника.

онного, привычного дворянке письма, он не требовал столь строгой формализации чувств посредством устоявшихся стилистических приёмов, предусмотренных правилами эпистолярного стиля. Нельзя также сбрасывать со счетов и неординарность автора, отмечаемую даже ею самой («я ведь не похожа на других!»⁷⁷) и снискавшую ей, в частности, как дружбу и уважение, так и весьма полярные характеристики А.С. Пушкина, о которых шла речь выше. А на основании дневника А.Н. Вульфа можно говорить и о её сексуальной раскрепощённости⁷⁸, выходящей, по-видимому, за рамки общепринятых норм и известной сегодня, по большей части, благодаря двусмысленным упоминаниям А.С. Пушкина, А.Н. Вульфа и других, и значительно более сдержанно выраженной в её собственных текстах.

Подобные же тенденции можно проследить и в эпистолярных текстах других дворянок, в частности, и женщин «пушкинского круга». Пожалуй, особенно неординарными следует признать эпистолярные тексты Анны Вульф (сестры Алексея Вульфа), адресованные поэту:

...весьма возможно, что вы уже не помните последних дней, которые мы провели вместе. Я жалею, что не написала вам в первые дни моего приезда: мое письмо было бы прелестным, но теперь... я могу быть только нежной и думаю, что в конце концов порву это письмо. Знаете ли вы, что я пишу вам письмо и плачу? Меня это компрометирует, я чувствую, но это сильнее меня; я не могу себя преодолеть;⁷⁹ не думайте, однако же... что тут никого у меня нет... я нашла здесь очень милого кузена, который меня страстно лю-

77 Керн. 1929: 94.

78 «Рассудив, что, по дружбе её с Анной Петровной... она (Софья Дельвиг — О. Л.) не должна быть весьма строгих правил... решился я её предочесть» (Вульф. 2016: 50); «Анна Петровна сказала мне, что вчера поутру у ней было сильное беспокойство: ей казалось чувствовать последствия нашей дружбы...» (Вульф. 2016: 37).

79 Вульф. 2013: 41–42.

бит... Это не улан, как вы может быть готовы предположить, но гвардейский офицер, очаровательный молодой человек, который мне ни с кем не изменяет; слышите? <...> Но увя! Я *ничего не чувствую при его приближении*: присутствие его *не вызывает во мне никакого волнения*⁸⁰; ах, Пушкин, не достойны вы любви, и я вижу, что была бы счастливее, если бы покинула Тригорское ранее и если бы последнее время, проведенное с вами, могло бы изгладиться из моей памяти⁸¹ и т. д.

Следует подчеркнуть, что данные строки написаны незамужней девушкой, за сексуальным поведением которой, судя по всему, осуществлялся наиболее строгий контроль. Как видим, он всё же не мешал развитию чувственности барышни и даже соответствующего дискурса — последний лишь был скрытым, тайным, ввиду чего его сложно обнаружить в дошедших до нас текстах.

Подтверждением этому может служить тот факт, что такой прорыв чувственности в письме, становился возможен, в первую очередь, благодаря обходным технологиям отправки и получения писем, что практиковалось, как Анной Вульф («я не знаю, куда адресовать вам это письмо, я боюсь, как бы на Тригорское оно *не попало в руки мамы*»⁸², «тут знают вашу руку»⁸³; «я пишу вам через Вяземского; он не знает, от кого это письмо, он обещал его сжечь, если не сможет вам его передать»⁸⁴), так и Анной Керн (в отличие от незамужней А.Н. Вульф, ей, по-видимому, было несколько легче скрывать свою «тайную» корреспонденцию, однако, когда её дневники или какая-то их часть были обнаружены мужем, её ждал

80 Вульф. 2013: 42.

81 Вульф. 2013: 47.

82 Вульф. 2013: 45.

83 Вульф. 2013: 50.

84 Вульф. 2013: 54.

крупный семейный скандал, о чём она также впоследствии сообщила в данном тексте).

В целом же, однако, «мужские» источники любого вида, как правило, несравнимо более полно, чем «женские», демонстрируют сферу чувств, эротических переживаний и сексуального поведения автора, ведь женщинам для такого «письма» приходилось преодолевать значительно более строгие табу и запреты. Характерно, что «знаток» женской сексуальности Алексей Вульф не только об А.П. Керн отзывается, как о женщине не «весьма строгих правил» — схожи его суждения и о своей родной сестре:

чрезвычайно трудно согласить мнение брата и любовника о поведении девушки: первый желает, чтобы и подозрение одно не могло коснуться сестры, другой требует по крайней мере... предпочтения, которое он бы нашёл весьма неприличным, если его сестра оказывала бы другому; сестра не умеет себя вести и вряд ли когда-либо таким образом найдет порядочного мужа⁸⁵.

Судя по всему, такое сексуальное поведение, выходящее за строгие рамки приличий, не было доступно большинству их современниц, однако примеры А.П. Керн, А.Н. Вульф и других демонстрируют, что оно не только было возможным, но и практиковалось российскими дворянками — как замужними, так и барышнями.

Вспомним также, что А.П. Керн позволила себе нарушить социально поощряемую модель поведения, уйдя с детьми от нелюбимого мужа, чем, безусловно, скандализировала своё имя — «...по приговору света // На честь утратила права»⁸⁶, — вследствие чего была вынуждена в конце жизни бедствовать, будучи лишённой «генеральской пенсии», кроме того, что весьма характерно, её второй муж ока-

85 Вульф. 2016: 60.

86 Пушкин. 1959: 272.

зался фактически лишён возможности карьерного роста из-за скандальной репутации жены.

Следовательно, несмотря на имеющуюся тенденцию к индивидуализации и более свободному выражению эмоций и чувств, «отказ» дворянки любить того, кого предписано, прорыв некоего «нелегитимного» любовного чувства в данный период рассматривался обществом как угроза существующему матримониальному порядку и неизбежно влёл за собой жёсткие социальные санкции, а описания любовного чувства, которое носило бы индивидуальный характер, если и встречались в женской автодокументальной традиции, то представляли собой скорее исключение, нежели правило. Ввиду этого можно заключить, что не просто женский дискурс о сексе замещается иным, выражающим чувства, симпатии и влечения дворянки исключительно в категориях романтического любовного чувства, но и последний подвергается строгой нормализации и унификации.

Однако, обходя многочисленные табу, женщины-дворянки оказываются склонны осмыслять и описывать сексуальность через жизненные опыты «Другого»⁸⁷ (даже при наличии собственных аналогичных практик), что особенно ярко нашло своё отражение в «Мемуарах» В.Н. Головиной, но имеет место и в других разнородных источниках, становясь важным механизмом для понимания дворянками собственной сексуальности и приобретения нового, пусть и исключительно дискурсивного, опыта.

Если же вести речь о письмах, как наиболее массовых источниках личного происхождения, можно сказать, что, в целом, не только «сексуальный», но и «любовный» дискурс в них практически отсутствует. Описание даже вполне «нор-

87 Белова. 2010: 276.

мативного» любовного чувства, имеющего место в контексте брака или сватовства, не противоречившего «официальным» морально-нравственным установкам, каким оно представлено в письмах Е.В. Быковой⁸⁸ — скорее, редкость. Очевидно, потребность в своеобразной легитимизации своей любовной привязанности женщина-дворянка испытывала в большей степени при написании мемуаров, воспоминаний, с их глобальным осмыслением собственной жизни; письма же, как правило, служили передаче более локальной и конкретной информации.

Но, несмотря на практически полное отсутствие информации на сексуальные темы, как в жизни, так и в переписке российских знатных женщин, даже подобные, формализованные тексты демонстрируют, что межполовые отношения волнуют дворянок различного возраста и социального статуса. Рассказать новые подробности о «счастливых» новобрачных женихе и невесте своей подруге-фрейлине спешит Елена Строганова⁸⁹, три поколения дворянок интересуются появлением «никому не знакомого молодого человека», который впоследствии оказывается «новым учителем русского языка» у соседских детей⁹⁰, новости о родах в семье общих знакомых⁹¹ становятся для дворянки не менее, а может, и более важны, чем те или иные события государственного масштаба⁹².

Как видим, в женской эпистолярной традиции отсутствует сколько-нибудь сформировавшаяся система «говoreния» о сексуальности, ведь над нею, помимо общей системы

88 РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. Л. 1-42.

89 ОХД до 1917 г. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 1258.

90 ОХД до 1917 г. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 141. Л. 1 об.-2.

91 ОХД до 1917 г. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 990.

92 ОХД до 1917 г. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 16.

табу на соответствующий дискурс, как правило, довлеет ещё и строгий этикет дворянского письма, при работе с такими «сдержанными» текстами время от времени необходимо исходить не из того, что содержится в источнике, а из того, чего в нём нет, пытаясь определить причину тех или иных умолчаний.

Итак, в рассматриваемый период система речевых практик о сексе в рамках дворянского сословия развивается в двух различных направлениях. Одно из них, будучи сугубо «мужским», являет собой пример экспрессивного, в большей или меньшей степени непосредственного и откровенного речевого процесса, обладающего соответствующей лексикой (которая зачастую могла быть обценной), толерантным отношением к проявлениям своей и чужой (но, как правило, всё же, только мужской) чувственности; второе же, открытое женщине, но зачастую лишь как объекту мужских эротических переживаний, оказывалось более «легитимным», всеобщим, но сильно формализованным и эвфемистическим. Очевидно, что женщины не только не принимали участия в первом из них, но были из него сознательно исключены и поставлены в жесткие моральные рамки соответствующей их полу модели сексуального поведения — в том числе и речевого. В наиболее невыгодном положении оказываются девушки-дворянки: им позволено читать только то, что заведомо исключает сколько-нибудь значимую информацию о сексуальности, и это блокирует для них фактически единственный возможный способ сексуального просвещения.

В связи с этим трудно отыскать ярко выраженную проблематику сексуальности в женских текстах, в которых она явственно проступит не раньше рубежа XIX — XX вв. Однако это не значит, что следует положиться исключительно на мужское видение женской сексуальности, ведь от мужского

взгляда может ускользнуть не только своеобразие женских чувств и переживаний, но и причины того или иного сексуального поведения дворянки. Напротив, выявленные существенные различия в дискурсивных практиках женщины и мужчины свидетельствуют о необходимости изучения, альтернативного, скрытого, собственно женского взгляда на свою и чужую сексуальность.

В женских эгодокументальных текстах, отличающихся значительной сдержанностью по сравнению с мужскими, «говорение» на сексуальные темы замещено речевыми практиками о любви, причём последняя понимается ими как сознательно и искусственно конструируемая категория, «помогающая» российской дворянке любить того, кого необходимо, то есть будущего мужа, в выборе которого она, как правило, никак не участвует.

Судя по всему, несмотря на имеющуюся тенденцию к индивидуализации и более свободному выражению эмоций и чувств, «отказ» дворянки любить того, кого предписано, прорыв некоего «нелегитимного» любовного чувства в данный период рассматривается обществом крайне негативно, а описания любовного чувства, которое носило бы индивидуальный характер, если и встречаются в женской автодокументальной традиции, то представляют собой скорее исключение, нежели правило. Ввиду этого можно заключить, что не просто женский дискурс о сексе замещается иным, выражающим чувства, симпатии и влечения дворянки исключительно в категориях романтического любовного чувства, но и последний подвергается строгой нормализации и унификации.

В условиях фактической исключённости российской дворянки из числа «говорящих субъектов», участвующих в воспроизводстве дискурса сексуальности, комплекс женских

речевых практик о сексе замещается иным, выражающим чувства, симпатии и влечения дворянки исключительно в категориях романтического любовного чувства. Будучи при этом в большинстве случаев формализованным и отражающим, скорее, не живые индивидуальные чувства и переживания, а некие установки, любовное чувство представляется ей своеобразной сознательно и искусственно конструируемой категорией и, как правило, увязывается исключительно с личностью «законного» объекта чувств — жениха, мужа. Несогласие же следовать подобной нормативности и любить того, кого «предписано», рассматривалось обществом как угроза существующему матримониальному порядку и могло повлечь за собой жёсткие социальные санкции, поэтому описания любовного чувства, которые носили бы индивидуальный характер, если и встречаются в женской автодокументальной традиции, то представляют собой скорее исключение, нежели правило.

Список источников и литературы

Источники

Болотов. 1986 — Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Сост., вступ. Ст. и примеч. А.В. Гулыги. М., 1986.

Волконская. 2006 — Волконская М.Н. Записки. Мюнхен, 2006.

Водовозова. 1911 — Водовозова Е.Н. На заре жизни. Воспоминания Е.Н. Водовозовой. СПб, 1911.

Вульф. 2016 — Вульф А.Н. Дневник 1827–1842 годов. Любовные похождения и военные походы / А. Н. Вульф. М., 2016. С. 34.

Вульф. 2013 — Вульф А.Н. Письмо А.Н. Вульф к А.С. Пушкину от начала марта 1826. Малинники // Письма женщин к Пушкину / сост. Л.П. Гроссман. Москва, 2013. С. 41–42; Вульф А.Н. Письмо А.Н. Вульф к А.С. Пушкину от начала марта 1826. Малинники // Письма женщин к Пушкину / сост. Л.П. Гроссман. Москва, 2013. С. 41–42 С. 42; Вульф А.Н. Письмо А.Н. Вульф к А.С. Пушкину от 20 апреля 1826. Малинники // / сост. Л.П. Гроссман. Москва, 2013. С. 41–42 С. 47; Вульф А.Н. Письмо А.Н. Вульф к А.С. Пушкину от начала марта 1826. Малинники // Письма женщин к Пушкину / сост. Л.П. Гроссман. Москва, 2013. С. 45; Вульф А.Н. Письмо А.Н. Вульф к А.С. Пушкину от 20 апреля 1826. Малинники // Письма женщин к Пушкину / сост. Л.П. Гроссман. Москва, 2013. С. 50; Вульф А.Н. Письмо А.Н. Вульф к А.С. Пушкину от 11 сентября 1826. Петербург // Письма женщин к Пушкину / сост. Л.П. Гроссман. Москва, 2013. С. 54.

Вяземский — Вяземский П.А. К мнимой счастливце: <http://ruspoeti.ru/aut/vyazemskij/4401/> (11.02.2019).

Грациан-и-Моралес. 1742 — Грациан-и-Моралес Б. Грациан придворный человек. СПб., 1742.

Державин. 2000 — Державин Г.Р. Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина. М., 2000.

Добрыя мысли. 1789 — Добрыя мысли, или Последняя наставления отца к сыну, исполненные различными разсуждениями, М., 1789.

Долгорукая. 1913 — Долгорукая Н.Б. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой. СПб, 1913.

Загряжский. 1993 — Загряжский М.П. Записки (1770–1811) // Лица. Биографический альманах. Т. 2 / Ред. Сост. А.А. Ильин-Томич; коммент. В.М. Боковой. М.; СПб., 1993. С. 29–162.

Керн. 1929 — Керн А.П. Воспоминания // Воспоминания А.П. Керн. Л. 1929.

Ковалевская. 1974 — Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести. М., 1974.

Лабзина. 1903 — Лабзина А.Е. Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной. СПб., 1903.

Лермонтов. 1970 — Лермонтов М.Ю. Сашка // Сочинения в двух томах. М., 1970. Т. 1. С. 600.

Монкриф. 1788 — Монкриф Ф. Опыт о надобности и средствах нравиться. М., 1788.

Нобль. 1761 — Ле Нобль Э. Светская школа, или Отеческое наставление сыну об обхождении в свете. В 2 т. СПб., 1761.

ОХД до 1917 г. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 16. — Письмо Шалкиной (N. Chalkin) к Глушковой С.П. от 19 сентября 1868. на франц. яз.

ОХД до 1917 г. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 141. — Письма Львовой А.А. к матери от 1843. на франц. яз.

ОХД до 1917 г. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 990. — Письма Столыпшиной М. к Львовой А.А. от 1850–1893. на франц. яз.

ОХД до 1917 г. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 1258. — Письма Строгановой Е. к Самойловой С.А. от 1820. на франц. яз.

Пушкин. 2017 — Пушкин А.С. «Орлов с Истоминой в постеле...» // Брак холостит душу / Александр Пушкин. М., 2017. (Тайная тетрадь). С. 33.

Пушкин. 1962 — Пушкин А.С. Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения // Собрание сочинений в десяти томах / Под общ. Ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М., 1962. Т. 6. С. 342.

Пушкин. 1960 — Пушкин А.С. Евгений Онегин // Собрание сочинений в десяти томах / Под общ. Ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М., 1960. Т. 4. С. 84.

Пушкин. 1959 — Пушкин А.С. К*** // Собрание сочинений в десяти томах / Под общ. Ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М., 1959. Т. 2. С. 89; Пушкин А.С. «Когда твои молодые лета...» // Собрание сочинений в десяти томах / Под общ.

Ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М., 1959. Т. 2. С. 272.

Пушкин. 1962 — Пушкин А.С. Письмо А.С. Пушкина к С.А. Соболевскому. Вторая половина февраля 1828 г. из Петербурга в Москву // Собрание сочинений в десяти томах / Под общ. Ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М., 1962. Т. 9. С. 273; Пушкин А.С. Письмо А.С. Пушкина к А.Н. Вульфу от 7 мая 1826 г. из Пскова или Острова в Дерпт // Собрание сочинений в десяти томах / Под общ. Ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М., 1962. Т. 9. С. 232.

РГАЛИ. Ф. 1. Д. 44 — Письмо Л.Н. Котляревской к Е.Е. Чернышевской от 26 июня 1846.

РГАЛИ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 282 — Письмо М.А. Анненковой к В.А. Анненкову от 22 мая 1808.

РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 134 — Письмо О.С. Аксаковой к Н.Т. Карташевской от 27 апреля 1840.

РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 119. — Письма Е.В. Быковой (урожд. Гоголь-Яновской) к В.С. Аксаковой. Л. 1–42.

Ржевская. 2008 — Ржевская Г.И. Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. Изд. 4-е. М., 2008. С. 33–66.

Руссо — Руссо Ж.-Ж. Софи, или Женщина // Эмиль, или о воспитании // Руссо Ж.-Ж.: <http://www.marsexx.ru/tolstoy/russo-emil5.html#099> (19.02.2019).

Толстая. 1998 — Толстая С.А. Моя жизнь // Октябрь. 1998. № 9. С. 67.

ЛИТЕРАТУРА

Белова. 2013 — Белова А.В. Дискурсы «женского письма» в русской дворянской повседневности конца XVIII — первой половины XIX вв. // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII — XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремеенко. СПб., 2013. С. 68–75.

Белова. 2010 — Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетей, 2010.

Бовуар. 1997 — Бовуар С. Второй пол. Т. I, II. М.; СПб., 1997;

Бодрийяр. 2000 — Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. М., 2000.

Гидденс. 2004 — Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004.

Иригарэ. 2001. — Иригарэ Л. Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб., 2001. С. 124–132.

Кон. 1995 — Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 1995.

Коллман. 1999 — Коллман Н.Ш. Проблема женской чести в Московской Руси XVI–XVII вв. // Социальная история. 1998/1999. М., 1999. С. 205–216.

Лотман. 2006 — Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство–СПб, 2006.

Модзалевский. 1999 — Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники. Избранные труды (1898–1928). СПб., 1999.

Муравьева. 2002 — Муравьева М.Г. История сексуальности // Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. М., 2002. С.105–106.

Огнёв. 2000 — Огнёв А.В. Любовь, семья и судьба России. Тверь: Русская провинция. 2000.

Пушкарева. 2008 — Пушкарева Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2 (47). С. 3–18.

Пушкарева. 1999 — Пушкарева Н.Л. Гендерный подход в исторических науках: рождение, методы, перспективы // Женщина. Гендер. Культура / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Е.И. Трофимова, З.А. Хоткина. М., 1999. С. 14–28.

Пушкарева. 2012 — Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М., 2012.

Репина. 1996 — Репина Л.П. Выделение частной сферы как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 20–32.

Рубин. 2000 — Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов.

Переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной. СПб., 2000. С. 89–140.

Фуко. 1996 — Фуко М. Воля к знанию (История сексуальности, Т. I) // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. 1996

Фуко. 1998 — Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Т. 3. Киев: Дух и Литера, 1998.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОХД до 1917 г. — Отдел хранения документов до 1917 года ЦГА Москвы

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

ЦГА Москвы — Центральный государственный архив города Москвы.

О.Ю. Солодянкина

КНЯЖНА В.И. ТУРКЕСТАНОВА: ЗАГАДКИ ФРЕЙЛИНЫ –ИНТЕЛЛЕКТУАЛКИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Туркестанова, Арсеньевы, Бекович–Черкасские, Еропкины

АННОТАЦИЯ: В статье, посвященной фрейлине княжне В.И. Туркестановой (1775–1819), трагически скончавшейся фаворитке императора Александра I, уточняется целый ряд обстоятельств ее родословной и пересматриваются сложившиеся в историографии представления о родственных связях, касающихся ее тетушки Арсеньевой, предков Еропкиных и князей Бекович–Черкасских.

Банальная истина: в каждой женщине должна быть загадка. В биографии фрейлины княжны Варвары Ильиничны Туркестановой (1775–1819) этих загадок избыточно много. Я не имею в виду гламурную историю о том, что камья с ее изображением попала на глаза И.Н. Крамскому, и он написал свою «Неизвестную». И у меня нет оснований обсуждать историю о том, кто был отцом девочки, которую произвела на свет сорокачетырёхлетняя Туркестанова в мае 1819 г. — император или молодой ветреник князь Владимир Сергеевич Голицын. Также я не затрагиваю вопрос о том, умерла ли княжна Туркестанова естественно, после тяжелых родов, или осознанно лишила себя жизни, приняв яд, не в силах вынести позора рождения ребенка вне брака. На эти темы написано достаточно текстов, при том, что источниковая база для каких-то серьезных выводов оставляет желать лучшего. Я постараюсь сосредоточиться на тех моментах биографии и родослов-

ной Туркестановой, которые могут быть прояснены, несмотря на весь туман двух веков, прошедших с момента ее кончины.

Загадка первая — посмертная. Согласно сообщению Петра Бартенева, основателя и многолетнего издателя журнала «Русский архив», переписка В.И. Туркестановой и Ф. Кристина на французском языке была последним произведением, которое читал Александр II перед своей трагической гибелью¹. Кто были эти люди? Почему их переписка могла быть интересна императору? Может быть, Александр II читал письма фрейлины княжны Туркестановой, фаворитки его дяди, императора Александра I, трагически закончившей свои дни в 1819 г., и сравнивал ее судьбу с благополучным исходом собственной любовной связи — с княжной Долгоруковой, на тот момент уже светлейшей княгиней Юрьевской? Или же он удивлялся интеллектуальности этих текстов в противовес очевидной простоте и чувствительной незатейливости собственной многолетней переписки с фрейлиной княжной Долгоруковой?² Или императору в целом была интересна эта эпоха начала века, поскольку, как считали современники, Александр II был весьма старомоден и любезностью, тонким ухаживанием за дамами, сентиментальной нежностью и особой чувствительностью был более похож на дядю, Александра I, нежели на отца, Николая Павловича?³ Мы не узнаем мотивов выбора чтения Александра II, также как не уверены в том, что сообщение Бартенева о «последнем чтении» императора не было рекламным ходом для привлечения внимания к публикации журнала. И это

1 **Бартенов.** 1912: 497.

2 Подробнее о переписке Александра II и Долгоруковой см.: **Сафронова.** 2017.

3 **Сафронова.** 2017: 252, 380.

первая загадка без ответа: читал ли Александр II эту переписку и была ли она его «последним чтением».

Загадка вторая — историографическая. Специальных исследований, посвященных фрейлине Туркестановой, крайне мало. Применительно к дореволюционной историографии можно назвать серьезную, уважительную по тону заметку барона Будберга⁴, написанную в 1875 г., предваряющую публикацию переписки Туркестановой с Кристином в журнале «Русский архив»⁵ и посвященную в основном Ф. Крестину, confidentу Туркестановой, поскольку Будберга, как дипломата, интересовал именно швейцарец, а княжна выступала лишь в качестве второй стороны впечатляющей взаимной переписки. Ко времени повторной публикации переписки в «Русском архиве» в 1910-е годы, теперь уже на русском языке, относится очерк княгини Е.Ф. Шаховской-Глебовой-Стрешневой о княжне Туркестановой⁶, написанный в несколько фамильярной манере. Периодические восклицания автора о «Варе Туркестановой» выглядят неуместно, поскольку речь идет в основном о придворном отрезке жизни княжны, а ей было тогда уже более 30 лет, а в финале жизни — более 40 лет, к тому же во времена Туркестановой в ходу были разные офранцузенные варианты ее имени (например, *Princesse Barbe*), а не простоватое «Варя». В постсоветской историографии выделим монографическое исследование Д.И. Исмаил-Заде⁷. Однако Будберг мало что мог сообщить о Туркестановой, а Шаховская-Глебова-Стрешнева и Исмаил-Заде сосредоточились на придворной

4 Барон Андрей Фёдорович Будберг (1817–1881) — дипломат, действительный тайный советник (1867), на момент написания предисловия к переписке Кристина и Туркестановой был русским посланником в Париже.

5 Будберг. 1913.

6 Шаховская-Глебова-Стрешнева. 1914.

7 Исмаил-Заде. 2012.

жизни фрейлины Туркестановой, особенно на ее связи с Александром I и обстоятельствах трагической кончины в 1819 г., допуская при этом каждая те или иные ошибки в определении родственных связей княжны и других, встречающихся в ее переписке, персонажей. Причем если в случае княгини Шаховской–Глебовой–Стрешневой неточности можно понять в связи с неизученностью на тот момент многих родословных, то Д.И. Исмаил–Заде, как квалифицированной исследовательнице, вряд ли простительны ошибки и умолчания в приводимых ею сведениях. Вот на эти неясности в родственных связях, ставшие причиной умолчаний, и стоит обратить особое внимание.

Загадка третья — источниковедческая. Наиболее важным источником выступают эго–документы Туркестановой, ее эпистолярное наследие. Согласимся с А.В. Беловой, что «письмо было своего рода зеркалом «женской индивидуальности», отражением её личностного эмоционального начала»⁸, и «именно частная переписка в наибольшей степени позволяет судить о представлениях и ценностях, психологии и мироощущении, поведении и образе жизни, круге общения и интересах»⁹ участников эпистолярного процесса. Для того времени было характерно, что письма носили публичный характер: их читали домочадцы и друзья, делали выписки наиболее удачных мест и демонстрировали окружающим. Известными создателями произведений эпистолярного жанра были старший и младшие современники Туркестановой Н.М. Карамзин¹⁰, В.А. Жуковский¹¹, П.А. Вяземский¹²,

8 Белова. 2001: 49.

9 Белова. 1999: 7.

10 Карамзин. 1897.

11 Жуковский. 1883; Жуковский. 1915.

12 Вяземский. 1899.

А.И. Тургенев¹³. Письма в условиях правильно организованной почтовой службы являлись быстрым вариантом коммуникации, в них новости передавались быстрее, чем через газеты. Известными передатчиками слухов были Булгаковы — отец Яков Иванович и его сыновья Константин и Александр, соответственно петербургский и московский почт-директора¹⁴.

Важность писем как исторического источника осознавалась уже современниками (кн. П.А. Вяземский писал, что «письма — это самая жизнь, которую захватываешь по горячим следам ея»¹⁵), и тот же А.Я. Булгаков, один из постоянных адресатов интеллектуалов 1810–х и последующих десятилетий, пережив почти всех своих родных, друзей и близких, в печальной старости готовил к публикации их письма и обращался с призывом ко всем владельцам частных архивов публиковать письма видных деятелей русской культуры, ведь:

сколько драгоценных сведений открывается в этих дружеских, письменных беседах, основанных на сердечной откровенности и внушаемых полною доверенностью. Тут не имеются в виду расчёты, а пишется всё то, что на душе, не боясь огласки или нескромной передачи. Тот, который пишет, не имеет мысли, что приготавливает самый лучший материал для будущего биографа¹⁶.

Княжна Туркестанова не «приготавливала самый лучший материал для будущего биографа»; два комплекса ее писем сохранились помимо ее воли. Во-первых, это ее переписка с живущим в Москве швейцарцем Кристином. Барон Будберг писал в предисловии к публикации этой переписки:

13 Тургенев. 1921; Тургенев. 1939.

14 Булгаков. 1903; Булгаков. 1904.

15 Карамзин. 1897: 1.

16 Жуковский. 1858: 5.

Княжна Туркестанова отличалась большим умом, еще усиленным серьезным образованием, прекрасным характером и увлекающейся, немного фантастической натурой, которой азиатское происхождение ее рода давало всю прелесть восточной женщины. Она была одарена живым воображением и очень заинтересовалась человеком, представлявшим из себя обломок политических бурь того времени; ей нравилось признаваться ему в волнениях собственного существования, скрывавшего под блестящей наружностью огорчения, неразрывно связанные с жизнью при дворе¹⁷.

«Обломком политических бурь» и был Фердинанд Кристин (1763–1837), швейцарец, католик, воспитывавшийся во Франции, монархист, из-за французской революции оказавшийся в изгнании. В России он жил с 1794 г., служа по дипломатической линии, выполняя поручения Екатерины II (в том числе вел сложные переговоры в Швеции в связи с замыслом брака великой княжны Александры Павловны и молодого шведского короля), находясь под началом графа А.И. Моркова. В 1810–е гг. он «жил на покое в Москве»¹⁸, живо интересуясь всеми политическими новостями, прежде всего теми, что были связаны с борьбой с Наполеоном и реставрацией Бурбонов. Кристин, безусловно, умел виртуозно анализировать информацию, любил делать прогнозы и ему, в его 50 лет, при минимальных физических проблемах, было невыносимо скучно в Москве, вдали от эпицентра политических событий. Кристин всеми способами пытался выбраться из оупляющей тины политического небытия и заводил новые знакомства, энергично поддерживал прежние связи, действуя, прежде всего, через своих соотечественников-швейцарцев или других иностранцев.

Знакомство Кристина и Туркестановой состоялось в Москве в 1813 г. как раз при помощи такой иностранки, гос-

17 Будберг. 1913: 130.

18 Бартнев. 1882: 412.

пожи де Ноазевиль (*Noiseville*), французской гувернантки в семье княгини Анны Александровны Голицыной (1763–1842), урожденной княжны Грузинской, правнучки Вахтанга V, и князя Бориса Андреевича Голицына (1766–1822), генерал-адъютанта. Очень быстро выяснилось, что Туркестанова и Кристин близки по своим интеллектуальным запросам, и их дружеское сближение произошло чрезвычайно быстро. Кристин писал:

Боже! как доверчиво я с вами говорю! Почему я незнаком с вами 4 года или 5 лет? Я бы не мог вас больше любить, я б имел больше права быть с вами откровенен; не так, как после нескольких месяцев знакомства, когда я вам должен казаться пошвейцарски добродушен и наивен... Что ни делай, никогда не утратишь духа своей земли¹⁹.

И Туркестанова признавалась:

что касается до меня, я вас считаю добрейшим человеком и за одно уже это, оставляя в стороне все Ваши прочие достоинства, люблю Вас от всего сердца и бесконечно благодарна *M-me* де Нуазевиль, познакомившей нас²⁰.

Отношения никогда не выходили за пределы нежной, искренней, абсолютной дружбы, и вплоть до неожиданной кончины Туркестановой в 1819 г. они регулярно (как правило, один-два раза в неделю) писали друг другу письма. Письма Кристина были возвращены ему после смерти княжны, и он не только сохранил их, но переписал в правильном порядке свои и ее письма, так что получилось своего рода собрание писем этих двух конфиденентов.

Также Кристин получил второй комплекс документов Туркестановой — журнал путешествия, которое она совершала осенью–зимой 1818 г., сопровождая вдовствующую

19 Кристин. 8.09.1813: 365.

20 Туркестанова. 17.02.1814: 536.

императрицу Марию Федоровну в ее поездке по Европе. Туркестанова вела журнал (по сути, дневник) в виде писем графу и графине Литта; по мере заполнения тетрадей она отсылала их в Петербург, а второй экземпляр (дубль) достался Кристину. Кристин обеспечил и последующее сохранение этих комплексов документов, передав их на хранение графине С.А. Бобринской, начинавшей свою службу фрейлиной при дворе как раз в последние годы жизни Туркестановой. Это решение оказалось исключительно правильным, поскольку все остальные бумаги Кристина были завещаны его многолетней подруге графине де Брольи, а она предпочла уничтожить архив, включавший переписку с разными известными лицами, в том числе г-жой де Сталь²¹. Итак, часть архива Туркестановой сохранилась, но, как правильно формулировала Исмаил-Заде, «без ответа остается вопрос: как бы к этому отнеслась сама княжна Туркестанова?»²² Если бы она знала, что ее письма, написанные другу, будут воспроизводиться снова и снова — по-французски и по-русски, изучаться исследователями, — может, она бы успела сжечь весь свой архив, как она, мы знаем, поступила с его частью?

Загадка третья — репутационная. Итак, сохранилась не вся переписка Туркестановой, но даже по имеющимся материалам вырисовывается образ умной, рефлексирющей, тонкой женщины. Красавицу и умницу Варвару взяли во фрейлины в Петербург в 1808 году. Став фрейлиной императрицы Марии Федоровны более чем в тридцатилетнем возрасте, когда обычно этот статус получали совсем юные девушки, только что выпорхнувшие из стен Смольного, княжна Туркестанова сумела «вписаться» в новую «рамку», заданную

21 Подробнее о судьбе наследия Кристина: **Исмаил-Заде**. 2012: 45–47.

22 **Исмаил-Заде**. 2012: 47.

ей жизнью, а позволили ей это сделать несомненные интеллектуальные способности. Она и при дворе приобрела репутацию интеллектуалки. Об уме (или даже о «выдающемся уме») Туркестановой писали А.Я. Булгаков, Ф.Ф. Вигель, граф Ф.П. Толстой, князь П.А. Вяземский. Эти столь разные авторы сходились в однозначной высокой оценке интеллектуальных способностей княжны Туркестановой. Значит, мы с полным правом можем называть ее княжной-интеллектуалкой, находящейся на придворной службе. Формальная, требующая выполнения строгих этикетных вещей придворная служба не очень вяжется с образом жизни интеллектуала. Но княжна Туркестанова, в письмах Крестину жалуясь на формальные ограничения своей службы, умела на практике с блеском справляться со всеми требованиями, и в итоге была высоко оценена обеими императрицами (Марией Федоровной и Елизаветой Алексеевной), а затем и искусственным в женских прелестьях императором Александром I, фавориткой которого она стала в более чем сорокалетнем возрасте.

Загадка четвертая — орфографическая. Этот вопрос возникает в связи с написанием ее фамилии. В адрес-календаре за 1809 и последующие годы среди фрейлин «их императорских величеств государынь-императриц» обозначена «княжна Варвара Ильинишна Турхистанова»²³. На могильной плите, на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры, фамилию написали как «Туркистанова»²⁴. Однако это написание не сохранилось, и теперь мы говорим о князьях Туркестановых.

Загадка пятая — этническая. Этот вопрос связан с происхождением рода Туркестановых. В «Русской Родословной книге» князя А.Б. Лобанова-Ростовского было сказано, что

23 **Месяцеслов.** 1809: 23.

24 **Сайтов.** 1883: 134.

это «старинная грузинская фамилия, известная еще в XVI в., под названием Туркестани–Швили»²⁵. Правда, сама Туркестанова считала, что ее род — персидского происхождения²⁶; этой версии придерживалась и ее первый биограф княгиня Шаховская–Глебова–Стрешнева²⁷. Вопрос о происхождении решать крайне трудно. Ведь можно было быть персом по этнической принадлежности, служить грузинским царям и из Грузии прибыть в Россию. Известно, что дед княжны Борис Панкратьевич (Баадур Багратович) Туркестанов (ок. 1690–1738), придворный грузинской царевны Дарьи Арчиловны, переехал в Россию и поселился в Москве во время правления Петра I. В 1735 г. он стал подполковником. У них с женой Ниной Егоровной Мачевариановой (ок. 1707–1760) было четверо сыновей и шесть дочерей. Это княжны Екатерина, Сарра, Анна (ум.1797), Мария (ум.1803), Прасковья (ум.1795), Софья, князя Михаил (172? –1791), Василий (ок.1729–1803), Егор (ок.1730–1795), Илья (1736–1788). Отдельный вопрос – в чем разница понятий «быть представителем какого-то этноса» и «осознавать себя представителем этого этноса»? Если княжна Туркестанова считала себя персиянкой по происхождению, но была православной по вероисповеданию, была воспитана в недрах европейской культурной традиции, использовала французский как родной язык, но говорила и читала еще на итальянском языке — то как определить ее социокультурную идентичность? Видимо, ответ на эту загадку таков: она была типичной русской аристократкой той поры.

25 Лобанов–Ростовский. 1876: 187.

26 Туркестанова общалась с персидским послом в Петербурге; слышала отзывы других о его уме и учености, но не смогла составить собственное мнение о нем: «не научившись его языку (бывшему, однако, языком моих предков), я не могла убедиться в этом». Исмаил–Заде. 2012: 182.

27 Шаховская–Глебова–Стрешнева. 1914: 5.

Загадка шестая — отцовские родственники. Из сыновей князя Б.П. Туркестанова были женаты Василий (родоначальник ветви смоленских Туркестановых, и князь Н.Н. Туркестанов, внук Василия, предоставил сведения о княжне Туркестановой редакции журнала «Русский архив»²⁸) и Илья (московская ветвь Туркестановых). Илья Борисович Туркестанов (1736–1788) начал службу солдатом в лейб-гвардии Семеновском полку, а в отставку вышел секунд-майором. На гражданской службе, которая проходила в Москве, дослужился до чина коллежского советника. Московская усадьба Туркестановых находилась на месте нынешнего Большого театра. Не очень понятно, почему Исмаил-Заде считает, что он «прожил жизнь недолгую»²⁹. Илья Борисович скончался на 53-м году жизни, что для XVIII в. не так уж мало, успев произвести на свет десять детей, из которых взрослого возраста достигли только три дочери — Варвара (1775–1819), Екатерина (1779–1866) и София (1780–1846 или 1842)³⁰. Князь И.Б. Туркестанов был похоронен на кладбище Донского монастыря, как и многие выходцы из Грузии. О родственниках по отцу княжна Туркестанова никогда не упоминала, значительная часть их скончалась еще в XVIII в., а смоленская ветвь существовала на тот момент изолированно от московской.

Загадка седьмая — Еропкины. Матерью княжны Туркестановой была Мария Алексеевна Еропкина (1750–1795), дочь действительного статского советника Алексея Михайловича Еропкина и Анны Васильевны Олсуфьевой. Еропкины жили в Китай-городе, на Варварке. Князь Н.Н. Туркестанов в свое время опубликовал выписку из архива Московской духовной консистории о составе семьи Еропкиных в 1759 году. Соглас-

28 Туркестанов. 1882.

29 Исмаил-Заде. 2012: 12.

30 Туркестанов. 2019.

но этому документу, Алексею Михайловичу был тогда 51 год, значит, датой его рождения можно считать примерно 1708. Возраст Анны Васильевны указан как 42 года, значит, она родилась примерно в 1717 году. Если посмотреть, что указано на могильных плитах (Еропкины похоронены в Петербурге, хотя значительную часть жизни провели в Москве), то придется подвергнуть сомнению информацию Туркестанова, ссылающегося на архив консистории. Данные с могильных плит Анны Васильевны (1723–1782) и Алексея Михайловича (1716–1764)³¹ другие. Почему возникли расхождения в датах рождения Анны Васильевны и Алексея Михайловича, неясно. Или в консистории произошла путаница при составлении документа, или Туркестанов ошибся, делая выписку, или же (что маловероятно) были другие Еропкины, жившие в Москве и имевшие другие даты рождения, совпадающие с данными архива консистории. У Еропкиных было девять детей (и здесь данные из выписки архива консистории полностью совпадают): Наталья (1743–?), Екатерина (1746–?), Петр (1748–1787), Михаил (1749–?), Марья (1750–1795), Софья (1754–1828), Варвара (1756–?), Анна (1757 или 1758–1825), Прасковья (1760–1817). Замуж вышли Анна — за сенатора Алексея Алексеевича Жеребцова (1758–1819) — и Марья — за князя Туркестанова. Н.Н. Туркестанов считал, что Марья Алексеевна Еропкина была дочерью Анны Васильевны Салтыковой (сестры екатерининского фаворита Сергея Васильевича Салтыкова), но все последующие исследователи пришли к выводу, что девичьей фамилией Анны Васильевны Еропкиной была Олсуфьева, это подтверждают и данные на могильной плите Еропкиной: там она обозначена как Олсуфьева, жена действительного статского советника Еропкина. Удивительно, что

31 Саитов. 1883: 48–49.

князь Туркестанов, приводя имена восприемников сестер и брата В.И. Туркестановой, не обратил внимание на то, что среди них фигурирует шестеро Олсуфьевых (и ни одного Салтыкова, а восприемниками часто выступали ближайшие родственники). Согласимся с тем, что бабушка княжны Туркестановой по материнской линии была Олсуфьевой, и благодаря этому родству княжна оказалась в той или иной степени родственных связей со многими представителями аристократии.

Замечу, что Салтыковы также были в этой системе родственных связей: родной брат Анны Васильевны Еропкиной, Адам Васильевич Олсуфьев (1721–1784), известный дипломат, вторым браком был женат на Марье Васильевне Салтыковой (1728–1792), которая действительно была сестрой екатерининского фаворита. Возможно, путаница с девичьей фамилией бабушки Туркестановой (Салтыкова или Олсуфьева) возникла именно поэтому. Восприемниками детей Туркестановых выступали в 1780 г. жена А.В. Олсуфьева Марья Васильевна и его дочь Наталья Адамовна (1758–1826), в 1782 г. его другая дочь княгиня Марья Адамовна Голицына (1757–1820), в 1788 г. его сын Дмитрий Адамович (1759–1809), впоследствии московский губернский предводитель дворянства³². Княгиня Марья Адамовна Голицына, в девичестве Олсуфьева, была двоюродной сестрой матери Туркестановой. Мужем ее был известный дипломат, шталмейстер двора, строитель подмосковной усадьбы Архангельское (впоследствии он продал ее князю Н.Б. Юсупову) князь Николай Алексеевич Голицын (1751–1809). Таким образом, Туркестанова была в определенном родстве (скорее, свойстве) с князьями Голицыными — обширнейшим семейным

32 Туркестанов. 1882: 206.

кланом, представленным несколькими ветвями рода; Туркестанова общалась с разными его представителями.

Загадка восьмая — Гурьевы. Часть исследователей считает, что через Еропкиных Туркестановы были в родстве с Гурьевыми³³. Доказательная база выглядит так: сестра Алексея Михайловича Еропкина Анна была замужем за бригадиром Александром Григорьевичем Гурьевым (ум. 1788). Даты жизни Анны Михайловны Еропкиной, в замужестве Гурьевой, неизвестны, но судя по дате рождения ее сына (1751), она вполне могла быть сестрой Алексея Еропкина. Сыном Анны Михайловны Еропкиной и бригадира Александра Григорьевича Гурьева был Дмитрий Александрович Гурьев (1751–1825), министр финансов Российской империи (1810–1823), получивший графский титул. Туркестанова любила проводить время в доме Гурьевых, ценила порядочность министра финансов (он «честный человек; у него, может быть, не хватает способностей для занимаемого им поста, но ничего нет на совести; он прям и не делится с взяточниками»³⁴), использовала крепкие связи его жены Прасковьи Николаевны, урожденной графини Салтыковой (1764–1830), проводила уютные тет-а-тет с его тещей, престарелой графиней Анной Сергеевной Салтыковой (1742–1820), урожденной княжной Гагаиной. Показательны такие строки письма Туркестановой:

я провела вечер со старой графиней Салтыковой, матью г-жи Гурьевой, которая была совершенно одна, так как вся семья была на празднике. Я никогда не избегала общества старых женщин, если только они не были сварливы и угрюмы, у этой же отличный нрав. Мы говорили о том, что делалось 50 лет тому назад, и я ни минуты не скучала³⁵.

33 Лобанов–Ростовский. 1876: 188.

34 Туркестанова. 13.07.1814: 519.

35 Туркестанова. 18.06.1814: 436.

Если Анна Михайловна и Алексей Михайлович Еропкины были родными братом и сестрой, тогда Туркестанова приходилась двоюродной племянницей министру финансов, а его дети, в том числе Мария Дмитриевна Нессельроде, жена многолетнего главы иностранной коллегии К.В. Нессельроде, были ее кузенами — троюродными братьями и сестрами. Сама княжна Варвара ни о каком родстве с Гурьевыми не упоминала. Ее обычное обозначение Гурьевых — «мои соседи Гурьевы»³⁶, поскольку они действительно были соседями по даче. Возможно, объяснение кроется в том, что существовали разные ветви рода Еропкиных, и у Михаила Матвеевича Еропкина, стольника царицы Прасковьи Федоровны еще в 1692 г., владевшего населенными имениями³⁷ и умершего после 1721 г., были три сына: Петр (архитектор, казненный по делу А.П. Волынского), Алексей (это дед княжон Туркестановых, и именно он, как старший в роду, получил имения П.М. Еропкина после его казни), Николай, и дочери, Софья и Анна, которая была замужем за коллегой архитектора Т.Н. Усовым³⁸. А мать будущего министра финансов, хотя ее также звали Анна Михайловна Еропкина, представляла совсем другую линию рода Еропкиных, поэтому в родстве с Туркестановыми она и ее потомки не были.

Загадка девятая — мать и ее сестры. Княгиня Марья Алексеевна Туркестанова скончалась, когда Варваре было 20 лет, то есть она была уже совершенно взрослым человеком. Не очень понятно, почему мать Туркестановой, княгиню Марью Алексеевну, похоронили не рядом с мужем, как это было принято в то время, а в Екатерининской пустыни близ Моск-

36 Туркестанова. 13.07.1814: 520.

37 Савёлов. 1909: 5.

38 Курукин. 2011: 210.

вы³⁹ (напомню, что И.Б. Туркестанов был похоронен на кладбище Донского монастыря в Москве). Конечно, рассказ о том, что при приближении ее похоронной процессии «колокола сами зазвонили, и один из монахов на это заметил, что везут тело праведницы»⁴⁰ весьма колоритен, но вопроса о причинах раздельного погребения супругов не снимает. Привлекает внимание и еще одно обстоятельство, касающееся Еропкиных. Одна из сестер матери Туркестановой, Анна (1757 или 1758–1825), вышла замуж за сенатора Алексея Алексеевича Жеребцова (1758–1819), жившего в Петербурге и бывшего предводителем петербургского дворянства. Жеребцов был деверем скандально известной Ольги Александровны Жеребцовой, сестры знаменитых братьев Зубовых. Судя по всему, детей у Анны и Алексея Жеребцовых не было. Очевидно, что Анна Алексеевна Жеребцова — родная тетка княжны Туркестановой, но ни о каких посещениях ее дома, вообще упоминаний ее имени мы не найдем в переписке Туркестановой и Кристина, хотя княжна писала о всех своих визитах, проблемах знакомых, посещениях друзей и т.п. Также нет никаких упоминаний имен других теток княжны Туркестановой, Прасковьи Алексеевны (1760–1817) и Софьи Алексеевны Еропкиных (1754–1828). Обе скончались девицами и были похоронены на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. О Софье Еропкиной писал граф В.А. Соллогуб:

помню старую деву Софью Алексеевну Еропкину, монументальную старуху лет семидесяти. Она отличалась тем, что гнушалась экипажей и во всякую погоду двигалась пешком. Шляпок она тоже не допускала и ходила по улицам в чепчике, с огромным бантом на самом темени; зимой поверх чепца она надевала шерстя-

39 Туркестанов. 1882: 206.

40 Туркестанов. 1882: 206.

ной вязаный платок. Под оборками чепца располагались симметрично взбитые и белые, как лунь, букли; лицо Софьи Алексеевны, несмотря на ее лета, было еще свежее, румяное, с правильным носом и обликом бурбоновского типа. В молодости она слыла красавицей, когда же мы ее знали, голова ее тряслась безостановочно, но ходила она еще бодро, опираясь на высокий костыль. Бывало, бабушка еще разъезжает в своем знаменитом рыдване по городу, а Еропкина уже заблаговременно и величественно приплелась к обеду. Сидит она одна у стола в гостиной и еще бойко вяжет шерстяной чулок, всегда что-то напоминает и сама с собою разговаривает. О деятелях великого екатерининского времени она говорила как о людях, с которыми встречалась вчера⁴¹.

Туркестанова любила такой тип дам — помнивших былые времена (к этому типу относилась графиня Салтыкова, мать госпожи Гурьевой).

Княжна всегда с удовольствием общалась с пожилыми женщинами, одна из любимых ее собеседниц — знаменитая усатая княгиня, «*Princesse Moustache*», Наталья Петровна Голицына, урожденная графиня Чернышева (1741–1837), которую в обществе по имени покойного мужа называли «княгиня Владимир». Туркестанова признавалась Крестину:

я вас уверяю, что внутренняя моя жизнь совсем не соответствует тому, что я нашла в обществе. Общество княгини Владимир, живущей у своей дочери Строгановой, более подходит к моему настроению⁴².

Но три родные тетки, помнившие старые времена, в ее письмах ни разу не упоминаются. Почему? Почему родные тетки (все бездетные) не занимались осиротевшими девицами Туркестановыми? И это во времена, когда так ценились и поддерживались семейные (как по узам родства, так и свойства) связи. Что за разлад произошел в семье? К этой ли размолвке относится глупое упоминание княжны о деньгах,

41 Соллогуб. 1988: 410–411.

42 Туркестанова. 31.07.1813: 356.

полученных в результате процесса? В одном из писем Кристины, делая расчет своих финансов, она писала: «вообще с 1808 по 1814 г. мой капитал увеличился до 30 тысяч. Правда, что к этой сумме прибавилось пять тысяч рублей от выигранного процесса; но остальные девять тысяч — чистая экономия»⁴³. Если между родственниками «пробежала черная кошка» судебного процесса, связанного с разделом наследства, тогда отсутствие упоминаний имен трех родных тетушек в письмах Туркестановой выглядит логичным. Как писала сама княжна Туркестанова, не указывая имен:

Я прошая все, не сохраняю неприязненного чувства, но появляется демаркационная линия. Я могу видеть это лицо около себя и чувствовать себя от него на тысячу верст. Вот что бывает у меня; может быть это и не хорошо, но уж так оно есть. Я не избегаю этой личности, но и не ищу ее общества; мне кажется, что между нами пронеслось холодное дыхание смерти⁴⁴.

Загадка десятая — тетушка Арсеньева. Раз три родные тетушки не поддерживали связей с осиротевшими княжнами Туркестановыми, то кто обеспечивал их после кончины матери в 1795 году? Ближайшей родственницей княжна Варвара считала свою тетушку Арсеньеву, в доме которой в Москве жили ее сестры и она сама до переезда в Петербург. Тетушке княжна писала регулярно, заботилась о том, чтобы ее не тревожили понапрасну разными мелочами, вообще продемонстрировала очень трогательное отношение к ней («знаете ли Вы, что она (тетушка Арсеньева) Вас очень любит. В своем последнем письме она говорит о Вас: «*мой милый Кристин*», и радуется, что Вы ее часто навещаете. Пожалуйста, продолжайте посещать ее, этим Вы и мне делаете приятное,

43 Туркестанова. 10.08.1814: 537–538.

44 Туркестанова. 2.03.1814: 140.

а тетушка в свою очередь заслуживает, чтоб ее любили»⁴⁵). Как только появлялась возможность, княжна приезжала из Петербурга в Москву, чтобы погостить у тетушки. Красноречиво такое свидетельство крайне щепетильной в денежных вопросах Туркестановой:

Нет на свете человека, имеющего право сделать мне денежный подарок. От одной только г-жи Арсеньевой я могла бы принять его без возражений. Но за исключением ее, нет человека, от которого я пожелала бы получить хотя копейку, не столько из гордости, как из деликатности, которая заставляла бы меня считать себя недостаточно благодарной⁴⁶.

Итак, госпожа Арсеньева — самый близкий для Туркестановой человек. Кто была эта тетушка? Князь Н.Н. Туркестанов писал однозначно: одна из дочерей Алексея Михайловича Еропкина была замужем за Московским дворянским предводителем Арсеньевым, и это и есть «тетушка Арсеньева»⁴⁷. Стоит обратить внимание, что инициалы этого Арсеньева у Туркестанова не обозначены, приведен лишь его статус «московский дворянский предводитель». И в письмах княжны, и в письме А.И. Рибоьера о кончине Туркестановой не приводятся имена или инициалы дяди и тетушки, только фамилия Арсеньевых⁴⁸. Д.И. Исмаил-Заде также придерживалась версии князя Туркестанова, но уже вводила его имя и отчество:

одна из сестер княгини Марии Алексеевны была замужем за генерал-майором Василием Дмитриевичем Арсеньевым (1755–1826), московским губернским предводителем дворянства (1810–1816)⁴⁹.

45 Туркестанова. 5.01.1814: 505.

46 Туркестанова. 10.08.1814: 537–538.

47 Туркестанов. 1882: 206.

48 Рибоьер. 1883: 808–809.

49 Исмаил-Заде. 2012: 13.

При этом Исмаил-Заде лукаво не воспроизводила имени жены В.Д. Арсеньева — ни в тексте, ни в указателе имен. Все дело в том, что имя жены В.Д. Арсеньева хорошо известно. Ее звали Евдокия (в то время предпочитали вариант Авдотья) Александровна Соймонова (1754–1819). То есть она ни Алексеевна по отчеству, ни Еропкина по девичьей фамилии, так что родной теткой, сестрой матери, она не могла быть однозначно. Что известно о родственниках Соймоновых? У полковника Александра Ивановича Соймонова (даты жизни неизвестны) и его супруги Прасковьи Алексеевны Бибиковой (1712–1790) было трое детей, сыновья Петр (1737–1801) и Николай (1740–?) и дочь Евдокия (1754–1819). Петр Александрович Соймонов, статс-секретарь, сенатор, был женат на Екатерине Ивановне Болтиной (1756–1790); в этом браке появились две девочки, Софья и Екатерина. Софья Петровна Соймонова (1782–1857), впоследствии фрейлина императрицы Марии Федоровны, вышла замуж за Николая Сергеевича Свечина (1759–1850) и известна как писательница, перешедшая в католицизм и уехавшая из России. Екатерина Петровна Соймонова (1790–1873) вышла замуж за князя Григория Ивановича Гагарина (1782–1837) и также перешла в католицизм.

Евдокия Александровна Соймонова и есть та Арсеньева, о которой как о «тетушке» писали Туркестанов и Исмаил-Заде. Но родной тетужкой она была для Софьи Свечиной и княгини Екатерины Гагариной. Туркестанова упоминает этих женщин в своих письмах, причем исключительно в положительном контексте: она пишет о Свечиной как о «прекрасной женщине по уму, знаниям и вкусу»⁵⁰; сообщает Кри-

50 Туркестанова. 12.05.1814: 418.

стину, что «она очень выдающаяся женщина»⁵¹. Про Гагарину отзывы тоже исключительно положительные: «обедала с *m-lle* Гурьевой у княгини Гагариной, молодой женщины, которую мы очень любим»⁵². Если принять в расчет версию князя Туркестанова и Исмаил-Заде о «тетушке Арсеньевой» как урожденной Соймоновой, Туркестанова должна считать Свечину и Гагарину своими кузинами, но она нигде не называет их так. А ведь это то родство, которым Туркестанова могла бы гордиться, учитывая ее оценки этих дам. Почему? Внятного ответа на этот вопрос нет.

Попробуем проанализировать другие данные из переписки Туркестановой и Кристина, в которых говорится о тетушке. У тетушки был муж, неоднократно упоминаемый в переписке, и жила она в собственном доме. В письмах Кристина упоминается, что дом тетушки, где Туркестанова останавливалась во время приездов в Москву — на «*rue du Commerce*»⁵³, а Туркестанова называет адрес «Коммерческая улица». Под такое определение подходит Коммерческий переулок, находившийся в Тверской части Москвы⁵⁴. Тверская часть включала в себя Никитскую и Тверскую улицы и тянулась до Кузнецкого моста. Если мы возьмем список домовладений города Москвы за 1818 год, то в Тверской части мы найдем дома только одного человека с фамилией Арсеньев — это дома генерал-майора и кавалера, Александра Дмитриевича Арсеньева в Никитском переулке (№ 322) и в Кисловке (№333), но не на Коммерческой улице или переулке (вообще в списке домовладений Москвы за 1818 г. отсутствуют Коммерческая улица или переулок).

51 Туркестанова. 12.05.1814: 419.

52 Туркестанова. 18.06.1814: 436.

53 Кристин. 1.01.1814: 77.

54 Нистрем. 1842: 17.

Еще одно указание в письмах: княжна спрашивает, где находится дом Мясоедова, в котором живут родители московского почт-директора (имеется в виду почт-директор Д.П. Рунич). Туркестанова сообщает: «это мои большие друзья, чудные люди, а мать совсем святая»⁵⁵, и местонахождение их дома для нее важно, чтобы понять, далеко ли это от дома тетушки. Кристин не знал, где дом Мясоедова (по спискам домовладений мы видим, что он находился на Покровке), но сообщил Туркестановой, что они живут недалеко от почты и, «во всяком случае, это близко от Вашей тетушки»⁵⁶. Почтамт находился на Мясницкой, и тетушка жила где-то неподалеку, значит, либо в Мясницкой, либо Покровской, либо Тверской части Москвы. Стоит добавить, что Авдотье Александровне Арсеньевой, жене В.Д. Арсеньева, принадлежали дома в Якиманской и Серпуховской частях города⁵⁷, что весьма далеко от почтамта на Мясницкой улице. Значит, здесь тоже возникает вопрос, является ли эта дама, жена В.Д. Арсеньева, нашей искомой тетушкой.

Еще один аргумент. Княжна Туркестанова упоминает в письмах близкого родственника, двоюродного брата, женившегося на дочери княгини Юсуповой⁵⁸. Под это определение подходит только Александр Иванович Рибопьер (1781–1865), женатый на дочери княгини Татьяны Васильевны Юсуповой, урожденной Энгельгардт (1769–1841), от первого брака, Екатерине Михайловне Потемкиной (1788–1872). Рибопьер был близок с Туркестановой, как он сам общал, на протяжении двадцати лет, присутствовал при ее кончине, держал руку умирающей, и взял на себя все тяже-

55 Туркестанова. 5.01.1814: 505.

56 Кристин. 15.01.1814: 508.

57 Списки. 1818.

58 Туркестанова. 18.09.1813: 367.

лые хлопоты по информированию о кончине родственников и друзей и обеспечению сохранности оставшихся вещей. Рибопьер тоже считал себя родственником Туркестановых, и после кончины Варвары просил наследницу, княжну Софью, младшую сестру фрейлины, «обращаться со мной, как с братом»⁵⁹. Предки Рибопьера по отцовской линии — швейцарцы, значит, надо искать родственные связи по линии его матери, Аграфены Александровны Бибиковой (1755–1812). И здесь мы видим две точки пересечения: во-первых, мать Евдокии Александровны Соймоновой, Прасковья Алексеевна (1712–1790), была по происхождению Бибиковой. Однако степень ее родства с Аграфеной Александровной Бибиковой крайне отдаленная⁶⁰. Вторая точка пересечения — Екатерина Гавриловна Бибикова (ок. 1786–1816), жена генерал-лейтенанта, московского уездного предводителя дворянства (1817–1819) Александра Дмитриевича Арсеньева (1766–1819). Екатерина Гавриловна Арсеньева (урожденная Бибикова) была двоюродной сестрой Аграфены Александровны Бибиковой, а значит, двоюродной теткой Александра Ивановича Рибопьера. Если Туркестанова была племянницей Арсеньевых, Рибопьер получался ее кузеном. Заслуживает внимания и тот факт, что А.Д. Арсеньев, младший брат В.Д. Арсеньева, также был предводителем московского дворянства, только уездного. Казалось бы, мы нашли точку совпадения, но здесь возникает другая сложность. Екатерина Гавриловна Арсеньева, урожденная Бибикова, жена А.Д. Арсеньева, была младше Туркестановой и умерла раньше ее, так что она не могла быть искомой «тетушкой Арсеньевой», но через нее получалось родство Арсеньевых с Рибопьерами. В принципе,

59 **Исмаил-Заде.** 1882: 539.

60 **Ровенский.** 1996.

родственники по жене одного брата (Александра Дмитриевича Арсеньева) в то время воспринимались как родственники и другого брата (Василия Дмитриевича), поэтому можно считать, что и семья В.Д. Арсеньева стала родней Рибопьерам. Однако главный вопрос — как эти родственные нити ведут к княжнам Туркестановым — остается открытым.

Непонятен еще один момент. У В.Д. и Е.А. Арсеньевых были дети, Дмитрий (1781–1807), полковник Преображенского полка, убитый на поединке, Александр (1782–1840), участник Бородинской битвы и заграничных походов русской армии, Николай (1789–1847)⁶¹, Прасковья (1783–1813), вышедшая замуж то ли за действительного тайного советника В.И. Брозина, то ли за Граголя⁶² (судя по могильной плите, все-таки Брозина⁶³), Анна (скончавшаяся девицей в возрасте 40 лет в 1832 г. и похороненная рядом с матерью в Даниловском монастыре)⁶⁴. Если это дети любимой тетушки, почему Туркестанова ничего о них не пишет? Она переживает о находящихся в армии сыновьях «княгини Борис», т.е. княгини Анны Александровны Голицыной, а о близком ей племяннике — ни слова. Осенью 1813 г. умирает дочь Арсеньевых Прасковья Брозина⁶⁵, а Туркестанова и Кристина, интенсивно обменивающиеся письмами в это время, никак не комментируют эту информацию. Кроме того, незамужняя дочь Анна должна была бы постоянно присутствовать в доме тетушки, но по переписке Кристина и Туркестановой очевидно, что в этом доме живут сначала две княжны Туркестановы, Екатерина и Софья, а потом, когда заболевшая нерв-

61 **Арсеньев.** 1903: 65–67.

62 **Арсеньев.** 1903: 67.

63 **Саитов.** 1907: 57.

64 **Саитов.** 1907: 55–56.

65 **Саитов.** 1907: 137.

ным расстройством Екатерина куда-то пристроена, там остается одна младшая сестра Софи. Из всех этих нестыковок возникает одно большое сомнение: может, «тетушка Арсеньева» из писем Туркестановой и Е.А. Арсеньева, жена В.Д. Арсеньева, — не одно и то же лицо?

Попробуем «раскрутить» еще одну «зацепку» — сообщение о племянниках тетушки молодых князьях Черкасских. Туркестанова писала Кристину: «на маскараде у Позднякова Вы оказали какие-то услуги ее племянникам, молодым кн. Черкасским, очень Вам за это благодарным, а тетушка также приняла это к сердцу»⁶⁶. Связь Арсеньевых с Черкасскими прослеживается по нескольким линиям.

1. Сестра Василия Дмитриевича и Александра Дмитриевича Арсеньевых Анна (1754–1817)⁶⁷ вышла замуж за князя Александра Андреевича Черкасского и родила единственного сына князя Александра Александровича (1779–1841), женившегося в 1812 г. Так что этот вариант на «молодых племянников» ни по возрасту, ни по количеству детей не подходит.
2. По числу и возрасту «молодых князей» Черкасских подходят сыновья князя Бориса Михайловича Черкасского (1754–1828), проживавшего в Москве в собственном доме, Александр (1798–1830), Алексей (1803–1855) и Николай (1804–1837), но связь Бориса Михайловича Черкасского с В.Д. и А.Д. Арсеньевыми проследить не удастся.

Упоминание о племянниках Черкасских выводит нас на другого Арсеньева. Дальний родственник Василия Дмитриевича и Александра Дмитриевичей, Александр Александрович

66 Туркестанова. 18.01.1814: 518.

67 Арсеньев. 1903:52; Черкасские.

Арсеньев (1754–1844), сенатор, первым браком был женат на княжне Дарье Александровне Черкасской (1745–1821)⁶⁸. Дарья Александровна была дочерью полковника князя Александра Александровича Бековича–Черкасского Большого (1710–1776) и его жены Софьи Михайловны (1711–1778)⁶⁹. Все они, включая Д.А. Арсеньеву, урожденную княжну Черкасскую, были похоронены в Донском монастыре в Москве⁷⁰. На Донском кладбище сохранился саркофаг княгини С.М. Черкасской, поражающий обилием резьбы. У Дарьи Александровны Арсеньевой было несколько двоюродных племянников, князей Бековичей–Черкасских, внуков бригадира князя Александра Александровича Бековича–Черкасского Меньшого и его жены княгини Натальи Петровны, урожденной Мельгуновой (1728–1788) (также похоронена на кладбище Донского монастыря), по возрасту подходящих под определение «молодые князья Черкасские»⁷¹. Александр Александрович Арсеньев был московским уездным предводителем дворянства в 1810–1817 гг. (как и Александр Дмитриевич Арсеньев, занимавший эту должность в 1817–1819 гг.). Дом, принадлежащий бригадиру Александру Александровичу Арсеньеву, располагался в Стрелецком переулке в Арбатской части⁷², но по последующим сведениям (прежде всего, адресным книгам) известно, что он жил на Мясницкой улице, и его дом был одним из центров старой Москвы. По признанию его сына, он «до глубокой старости, был очень красив собою и по привычкам, манерам, образу мыслей, походил на французского маркиза XVIII столетия. Садился он за

68 Любимов. 1915: 7.

69 Любимов. 1915: 7.

70 Саитов. 19086: 309–310.

71 Любимов. 1915.

72 Списки. 1818.

стол не иначе, как во фраке и белом галстухе, всегда напудренный, с кружевным жабо, выходящим из-за жилета»⁷³. Еще сын указывал на привычку вечером отправляться «в английский клуб, где обязательно играл шесть робберов вист»⁷⁴. В одном из писем Кристина есть подобное указание: «ваш дядя и двое других игроков в винт уговорили меня сыграть 8 робберов»⁷⁵. То есть А.А. Арсеньев очень похож на описание «дядюшки Арсеньева» из переписки Туркестановой и Кристина.

Что касается других обстоятельств, то детей у Дарьи Александровны и Александра Александровича Арсеньевых не было, Д.А. Арсеньева была очень пожилой к моменту кончины, и эти данные абсолютно подходят к характеристике «тетушки Арсеньевой». Добавим указание на доктора Пфеллера: тетушку Арсеньеву в 1810-е гг. лечил доктор Пфеллер⁷⁶, и А.А. Арсеньевым, намного пережившим свою первую жену, в 1830 г.⁷⁷ занимался он же. Обращение к одному и тому же врачу — весомый аргумент. Еще одним аргументом выступает опекунство А.А. Арсеньева над графом М.А. Дмитриевым–Мамоновым (1790–1863), признанным сумасшедшим. Как писал И.А. Арсеньев:

отец мой, находясь с ним в родстве, по Высочайшему повелению, в 1825 году, был назначен опекуном Мамонова, вместе с другим его родственником, Сергеем Павловичем Фонвизиным⁷⁸.

Однако в чем заключалось это родство А.А. Арсеньева: матерью графа М.А. Дмитриева–Мамонова была графиня Дарья Федоровна Дмитриева–Мамонова, урожденная княжна

73 **Арсеньев.** 1887а: 73.

74 **Арсеньев.** 1887а: 73.

75 **Кристин.** 26.01.1815: 855.

76 **Кристин.** 1.01.1814: 500.

77 **Арсеньев.** 1887б: 350.

78 **Арсеньев.** 1887б: 357.

Щербатова (1762–1801), а ее матерью была княгиня Мария Александровна Щербатова, урожденная княжна Бекович–Черкасская, дочь князя А.А. Бековича–Черкасского Большого. Княгиня Мария Александровна Щербатова, родив девочку, оставила дом мужа и вернулась к родителям⁷⁹. Вскоре она скончалась (в 1763 г.), и воспитанием юной княжны Д.Ф. Щербатовой занимался ее дед, князь А.А. Бекович–Черкасский Большой. После его кончины в 1776 г. воспитанием юной княжны Щербатовой занялась ее тетка, сестра матери Дарья Александровна Арсеньева, урожденная княжна Бекович–Черкасская, определившая племянницу ко двору Екатерины II (назначена фрейлиной в 1787 г.). Таким образом, и этот аргумент работает в пользу версии о тетушке Арсеньевой как жене А.А. Арсеньева.

Известно, что А.А. Арсеньев был женат дважды, и дети у него появились только во втором браке с Надеждой Михайловной Коваленской, в первом браке Кобылиной⁸⁰ (в 1818 г. Наталье Михайловне Кобылиной, корнетше, принадлежал дом на Старой Басманной улице⁸¹, в Басманной части города), при этом оба старших сына, Александр (родился, скорее всего, в 1816) и Илья (родился, скорее всего, в 1820), были незаконнорожденными⁸², то есть появились на свет до заключения брака родителей, поскольку первая жена, Д.А. Арсеньева, умерла только в 1821. Если еще вспомнить фразу из письма Туркестановой про то, как она «сильно рассердилась на самого ужасного из дядей. Уверяю вас, что он невыно-

79 Сухарева. 2005: 166.

80 Арсеньев. 1903: 55.

81 Списки. 1818.

82 Арсеньев. 1989.

сим»⁸³ (возможно, когда она узнала, что у дяди есть побочная семья), то практически мы получаем цельную картинку.

Итак, можно с абсолютной уверенностью утверждать, что эта загадка разгадана: тетушка Арсеньева из переписки Кристина и Туркестановой — это жена А.А. Арсеньева, Дарья Александровна, урожденная княжна Бекович-Черкасская (1745–1821).

Загадка одиннадцатая — Бековичи-Черкасские и Артемий Петрович Волынский. Теперь остается выяснить родство княжны Бекович-Черкасской с Туркестановыми. Судя по всему, оно заключается в матери княжны Бекович-Черкасской, княгине Софье Михайловне Черкасской (1711–1778). Напомним, что по материнской линии дедушкой княжон Туркестановых был Алексей Михайлович Еропкин (1716–1764). Как утверждает И.В. Курукин⁸⁴, сестра А.М. Еропкина Софья Михайловна Еропкина вышла замуж за капитана А.А. Черкасского, став княгиней Черкасской, а значит, она приходилась родной теткой княгине Марье Алексеевне Туркестановой и двоюродной бабушкой ее дочерям, княжнам Варваре, Екатерине и Софье. Дочь княгини Софьи Михайловны Черкасской, Дарья Александровна Арсеньева, была двоюродной теткой сестер Туркестановых. К сожалению, придется отбросить как недостоверную⁸⁵ интригующую версию о том, что Софья Михайловна Еропкина до брака с князем Черкасским успела побыть женой Артемия Петровича Волынского, казненного в 1740 г. Но бесспорно то, что Софья Михайловна Еропкина была сестрой архитектора

83 Туркестанова. 1814: 552.

84 Курукин. 2011: 210.

85 Курукин. 2011: 209.

Петра Михайловича Еропкина, казненного в 1740 г. по тому же делу.

Такие повороты судьбы, как у княгини Софьи Михайловны Черкасской, урожденной Еропкиной, должны формировать философский взгляд на мир. Ее свекор, Александр Петрович Бекович-Черкасский, был жестоко умерщвлен в Хиве в 1717 г.: с него живьем содрали кожу. Ее брат, умница, талантливый архитектор П.М. Еропкин, был подвергнут прилюдной казни. Человеку, которого молва приписывала ей в мужья (А.П. Волынскому), вырезали язык, а потом, завязав окровавленный рот тряпичей, его повезли к месту казни, чтобы отрубить правую руку, а потом голову...⁸⁶ Если княжна Варвара Туркестанова в детстве и юности слышала хотя бы часть семейных преданий о том, как преходяща земная слава, она просто обречена была прийти к той мысли, что сформулировала в письме Крестину:

Все люди вообще кажутся мне похожими на те пылинки, которые мы видим вертящимися в солнечном луче: одни поднимаются, другие спускаются; пылинка, бывшая наверху, возвращается вниз; идет вечное движение, производящее, может быть, в конце концов необходимый порядок.

Но ее саму, знающую об истории других родственников, например, бывшего екатерининского фаворита графа А.М. Дмитриева-Мамонова и его жены, пугали эти соображения о неизменной тщете всех суетливых жизненных начинаний. Отсюда ее восклицание в письме Крестину: «Какое ваше мнение об этом? Не глупость ли я говорю? Понимаете вы меня?»⁸⁷ И умудренный жизнью отставной дипломат, видевший падения монархий и триумфы узурпаторов, закончившиеся и их падением, отвечал ей:

86 Курукин. 2011: 5.

87 Туркестанова. 13.07.1814: 520.

Ваше сравнение с пылинками очень верно и остроумно; я его вполне понимаю, и ваши сомнения показывают слишком много скромности. Но, Боже мой, какой вы философ для ваших лет! Можно подумать, что вам по крайней мере 60⁸⁸.

Нет, Туркестанова не дожила до 60 лет. Но и ее сорок четыре года оказались полными глубокого философского смысла. А те загадки, которые удалось разрешить в данной статье — про подлинное имя тетушки Арсеньевой, обеспечивавшей княжон Туркестановых после кончины их родителей, про причудливые переплетения судеб аристократов, — безусловно, помогают лучше понять, что представляла собой эта узкая привилегированная среда в XVIII — первой четверти XIX в.

⁸⁸ Кристин. 27.07.1814: 525.

Список источников и литературы

Источники

Арсеньев. 1887а — Арсеньев И.А. Слово живое о неживых (Из моих воспоминаний) // Исторический архив. Том XXVII. 1887. № 1. С. 69–81.

Арсеньев. 1887б — Арсеньев И.А. Слово живое о неживых (Из моих воспоминаний) // Исторический архив. Том XXVII. 1887. № 2. С. 345–363.

Арсеньев. 1889 — Арсеньев Илья Александрович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. // http://az.lib.ru/a/arsenxew_i_a/text_1990_bio.shtml. (дата обращения: 30.07.2019).

Арсеньев. 1903 — Дворянское сословие Тульской губернии. Том VI. Род дворян Арсеньевых. 1389 г. – 1901 г. Составил Василий Сергеевич Арсеньев. Тула, 1903. 243 с.

Булгаков. 1903 — Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу // Русский архив. 1903. №9, 10, 11,12.

Булгаков. 1904 — Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу // Русский архив. 1904. № 3, 4.

Вяземский. 1899 — Остафьевский архив князей Вяземских. В 5 т. Т. I. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812–1819. СПб., 1899. 729 с.; Т. II. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1820–1823. СПб., 1899. 371 с.; Т. III. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824–1836. СПб., 1899. 364 с.

Жуковский. 1858 — Жуковский В.А. Письмо В.А. Жуковского к А.Я. Булгакову. М., 1858. 10 с.

Жуковский. 1883 — Письма В.А. Жуковского к государю императору Александру Николаевичу (В бытность Его Наследником-цесаревичем) // Русский архив. 1883. Кн.1, 2, 3.

Жуковский. 1915 — Письма В.А. Жуковского // Русский библиофил. 1915. № 7. С. 16–54.

Карамзин. 1897 — Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому 1810–1826 (Из Остафьевского архива). Изд. с предисл. и примеч. Н. Барсукова. СПб., 1897. 204 с.

Кристин. 8.09.1813 — Кристин — княжне Туркестановой. Письмо от 8 сентября 1813 г. // Русский архив. 1912. № 11. С. 363–365.

Кристин. 1.01.1814 — Кристин — княжне Туркестановой. Письмо от 1 января 1814 г. // Русский архив. 1882. Вып. 4. Особое приложение. С. 77.

Кристин. 1.01.1814 — Кристин — княжне Туркестановой. Письмо от 1 января 1814 г. // Русский архив. 1912. № 12. С. 497–504.

Кристин. 15.01.1814 — Кристин — княжне Туркестановой. Письмо от 15 января 1814 г. // Русский архив. 1912. № 12. С. 507–510.

Кристин. 27.07.1814 — Кристин — княжне Туркестановой. Письмо от 27 июля 1814 г. // Русский архив. 1913. № 4–5. С. 524–529.

Кристин. 26.01.1815 — Кристин — княжне Туркестановой. Письмо от 26 января 1815 г. // Русский архив. 1913. № 6. С. 854–856.

Лобанов-Ростовский. 1876 — Лобанов-Ростовский А.Б. Русская Родословная книга: в 2 т. Т. 2. СПб., 1876. 222 с.

Любимов. 1915 — Любимов С. Князя Бекович-Черкасские. М., 1915. 20 с.

Месяцеслов. 1809 — Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1809. Ч. 1. СПб., 1809. 539с.

Нистрем. 1842 — Нистрем Н. Московский адрес-календарь, для жителей Москвы, составлен по официальным документам и сведениям. Том первый. Путеводитель Москвы. М., 1842. 117 с.

Рибопьер. 1883 — Письмо Рибопьера г-ну Арсеньеву от 22 мая 1819 г. // Русский архив. 1883. № 6. Особое приложение. С. 808–809.

Ровенский. 1996 — Ровенский Г., Бибииков Н. Родословная Бибииковых. К 700-летию дворянского рода Бибииковых. Фрязино, 1996. 128 с.

Савёлов. 1909 — Еропкины. Из 3-го выпуска «Родословных Записей Л.М. Савёлова». М., 1909. 5 с.

Сайтов. 1883 — Сайтов В. Петербургский некрополь или справочный исторический указатель лиц, родившихся в XVII и XVIII столетиях. По надгробным надписям Александроневской лавры и

упраздненных петербургских кладбищ (Приложение к «Русскому архиву»). М., 1883. 159 с.

Сайтов. 1907 — Сайтов В.Л., Модзалевский Б.Л. Московский некрополь. Т.1. СПб., 1907. 517 с.

Сайтов. 1908a — Сайтов В.Л., Модзалевский Б.Л. Московский некрополь. Т.2. СПб., 1908. 487 с.

Сайтов. 1908б — Сайтов В.Л., Модзалевский Б.Л. Московский некрополь. Т.3. СПб., 1908. 432 с.

Соллогуб. 1988 — Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 443 с.

Списки. 1818 — Алфавитные списки всех частей столичного города Москвы домам и землям, равно казенным зданиям, с показанием в котором квартале и на какой улице или переулке состоят. Печатаны с дозволения Г. Московского Военного Генерал-Губернатора. М., 1818. <https://rusgenealogy.clan.su/forum/17-241-1>. (дата обращения: 30.07.2019).

Тургенев. 1921 — Переписка Александра Ивановича Тургенева с князем Петром Андреевичем Вяземским. 1814–1833 годы. Т.1. Пг., 1921. 542 с.

Тургенев. 1939 — Письма Александра Тургенева Булгаковым / Под ред. И.К. Луппол. – М., 1939. 376 с.

Туркестанова. 31.07.1813 — Княжна Туркестанова — Кристину. Письмо от 31 июля 1813 г. // Русский архив. 1912. № 11. С. 356–357.

Туркестанова. 18.09.1813 — Княжна Туркестанова — Кристину. Письмо от 18 сентября 1813 г. // Русский архив. 1912. № 11. С. 366–368.

Туркестанова. 5.01.1814 — Княжна Туркестанова — Кристину. Письмо от 5 января 1814 г. // Русский архив. 1912. № 12. С. 504–507.

Туркестанова. 18.01.1814 — Княжна Туркестанова — Кристину. Письмо от 18 января 1814 г. // Русский архив. 1912. № 12. С. 515–518.

Туркестанова. 17.02.1814 — Княжна Туркестанова — Кристину. Письмо от 17 февраля 1814 г. // Русский архив. 1912. № 12. С. 536–538.

Туркестанова. 2.03.1814 — Княжна Туркестанова — Кристину. Письмо от 2 марта 1814 г. // Русский архив. 1913. № 1. С. 139–141.

Туркестанова. 12.05.1814 — Княжна Туркестанова — Кристину. Письмо от 12 мая 1814 г. // Русский архив. 1913. № 3. С. 418–420.

Туркестанова. 13.07.1814 — Княжна Туркестанова — Кристину. Письмо от 13 июля 1814 г. // Русский архив. 1913. № 4–5. С. 519–521.

Туркестанова. 18.06.1814 — Княжна Туркестанова — Кристину. Письмо от 18 июня 1814 г. // Русский архив. 1913. № 3. С. 435–437.

Туркестанова. 13.07.1814 — Княжна Туркестанова — Кристину. Письмо от 13 июля 1814 г. // Русский архив. 1913. № 4–5. С. 519–521.

Туркестанова. 10.08.1814 — Княжна Туркестанова — Кристину. Письмо от 10 августа 1814 г. // Русский архив. 1913. № 4–5. С. 537–539.

Туркестанова. 1814 — Туркестанова В.И. Несколько записок 1814 года // Русский архив. 1913. № 4–5. С. 550–552.

Туркестанов. 1882 — Туркестанов Н.Н. Сведения о княжне Варваре Ильинишне Туркестановой. 1775–1819 // Русский архив. 1882. № 6. С. 205–206.

Туркестанов. 2019 — Туркестанов // Генеалогическая база данных [Электронный ресурс]. [https://baza.vgdru.com/post/1/40020/p145464.htm?#ТУРКЕСТАНОВ ИЛЬЯ БОРИСОВИЧ, князь, 1736 - 1788 \(дата обращения: 30.07.2019\).](https://baza.vgdru.com/post/1/40020/p145464.htm?#ТУРКЕСТАНОВ ИЛЬЯ БОРИСОВИЧ, князь, 1736 - 1788 (дата обращения: 30.07.2019).)

Черкасские. 2019 — Поколенная роспись рода князей Черкасских // <https://www.diary.ru/~alimsherkes/p95482652.htm>. (дата обращения: 30.07.2019).

ЛИТЕРАТУРА

Бартенев. 1882 — Бартенев П. Фердинанд Кристин и фрейльна княжна Туркестанова // Русский архив. 1882. № 2. С. 412.

Бартенев. 1912 — Бартенев П. Из переписки Кристина с княжной Туркестановой // Русский архив. 1912. № 12. С. 497.

Белова. 2001 — Белова А.В. Женская эпистолярная культура и дворянская повседневность в России конца XVIII — первой половины XIX века // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А.Тишкин. СПб., 2001. С. 49–55.

Белова. 1999 — Белова А.В. Женщина дворянского сословия в России конца XVIII — первой половины XIX века: социокультурный тип (по материалам Тверской губернии). Автореферат дис. ... кандидата культурологии. М., 1999. 19 с.

Будберг. 1913 — Предисловие к переписке Кристина с Туркестановой. Барона Будберга, русского посланника в Париже // Русский архив. 1913. № 1. С. 116–136.

Исмаил-Заде. 2012 — Исмаил-Заде Д.И. Княжна Туркестанова. Фрейлина высочайшего двора. СПб., 2012. 568 с.

Курукин. 2011 — Курукин И.В. Артемий Волынский. М., 2011. 414 с.

Наумов. 2002 — Наумов О.Н. Новые материалы о роде князей Бековичей-Черкасских // Генеалогия Северного Кавказа. 2002. № 4. С. 112.

Сафронова. 2017 — Сафронова Ю. А. Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб., 2017. 404 с.

Сухарева. 2005 — Сухарева О.В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М., 2005. 704 с.

Шаховская-Глебова-Стрешнева. 1914а — Шаховская-Глебова-Стрешнева Е.Ф. Княжна Туркестанова, фрейлина высочайшего двора // Русский архив. 1914. № 1. С. 5–24.

Шаховская-Глебова-Стрешнева. 1914б — Шаховская-Глебова-Стрешнева Е.Ф. Княжна Туркестанова, фрейлина высочайшего двора // Русский архив. 1914. № 2. С. 161–181.

И.И. Юкина

ПРАВЕДНЫЕ МАРФА И МАРИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великие реформы, императорский двор, русская аристократия, реформаторы, «шестидесятники», поколенческий призыв, поколенческое единство, традиции благотворительности, социальные инновации, Российское Общество Красного Креста.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена деятельности М.С. Сабининой — учительницы музыки детей императора Александра II и баронессы М.П. Фредерикс — фрейлины императорского двора, которые создали Российское Общество Красного Креста. Праведные Марфа и Мария, как их называли при дворе, основали организацию на совершенно новых для России принципах — как частную и добровольную. Основопологающей идеей Общества была идея права человека на жизнь, на свободу от жестокого, бесчеловечного и унижающего его достоинство обращения. Эта социальная инновация двух придворных дам способствовала признанию в российском обществе идеи о неотъемлемых правах человека и развитию гуманитарного права.

Российский модернизационный проект, начавшийся в конце 1850–х гг. оказал всеохватывающее влияние на общество. Серьезные культурные изменения того времени были производными Великих реформ, и сами в свою очередь влияли на прохождение реформ. Процесс формирования новых ценностей, изменение образа мысли, предписанного поведения медленно, но неуклонно происходил в различных слоях российского общества. Прежде всего, в образованных слоях, чутких к новым культурным веяниям и потому более подверженных культурным изменениям. Другими словами, реформы выступили внешними факторами культурных изменений в стране. Внутренними выступили новые идеи, носи-

Ирина Игоревна Юкина, кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, irinayukina@gmail.com
DOI: 10.32608/2307-8383-2019-27-149-181

телями которых были образованные, европеизированные представители преимущественно молодого поколения.

Благотворительная деятельность была уважаемой формой служения обществу и даже культурной нормой в придворных кругах XIX века. Императорская семья играла значимую роль в развитии филантропии и нередко демонстрировала достойные образцы благотворения, по большей части со стороны женщин — императриц и великих княгинь. В известном смысле филантропия была прерогативой высших сословий, т.к. для открытия добровольного благотворительного общества требовалось Высочайшее разрешение, поданное через Комитет министров. Для открытия благотворительного заведения, кроме того, обязательным было требование обеспечить его основным капиталом. Таким образом, только состоятельные люди с положением в обществе могли участвовать в благотворительности. После революционных событий в Европе в 1848 г. этой осторожной политике был положен конец — Николай I наложил запрет на учреждение новых благотворительных обществ.

Помимо чисто прагматической цели — сокращение нищеты, в филантропии высших сословий был и определенный идеологический посыл — демонстрация элитой общества христианской любви к ближнему своему «по великому примеру, данному Спасителем». Благотворительная деятельность строилась на основе принципов патернализма, контроля и назидания, т.е., на тех же, на которых держалось российское до-модерное общество.

Одна из базовых идей Великих реформ — идея всеобщности нашла отражение в пореформенные годы и в вопросе благотворительности. По данным А. Линдермейер, царствование Александра II ознаменовалось небывалым ростом числа благотворительных организаций и учреждений,

которое неуклонно увеличивалось на протяжении периода 1856–1880 гг. Так, в 1856–1860 гг. было создано 24 новых благотворительных обществ, в 1861–1865 — 61, в 1866–1870 — 153, в 1871–1875 — 188, в 1876–1880 — 327¹.

Несмотря на то, что указ 1848 г., запрещавший создание новых благотворительных обществ был отменен только в 1859 г., уже с середины 1850-х его нарушали, и нет сомнений, что с Высочайшего дозволения. В стране складывалось новое отношение к добровольным обществам. А Линдермейер считает (и автор данной статьи согласна с ней), что это не было продуманной политикой признания общественных инициатив или поиска путей улучшения положения бедных и нуждающихся, а скорее ответ на давление со стороны общественности, роста количества ходатайств на открытие различных филантропических организаций. К тому же создание органов местного самоуправления — земского (1864) и городского (1870) способствовало развитию этого процесса.

Поколение шестидесятников: новые идеи, новые веяния, новые чувствования

Давление на авторитарную власть осуществлялось не только «извне» — со стороны различных слоев российского общества, но и «изнутри» — из самого близкого круга императора. Кто были эти люди, которые оказывали давление на государя, прямо и косвенно способствовали развитию социальных инициатив, смене культурной парадигмы в отношении прав и обязанностей подданных, изменению принципов благотворения?

1 Линдермейер. 1992: 285.

В самом широком смысле это была образованная европеизированная элита, включенная в европейскую элиту, имевшая опыт жизни за границей. Эти люди принадлежали к лагерю «западников» и их целью было сблизить Россию с Европой с тем, чтобы Россия двигалась по тому же пути, по которому двигался «цивилизированный мир». В первую очередь к ним можно отнести так называемых «либеральных бюрократов», т.е. чиновников, которые продвигали реформы. Они придерживались либеральных взглядов и с вступлением на престол Александра II смогли занять высокие посты и начать либеральные преобразования. Среди чиновничества эти люди были в меньшинстве, но оказались достаточно влиятельны, чтобы определить политический курс государства в десятилетие после окончания Крымской войны.

Также к европеизированной элите можно отнести некоторых деятелей дворянского самоуправления, земского и городского самоуправления, представителей высшей аристократии. Среди них было немало прагматиков, «людей дела».

Вслед за К. Мангеймом — классиком «поколенческого подхода», мы можем говорить о поколенческом единстве этой широкой когорты «шестидесятников». К. Мангейм считал, что кризисные события обуславливают новое видение и мышление молодого поколения. Поколение он определял как слой людей, сходство которых в значительной мере обусловлено сходством их жизненного опыта, общими ценностями, идейными соображениями, переживаемыми настроениями и единым социокультурным контекстом определенного исторического периода. Молодое поколение не просто проживает жизнь на одном временном отрезке, оно подвержено одинаковому влиянию одних и тех же событий интеллектуальной, социальной и политической жизни. Их личный выбор осуществляется в глубоких пластах интеллектуаль-

ной и духовной жизни своего времени, изменения происходят в ценностной и мотивационной сфере людей данного поколения. Мангейм писал, что «дух поколения» объединяет тех, кто прошел через одни и те же события, и этот «дух поколения» формирует поколенческие единства. Мы, вслед за Мангеймом говорим о поколенческом единстве «шестидесятников» принадлежавших к различным сословиям.

Мангейм доказывал, что без поколенческой истории, без учета особого влияния поколений на историю, нельзя многого понять из происходящего в прошлом, в частности, мотивацию деятельности людей.

Поколенческое единство объединяло людей разных социальных слоев. Женщины высших сословий в этом поколенческом призыве занимали особое положение в силу близости к власти и нахождению в эпицентре событий. Перед некоторыми из них, разделявших «дух поколения» в мангеймовском смысле, встали проблемы собственного самоопределения и участия в новых обстоятельствах жизни.

Формой женского общественного служения в то время могла быть только благотворительность. Как показывает наше исследование, ценности женщин и их идеализм формировали новые модели женского поведения, которые находили поддержку в их поколенческом призыве.

Сам факт того, что две придворные дамы выбрали в качестве своего жизненного пути служение обществу, говорит о том, что «дух реформ» захватил самые широкие слои поданных, включая двор.

Понять идеи и ценности, которыми руководствовались люди прошлого, мотивы их поведения и выбора, возможно только благодаря их личным документам. Статья написана, прежде всего, на основе писем, дневников и мемуаров обеих героинь и статьи современницы и биографа М.С. Сабининой

Н.И. Алмазовой. Алмазова разобрала личный архив Сабининой в 1892 г. когда работала над историческим очерком к 25-летию создания Российского Общества Красного Креста (РОКК). Об этом она сообщила в конце брошюры:

Все изложенное мною я извлекла из бумаг, хранящихся у Марфы Степановны Сабининой. Ялта. 3 мая 1892 года².

Архив Сабининой до нас не дошел, поэтому все письма героинь в статье цитируются по этому источнику.

Мария Петровна Фредерикс (1832–1903)

Мария Петровна (Илл. 1) стала фрейлиной императрицы Александры Федоровны в неполные 17 лет. Это была дань любви и привязанности императрицы к матери Марии Фредерикс баронессе Цецилии Владиславовне Фредерикс (Илл. 2), в девичестве графини Гуровской, подруги детства и статс-дамы. Цецилия Гуровская и императрица, в прошлом принцесса Шарлотта, дочь Фидриха-Вильгельма III выросли вместе при прусском дворе. Обе вышли «замуж в Россию» и всю жизнь были связаны нежной дружбой. Их дети были ровесниками и также как их матери росли вместе при дворе. О Марии Фредерикс говорили, что она «выросла на скамеечке у ног императрицы». Сама Фредерикс записала в своих воспоминаниях, что ей выпало счастливое детство при дворе, без «натянутостей этикета».

Судя по ее запискам, науками ее не мучили. Взгляды она имела монархические, боготворила Николая I, который был ее крестным отцом, почитала за «счастье слышать его ласковое и шутливое слово» и считала его человеком «добрым, простым и скромным»³. «Вообще учтивость и вниматель-

2 Алмазова. 1892: 24.

3 Фредерикс. 1997: 290.

ность государя доходила до такой степени, что в настоящее время их и не поймут»⁴. Что касается политики Николая I, то она считала, что он «возвысил Россию в глазах Европы»⁵, его внутреннюю политику без мудрствований объясняла «отеческой заботой».

Сторонним наблюдателям Мария Фредерикс представлялась весьма заурядной свитской фрейлиной, не обладавшей никакими достоинствами. А.Ф. Тютчева, прослужившая фрейлиной 13 лет, чьи известные записки отличаются заинтересованным и критическим политикой Николая I, писала:

две сестры Фредерикс <...> не обладают ни одним из физических или умственных достоинств, которые могли бы содействовать блеску, изяществу или даже просто приятности двора⁶.

Обо всех фрейлинах императрицы Александры Федоровны Тютчева, будучи штатной фрейлиной цесаревны Марии Александровны⁷, высокомерно записала:

Нельзя не пожалеть о том, что императрице Марии Александровне пришлось, ввиду принятого обычая, получить в наследство весь этот устарелый и выцветший персонал⁸.

Как оказалось, в отношении Марии Фредерикс Тютчева ошиблась. М.П. Фредерикс не входила в тот круг, к которому принадлежала Тютчева, и так вспоминала о подготовке «великого переворота»:

4 **Фредерикс.** 1997: 290.

5 **Фредерикс.** Д. 16: 1-2.

6 **Тютчева.** 2004: 281.

7 По существующему правилу фрейлины вдовствующей императрицы переходили на службу к новой императрице. Таким образом, Мария Фредерикс в 1855 г. стала фрейлиной императрицы Марии Александровны, супруги Александра II.

8 **Фредерикс.** 1997: 281.

В нашей придворной сфере, вне кабинета Государя, мало о том говорили, хотя и у Императрицы разные личности как например Тютчева, графиня Блудова и прочие и прочие очень суетились, желая тоже в этом играть роль, но все это делалось за затворенными дверьми, нас грешных не допускали туда⁹.

Мария Фредерикс получала информацию о готовящихся реформах «в городе», в дружеском кругу вел. кн. Елены Павловны, кн. Голицыной. Неучастие в обсуждении политических событий при дворе не означало отстраненности от проблем общества и государства:

в уме моем все больше и больше созревала мысль ... сделаться сестрой милосердия и основать со временем Общину ... я сообщила в тайне эту мысль моему новому другу Марфе Степановне Сабининой, уговаривая ее идти на это поприще со мной, когда после восьми условленных лет она оставит Двор¹⁰.

По сравнению с боготворимым Марией Фредерикс Николаем I Александр II представлялся ей человеком со слабым характером, которому не доставало силы и могущества для великих преобразований. Его трагическая гибель утвердила ее в этом. В своих воспоминаниях она называла его «царь-освободитель-мученик», но считала, что он обессмертил свое имя отменой крепостного права. И даже в этом она нашла повод восхититься Николаем I. Тот факт, что отмена произошла «без малейшей смуты» Фредерикс объясняла порядком, утвержденным в царствование последнего: «еще не ушло его могущество, существовавшее во всех слоях общества», это он подготовил «ту удивительную покорность в минуту такого громадного переворота, в котором ни один народ в мире не остался так спокоен»¹¹.

9 Фредерикс. Д. 16: 28–29.

10 Фредерикс. Д. 16: 101.

11 Фредерикс. 1997: 281.

О 60-х гг. Мария Фредерикс писала: «повеяло слабостью и распушенностью», все стали воображать, что «сделались самостоятельными». «Дали нам и свободу мысли, и свободу действий, и свободу печати; словом бросились на все разом, думая этим ускорить развитие России. Бешеный поток этот, которому внезапно была открыта преграда и дана полнейшая воля, понятно, вырвался из своих пределов быстро и жестоко; сгоряча он стал все ломать, все тащить за собою. И, в конце концов, что же вышло из всего этого?»¹² — Цареубийство. «Вот к чему привело до сих пор наше ускоренное образование 60-х годов!»¹³.

Тем не менее, дух времени захватил ее. Перед ней — женщиной привилегированного сословия, аристократкой открылись новые возможности, от которых она не захотела отказываться. Как бы Мария Фредерикс ни осуждала «бешенный поток» 60-х, она включилась в него и стала искать себе занятий «ради пользы отечества». Тем более, что она считала, что развитие и образование в обществе должны происходить от высшего сословия ... и служить примером простолюдину»¹⁴. Кроме того, неудачи Николая I она объясняла тем, что в окружении его было «мало честных людей, которые были бы искренне преданы своему отечеству и делу, забывающих себя ради пользы отечеству»¹⁵. Судя по всему, она взяла себе эту роль.

Разговорам и обсуждениям Мария Фредерикс предпочитала конкретные действия.

12 Фредерикс. 1997: 279.

13 Фредерикс. 1997: 279.

14 Фредерикс. 1997: 279.

15 Фредерикс. 1997: 279.

Мысль быть сестрой милосердия так запала мне в душу, что когда находилась в Петербурге, еще до моего знакомства с г-жой Сабининой, я ездила дежурить в Крестовоздвиженскую общину ... В амбулаторной Общине я работала под непосредственным руководством известной сестры милосердия Елизаветы Петровны Карцевой ... Утром я была испытуемой сестрой, а вечером я являлась на балы, театры и проч. светской барышней, и это в продолжение довольно многих лет¹⁶.

Как следует из мемуаров, ее поведение находило понимание у императрицы, без разрешения которой Фредерикс не могла бы работать в Общине:

Об этих моих дежурствах знали только: Императрица, Великая княгиня Елена Павловна, фрейлина Ея г-жа Эйлер, через которую я все это себе и устроила и мой друг Княгиня Голицына, больше никто¹⁷.

Марфа Степановна Сабина (1831–1892)

Марфа Степановна (Илл. 3) имела более скромное происхождение. Она была из духовного сословия. Родилась в Копенгагене в 1831 г. в семье Стефана Карповича Сабина — богослова, ученого, просветителя. Сабинин служил священником в храме русской дипломатической миссии в Копенгагене, затем был назначен духовником эрцгерцогини Марии Павловны Саксен-Веймарской¹⁸ и настоятелем Веймарского храма во имя равноапостольной Марии Магдалены. Научные интересы протоирея Сабина были обращены не только на Священное писание. Он был полиглотом, знатком древних и новых языков, занимался сравнительным языкознанием, изучал исландские письменные источники о русской истории, составил грамматику исландского языка.

16 Фредерикс. Д. 16: 101.

17 Фредерикс. Д. 16: 101.

18 Дочери Павла I, которая была замужем за наследным принцем Саксен-Веймарским Карлом Фридрихом.

Как общественный деятель знакомил немецкое общество с достижениями русской культуры и науки. Совместно с г-ном Г. Требстом перевел на немецкий язык и издал двухтомник Пушкина. С другой стороны, он информировал русскую общественность о научных интересах и тенденциях в Европе.

Мать М. Сабининой — Александра Тимофеевна Вечезрова, дочь Санкт-Петербургского протоирея, знала немецкий, датский, французский, латынь, греческий, «еврейский» языки, занималась переводами, была прекрасной художницей. Их дом был центром интеллектуальной и общественной жизни в Веймаре. Историк М.П. Погодин, посетивший дом Сабининых в Веймаре записал:

Вот как я застал семейство: жена со старшей дочерью писали картину масляными красками, которая могла бы с честью занять место в академическом классе; другая твердила урок на фортепьяно, какую-то сонату Моцарта, сыновья сидели за латинскими авторами, а отец читал католический журнал. Сколько образованности, любознательности, вкуса, нашел я в этом семействе¹⁹.

Круг общения Сабининой с юности был широким и интернациональным: известные российские политические деятели, писатели и поэты, известные музыканты Европы. В дневниках за 1854 г. она описывает встречи с кн. А.М. Горчаковым — российским послом в Вене, В.П. Титовым — посланником в Штутгарте, кн. В.Ф. Одоевским, кн. С.П. Голицыным, кн. М.А. Вяземской (урожденной Столыпной) и ее дочерью — женой посланника в Бадене, дочерью посла в Лондоне фон Брунова, бароном Мейендорфом, бароном Николаи, А.Г. Рубинштейном, поэтом кн. П.А. Вяземским, Н.В. Гоголем, Кларой Шуман, Г. Берлиозом, Ф. Листом и т.д.

19 Барсуков. 1893: 31.

Другим кругом ее общения был двор эрцгерцогини Марии Павловны Саксен-Веймарской. Судя по дневникам, Марфа Сабина придала большое значение женскому образованию. В своих описаниях придворных дам она всегда подчеркивала степень их образованности и манеру поведения. О фрейлине М. фон Кеннериц писала:

она была очень образованная и выдающаяся по уму личность, но держала себя очень скромно и в стороне²⁰.

Водила дружбу со сдержанной и образованной камерфрау С.А. Роговой, сожалела о развлечениях приехавших в Веймар «дам большого Петербургского света».

Ко двору Марфа Сабина попала не только в силу близости ее отца к эрцгерцогине, но в большей степени благодаря своему музыкальному таланту. Уже в 12 лет она стала членом музыкального кружка, созданного в Веймаре великой герцогиней Марией Павловной. Сабина была виртуозной пианисткой и обладала редким или, как писали современники, «громадным голосом». Ф. Лист, высоко ценивший ее дарование, вызвался быть ее учителем музыки, а она стала его лучшей ученицей.

Ее жизнь была наполнена усиленными занятиями музыкой, науками, языками. Она сама сочиняла музыку, в 1854 г. издала свои первые романсы. Марфа Сабина принимала активное участие в культурной жизни Веймара: посещала публичные лекции, концерты, общалась с музыкантами, участвовала в благотворительных концертах под управлением Ф. Листа и Г. Берлиоза, в деятельности певческого кружка и т.д., собиралась делать карьеру пианистки.

20 Сабина. 1901: 1. 132.

В Россию она впервые приехала в 26 лет, дала несколько концертов в Петербурге и Москве, была представлена императрице Марии Александровне как виртуозная пианистка. Расслабленность русской жизни произвела на нее негативное впечатление:

Беспорядочный образ жизни, ... сидение до позднего часа, позднее вставание — все для меня было странно и я не могла к этому привыкнуть и жаждала работы и духовной жизни²¹.

Она с радостью уехала в Веймар к своим занятиям и делам. Но императрица ее запомнила и вскоре через А.Ф. Тютчеву призвала Сабинину на службу при дворе в качестве преподавательницы музыки для своей дочери. Таким образом, Марфе Сабининой пришлось поменять артистическую карьеру на придворную:

30 сентября я получила официальную бумагу о моем назначении ... Я утешалась только мыслью, что восемь лет не вечность, а я приняла это место с условием, что по истечении этого времени я могу его оставить²².

В 1860 г. она приступила к обязанностям при дворе и прослужила оговоренные 8 лет. Соседкой по фрейлинскому коридору Зимнего дворца оказалась баронесса Мария Фредерикс.

Придворные инициативы

Реформаторский дух проник и во фрейлинский коридор. Идею о создании общества в поддержку воинов, проливших кровь за «любезное Отечество» высказала Марфа Сабинина. Осенью 1866 г. при дворе искали идею, как достойно ознаменовать прибытие в Россию невесты цесаревича принцессы

21 Сабинина. 1900: 6. 131.

22 Цит. по Рокина. 2015: 102.

Дагмар. Лейб-хирург П.А. Наронович и лейб-медик Ф.Я. Карелья предлагали открыть в честь принцессы поликлинику с «новейшими усовершенствованиями по образцу берлинских». Сабина настаивала на основании общества Красного Креста, существовавшего уже в большинстве европейских стран. Ее идея была принята.

Со свойственной педантичностью Марфа Сабина изучила уставы европейских обществ Красного Креста. По результатам составила записку о необходимости создания в России Общества в поддержку воинов, сражавшихся во имя «общественной идеи». Баронесса Фредерикс полностью поддержала идею. Ее собственные мечты о сестринской деятельности совпадали с инициативой Сабининой.

14 декабря 1866 г. на квартире баронессы Фредерикс в Зимнем дворце состоялось первое заседание комитета²³. Риторика обязательств общества и государства звучала в принятых документах:

не обязано ли само общество подумать о воинах и войти в положение тех, кого оно посылает умирать ради общественных интересов?²⁴.

Отдельно было отмечено, что заимствование «чужой идеи» делает необходимым «облечь ее в свою самобытную, к местным данным приновленную форму» и «только тогда эта идея станет вполне нашей русской, только тогда она привьется к нашему обществу и принесет плоды»²⁵. На совещании была сформулирована цель будущего общества —

23 Помимо Сабининой и Фредерикс в заседании приняли участие медики: гл. воен. врач Х.Б. Риттер, П.А. Нарович, А.П. Нарович, Ф.Я. Карелья.

24 Алмазова. 1892: 4.

25 Алмазова. 1892: 4.

«облегчение участи раненых и больных воинов на поле сражения», а также обязанность «заготавливать мирным временем весь тот материал, о котором не время уже будет думать во время войны»²⁶. Отдельно было прописано, что участие в обществе может принимать «каждый (курсив Н.И. Алмазовой), кому не чуждо человеколюбие»²⁷. Судя по тексту под этим понималось, что в обществе могут участвовать женщины и представители разных сословий, т.е. организация изначально задумывалась как объединяющая всю нацию в ответственности перед его защитниками.

На следующий после заседания день Фредерикс и Сабина доложили императрице о своей инициативе и испросили дозволения на учреждение общества. Императрица Мария Александровна откликнулась на идею и взялась ходатайствовать перед императором о разрешении, а также согласилась взять Общество под свое покровительство. При такой поддержке император, разумеется, согласился и дал распоряжение писать устав.

Написание устава оказалось процедурой сложной, требующей множества согласований и к тому же новой для учредительниц. Цели военных, врачей, духовенства и «общественности» в лице придворных дам расходились. «Военная партия» стремилась подчинить будущее общество военному ведомству. Партия «*Marthe et Marie*» (так они подписывали документы) настаивала на уставе *частного* общества, *добровольно* приходящего на помощь страждущим» (курсив Алмазовой — И.Ю.)²⁸. Помимо устава решили написать Воззвание к Русскому народу, с объяснением основной идеи Общества.

26 Алмазова. 1892: 4.

27 Алмазова. 1892: 4.

28 Алмазова. 1892: 8.

В нем еще раз проговаривалось, что это *частное* Общество попечения о раненых и больных воинах, главной целью которого является содействие военной администрации во время войны в уходе за ранеными и больными воинами и доставление им, сообразно своим средствам, как врачебного, так и всякого рода вспомоществования²⁹. Отдельно оговаривалось, что учредители Общества приглашают к участию «всех лиц, как богатых, так и бедных», «доступ в общество открывается всем и каждому, без различия звания, состояния и *пола*»³⁰ (курсив И.И. Юкиной). «Каждое пожертвование, даже самое незначительное, принимается с благодарностью»³¹.

Привлечение в Общество учредителей тоже оказалось делом нелегким. По свидетельству современницы «дело было так ново, что точно боялись примкнуть к нему»³². Немногие верили в успех предприятия. «Я еще поверил бы успеху, если бы они были Марфой и Марией», — заявил один из рекрутируемых высокопоставленных военных чинов. — «Да ведь они и есть Марфа и Мария!», — ответила М. Кочетова — одна из придворных участниц проекта.

Императрица в этом вопросе также пришла на помощь *Marthe et Marie*. Она определяла кандидатуры и коротко общалась с потенциальными учредителями, а затем давала распоряжения Марии Фредерикс продолжить с ними работу. Все понимали, что от того, станут ли влиятельные люди учредителями, зависит финансирование и судьба самого предприятия. В результате в СПб в число учредителей, помимо Фредерикс, Сабининой, лейб-медика Ф.Я. Карелля во-

29 Алмазова. 1892: 9.

30 Алмазова. 1892: 9.

31 Алмазова. 1892: 9.

32 Алмазова. 1892: 6.

шли: генерал-губернатор СПб Ф.Ф. Трепов, начальник Отдельного корпуса жандармов П.А. Шувалов, будущий министр Императорского двора кн. И.И. Воронцов-Дашков, министр иностранных дел, канцлер, князь А.И. Горчаков, такие известные врачи, как Н.И. Пирогов, С.П. Боткин, Н.Ф. Здекауэр и др. По свидетельству Алмазовой, чуть ли не каждый вечер в квартире баронессы проходили совещания.

Для расширения поддержки решено было привлечь Москву. И Москва откликнулась патриотически. Помимо московской знати интерес к делу проявили московские купцы. Генерал Тотлебен сообщал из Москвы, что «Дело находит великое сочувствие»³³. Но вместе с тем генерал сообщил и неприятную новость — митрополит Московский и Коломенский Филарет категорически возражал против участия женщин в «управлениях» наряду с мужчинами, и предполагал их «совсем отделить» в дамские комитеты, которые можно было бы образовать при окружных и местных управлениях. В письме от 10 марта 1867 г. генерал Тотлебен писал фрейлине Фредерикс:

Высокопреосвященный не допускает, чтобы дамы заседали вместе с мужчинами в управлениях; дам предполагается совсем отделить³⁴.

Инициаторши, включая императрицу, не могли сдать свои позиции без боя. Фредерикс отвечала Тотлебену:

Высокопреосвященный Филарет видит залог для успеха Общества в резком отделении дам от мужчин в заседаниях. Без всякого сомнения, женщины, вне круга семейных обязанностей, должны довольствоваться скромной долей деятельности; но во всех государствах, опередивших нас по пути просвещения, в скромной доле сей женщинам не отказывают действовать на поприще благо-

33 Цит. по Алмазова. 1892: 12.

34 Цит. по Алмазова. 1892: 11.

творительности вместе с мужчинами. Какие соображения могли привести его высокопреосвященство к такому нелестному для Русских женщин мнению, не понятно, а для меня особенно было бы любопытно ознакомиться с ними³⁵.

И далее: «государыня с сожалением усматривает из приложения к письму Вашему, что высокопреосвященный Филарет видит залог успеха Общества в резком отделении дам от мужчин в заседаниях». Но это не помогло.

23 марта 1867 г. генерал Тотлебен, вернувшийся из Москвы в Петербург, был принят Александром II и императрицей Марией Александровной и доложил, что мнение Филарета неизменно. Более того, митрополит пригрозил, что не останется членом организации и не напишет для него воззвания, если Общество образуется, не отделив дам от мужчин. Т.к. митрополит Филарет был влиятельной фигурой, и от него зависело мнение Москвы, которое в свою очередь имело огромное значение для всей империи, пришлось уступить. Пришлось отказаться от декларируемого ранее тезиса о «пользе и крайней необходимости» участия дам и их праве «быть членами в местных управлениях»³⁶. Фрейлина Фредерикс сообщила в письме министру государственных имуществ генерал-адъютанту А.А. Зеленому, которого императрица планировала назначить руководителем Общества:

по поручению Государыни Императрицы имею честь передать Вам, что вопроса о дамах Ея Величество не берет на себя решить, а поручает это комиссии. Что же касается до Московских дам, то Ея Величество изволила сказать, что они могут устроиться по их собственному усмотрению³⁷.

35 Цит. по Алмазова. 1892: 14–15.

36 Алмазова. 1892: 13.

37 Цит. по Алмазова. 1892: 17.

Разочарование было сильным. Марфа Сабинина решила создать отдельное «русское женское общество» по примеру *Frauen-Verein*, членами которого были бы только дамы. Предполагалось, что в мирное время это женское общество будет действовать самостоятельно, заниматься подготовкой сестер милосердия и сиделок для Общества попечения о раненых и больных воинах и только в военное время поступит в его распоряжение. Но по здравому размышлению она сама отказалась от этой идеи, т.к. была уверена, что в ближайшее время этот вопрос разрешится в пользу дам. И действительно, в 1875 г. генерал-лейтенант А.К. Баумгартен написал баронессе Фредерикс:

Самый же важный успех Общества в том именно направлении, в котором вы, вместе с Марфюю Степановною, так хлопотали: это привлечение женщин наравне с мужчинами к деятельности по Обществу. В новом уставе уже допущены в состав местных управлений и дамы, и в самом непродолжительном времени будет сделано представление, чтобы в местных управлениях могли быть председатели или председателиницы по желанию. С утверждением этого представления, после восьмилетних колебаний, мы снова встанем в то положение, в котором хотели видеть наше общество вначале³⁸.

Судя по тексту письма, генерал Баумгартен разделял идею женского участия. Хотя, конечно, не все были такого мнения. Алмазова объясняла инцидент «с дамами» в том числе тем, что «многие не понимали цели Общества, считали его правительственным, а не частным учреждением и не допускали женских деятелей в состав его членов»³⁹. Также она свидетельствовала, что после инцидента между членами общества появилось недоверие, подозрение в интригах, дело затягивалось. В этот момент императрица проявила полити-

38 Цит. по Алмазова. 1892: 19–20.

39 Цит. по Алмазова. 1892: 21.

ческую волю и, вызвав к себе генерал-адъютанта А.А. Зеленого, Мария Александровна прямо распорядилась, чтобы к 17 апреля 1867 г., ко дню рождения императора «все было кончено».

13 апреля 1867 г. устав Общества единогласно был принят учредителями. 28 апреля 1867 г. Государственный Совет одобрил его без всяких изменений. Вопрос об эмблеме Общества императрица обсудила коротко с Марией Фредерикс — ей стала международная эмблема Красного Креста. Императрица напомнила, что Россия только что примкнула к Женевской конвенции⁴⁰.

Таким образом, в результате энергичных усилий трех дам 3 мая 1867 г. император подписал указ об основании частного «Общества попечения о раненых и больных воинах» (с 1879 г. Российское Общество Красного Креста).

Созыв общего собрания только что учрежденного Общества в очередной раз спровоцировал гендерный конфликт. Переписка по этому поводу фрейлины Фредерикс и председателя Общества генерал-адъютанта Зеленого дает нам возможность понять позицию сторон по отношению к женской общественной активности в высших кругах российской власти. Она не была негативной — веяния времени уже проникли в европеизированную придворную среду. Из письма М. Фредерикс:

40 22 августа 1864 г. на Дипломатической конференции в Женеве была принята Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях — первый договор в сфере гуманитарного права. Была принята эмблема — красный крест на белом фоне, что означало, согласно Конвенции, нейтралитет медицинского учреждения и его персонала. В странах, подписавших конвенцию, стали создаваться общества Красного Креста. Россия подписала Конвенцию в 1867 г.

Я только сейчас узнала от Ея Величества, что вы ей сказали, будто дамам совершенно не нужно быть на общем собрании ... Прошу вас объяснить, в чем дело Все эти противоречия и препятствия, которые ставят дамам в этом благотворительном деле, отбивают у меня всякую охоту ко всякой дальнейшей деятельности в деле, бывшем для меня таким святым, начатым с таким усердием. Я настаивала на присутствии дам на выборах, чтобы в самом начале не было разрыва Общества — разрыва, против которого я так упорно стояла⁴¹.

В ответ Зеленый пишет:

Весьма сожалею, что мой ответ дал повод предположить о нежелании видеть дам в нашем собрании; со своей стороны я напротив, желал бы полного участия дам в нашем совещании; и как весь успех нашего дела, *начатого дамами* (курсив Алмазовой — И.Ю.), вижу только в будущей их деятельности, то не мог не желать и присутствия их в собрании. ... Мне весьма прискорбно ... если дамы охлаждаются к святому делу Общества: тогда мы будем должны *отказаться от всех надежд на достижения цели* (курсив Алмазовой — И.Ю.). Позвольте принести вам искреннюю благодарность за сообщенную заметку о неточности выражения в объяснении к уставу. Я воспользовался ею и изменил редакцию⁴².

Собрание прошло при полном зале, баронесса *Marie* Фредерикс и *Marthe* Сабина «блестящим образом» были выбраны почетными и пожизненными членами Общества.

Дальнейшая деятельность пошла по пути создания системы Дамских комитетов — губернских и провинциальных уездных. Образовавшиеся по инициативе дам, комитеты должны были получить разрешение у губернаторов и сообщить о своем образовании в Главное Управление Общества и императрице. Избирались они на два года. Основная их деятельность шла в направлении увеличения средств Общества, подготовки сестер милосердия, устройства мастерских для производства необходимых лазаретных приспособлений.

41 Цит. по Алмазова. 1892: 22.

42 Цит. по Алмазова. 1892: 22–23.

Санкт-петербургский Дамский комитет считался «главным». Его возглавила камер-фрейлина, гр. Е.Ф. Тизенгаузен, вице-председательницей стала фрейлина баронесса М.П. Фредерикс. Кроме того, Фредерикс открыла отдел по складским делам, Сабина стала ее помощницей. Совместными усилиями, при их организаторских возможностях и высоких связях, склад *Marie et Marthe* быстро обогащался. Состав отделения был отчетливо аристократическим: кн. М.А. Долгорукая, кн. А.В. Голицына, Р.И. Поссет, гр. М.А. Олсуфьева, гр. М.С. Стенбок, М.Л. Веймар, баронесса М.В. Розен, М.А. Кочетова, баронесса С.П. Фредерикс и др.

Общество попечения о раненых и больных воинах стало быстро набирать популярность и концентрировать значительные материальные средства. Участие в нем стало престижным и важным для военной и чиновничьей карьеры.

В 1868 г. *Marie et Marthe* оставили Санкт-Петербург. Восьмилетний срок службы при дворе М. Сабининой истек. Перед ними стояла задача осуществить мечту Фредерикс — основать общину сестер милосердия. Решено было это делать в Крымском поместье М. Фредерикс «Джемиет». Правление складами приняла Ее Высочество Евгения Ольденбургская. Но связь с двором *Marie et Marthe* не прервалась. Вся их дальнейшая деятельность, включая участие в военных действиях в качестве сестер милосердия, в значительной степени координировалась императрицей. Тем более, что поместье «Джемиет» находилось недалеко от императорской резиденции в Ливадии и связь с государыней осуществлялась не только через депеши и телеграммы, но и при личных встречах.

В 1870 г. по приказу и на средства императрицы сестры милосердия *Marie et Marthe*, в недавнем прошлом придворные дамы, отправились на Франко-прусскую войну изучать

деятельность организаций Красного Креста в условиях боевых действий. Они посещали госпиталя и барачные лазареты в Германии и Франции, знакомились с транспортировкой раненых, на одном из первых в Европе санитарных поездов прибыли к осажденному Мецу. Обо всем виденном писали отчеты императрице⁴³. За эту работу обе были удостоены знаками российского Красного Креста (Илл. 4) и вюртембергскими орденами Ольги.

В конце зимы того же года им было поручено устроить в Петербурге образцовый барачный лазарет. Со слов биографов Сабининой, императрица распорядилась следующим образом: «Но у меня нет на то ни денег, ни доктора, который мог бы помочь вам; устройте сами»⁴⁴. Каким образом им удалось поднять необходимые ресурсы неизвестно. Не исключено, что баронесса Фредерикс в этот проект также вложила свои деньги. В нескольких источниках встречаются упоминания о ее расстроенных финансах в результате благотворительной деятельности. Но точной информации нет. Так или иначе, в конце марта 1871 г. Ее величество заложили первый камень в основание лазаретного барака на Песках. При лазарете был создан Дамский комитет, но возглавить его Сабинина отказалась, ссылаясь на работу по созданию сестринской общины. «Государыня очень огорчилась этим отказом, но по доброте своей отпустила Марфу Степановну»⁴⁵.

В 1875 г. Крымская община сестер милосердия святого Благовещения была открыта, а в июле 1876 г. «праведные Марфа и Мария» получили депешу от императрицы, предписывающую отправиться в Сербию. С августа по ноябрь

43 Фредерикс, Сабинина. 1870, 1871.

44 Н.А. 1893: 512.

45 Н.А. 1893: 512.

1876 г. сестринская община работала в Сербии. Вернувшись в «Джемиет» Сабинина и Фредерикс стали строить лазаретный барак на случай русско-турецкой войны, что оказалось делом весьма своевременным. Война была объявлена в апреле 1877 г. На сей раз приказ императрицы отправил их в Румынию для использования германского опыта в организации работы санитарных поездов.

Здесь уровень управленческой работы оказался неизмеримо выше. Отношения между военно-медицинской администрацией, Обществом попечения и румынскими властями были напряженными. Полтора года Сабинина и Фредерикс занимались транспортировкой раненых от Дуная к русской границе. По имеющимся данным М. Сабинина предложила переправлять раненых по Дунаю на баржах, переоборудовав их в санитарные баржи по аналогу с санитарными поездами. Эту идею генерал Дрентельн и главный уполномоченный Красного Креста «нашли полезным для дела» и поручили это самой инициаторше — Сабининой. Тем более, что нужно было договариваться с Австрийской паровой компанией, а у Сабининой и Фредерикс были высокие связи в Вене. В марте 1878 г. при содействии принца Александра Гессенского дело было блистательно урегулировано. После чего на верфях в Пеште под руководством все той же Сабининой обыкновенные баржи были переделаны в плавучие лазареты. Перестройка шести барж на 1300 мест с кухнями, кладовыми, помещением для персонала, отделением для офицеров на 48 мест, полным оснащением обошлась казне в 70 тыс. франков — мизерная сумма по оценки современников. В итоге с апреля и до глубокой осени 1878 г. санитарная флотилия из 6 барж и 2-х буксиров перевозила раненых под присмотром сестер Благовещенской общины.

Осенью 1878 г. *Marie et Marthe* опять вернулись в «Джемиет», где продолжали работу в больнице сестринской общины, по меньшей мере, до 1882 г. Теперь больница обслуживала гражданских лиц. Ялта становилась популярным климатическим курортом, и «недостаточные» сограждане искали бесплатной квалифицированной медицинской помощи здесь.

Марфа Степановна Сабинаина умерла в 1892 г. В 1901 г. баронесса Фредерикс обратилась с просьбой к Николаю II приобрести у нее имение «Джемиет», что и было сделано. Благовещенской общине были оставлены здания и земли, на которых они находились с 1875 г.

За свои заслуги М.С. Сабинаина и М.П. Фредерикс были награждены знаками Красного Креста и вюртембергскими орденами Ольги (за Франко-прусскую войну). Точно известно, что Марфа Сабинаина была награждена бронзовой медалью за русско-турецкую войну, командорским крестом сербского ордена Такова, румынским орденом Елизаветы и сербским орденом Красного Креста за 1876 год. Имела ли баронесса Фредерикс эти или еще какие-либо награды не известно.

Успех Российского Общества Красного Креста нельзя объяснить только высоким положением, волевыми усилиями и организаторскими способностями его основательниц.

Центральной идеей Общества была идея ценности человеческой жизни и ответственности государства и общества перед своими защитниками. Представляется, что на волне общественного подъема, который сопровождался консолидацией русской нации, мысль об ответственности государства перед подданными, человеческих правах самих подданных оказалась актуальной и встроенной сразу в несколько популярных дискурсов и трендов. Во-первых, в патриотическую идею о возрождении могущества русской армии после

трагедии Крымской войны. Она соответствовала общественным требованиям об обновлении, введении новых форм организации и управления в армии, внимания и уважения к военнослужащим. Во-вторых, идея всеобщности участия в «общественности», поддержки армии всей нацией также оказалась актуальной для эпохи формирования единого национального государства. В-третьих, выход женщин на арену публичной деятельности женское участие в «общественности» поддерживало развивающийся тренд автономизации личности, ее дееспособности и ответственности за свою судьбу. Напомним, что именно в это пореформенное время в России стало развиваться женское движение.

Таким образом, воплотив в себя идеи, надежды и тенденции модернизирующегося общества, Общество попечения о раненых и больных воинах (Российское Общество Красного Креста) получило широкую поддержку со стороны всех сословий и гендерных групп.

Что касается личной мотивации основательниц РОКК, но нет сомнений, что для них как христианок, идея сострадания, любви к ближнему, спасения своей души были важны и послужили отправной точкой деятельности. Также не вызывает сомнения, что *Marthe et Marie* понимали свою деятельность как средство общественного благоустройства и как форму женского общественного служения. Организация создавалась на новых для того времени основаниях добровольности, частного характера инициативы, всеобщности и женского участия и лидерства.

В силу своего образования, вхождения в высокие круги России и европейских стран, знанию новейших общественно-политических тенденций и социальных инициатив, М.С. Сабина и М.П. Фредерикс послужили проводником новых веяний, которые оказались «ко двору» в эпоху эман-

сипации в России. Российское Общество Красного Креста стал практической реализацией изменения отношения к человеку — «простолюдину», признание за ним человеческих прав. Эти либеральные идеи повлияли на развитие законодательства в европейских странах и в России, и впоследствии получили название «первого поколения прав человека».

Создание Российского общества Красного Креста, подписание Россией Женевской конвенции (1867) способствовали утверждению в России новой отрасли права — международного гуманитарного права.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Алмазова. 1892 — Алмазова Н.И. К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста. М., 1892.

Сабинаина. 1900 — Записки Марфы Степановны Сабинаиной // Русский архив. 1900, № 4–6, 8; 1901, № 1–4.

Тютчева. 2004 — Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и дневники / Пер. с франц. Л.В. Гладковой – 3-е изд. М.: Захаров, 2004.

Фредерикс, Сабинаина. 1870, 1871 — Фредерикс М.П., Сабинаина М.С. Всеподданнейшие письма о посещение военно-санитарных учреждений Германии // Вестник общества. 1870, № 10, 11; 1871, № 2.

Фредерикс. 1898 — Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Исторический вестник. 1898, № 1. С. 52–87, 471–472; № 2. С. 455–484.

Фредерикс. 1997 — Из воспоминаний баронессы М.П. Фредерикс // Николай I. Портрет на фоне империи. Тайны царского двора (из записок фрейлин). М.: Знание, 1997. С. 277–332.

Фредерикс. — Фредерикс М. П. Воспоминания старушки о дорогом прошлом. ОР РНБ. Ф. 432. Д. 15, 16.

ЛИТЕРАТУРА

Барсуков. 1893 — Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. 7.

Зимин. 2011 — Зимин И.В. Мария Петровна Фредерикс // Вопросы истории. 2011. № 7. С. 140–148

Линдермейер. 1992 — Линдермейер А. Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // Великие реформы в России. 1856-1877. М., 1992. С. 283–300.

Мангейм. 1998 — Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998, № 2 (30). С. 7–47.

Н.А. 1893 — Н.А. Памяти М.С. Сабинаиной // Исторический вестник. 1893. Т. 51. № 2. С. 510–517.

Потенциал и пути развития филантропии в России. 2010 — Потенциал и пути развития филантропии в России. М.: Издат. дом Гос. универ. – ВШЭ, 2010.

Рокина. 2015 — Рокина Г.В. Крымская история Марфы Сабининой // Восток — Запад. 2015, № 8. С. 96–109.

Рокина. 1991 — Рокина Г. В. Миссия С. Сабинина в Веймаре // Социально-политическая борьба в странах Европы и Америки в средние века и новое время. Йошкар-Ола, 1991. С. 120–129.

Рокина. 2005 — Рокина Г. В. Семья православного священника С. К. Сабинина (1789–1863) // Гендерные исследования в гуманитарных науках. Йошкар-Ола, 2005. С. 110–117.

Иллюстрации

Илл. 1. Мария Петровна Фредерикс (1832–1903).

Илл. 2. Герб баронессы Фредерикс.

Илл. 3. Марфа Степановна Сабина (1831–1892).

Илл. 4. Знаки Российского Общества Красного Креста

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОРИЯ ДВОРА

Т.И. Зайцева

СТАТУС ВДОВЫ ПРАВИТЕЛЯ В ПРИДВОРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВРЕМЕННОЙ ГЕНДЕРНОЙ МЕДИЕВИСТИКИ)

Ключевые слова: статус вдовы правителя, современная гендерная медиэвистика, социальные роли и пространство деятельности

Аннотация: В статье анализируется комплекс исследований придворной культуры, осуществленных в немецкой и французской гендерной медиэвистике. В фокусе внимания — реконструкции учеными гендерного статуса представительниц правящей элиты и, в частности, фигуры вдовы правителя: способов репрезентации, социальных ролей и пространства деятельности.

В ходе изучения гендерной истории западноевропейского Средневековья и начального периода раннего Нового времени (X–XVI вв.) объектом внимания зарубежных исследователей весьма часто становится материал, относящийся к жизни правящей элиты. Активный интерес ученых вызывают сюжеты, связанные с открывавшимися в силу сословной специфики данной страты социальными возможностями женщин–правительниц. Один из популярных сюжетов в этой связи — вдовство представительниц высшей аристократии. Историки обращаются к способам придворной репрезентации вдов центральных и региональных правителей, их соци-

альным ролям и пространству деятельности. Историографический анализ накопленных гендерными медиевистами в рамках двух национальных школ — Германии и Франции — материалов позволяет выявить присущие данной исследовательской области тенденции, спектр изучаемых тем, концептуальные подходы ученых.

Обращаясь к институту династии в его связи с практикой властвования в Германии раннего Нового времени, немецкая исследовательница Х. Вундер среди относительно мало изученных аспектов данной сферы называет фигуру овдовевшей супруги или матери правителя¹. Один из сюжетов, которые рассматривает Вундер — неустойчивость материального положения княгинь в период вдовства. Она касается практики защиты будущих вдов от экономических рисков посредством особых статей брачного контракта, специально оговаривавших вдовью долю. В то же время историк подчеркивает, что реализация данных условий брачного контракта зависела от состояния страны после смерти правящего князя и отношения наследного принца к матери. Как было показано, княгини постоянно помнили о данной проблеме, на протяжении всего брака предпринимая действия для обеспечения собственной безопасности на случай более ранней смерти супруга. Также Вундер ссылается на получивший распространение в этой среде специфический жанр — книги утешения для вдов, возникший вследствие неопределенности судьбы представительниц данной социальной группы².

1 **Wunder.** 2002: 16. Относительно интересующего нас периода автор обращается, в частности, к фигуре Елизаветы Брауншвейгской (1510–1558). См.: **Wunder.** 2002: 11, 24–25.

2 **Wunder.** 2002: 24–25.

Второй сюжет, затрагиваемый Х. Вундер — практика материнской опеки в отношении несовершеннолетних правителей, причину распространения которой она видит в повторных браках князей. Как отмечает исследовательница, овдовевшие князья зачастую стремились к бракам с более молодыми женщинами, чтобы иметь возможность передать им при необходимости заботу о своих малолетних наследниках. В психологическом плане данная практика приводила к тому, что отцовские наставления и поучения сыновьям — наследным принцам после смерти родителя становились задачей матерей. В свою очередь, по мнению Вундер, право княгини делать «материнские строгие выговоры» являлось красноречивым подтверждением признания ее принадлежности к династии супруга и сына³.

Исследовательница также считает, что, вопреки своей нередко неустойчивой позиции, княжеские вдовы играли значительную роль в социокультурной консолидации династий. В частности, она показывает, что не только сам князь или княжеская пара, но и, после смерти князя, его вдова выполняла задачу репрезентации правящего дома (включая оформление резиденций, покровительство наукам и искусствам и пр.).

С самой стилизованной фигурой вдовы, которой старались соответствовать вдовствующие княгини, по мнению Вундер, связывалась коммуникативная и культурная память: в ней символически воплощалось прошлое и настоящее династии, а также ее континуитет. К характерным династическим задачам вдовствующих княгинь рассматриваемого периода относилась и такая культурная функция, как забота о памяти (*memoria*) — составлении похоронных книг об

3 Wunder. 2002: 25.

умершем супруге. Эти книги также служили не только поминовению мертвых, но и сплочению династии в настоящем и в перспективе будущего⁴.

Й. Рогге во вступительной статье к сборнику «Княгиня и князь. Семейные связи и пространство возможностей высокогородных женщин в Средневековье», обращаясь к положению немецких княгинь в рамках княжеской семьи, в числе прочих вопросов затрагивает их действия в политической сфере в случае выполнения во вдовстве роли опекунов или самостоятельных регентш⁵.

Рогге выделяет неписанные правила женского регентства в период высокого Средневековья, обязанности вдовы умершего князя по отношению к малолетнему сыну, ее связь с династией мужа. По мнению ученого, в отличие от последующих столетий, в XII–XIII вв. женщины–регентши еще не имели конкурентов в лице мужчин; они хранили воспоминания об умершем князе, воспитывали своих сыновей, правила, демонстрируя такие качества, как решительность и благоразумие⁶.

К XV в. на первое место вышла функция опеки, поскольку регентами стали назначаться не только вдовы, как это было в XII столетии. Теперь в данной области, как правило, доминировал мужской регентский совет, определявший свободу действий опекавших своих сыновей княгинь. Соответственно, регентствующие княгини чаще всего получали ограниченные возможности в управлении государством. Хотя, как их предшественницы в XII и XIII вв., регентши продолжали исполнять важные задачи в судебной области,

4 Wunder. 2002: 25–26.

5 Rogge. 2004: 10.

6 Rogge. 2004: 12.

управлении ленами и заключении альянсов; однако пространство их действий и сфера влияния зависели от связи с мужской родней.

Й. Рогге подчеркивает, что главная цель регентской деятельности княгинь всегда состояла в сохранении господства правящей семьи. Один из примеров, к которым обращается ученый — вдова умершего в 1439 г. Альбрехта II Габсбурга Елизавета Люксембургская, чей сын был коронован венгерской короной в возрасте нескольких недель; и Елизавета отказалась от повторного брака, следуя, как многие другие регентши, семейным интересам и стремлением сохранить власть для сына⁷.

Опираясь на комплекс включенных в сборник исследований, Рогге прослеживает ряд изменений во времени. Так, он обнаруживает влияние кризиса XIV в., с вызванными им сокращением численности населения и массовыми переселениями вследствие чумы, на властные практики в княжеской среде Германии; формирование новых теорий относительно взаимоотношений правящей пары и предписываемых княгине и князю ролей в середине XV в.⁸

В то же время, Й. Рогге считает, что с XII по XV в. возможности вдовствующих княгинь в сфере политической деятельности ухудшились не столь существенно, как это произошло в отношении немецких королев. Региональные правительницы продолжали самостоятельно управлять своим вдовьим имуществом; оставались частью династической сети, основной целью которой было сохранение или расширение власти той или иной правящей семьи⁹.

7 Rogge. 2004: 13.

8 Rogge. 2004: 18.

9 Rogge. 2004: 17.

В рамках того же сборника другая немецкая ученая, Б. Эльперс, в статье о феномене материнского регентства обращается к фигурам княжеских вдов на примере герцогинь и графинь XII–XIII вв., в том числе знаменитой Елизаветы Тюрингской. Как показала исследовательница, если в раннее Средневековье феномен регентства в малолетство наследника можно обнаружить только на уровне немецкого королевства, то с XI столетия, по мере развития наследования крупных ленов, эта практика также распространилась на малолетних герцогов и графов.

По мнению Эльперс, именно благодаря вдовам-княгиням обеспечивался континуитет правящего дома и продолжение властной традиции, что оценивается исследовательницей как весьма значительная задача. Так, торжественная репрезентация власти осуществлялась матерью и сыном; с XIII в. матерью, сыном и опекунами-мужчинами.

На основе анализа практики, связанной с положением и деятельностью княгинь в различных районах Империи, историк выделяет общие наиболее важные условия и основные задачи материнского регентства в классическое Средневековье: поддерживать стиль господства правящей династии, воспитывать сына, заботиться о памяти умерших.

Эльперс отмечает, что изображения княгинь в исторических текстах оказываются типологизированными и указывают не на персональные, индивидуальные действия, а представляют их как наиндивидуальный тип, связанный с выполнением предписанных функций. Действительно, княгиня в процессе исполнения обязанностей регентши была связана договорными обязательствами, исходя из которых, она и осуществляла власть. Историк считает характерным, что смерть супруга, которая в источниках обозначалась как исходный пункт регентства княгини, не отмечалась измене-

нием титулатуры, как и передача господства сыну в связи с достижением им совершеннолетия.

В то же время реальность выглядит не столь однозначно. Один из примеров, описанных Б. Эльперс, касается маркграфини Штирии Софии Вельф, которая после смерти супруга (1129 г.) ради получения лена ее сыном отправилась с несколькими сотнями рыцарей к королю, по пути оказав помощь брату в осаде замка. София выполняла такие обязательства своего умершего мужа, как служба в армии и обеспечение мира — области деятельности, которые традиционно не связываются с женщинами-правительницами¹⁰.

Примером противоположного плана может служить поведение Елизаветы Тюрингской, чьи действия в качестве благородной матери и овдовевшей княгини не соответствовали ожиданиям ее времени. Эльперс подчеркивает степень необычности поведения, нарушения норм поведения женщины из среды высшего дворянства, уклонившейся от выполнения обязанностей материнского регентства (и, как известно, сыгравшей выдающуюся роль в области религии)¹¹.

К. Вальш в статье, посвященной придворной репрезентации и политической деятельности княгинь в начале раннего Нового времени, пишет о нормативах поведения княжеской вдовы, которые включали (часто независимо от территориальных и языковых границ) ее обязанность как жены правящего князя после смерти супруга заботиться о государственных делах их общего несовершеннолетнего сына¹².

Исследовательница также обращается к фигуре наместницы Нидерландов Марии Австрийской (1505–1558), кото-

10 Elpers. 2004: 162–163.

11 Elpers. 2004: 166.

12 Walsh. 2004: 265.

рая, по ее мнению, выступает как необычная личность: прежде всего из-за осознанного решения, рано овдовев, вопреки многочисленным предложениям не вступать в новый брак. Остаток жизни, более трех десятилетий, Мария носила строгие вдовьи одежды. Испытывая симпатии к учению Лютера, после смерти мужа она посвятила себя ему; приняла участие в «мире дам»¹³. С выводом о связи особого положения женщин-штатгальтеров XVI в. из рода Габсбургов с их исключительной для женщин политической позицией, и их статуса вдов, согласен и Й. Рогге¹⁴.

Обсуждается статус вдовы правителя и во французской историографии. А.-М. Пелетье в разделе «Средневековые женщины» монографии «Христианство и женщины. Восемь веков истории» обращается к фигуре вдовы правителя на примере супруги немецкого короля Генриха I (ум. 936 г.) Матильды Вестфальской. Как показывает исследовательница, Матильда, согласно ее жизнеописаниям, после смерти Генриха для его христианского спасения посвятила остаток своей жизни Богу. В рамках теологической интерпретации жизнь высокородной вдовы, с одной стороны, отражает любовь к Христу и церкви, с другой — супружескую любовь и верность умершему мужу¹⁵.

Ф. Козандей в разделе «Обязанности вдовы короля» монографии «Королева Франции. Символы и власть. XV–XVIII века» отмечает роль для последующих поколений традиций, введенных двумя вдовствующими королевами — матерью Людовика Святого (1226–1270) Бланкой Кастильской и вдо-

13 Walsh. 2004: 276.

14 Rogge. 2004: 17.

15 Pelletier. 2001: 96.

вой Филиппа Валуа (1328–1350) Бланкой Наваррской¹⁶, и связывая эти традиции с наименованием находящейся в трауре правительницы «белой королевой» (по мнению ученой, не случайно вплоть до Анны Бретонской королевские вдовы носили белое; а эта правительница, введя в практику черное облачение, сохранила тем не менее белую вуаль). Козандей описывает не только необходимость для овдовевшей королевы блюсти достаточно строгий сорокадневный траур, но и ее важную роль в организации похорон умершего супруга, а также вменяемую ей обязанность в дальнейшем заниматься образованием юного принца и осуществлять регентство¹⁷.

В разделе «Водворение женщин в регентстве» историк пишет о трансформации данной практики с XV в., что, по его мнению, является следствием активных законодательных усилий XIV–XV веков. Несмотря на наличие женщин–регентш при малолетних правителях уже в классическое Средневековье, в данной области наступил новый этап в связи с выработкой французскими юристами запрета на осуществление женщинами прямой власти. Мнение, что только родная мать в силу самой ее материнской природы может сохранить трон для несовершеннолетнего правителя, с точки зрения исследовательницы, было связано с формированием юридических препонов для захвата ею престола¹⁸.

Аналогичные тезисы высказаны и в статье Ф. Козандей «Материнское могущество и политическая власть. Регентство королевы–матери», где также показано, что практика материнского регентства с его достаточно широкими пол-

16 Cosandey. 2000: 233.

17 Cosandey. 2000: 234.

18 Cosandey. 2000: 296.

номочиями является последствием исключения женщин из числа возможных наследников престола¹⁹. Исследовательница отмечает, что в руках королевы-матери находилась опека и образование малолетнего правителя. Она вводит метафору власти матерей, на первый план среди функций французской королевы выводя материнскую. В частности, было показано, что репрезентирующая власть королевская пара во Франции — это не столько супруги, сколько вдовствующая королева и ее сын²⁰.

М. Лазар в разделе «Женщины и власть» монографии о женщинах эпохи Ренессанса также акцентирует роль высококородной вдовы как матери несовершеннолетнего правителя; на первый план выходит не супружеская, а материнская природа. Однако, если для Козандей осуществляемое во вдовстве материнское регентство — вершина политической карьеры французской королевы²¹, то, по мнению Лазар, исправляющая регентство королева-мать — всего лишь своего рода «депозитарий» властных прав малолетнего наследника.

Как пишет М. Лазар, супруга здравствующего французского короля не играла значимой политической роли. Только во вдовстве, становясь регентшей и выступая от имени малолетнего правителя, французская королева получала реальную власть. Как мать короля, вдова превращалась в символ матери государства. Эпоха Ренессанса оценивается исследовательницей как золотой век женского регентства; по ее мнению, почти все вдовы становились ими не только во Франции, но и в Европе в целом²². Во время малолетства короля через короле-

19 Cosandey. 2005: 2.

20 Cosandey. 2005: 4–7.

21 Cosandey. 2005: 7.

22 Lazard. 2001: 373–374.

ву–мать осуществлялась его связь отцом — предшествовавшим правителем. Умирая, король как бы депонировал своей супруге корону. Само слово «вдова» в отношении королевы–матери исследовательница не акцентирует, упоминая его лишь вскользь; в то же время, отмечая, что вдова правителя, не имеющая сыновей, должна была покинуть страну, забрав с собой, в случае наличия, своих дочерей²³.

С. Кассань–Бруке, Кр. Клапиш–Зубер и С. Стейнберг в статье «По пути Джоан Келли. Власть, любовь и куртуазия (XII–XVI вв.)», опираясь на общеевропейский материал, также отмечают, что в случае допущения к политической власти женщин обозначенной эпохи речь всегда идет если не о наследницах, то о вдовах. Королевам–супругам делегировалась власть, чтобы обеспечить передачу политических полномочий их сыновьям, причем практика женского регентства на протяжении рассматриваемого периода расширялась. Действуя в интересах своих несовершеннолетних детей, регентши осуществляли власть в Европе в эпоху Ренессанса, в том числе, и вопреки запрету на прямое наследование и получение престола.

Вдовы, не ставшие регентшами, заботились об имуществе детей, исполняя обязанности опеки, практика которой также имела тенденцию к развитию. С земельными владениями правительницы приобретали власть над людьми, сеньориальные права, судебные полномочия, военные задачи²⁴. Исследовательницы показывают, что юридические решения в пользу переживших супругов вдов принимались во многих европейских регионах с конца XV в. — с целью сохранения преемственности правящих семей и предохранения

23 Lazard. 2001: 344.

24 Cassagnes-Brouquet, Klapisch-Zuber, Steinberg. 2010: 40.

власти от захвата извне. Нередко именно вдовы оказывались в состоянии осуществлять реальное господство, что заметно, в частности, в их манере правления. Некоторые из них активно вмешивались в общественную деятельность, экономическую сферу и даже в военные конфликты²⁵.

Подведем итог. Как видно из представленного комплекса публикаций, в рамках изучения вызывающей достаточно активный исследовательский интерес фигуры вдовы правителя немецкими и французскими учеными-медиевистами привлекаются различного рода источники — брачные контракты, книги утешения для вдов, жизнеописания, похоронные книги. На их основании исследователи рассматривают довольно широкий круг тем.

Изучается повседневная жизнь вдовствующих правительниц — их одежда и внешний вид, материальное обеспечение на период вдовства. Ученые выделяют такие социальные роли вдовы из среды высшей знати как хранительница культурной памяти об умершем супруге и вместе с тем преемственности, континуитета династии; опекунша и воспитательница малолетнего сына-правителя; регентша при нем на период несовершеннолетия. Как показывают исследователи, вдовы нередко репрезентировались в качестве символа правящего дома, самостоятельно или совместно с сыном-правителем.

Несмотря на предписываемые вдовам правителей традицией и окружением надындивидуальные обязанности и функции, историки нередко обнаруживают среди представительниц этой гендерной группы индивидуализированное поведение, усиливаемое спецификой социальной страты и социальной позиции. Как было показано, формы этой инди-

25 Cassagnes-Brouquet, Klapisch-Zuber, Steinberg. 2010: 42.

видуальной самостоятельности оказывается достаточно разнообразными: монашеское служение вдовствующей немецкой королевы X в. и политическая деятельность наместниц императорского дома XVI столетия; нетипичная в гендерном плане военная активность или, напротив, отказ от предписываемой практики регентства графинями XII–XIII вв.

Благодаря развернутому научному обсуждению обозначенной проблемы историкам удастся реконструировать пространство деятельности отдельных женщин — вдовствующих правительниц и некоторые общие особенности гендерного статуса представительниц данной социальной группы на различных этапах средних веков и начала перехода к раннему Новому времени; обозначить общеевропейские тенденции — и специфику Германии, Франции и их отдельных регионов.

В свою очередь обобщение результатов, проводимых в рамках двух национальных школ исследований, позволяет подступиться к вопросу об оценке общей специфики гендерной медиевистики как специализированного научного направления.

Список литературы

Cassagnes–Brouquet, Klapisch–Zuber, Steinberg. 2010 – Cassagnes–Brouquet S., Klapisch–Zuber Ch., Steinberg S. Sur les traces de Joan Kelly. Pouvoir, amour et courtoisie (XIIIe–XVIe siècles). // *Clio. Histoire, femmes et sociétés*. 32. 2010. Relectures. P. 17–52. URL: <http://clio.revues.org/9804> (дата обращения: 08.07.2019).

Cosandey. 2000 — Cosandey F. La reine de France. Symbole et pouvoir, XVe–XVIIIe siècle. Paris, 2000.

Cosandey. 2005 — Cosandey F. Puissance maternelle et pouvoir politique. La regence des reines meres. // *Clio. Femmes, Genre, Histoire*. 21. 2005. Maternités. P. 1–13. URL: <http://clio.revues.org/1447> (дата обращения: 08.07.2019).

Elpers. 2004 — Elpers B. Während sie die Markgrafschaft leitete, erzog sie ihren kleinen Sohn. Mütterliche Regentschaften als Phänomen adliger Herrschaftspraxis // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter. / Hrsg. J. Rogge. Ostfildern, 2004. S. 153–166.

Lazard. 2001 — Lazard M. Les avenues de Femynie. Les femmes et la Renaissance. P.: Fayard, 2001.

Pelletier. 2001 — Pelletier A.–M. Le christianisme et les femmes. Vingt siècles d'histoire. P., 2001. P. 79–112.

Rogge. 2004 — Rogge J. Einleitung. // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter. / Hrsg. J. Rogge. Ostfildern, 2004. S. 9–18.

Walsh. 2004 — Walsh C. Die Fürstin an der Zeitenwende zwischen Repräsentationverpflichtung und politischer Verantwortung. // Fürstin und Fürst. Familienbeziehungen und Handlungsmöglichkeiten von hochadeligen Frauen im Mittelalter. / Hrsg. J. Rogge. Ostfildern, 2004. S. 265–279.

Wunder. 2002 — Wunder H. Dynastie und Herrschaftssicherung: Geschlechter und Geschlecht // Dynastie und Herrschaftssicherung in der Frühen Neuzeit: Geschlechter und Geschlecht. / Wunder H. Hrsg. H. Wunder. Berlin, 2002. S. 9–27.

А.А. Павлов

О НОНИИ МАРЦЕЛЛЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Сжатая наука» Нония Марцелла, римские грамматики и антиквары

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена римскому грамматiku IV в. Нонию Марцеллу и предваряет публикацию книг его труда «Сжатая наука», посвященных одежде, посуде, яствам, родству. В ней рассматриваются основные проблемы, связанные с автором, временем его жизни, структурой и характером сочинения.

В отличие от ряда других грамматических и антикварных сочинений труд Нония Марцелла *De compendiosa doctrina* дошел до нас практически полностью¹. Уоллес Линдси, известный английский филолог–классик, издатель текста Нония, в своей работе, посвященной композиции и источникам сочинения Марцелла, пишет:

Из трех больших латинских словарей, или энциклопедий, которые дошли до нас от древности: эпитомы сочинения Веррия Флакка «О значении слов», созданной Фестом, «Сжатой науки» Нония Марцелла, «Этимологий» Исидора, второй превосходит остальные богатством цитат из римской литературы республиканской эпохи. Большинству того, что сохранилось от утраченных текстов республиканских писателей, таких, как трагик Акций, сатирик Луцилий,

1 Утрачена лишь одна из антикварных книг (XVI), посвященная обуви.

историк Сизенна, мы обязаны цитатам, которыми Ноний пояснял слова своего словаря².

Современный испанский профессор Антонио Пинто называет сочинение Нония не просто интересным, но загадочным³. Ноний Марцелл, однако, практически не известен российскому читателю. Немногочисленные сведения о нем можно почерпнуть либо из словарных статей⁴, либо учебников по римской литературе⁵. «Сжатая наука», как можно перевести название его труда, никогда не переводилась на русский язык. Напротив, в западной историографии Нонию уделялось и уделяется огромное внимание, хотя следует заметить, что и там до сих пор нет полных переводов его сочинения⁶.

О жизни Нония Марцелла почти ничего не известно. Само время жизни его вызывает многочисленные споры⁷, хотя

-
- 2 **Lindsay.** 1901: 1. Это касается не только указанных авторов; текст дает, например, основную массу цитат для реконструкции «Менипповых сатир» Варрона, а также его сочинения «О жизни римского народа». По подсчетам Э. Кадони общее число цитат, приведенных Нонием, составляет 7176, львиная доля из которых — ссылки на Вергилия и Цицерона (1536 и 1010 соответственно). См.: **Cadoni.** 1987: 15. При этом в тексте содержится 687 цитат из Луцилия, что составляет примерно половину из всего состава сохранившихся цитат из римского сатирика II в. до н.э.
 - 3 **Pinto.** 2009: 17–18.
 - 4 **Энциклопедический словарь.** 1897: 392; **Античные писатели.** 1999: 252.
 - 5 **Дуров.** 2000: 521.
 - 6 Активное исследование текста началось еще во второй четверти XIX в. Особенное внимание к труду возникло в 60–е гг. XX в. благодаря организованному Ф. Бертини семинару в Генуе. С 1967 по 1997 гг. под его редакцией вышло 15 томов *Studi Noniani*. В начале 2000–х, им на смену, стали издаваться *Prolegomena Noniana*. Наиболее полная библиография работ, посвященных Нонию, была составлена Р. Маддзакане: **Prolegomena Noniana.** 2000: 7–77; 2002: 149–175; 2004: 59–61; 2005: 67–68.
 - 7 Для датировки времени жизни Нония *terminus post quem* служит время жизни Авла Геллия (II в.), чьи «Аттические ночи» Ноний интенсивно использовал, не ссылаясь на них при этом; *terminus ante quem* — время жизни грамматика Присциана (V в.), который не раз ссылается в своих *Institutiones grammaticae* на Нония (35, 20; 269, 24; 499, 17).

большинство исследователей сегодня относит его к IV — началу V вв., с чем следует согласиться⁸. Основным нашим источником для реконструкции того и другого служит само сочинение Нония и его название. Оно было адресовано сыну, что было достаточно широкой практикой в эпоху империи⁹; ему была предпослана следующая надпись: *Noni Marcelli Peripatetici Tubursicensis de compendiosa doctrina ad filium*¹⁰. Она позволяет говорить о том, что Ноний Марцелл был родом из североафриканского города Тубурсика (Tubursicum)¹¹, очевидно из *Tubursicum Numidarum* (ныне Khamissa)¹². Именно в этом городе была найдена надпись, относящаяся, очевидно, к 323 г.¹³ Согласно тексту надписи, некий Ноний Марцелл Геркулий во времена императора Константина выстлал камнем улицу и восстановил термы и другие здания, пришедшие в негодность. Хотя очевидна связь Геркулия с нашим автором, мы не можем все же прямо идентифицировать его с ним. Это мог быть и его сын, и внук, как, впрочем, и отец, и

-
- 8 См.: **Deufert**. 2001: 137–49; **Lindsay**. 1901: 1; **Maggiulli**. 1982: 123–76; **Mantero**. 1975: 123–88; **Chahoud**. 2007: 70 etc. Хотя не так давно П. Кейсер попытался обосновать гораздо более раннюю дату: конец II — начало III вв. См.: **Keyser**. 1994: 369–89.
- 9 Достаточно вспомнить «Нравственные письма к Луцилию» философа Сенеки (I в.), «Пять книг сентенций к сыну» юриста Юлия Павла (III в.), «Сатурналии» антиквара Макробия (V в.).
- 10 **Nonii Marcelli**. 1903: XIII.
- 11 Связанные с происхождением и местом имени были широко распространены в Северной Африке (L. Apuleius Madaurensis, Terentianus Maurus, P. Terencius Afer), что подчеркивает связь Нония с этим городом.
- 12 Город процветал во II–IV вв. Августин Блаженный сообщает в одном из писем (44, 1), что был проездом в этом городе в 396/7 г. и его беседа с епископом Тубурсика Фортунием была прервана шумом толпы, собравшейся в театре.
- 13 «beatissimo saeculo d. n. Constantini Maximi semper Aug. et Crispi et Constantini nobb. Caess. plateam veterem omni lapide spoliatam Nonius Marcellus Herculius solide constravit et thermas et cetera ruina dilapsa aedificia» (CIL. VIII. 4878).

дед¹⁴. Как видно из надписи, семья его была состоятельной, что позволило ему иметь хорошее образование¹⁵, хотя о занятиях его ничего однозначно сказать невозможно. Согласно формулировке Р.А. Кастера, он был «образованным любителем», т.е. человеком, не связанным с преподаванием грамматики (подобно таким грамматикам и антикварам, как Авл Геллий, Тиберий Клавдий Донат и Макробий)¹⁶. Ноний характеризуется в надписи как перипатетик, т.е. приверженец школы Аристотеля, что вызывало в науке споры¹⁷. В тексте он лишь однажды ссылается на работу Аристотеля *Περὶ μνήμης* (s.v. *Meminisse*. P. 708L) и то, как полагают, через посредство текста Авла Геллия (VIII. 7)¹⁸. Как бы там ни было, подобная формулировка Нония, как и все содержание его работы, позволяет судить о том, что он не был приверженцем христианства, а по выражению Х. Неттлешипа, являлся консерватором римских традиций, более того, учитывая

14 **Lindsay**. 1903: XIII–XIV. Скорее сын или внук. См.: **Marschall**. 2016: 183.

15 Ученые XIX века высказывали сомнения в его образованности, сохраняющиеся по сей день. Так А. Ризе (см.: **Lindsay**. 1901: 1), исходя из того, что в некоторых случаях тот называет знаменитого оратора Цицероном, а в других М. Туллием полагал, что Ноний по недопониманию своему считал, что речь идет о двух разных людях; подобная оценка прослеживается и в работе В.С. Дурова, где автор отмечает плохое знание латыни Нония, часто путавшего падежные окончания (**Дуров**. 2000: 521). И то, и другое, однако, связано не с неграмотностью автора, а со следованием его за своими источниками. Нония, испытывавшего пиетет перед классической латынью, составившего своеобразно структурированный грамматико-антикварный труд, сложно заподозрить в неграмотности. Средневековые грамматики обращались к нему как к авторитету, порой сопоставляя по значению с Сервием.

16 **Kaster**. 1988: 417–418.

17 Формулировка Нония очень похожа на Апулееву, которой тот начинал свои «Метаморфозы»: «L. Apulei Platonici Madaurensis...», именуя себя платоником.

18 **Strzelecki**. 1936: 882–97.

время его жизни, выразителем стремления не просто к сохранению, но и возврату к римской старине¹⁹.

То, что сочинение было адресовано сыну, говорит нам о том, что оно имело пропедевтические цели. В таком случае стоило бы ожидать, что текст будет начинаться предисловием — наставлением к сыну, лучший пример чего мы видим в «Сатурналиях» Макробия Феодосия, вероятно младшего современника Нония²⁰. Отсутствие предисловия, как и характер последней книги (XX) труда, очень краткой (всего пол страницы), в которой нет ни одной цитаты, может говорить о незаконченности сочинения.

«Сжатая наука» — это единственное сочинение, которое мы имеем от Нония²¹. Оно состояло из 20 книг, среди которых и по объему, и по структуре превалируют книги грамматического содержания (I–XII). Их можно разделить в свою очередь на собственно грамматические (III, VII, VIII, IX, X, XI) и лексико-этимологические (I, II, IV, V, VI, XII)²². Книги II–IV структурированы по алфавитному принципу, остальные — по предметному. Книги с XIII по XX носят антикварный ха-

19 **Netteship**. 1882: 7. Ср.: **Marschall**. 2016: 183.

20 М.С. Петрова определяет время его жизни 390 г. — не позднее 485 г. н.э. См.: **Петрова**. 2013: V–VI. Слова предисловия Макробия, несомненно, могли бы быть таковыми Нония. Феодосий пишет (рр. 2–4): «А потому и мне ничто не кажется более важным, чем твое обучение <...> Пусть все это будет тебе запасом знания, собранным из, так сказать, закровов учености <...> И не беспорядочно, словно в ком, сгрудили мы то, что достойно упоминания <...> И не ставь мне в вину то, что я заимствую из разнообразных книг...» — пер. В.Т. Звиревича.

21 Хотя сам он упоминает (s.v. **Meridiem**. P. 723 L) еще об одной небольшой работе *a Doctrinis de Peregrinando*. Согласно Л. Мюллеру *de peregrinando a doctrinis* (**Nonii Marcelli**. 1888: 47). О содержании ее говорить сложно, она могла носить философский (морализаторский) характер, как следует из названия.

22 К сожалению, здесь нет возможности остановиться на них более подробно.

рактер²³. Их объем значительно уступает книгам грамматической части, особенно книге IV, занимающей треть всего труда. Для настоящей публикации нами выбраны книги именно из этой части, хотя очевидно, что для самого автора более важными были книги, посвященные языковым проблемам.

Что касается источников, то автор ссылается главным образом на древнейших римских авторов (III–I вв. до н.э.), служащих для него авторитетом. Среди них Плавт, Невий, Энний, Пакувий, Акций, Луцилий, Теренций, Афраний, Помпоний, Новий, Турпилий, Сизенна, Лукреций, Цицерон, Саллюстий, Варрон и Вергилий. Напротив, мы не встретим среди цитируемых авторов эпохи империи. Определяющим здесь для него является авторитет древности. Несомненно, что он использовал и труды грамматиков и антикваров, однако прямо об этом не сообщает²⁴. Названия «антикварных» книг Нония перекликаются с рядом таковых из «Этимологий» Исидора Севильского²⁵. Не известно, пользовался ли Исидор сочинением Нония. Подобное совпадение может говорить не столько о прямом заимствовании, сколько об общих источниках того и другого, а также о постепенном сложении «канонического» предметного ряда, рассматриваемого авторами антикварных работ, что в завершенном виде нашло от-

23 XIII — «О видах судов», XIV — «Об одежде», XV — «О сосудах, или чашах», XVII — «О цвете одежды», XVIII — «О яствах и напитках», XIX — «Об оружии», XX — «О родстве».

24 По мнению У. Линдси, один из сборников глосс, с которым работал Ноний, содержал глоссы Веррия Флакка (Секста Помпея Феста); в его библиотеке было и отдельное издание «Аттических ночей» Авла Геллия. См.: **Lindsay**. 1901: 9; 101–103.

25 В частности, книга XIX Исидора содержит сведения о кораблях, подобно книге XIII Нония, в ней же речь идет об одежде, которая рассматривается Нонием в книге XIV, еда, напитки и сосуды у Исидора представлены в книге XX, у Нония этому посвящены книги XV и XVIII, и т.д.

ражение в энциклопедическом сочинении Исидора. Анализируя характер и порядок цитирования авторов Нонием, У. Линдси пришел к выводу об использовании им сорока одного издания, среди которых как издания отдельных авторов, так и глоссированные сборники, как тексты в свитках, так и кодексы²⁶.

Текст Нония специфичен для современного читателя. Доминирующую часть объема занимают цитаты, заимствованные из древних авторов. Авторский текст весьма лаконичен, не блещет новизной и глубиной анализа. От этого, однако, он не становится менее ценным. Помимо множества цитат, о чем шла речь выше, он дает массу сведений о римской повседневности, об истории и этимологии латинского языка, позволяет представить логику развития римской антикварно-грамматической традиции, судить о развитости грамматической науки и т.д.

26 Lindsay. 1901: 7-11.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Nonii Marcelli. 1903 — Nonii Marcelli De compendiosa doctrina libros XX / ed. W.M. Lindsay. Lipsiae, 1903. Т. I.

Nonii Marcelli. 1888 — Nonii Marcelli Compendiosa doctrina / ed. L. Müller. Lipsiae, 1888. Т. II.

ЛИТЕРАТУРА

Античные писатели. 1999 — Античные писатели. Словарь. СПб., 1999.

Дуров. 2000 — Дуров В.С. История римской литературы. СПб., 2000.

Петрова. 2013 — Петрова М.С. Макробий Феодосий и его Сатурналии // Макробий Феодосий. Сатурналии. М., 2013.

Энциклопедический словарь. 1897 — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. М., 1897. Т. XXI.

Cadoni. 1987 — Cadoni E. Studi sul De compendiosa doctrina di Nonio Marcello. Sassari, 1987.

Chahoud 2007 — Chahoud A. Antiquity and Authority in Nonius Marcellus // Texts and culture in Late Antiquity: inheritance, authority, and change / ed. J.H.D. Scourfield. Swansea, 2007.

Deufert. 2001 — Deufert M. Zur Datierung des Nonius Marcellus // Philologus. 2001. Vol. 145. P. 137–49.

Kaster. 1988 — Kaster R.A. Guardians of Language: The grammarian and society in late Antiquity. L., 1988.

Keyser. 1994 — Keyser P.T. Late authors in Nonius Marcellus and other evidence of his date // Harvard Studies in Classical Philology. 1994. Vol. 96. P. 369–89.

Lindsay. 1901 — Lindsay W.M. Nonius Marcellus' dictionary of republican Latin. Oxford, 1901.

Lindsay. 1903 — Lindsay W.M. Praefacio // Nonii Marcelli de compendiosa doctrina libros XX. Leiden, 1903. P. XIII–XL.

Maggiulli. 1982 — Maggiulli G. Nonio Marcello e Arusiano Messio // Studi Noniani. 1982. Vol. 7. P. 123–76.

Mantero. 1975 — Mantero T. La inscriptio dei codici del De Compendiosa Doctrina e “Nonius Marcellus Peripateticus Thubursicensis” // Studi Noniani. 1975. Vol. 3. P. 123–88.

Marschall. 2016 — Marschall R.M.A. Bi-Marcus? The two Varrones of Augustine and Nonius Marcellus // *Res Publica Litterarum*. 2016. XXX. P. 180–203.

Nettleship. 1882 — Nettleship H. Nonius Marcellus // *American journal of philology*. 1882. Vol. III. № 9. P. 1–16.

Pinto. 2009 — Pinto A.L.L. La Compendiosa Doctrina de Nonio Marcelo // *Helmantica: Revista de filología clásica y hebrea*. 2009. T. 60. № 181. P. 15–72.

Prolegomena Noniana. 2000 — Madzzacane R. Bibliografia noniana // *Prolegomena Noniana*. Genua, 2000. I. P. 7–77.

Prolegomena Noniana. 2002 — Madzzacane R. Bibliografia noniana // *Prolegomena Noniana*. Genua, 2000. II. P. 149–175.

Prolegomena Noniana. 2004 — Madzzacane R. Aggiornamento bibliografico. 2004. IV. P. 59–61.

Prolegomena Noniana. 2005 — Madzzacane R. Indicazioni bibliografiche. 2004. V. P. 67–68.

Strzelecki. 1936 — Strzelecki W. Nonius Marcellus // *RE*. 1936. Bd. 17. Col. 882–97.

Ноний Марцелл

СЖАТАЯ НАУКА*

Книга XIV Об одежде

[860] Туника (tunica) — одеяние без рукавов. Тициний в «Велитрийке» (138):

Отнять тунику, да надушенную тожку,
Пусть зловонные лохмотья носит**¹.

Цицерон в речи «Против Катилины» (II. 22): «...в туниках с рукавами до пят»². — Вергилий (Aen. IX. 616):

* Перевод подготовлен по изданию: Nonii Marcelli De compendiosa doctrina libros XX / ed. W.M. Lindsay. Lipsiae, 1903. Vol. III.

Фрагменты из античных авторов, сочинения которых ранее переводились на русский язык, даны в соответствии с имеющимися переводами. Использованные при этом издания указаны ниже. Нами переводились лишь фрагменты работ, которые не издавались на русском языке, как, например, сочинение Варрона «О жизни римского народа», а также, в редких случаях, фрагменты, имеющийся перевод которых не дает представления о реальном его содержании. Переводы выполненных нами фрагментов отмечены двойной звездочкой **. В квадратных скобках даны номера страниц оригинального издания, а также добавленные слова, отсутствующие в тексте оригинала. Поскольку цитаты из античных авторов имеют самостоятельную ценность, их латинский текст приводится в сносках. Он важен и для понимания латинской терминологии. Объем издания не позволяет привести в сносках схожие места из других антикваров, что, несомненно, дополнило бы краткие определения Нония и позволило бы выявить нити антикварной традиции.

- 1 «tunica et togula obunctula / adimetur, pannos possidebit fetidos». Тициний — латинский поэт II в. до н.э., автор комедий в жанре тогаты. Сохранилось лишь несколько фрагментов, исполненных народного юмора: «Суконщица» (Fullonia), «Сестра-близнец» (Gemina), «Законница» (Iurisperita), «Падчерица» (Privigna) и т.д.
- 2 «manicatis ac talaribus tunicis». Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н.э.) — известный римский оратор, политик, философ. Ноний именует его иногда М. Туллием, иногда Цицероном.

С лентами митры у вас, с рукавами туники ваши³.

Тициний в «Квинте» (167):

...в тогах белых,
Домашних туниках грязных**⁴.

Плавт в «Псевдоле» (738):

Стало быть, носить он должен с рукавами тунику⁵.

И оттого [он прибегает к выражению] «носить он должен с рукавами тунику» (*manuleatam addcet*), чтобы не пользовался тот неподходящей [одеждой]⁶.

Луцилий в первой книге «Сатир» (27):

Тканую тогу носить с исподним — лидийская пакость⁷.

Он же в пятнадцатой книге (32):

Вымысел распознает, различает рубаху и тогу⁸.

[861] Варрон⁹ в «Мелеаграх» (302): «...а ведь даже Менандрова Таида опускала платье до пят»¹⁰. — Энний о позоре карфагенян (*Ann.* 234): «Хотел сказать он, что юность в тунику одета**»¹¹. — Варрон в «Мере» (313): «Чем те, у кого сквозь прозрачные тоги видны полосы на туниках...»¹².

3 «et tunicae manicas et habent redimicula mitrae». Публий Вергилий Марон (70–19 гг. до н.э.) — знаменитый римский поэт «золотого века», оставивший поэмы «Энеида», «Буколики», «Георгики».

4 «togis cum candidis, / tunicis sordidis syntheticis».

5 «...manuleatam tunicam habere hominem addcet». Тит Макций Плавт (ок. 254–184 гг. до н.э.) — знаменитый римский комедиограф. Сохранилось двадцать комедий.

6 Туника с рукавами (*manuleata tunica*) считалась символом изнеженности.

7 «praetextae ac tunicae, Lydorum opu' sordidum omne». Луцилий — знаменитый римский сатирик II в. до н.э. Сохранилось около 1300 фрагментов его сатир.

8 «scit ποιητικὸν esse, videt, tunica et toga quid sit».

9 Марк Теренций Варрон (116–27 гг. до н.э.) — римский ученый-энциклопедист и писатель, оставивший более 70 сочинений. Ноний постоянно обращается к его фрагментарно сохранившимся менипповым сатурам, сочинению «О жизни римского народа» и др.

10 «cum etiam Thais Menendri tunicam demissam habeat ad talos».

11 «tunicatam iuventutem voluit dicere».

12 «quamst horum, quorum vitreae togae / ostendant tunicae clavos».

Калаутика (*calautica*) — головная повязка у женщин, которой обвязывают голову. Марк Туллий в речи «Против Клодия» (24): «Не ты ли, то обвязываешь ноги обмотками, то натягиваешь на голову калаутику?***»¹³.

Пенула (*paenula*) — одеяние, которое мы надеваем поверх туники. Помпоний в «Оборванцах» (94):

покрой

Пенулой голову, чтоб не узнал тебя***¹⁴.

Луцилий в пятнадцатой книге «Сатир» (33):

Правду сказать, мне и плащ, и раб, и циновка, и кляча

Много полезней, чем всякий мудрец...¹⁵.

Варрон в «Божественной ветви» (571):

Человеку добродетельному — и то нужна накидка в дождь¹⁶.

Авляя (*avlaea*) — разновидность одеяния чужестранцев¹⁷. Варрон в третьей книге «О жизни римского народа»: «сколько из наследства авлей пергамских, хламид, палл, покрывал, аурей***»¹⁸. — Вергилий в третьей книге «Георгик» (25):

Пурпурный занавес вверх британнами ткаными вздернут¹⁹.

[862] Схожа с палюдаментом²⁰, представляет из себя одеяние воина-варвара.

Плага (*plaga*) — большое полотняное покрывало, которое теперь мы именуем *toral* или *lectuaria sindon*; уменьшительная форма слова — *plagula*. Варрон в третьей книге «О жизни римского народа»: «хламиды, покрывала, вазы золотые***»²¹.

13 «tune, cum vincirentur pedes fasceis, cum calauticam capiti accommodares?». Речь не сохранилась. Фрагмент реконструируется по-разному.

14 «paenulam / in caput indice, ne te noscat». Луций Помпоний Бононский (II–I вв. до н.э.) — автор 65 пьес (ателлан), сохранившихся фрагментарно.

15 «paenula, si quaeris, canteriu', servu', segestre / utilior mihi quam sapiens».

16 «non quaerenda est homini, qui habet virtutem, paenula in imbri».

17 Пышное расшитое покрывало.

18 «quot ex hereditate Attalica aulaea, clamides, pallae, plagae, aurea».

19 «purpurea intexti tollant aulaea Britanni».

20 См. ниже (s.v. Paludamentum. P. 864).

21 «clamides, plagae, vasa aurea».

Столой (stola) древние [называли] не только одеяние порядочных [женщин], но всякую одежду, которая покрывает тело. Энний в «Телефе» (286):

Хожу и хоронюсь в одежде, покрытый столой грубой**²².
Он же, там же (285):

Оставил я царство, обернутый нищенской столой**²³.

Варрон в «Мире под молотом» περι φθορᾶς κόσμου²⁴ (229): «Видно женщин, на иных сияют платья цельнопурпурные»²⁵. — Он же в «Евменидах» (120):

Иные в милых женских одеяниях...²⁶.

Палла (palla) — одеяние благородной женщины, оно же и *tunicopallium*. Плавт в «Менехмах» (469):

В переделку плащ несешь, накушавшись, напившись²⁷.
Луцилий в пятнадцатой книге «Сатир» (35):

Если с тобою она, все спорю — пусть глянут чужие,
Как из ларца достает повязку, пояс и палу²⁸.

[863] Вергилий в первой книге «Энеиды» (648):

...от шитья золотого тяжелый

Плащ...²⁹.

Строфий (strophium) — короткая повязка, что удерживает груди женской трепет. Турпилий в «Филопаторе» (196):

Что мне несчастной делать? По дороге письмо мне попало!
Засуну, несчастная, я его меж туникой и строфием**³⁰.

22 «cedo et caveo cum vestitus, squalid saeptus stola». Квинт Энний (239–169 гг. до н.э.) — древнеримский поэт, автор исторической эпопеи «Анналы», от которой сохранилось около 600 строк, а также ряда трагедий и комедий, известных по поздним упоминаниям.

23 «regnum reliqui septus mendici stola».

24 Греч.: «О светопреставлении». Ряд сатир Варрона имеют греческие подназвания. Далее они просто выделяются при переводе курсивом.

25 «mulieres, aliam cerneret cum stola holoporphyro».

26 «partim venusta muliebri / ornat stola».

27 «pallam ad phrigionem fert confecto prandio».

28 «cum tecum est, quidvis satis est; visuri alieni / sint homines, spiram, pallas, redimicula promit».

29 «pallam signis auroque rigentem».

30 «me miseram, quid agam? Intervias epistula excidit mi! / infelix inter tuniculam ac strophium conlocaram». Римский комедиограф II в. до н.э. Ав-

Марк Туллий в речи «Против Клодия» (fr. 24): «строфием обвязаться тщательно**»³¹. — Плавт в «Кладе» (fr. 1):

Вместо платьев из шафрана, строфиев, супружного приданого**³².

Варрон в «Полтора Улисса» (463):

Домашним ларам на алтарь повесила

Повязочки, и мячики, и сеточки...³³.

Аболла (abolla) — военное одеяние³⁴. Варрон в «Мире под молотом или о светопреставлении» (223):

Тогу с плеч, да в плащ, да за мяч,

В толпу бойцов, в жестокой войне

Показать, на что я способен»³⁵.

Сагум (sagum) — военное одеяние³⁶. Саллюстий³⁷ во второй книге «Историй» (59): «Навстречу друг другу выбежали вожди и завязали бой, настолько горячий, что Метеллу копье попало в плащ, а Гиртулею в руку»³⁸. — Вергилий в восьмой книге «Энеиды» (660):

...блещут полоски плащей³⁹.

Марк Туллий в первой книге «К младшему Цезарю» (fr. 16): «В канун февральских нон, когда передал я тебе письмо поутру, [864] я отправился на форум, надев плащ, тогда как прочие консуляры решили отправиться туда, надев тоги**»⁴⁰. — Варрон в «Божественной ветви» (569):

тор паллиаты. Сохранилось 13 (15) наименований его комедий и фрагменты около 200 стихов.

31 «cum strophio adcurate praecingere».

32 «pro illis corcotis, strophiiis, sumptu uxorio».

33 «suspendit Laribus * marinas mollis pilas, / reticula ac strophia».

34 Зимний плотный плащ.

35 «toga detracta est et abolla datast. / ad turbam abii, fera militia [in] / munera belli ut praestarem».

36 Короткий плащ.

37 Гай Саллюстий Крисп (86–35 гг. до н.э.) — известный римский историк, автор сочинений «История», «Югуртинская война», «О заговоре Катилины».

38 «occurrere duci et proelium accendere, adeo uti Metello in sagum, Hirtuleio in brachium tela venirent».

39 «virgatis lucent sagulis».

40 «pridie nonas Februarias cum ad te litteras mane dedissem, descendi ad forum sagatus, cum reliqui consularis togati vellent descendere».

На плече плаща заковка давит кожу нежную⁴¹.

Сизенна⁴² в третьей книге «Историй» (12): «решением сената теперь плащи...**»⁴³.

Палюдамент (*paludamentum*) — одеяние, которое нынче зовется хламидой (*clampus*). Саллюстий в третьей книге «Историй» (106): «...а в то же самое время Лентул отстоял двойным строем защищенное возвышенное место, пролив много крови своих солдат, после того как из груд убитых начали показываться плащи и стало понятно, что когорты уничтожены⁴⁴». — Марк Туллий во второй книге «К младшему Цезарю» (fr. 25): «Антоний—глупец до рассвета в плащ уже одетый военный**»⁴⁵.

Хламида (*chlampus*) — то же, что и [палюдамент] выше. Вергилий в четвертой книге «Энеиды» (137):

Плащ сидонский на ней с расписною каймой⁴⁶.

Варрон в «Геркулесе Сократике» (212): «Я в хламиде, в плаще пурпурном возлежу на коврах Сардийских»⁴⁷.

Регилла (*regilla*) — одеяние, названо так от регии (*regia*) — царского дворца; являет собой уменьшительную форму, аналогично *basilica* (базилика). Плавт в «Эпидике» (223):

А во что оделася?

В царский плащ? А то, пожалуй, нарядилась нищенкой?⁴⁸

[865] Варрон в [сатире] «Ба! Ба! Ба! Или о восхвалениях» (372):

Высокой шеи мрамор полированный

Граничит с багрецами царской туники»⁴⁹.

41 «cum neque aptam mollis umeris fibulam sagus ferret».

42 Луций Корнелий Сизенна (ок. 118–67 гг. до н.э.) — древнеримский историк. Его «История» сохранилась лишь во фрагментах.

43 «senatus auctoritate sagaria * nunc».

44 «et eodem tempore Lentulus, duplici acie locum editum multo / sanguine suorum defensans, postquam ex sarcinis peludamenta ostentari et delectae cohortis intellegi соереге». Речь идет, очевидно, о сражениях, которые дали Спартаку и Криксу консулы 72 г. до н.э. Геллий и Лентул; о них сообщают и другие авторы (Флор, Ливий, Орозий, Плутарх, Аппиан, Евтропий).

45 «Antonius demens ante lucem paludatus».

46 «Sidoniam picto chlamydem circumdata limbo».

47 «cubo in Sardianis tapetibus; clamidas et purpurea amicula».

48 «quid erat induta? An regillam induculam an mendiculam?».

Ралла (ralla) — одеяние, названное так от его легкости (garritas). Плавт в «Эпидике» (230):

То резная, то сплошная туника⁵⁰.

Рика (rica) — то одеяние, которое мы называем *sudarium* (платок). Плавт в «Эпидике» (232):

Головной платок, платье роскошное, либо иностранное**⁵¹.

Серен в первой книге своего «Сочиненьца»⁵² (1):

...или поясок, или платок, или шпилька**⁵³.

Новий в «Педии»⁵⁴ (71):

Платье нежное, цвета шафрана, с рукавами, платок и платочек**⁵⁵.

Луцилий в первой книге «Сатир» (26):

Рукава золотые, платки, нагрудники, митры**⁵⁶.

Турпилий в «Гетере» (72):

...ведет меня с собой. А как подходим мы к храму,

Там богов почитают. Увидел, однако, входящую

Деву, голова покрыта ее пурпурным платком**⁵⁷.

[866] Варрон в «Прометее освобожденном» (433): «...иные — повязку шелковую, иные — мелитейскую»⁵⁸.

Чистый белый платок называют *caesicium linteolum* от [глагола] *caedere* (резать), либо оттого, что [цвет его] близок к белому (*candor*), либо потому, что края у него обрезаны (*circumcidere*). Плавт в «Эпидике» (230):

...чистый белый платок**⁵⁹.

49 «collum procerum fictum levi marmore; / regillam tunicam diffingitur * purpura».

50 «tunicam rallam, tunicam spissam».

51 «ricam, basilicum aut exoticum».

52 Римский грамматик. Точное время жизни неизвестно (II–IV вв.). Ноний называет его труд *Opusculum*, т.е. «Сочиненьце».

53 «aut zonulam aut ricam aut acum».

54 Римский драматург I в. до н.э. От его сочинений сохранилось около сорока названий, а также около ста фрагментарных строк.

55 «molucinam, crocotam, ciridotam, ricam, ricinum».

56 «chirodyti aurati, ricae, thoracia, mitrae».

57 «ducit me secum. postquam ad aedem venimus, / veneratur deos. Interea aspexit virginem / intransentem, in capite riculam indutam ostrinam».

58 «aliae mitram ricinam aut mitram Melitensem».

59 «linteolum caesicium».

Индузий (*indusium*) — одеяние, которое одевается на тело под (*intra*) множества одеяний, как бы *intusium*⁶⁰. Плавт в «Эпидике» (231):

Вышивочки, вырезочки, сборочки, оборочки⁶¹.

Патагий (*patagium*) — золотая тесьма, которая обычно окаймляет дорогие одеяния. Плавт в «Эпидике» (231):

...в индузии, в тесьмой золотой обшитом платье**⁶².

Невий в «Ликурге» (43):

...в паллах, в платьях с золотой тесьмой, в шафрановых, в мягких платьях траурных**⁶³.

Суппар (*supparum*) — женское полотняное одеяние, ниспадающее до щиколоток, названо так оттого, что его видно снизу (*subtus*). Плавт в «Эпидике» (232):

Сорочка, иль нательник, платок, платье роскошное, или иностранное**⁶⁴.

Новий в «Педии» (70):

Сорочка чистая, велийская при том. — Наживка да и только!**⁶⁵.

Афраний в «Письме» (122)⁶⁶:

Молчи.

Не девочка ль я, если одета в сорочку?**⁶⁷.

[867] Варрон в «Евменидах» (121):

60 Ноний производит слово от наречия *intus* (внутри). Его определение фактически совпадает с данным Варроном (L.L. V. 131).

61 «*indusiatam, patagiatam, caltulam aut crocotulam*». Перевод А. Артюшкова здесь далек от подлинника. Ниже Ноний не раз ссылается на это место. Там нами дается перевод близкий к тексту.

62 «*indusiatam, patagiatam*».

⁶³ «*pallis, patagiis, crocotis, malacis mortualibus*». Гней Невий — римский поэт III в. до н.э., автор множества комедий в жанре паллиаты и нескольких трагедий, а также эпического сочинения «Пуническая война». Сохранились лишь фрагменты, приводимые римскими грамматиками и антикварами (Варрон, Фест, Авл Геллий).

64 «*supparum aut subnimum [est], ricam, basilicum aut exoticum*».

65 «*supparum purum, Veliense interim. — escam meram!*». Квинт Новий — римский поэт I в. до н.э. Ему приписывают сорок три ателаны, среди которых «Гетера», «Земледелец», «Близнецы», «Похороны» и т.д.

66 Луций Афраний — римский комедиограф II–I в. до н.э. Писал комедии в жанре тогаты. Сохранились наименования сорока двух его пьес.

67 «*tace. / puella non sum, supparo si induta sum?*».

Одевшись в платье зоревого пурпура,
Блестя венцом из золота и жемчуга,
Он свет несет округе...⁶⁸.

Exoticus означает «иностранный». Плавт в «Эпидике» (232):

...роскошное, или иностранное**⁶⁹.

Plumatile — платье, окаймленное каймой, либо расшитое перьями (*pluma*). Плавт в «Эпидике» (233):

...платье лазурное или расшитое перьями**⁷⁰.

Молюцина (*molucina*) — одеяние, названное так от его мягкости (*mollitia*). Новий в «Педии» (71):

Платье нежное, цвета шафрана, с рукавами, платок и платочек**⁷¹.

Амфитапами (*amphitapoe*) зовутся одеяния, имеющие ворс с двух сторон. Луцилий в первой книге «Сатир» (28):

С ворсом простым и двойным плащи на мягкой подбивке...⁷².

Он же в шестой книге (10):

С ворсом плащ, пуховик и всякая прочая роскошь...⁷³.

Варрон в «Мании» (253): «И еще хорошо спать на одеяле, с двух сторон ворсистом»⁷⁴.

Тогой (*toga*) пользуются не только мужчины, но и женщины. Афраний в «Братьях» (182):

Действительно, с нами стоя завтракала она, одетая в тогу**⁷⁵.

Варрон в первой книге «О жизни римского народа»: «Раньше в тогах были они даже в постели. Ведь прежде некогда тогу носили [867] и днем, и ночью, и женщины, и мужчины**»⁷⁶.

Лена (*laena*) — военный плащ, что одевается поверх всей [прочей] одежды. Вергилий в четвертой книге «Энеиды» (262):

68 «hic indutus supparum / coronam ex auro et gemmis fulgentem gerit».

69 «basilicum aut exoticum».

70 «cumatile aut plumatile».

71 «molucinam, crocotam, ciridotam, ricam, ricinum».

72 «psilae atque amphitapi villis ingentibu' molles».

73 «pluma atque amphitapoe et si aliud quid deliciarum».

74 «alterum bene acceptum dormire "super amphitapo bene molli"».

75 «et quidem prandere stantem nobiscum, incinctam toga».

76 «praeterea quod in lecto togas ante habebant. ante enim olim toga fuit commune vestimentum et diurnum et nocturnum et muliebre et virile».

Пурпуром тирским на нем шерстяная пылала накидка⁷⁷.

Блудницы (*meretrices*), согласно древним авторам, пользовались подпоясанным одеянием. Афраний в «Освобожденном» (133):

«Отчего блудница в платье длинном?» — «Они обычно на чужбине, чтоб уберечь себя, такое надевают**»⁷⁸.

Карбас (*carbās*) — покрывало, которым укрывают себя Флувии для демонстрации богатства, сродни шелку или тонкому льну. Вергилий в восьмой книге (33):

Плащ голубой из тонкого льна одевал ему плечи⁷⁹.

Он же в одиннадцатой книге (775):

...и желтым золотом в узел

Собраны полы плаща из шуршащих шафранных полотнищ⁸⁰.

Марк Туллий в речи против Верреса «О казнях» (II, 5, 30): «палатки, крытые тончайшим полотном»⁸¹. — Варрон в четвертой книге «О жизни римского народа»: «...равным образом позднее укрывали они себя скорее холщевым покровом, чем шкурами**»⁸².

Тога-претекста (*toga praetexta*) — римский знак отличия, ее надевают поверх туник также и лица, наделенные почетом. Марк Туллий в речи «О казнях» (Verг. II, 5, 36): «...преимущество при голосовании в сенате, тога-претекста, курульное кресло, право оставить свое изображение потомству на память»⁸³.

[869] Лимб (*limbus*), о котором находим мы упоминание, — женский пояс, нижний край которого отделан пурпуром. Плавт в «Кладе» (519):

77 «Tyrioque ardebat murice laena».

78 «“meretrix cum veste longa?” — “peregrino in loco solent tutandi causa sese sumere”».

79 «eum tenuis glauco velabat amictu / carbās».

80 «tunc croceam chlamydemque sinusque crepantis / carbaseos fulvo in nodum collegerat auro».

81 «tabernacula carbaseis intenta velis conlocabat».

82 «eadem postea carbāsineo magis ut pellibus tegerentur».

83 «sententiae dicendae locum, togam praetextam, sellam curulem, ius imaginis ad memoriam posteritatemque prodendam».

...шерстильщики, бахромщики, сундучники⁸⁴.

Фламмея (*flammeus*) — предмет одежды, покров, которым матроны покрывают голову. Плавт в «Кладе» (510):

Красильщики — темнильщики, желтильщики⁸⁵.

Рициний (*ricinium*) — небольшой женский платок, который сегодня именуют *mafurtium*. Варрон в «Менипповой гробнице» (538): «[Мужчины о] женщинах сказать не могут больше, чем простецкий плащ о женском платье шелковом»⁸⁶. — Он же в первой книге «О жизни римского народа»: «Поскольку все более изысканные и роскошные одеяния появились позднее, то женщины в случае несчастий и во время траура надевают рицинии**»⁸⁷.

Сеточка (*reticulum*) — женский покров для головы. Варрон в «Полтора Улисса» (463):

Домашним ларам на алтарь повесила

Повязочки, и мячики, и сеточки...⁸⁸.

Ковер (*tapete*) — цельный покров, раскрашенный в различные цвета. Варрон в «Геркулесе Сократике» (212): «Я в хламиде, в плаще пурпурном возлежу на коврах Сардийских среди всего, что есть в жизни лучшего...»⁸⁹. — Вергилий в девятой книге (325):

...На коврах лежал он, простершись⁹⁰.

Сон выдыхал из широкой груди в забытии непробудном⁹⁰.

[870] Турпилий (217):

...гладкий ковер⁹¹.

Подушка (*culcita*). Цицерон в третьей книге «Тускуланских [бесед]» (46): «Избавим же ее от горя! Но как? Положим ее на пуховые подушки, позовем танцовщиц»⁹².

84 «textores, limbolarii, arcularii».

85 «flammarii, violarii, cariarii». Фламмея — подвенечная фата алого цвета. Тех, кто изготавливал ее, либо окрашивал вещи в соответствующий цвет, именовали фламмариями. Перевод А. Артюшкова здесь условен.

86 «nihil magis dicere muliebre quam de muliebri ricinio, pallium simplex».

87 «ex quo mulieres in adversis rebus ac luctibus, cum omnem vestitum delicatiorem ac luxuriosum postea institutum ponunt, ricinia sumunt».

88 «suspendit Laribus * marinas mollis pilas, / reticula ac strophia».

89 «in omnibus rebus bonis cotidianis, cubo in Sardinianis tapetibus».

90 «qui forte tapetibus altis / extractus toto proflabat pectore somnum».

91 «glabrum tapete».

Сорочка (*subucula*). Варрон в первой книге «О жизни римского народа»: «После того, как начали носить по две туники, стали называть одну из них субукулой, а другую индузием**»⁹³.

Капиции (*capitia*) — головные покровы. Варрон в первой книге «О жизни римского народа»: «туники, а не капиции, не строфии, и не пояски»⁹⁴. — Он же там же: «не были они созданы для матерей семейств, поскольку те ходили с открытой грудью и плечами и не носили капиции**»⁹⁵. — Он именовал их также *capitula*.

Энкомбоматы (*encombomata*) и парнациды (*parnacides*) — виды детской одежды. Варрон в [сочинении] «Катон или о воспитании детей» (32): «Девочкам более подобает носить хламиды, энкомбоматы и парнациды, чем тоги**»⁹⁶.

Книга XVI О сосудах, или чашах

[871] Горшок — *aula* или *olla*, мы его называем *olla*. Представляет из себя очень вместительный сосуд. Плавт в «Амфитрионе» (fr. III):

И по праву лучшему горшок он с пеплом в голову бросает**⁹⁷.

Варрон в «Староучителе» (190): «Сразу и шерсть прядет руками и не сводит глаз с кастрюли, чтобы каша не пригорела»⁹⁸. — Он же в «Бимарке» (68): «Кувшинодел, начиная миску, молит Вулкана о милости»⁹⁹.

92 «eripiamus huic aegritudinem. Quomodo? Conlocemus in culcita plumea; psaltriam adducamus».

93 Т.е. нижней и верхней туникой. «posteaquam binas tunicas habere coeperunt, instituerunt vocare subuculam et indusium».

94 «tunicas neque capitia neque strophia neque zonas».

95 «neque id ab orbita matrum familias instituti, quod eae pectore ac lacertis erant apertis nec capitia habebant».

96 «ut puellae habeant potius in vestitu / clamidas, encombomata ac parnacidas * quam togas».

97 «optimo iure infringatur aula cineris in caput».

98 «sed simul minibus trahere lanam nec non simul oculis observare ollam pultis ne aduratur».

99 «Vulcanum * neccum novae lagoenae ollarum * figura ter precantur».

Мателла (*matella*) — сосуд для воды. Плавт в «Амфитрионе» (fr. IV):

Чтоб не требовал горшка ты, вот плещется тебе водичка на голову**¹⁰⁰.

Варрон в «Эндимионах» (104): «Что у богачей хиосские амфоры, то у него ночные горшки»¹⁰¹. — Он же в «Мании» (262): «И горшок, и светильник, и снедь, и утварь при себе таскают — была бы постель...»¹⁰².

Ступа (*mortarium*), в ней перетирают то, что необходимо раздробить. Плавт в «Кладе» (95):

То ножик, то топорик, пестик, ступочку¹⁰³.

[872] Таз (*pelvis*) — круглая емкость для воды, в которой моют (*pelluere*) различные вещи; отсюда и его наименование. Лаберий¹⁰⁴ в «Деве» (94):

...зашиб любовью, словно таракана в тазу**¹⁰⁵.

Цецилий¹⁰⁶ в «Заимодавце» (135):

потребовал себе таз**¹⁰⁷.

Фиделия (*fidelia*) — самосский сосуд для различных нужд. Плавт в «Кладе» (622):

Посвящу вина я меру полную и верную¹⁰⁸.

Тарелка (*patella*). Варрон в «Евменидах» (160): «Блюдце, подставленное голодному, напоминает о рыбных садках Неаполя...»¹⁰⁹. — Он же в «Мании» (265): «Оттого-то честный граж-

100 «ne tu postules matulam unam tibi aquai infundi in caput».

101 «divitum apothecas Chias ad commune revocat matellam».

102 «lecto strato matellam, lucernam, ceteras res esui usuique prae se portant».

103 «cultrum, securim, pistillum, mortarium».

104 Децим Лаберий (ок. 106–43 гг. до н.э.) — древнеримский драматург, автор мимов. Сохранились 43 названия его работ и 170 фрагментарных строк.

105 «amore cecidi, tamquam blatta in peluim».

106 Стаций Цецилий — римский комедиограф III в. до н.э. Сохранились наименования сорока двух пьес («Боец», «Подкидыш», «Ростовщик», «Опекун», «Интендант» и др.) и около трехсот фрагментов стихов.

107 «peluim sibi poposcit».

108 «mulsi congialem plenam faciam tibi fideliam».

109 «patella esurienti posita provocat Neapolitanas piscinas».

данин и должен чтить законы, молиться богам и на жертвенной тарелке оставлять им чуть-чуть мяса...»¹¹⁰.

Кадки (cupae) и тины (tinae). Варрон в первой книге «О жизни римского народа»: «Древние на пирах сначала выставляли кожаные меха с вином, затем тины — то есть, сосуды с длинным узким горлышком, закрытые крышкой, — либо кадки, а после амфоры**»¹¹¹.

Урнула (urnula) — небольшой сосуд для воды. Варрон в первой книге «О жизни римского народа»: «также из меди, например, урнулы, сосуды для воды, горшки, кратеры**»¹¹².

Кувшин (cadus) — сосуд, в котором хранится вино. Луцилий в восемнадцатой книге (1):

Хлеба уносишь ты двенадцать тысяч медимнов, тысячу бочек вина...¹¹³

[873] Вергилий в первой книге «Энеиды» (195):

Вина, что добрый Акест поднес, кувшины наполнив¹¹⁴.

Варрон в четвертой книге «О жизни римского народа»: «Оставил Гортензий наследнику больше десяти тысяч кувшинов**»¹¹⁵.

Стол для урн (urnarium). Варрон в «Менипповой гробнице» (532): «Какая тебе надобность воду разливать по всему дому? Если сосуд у тебя дырявый, нельзя его, что ли, свинцом забить? Зачем у тебя водоемы, зачем ведра на столе?»¹¹⁶.

Полибр (polybrum) — сосуд для омовения рук, греки именуют их χέρνιβα, мы – trullium¹¹⁷. Ливий¹¹⁸ (Odys. 5):

110 «quocirca oportet bonum civem legibus parere, deos colere, in patellam dare μικρὸν κρέας».

111 «antiquissimi in convivii utres vini primo, postea tinas ponebant (id est oris longi cum operculo) aut cupas, tertio amphoras».

112 «item ex aere, ut urnulas, aquales, matulas, creteras».

113 «milia ducentum frumenti tolli' medimnum, / vini mille cadum».

114 «vina bonus quae deinde cadis oneraret Acestes».

115 «Hortensius supra decem milia cadum heredi reliquit».

116 «sed quae necessitas te iubet aquam effundere domi tuae? Si vasa habes pertusa, plumbum non habes? Ad quam rem nobis est confluvium? Ad quam rem urnarium?».

117 Таз, либо ковш.

...в тазу серебряном, в кувшине золотом**¹¹⁹.

Фабий Пиктор¹²⁰ в шестнадцатой книге: «для рук, для ног подай ты воду, в левой руке держи ковш, в правой — с водою сосуд**»¹²¹.

Жертвенная чаша для возлияний — *simpruium*. Варрон в [сатире] «И кувшину мера есть *или о пьянстве*» (115): «Видишь: сами боги, желая отведать вина, пробираются в людские храмы и с жертвенными чашами в руках с самим винопийствуют Либером!»¹²².

Линес (lines) — вид сосуда. Афраний в «Братьях» (187a):
...ванночки, корыта**¹²³.

Лаберий в «Корзинке» (38):

Когда обобрал он провинции, колонны
Цельные, ванночки, корыта... **¹²⁴.

[874] Обба (obba) — вид чаши из дерева, либо из эспарта. Варрон в [сатире] «И кувшину мера есть, *или о пьянстве*» (114): «Бочки, бочонки, мелийские застолья, чаши каленские, чашечки куманские!»¹²⁵. — Он же в «Письме к Маруллу»: «В полдень, иль вечером охотней подходишь ты к оббе, место и время прихода он сообщит**»¹²⁶.

Канфар (cantharus). Вергилий в «Буколиках» (VI. 17):

Тут же тяжелый висел и канфар на ручке потертой¹²⁷.

118 Ливий Андроник (III в. до н.э.) — древнеримский поэт и переводчик греческого происхождения. Перевел «Одиссею» Гомера на латинский язык. Считается основателем римской литературы.

119 «argenteo polybro, aureo eglutro».

120 Квинт Фабий Пиктор (254 — ок. 201 гг. до н.э.) — первый из старших римских анналистов. Написал «Анналы» на греческом языке.

121 «aquam manibus pedibusque dato, polybrum sinistra manu teneto, dextera vasum cum aqua».

122 «non vides ipsos deos, si quando volunt gustare vinum, derepere ad hominum fana? Et tamen tum ipsi illi Libero simpulio vinitari?».

123 «labella, lines».

124 «cum provincias despoliavit, columnas / monolithas, labella, lines».

125 «dolia atque apothecas tricliniaries, Melicas, Calenas obbas et Cumanos calices».

126 «utrum meridie an vesperi libentius ad obbam accedas, locus ac tempus adventus declarabit».

127 «et gravis attrita pendebat cantharus ansa».

Долии (*do lia*) — большие бочки, в которых хранят вино. Варрон в [сатире] «И кувшину мера есть, или о пьянстве» (114): «Бочки, бочонки, мелийские застоля, чаши каленские»¹²⁸. — Он же в «Мании» (263): «Все для пришедших — ключи, кладовки, каморки, запасы мяса...»¹²⁹.

Алабастр (*alabaster*). Цицерон во второй книге «[Учения] академиков» (fr. 11): «Кажется, что им также и полный благово- ний алабастр...**»¹³⁰.

Кубок (*scyphus*). Вергилий (Aen. VIII. 278):

Кубок священный своей он наполнил рукой¹³¹.

Батиола (*batiola*). Плавт в «Колаксе» (53):

В восемь фунтов была у него золотая батиола; не захотел ее
взять**¹³².

Каликс (*calix*). Варрон в [сатире] «И кувшину мера есть» (114): «бочонки, мелийские застоля, чаши каленские, чашечки куманские!»¹³³. — Цицерон в третьей книге «Тускуланских [бе- сед]» (44): «Что ж, ты поднесешь такому человеку чашу сладкого вина, чтобы он успокоился...»¹³⁴.

[875] Кимбии (*cymbia*). Вергилий в пятой книге (267):

...и кубки

С множеством ценных камней, в серебре сверкающих ярко¹³⁵.

Варрон в первой книге «О жизни римского народа»: «Так- же были и сосуды для вина: жбаны, кимбии, бокальчики, чаши, кувшины, секстари, чаша для возлияний**»¹³⁶.

Кратеры (*crateres*) — сосуды для вина. Вергилий в первой книге «Энеиды» (VII. 147; ср. I. 724):

Ставят кратеры они, вином их наполнив до края¹³⁷.

128 «*do lia atque apothecas tricliniaries, Melicas, Calenas*».

129 «*haec adventoribus accedunt: cellae, claves, claustra, carnaria, do lia*».

130 «*quibus etiam alabaster plenus unguenti putrere videtur*».

131 «*et sacer inplevit dextram scyphus*».

132 «*batiolam auream octo pondo habebat; accipere noluit*».

133 «*apothecas tricliniaries, Melicas, Calenas obbas et Cumanos calices*».

134 «*quid? Huic calix mulsi inpingendus est, ut plorare desinat*».

135 «*cymbiaque argento perfecta atque aspera signis*».

136 «*item erant vasa vinaria: sini, cymbia, culignae, paterae, guti, sextarii, simpuvium*».

Кратеры (crateres) — сосуды для масла. Вергилий в «Буко-
ликах» (V. 68):

Ставить я буду и два с наилучшим елеем кратера¹³⁸.

И в шестой книге «Энеиды» (225):

...из сосудов пролившихся емких¹³⁹.

Бочки (orcae). Варрон в первой книге «О сельском хозяй-
стве» (13, 6): «Это делается потому, что когда сольют молодое
вино и оно начнет бродить, то бочки, которыми пользуются для
вина в Испании, часто лопаются»¹⁴⁰.

Лейка (nassiterna) — сосуд для воды. Варрон в первой кни-
ге «О сельском хозяйстве» (22, 3): «Он перечисляет все предме-
ты один за другим: медные котлы, горшки, кувшин с тремя руч-
ками и прочее»¹⁴¹.

Блюдо (catinus). Варрон в первой книге «О сельском хо-
зяйстве» (63, 1): «Для осмотра берут хлеб, который начали есть
амбарные долгоносики. Вокруг рассыпанного зерна следует на
солнце поставить миски с водой: долгоносики собираются туда и
тонут»¹⁴². [876] — Он же в первой книге «О жизни римского
народа»: «...называют ведь их тарелками, солонками, соусника-
ми, блюдами, мисками**»¹⁴³.

Каламистр (calamistrum) — короткая трубка, с помощью
которой приводят в порядок локоны [волос]. Цицерон в «Орато-
ре» (78): «Можно убрать всякое приметное украшение, вроде
жемчугов, распустить даже завивку»¹⁴⁴.

Кархесии (carchesia) — вид чаш. Вергилий в пятой книге
«Энеиды» (77):

137 «crateras laeti statuunt et vina coronant».

138 «craterasque duo statuam tibi pinguis olivi».

139 «fuso crateris olivo».

140 «saepe, ubi conditum vinum novum, orcae in Hispania fervore musti ruptae».

141 «ut ex aere aenea, urceos, nassiternam, item alia».

142 «promendum id frumentum quod curculiones exesse incipient: id enim cum
promptum est in sole ponere oportet aquae catinos, quod eo convenient, ut
ipsi se necent».

143 «dicuntur enim patellae, salini, acetabula, catini, patinae».

144 «removebitur omnis insignis ornatus quasi margaritarum; ne calamistri
quidem adhibebuntur».

Там возлиянье творя, две чаши Вакховой влаги¹⁴⁵.

И в четвертой книге «Георгик» (380):

Мать сказала: “Возьми вина меотийского кубок”¹⁴⁶.

В ином значении — это самая верхняя часть мачты, то есть отверстия, в которые продеваются канаты сверху мачты. Луцилий (Ш. 37):

...одолевает третий затем кархесии на вершине мачты**¹⁴⁷.

Катулл Веронский (64, 235b):

...блеском которой сияют кархесии на вершине мачты**¹⁴⁸.

Хирнея (*hirnea*) — винная кружка. Плавт в «Амфитрионе» (429):

Был с вином бочонок... налил кружку я...¹⁴⁹.

Микстарий (*mixtarius*) — [сосуд], в котором мы смешиваем [вино]. Луцилий в пятой книге (33):

Кувшин, либо высокий достаточно микстарий сдвоенный**¹⁵⁰.

Кальпар (*calpar*) — древнее наименование бочки (*dolium*). Варрон в первой книге «О жизни римского народа»: «Поскольку, прежде чем бочку стали именовать долием, этот род сосудов звался кальпаром, то и вино это получило наименование кальпар**»¹⁵¹.

[877] Ковш (*trulleum*) — [сосуд], из которого поливают на руки. Варрон в первой книге «О жизни римского народа»: «Итак, для себя ставили их прежде, либо вешали, польза как того требует: ковш, горшок, таз, лейка, что изготовлены не роскоши ради**»¹⁵². — И также: «Мы называем кувшин с водой *manale* оттого, что из него вода наливается в ковш. Оттуда *manalis* имену-

145 «hic duo rite mero libans carchesia baccho».

146 «et mater: cape Maeonii carchesia bacchi».

147 «tercius hinc mali superat carchesia summa».

148 «licida qua splendent...carchesia mali».

149 «cadus erat vini: inde inplevi hirneam...».

150 «urceus aut *longe gemino mixtarius paulo*».

151 «quod, antequam nomen dolii prolatum, cum etiam id genus vasorum calpar diceretur, id vinum calpar appellatum».

152 «itaque ea sibi modo ponere ac suspendere quae utilitas postularet: trulleum, matellionem, pelvim, nassiternam, non quae luxuriate causa essent parata».

ют в понтификальных священнодействиях камень, который сдвигается с места тогда, когда сильно просят дождя; кто ж не знает, что древние и жертвоприношение называют *manale*? Оттуда же и это его наименование**»¹⁵³.

Армилл (*armillum*) — вид небольшого кувшина для вина. Варрон в первой книге «О жизни римского народа»: «Даже и теперь эти чаши называют *capulae* и *capides*, они представляют разновидность чаш, того же рода и армилл, который представляет из себя разновидность небольшого кувшина для вина**»¹⁵⁴.

Жбан (*sinum*) и галлеола (*galeola*) — сильно изогнутые сосуды. Вергилий в «Буколиках» (VII. 33):

Только сосуд с молоком да лепешку тебе ежегодно
Буду я ставить...¹⁵⁵.

Варрон в первой книге «О жизни римского народа»: «Где стояло на столе вино: либо галлеола, либо жбан**»¹⁵⁶.

Кубки (*lepistae*). Варрон в первой книге «О жизни римского народа»: «Те, в которых продают масло, почти всегда из меди. [878] Даже сейчас сабинские кубки в бедных святилищах в большинстве своем либо керамические, либо медные**»¹⁵⁷.

Кратер (*creterra*) — сосуд, который теперь именуют ведром (*situla*). Невий в «Ликурге» (41):

153 «urceolum aquae manale vocamus, quod eo aqua in trulleum effundatur. Unde manalis lapis appellatur in pontificalibus sacris, qui tunc movetur cum pluviae exoptantur; ita apud antiquissimos manale sacrum vocari quis non noverit? unde nomen illius». Ср.: *Fest.* s.v. *Manalem lapidem*. P. 115 L: «Полагали, что *manalis lapis* есть врата Орка, через которые души мертвых, что зовутся манами (*manes*), проникают в вышний мир. Также называли *manalis lapis* некий камень, который находился за Капенскими воротами вблизи храма Марса; когда из-за сильной засухи его переносили в город, то тотчас шел дождь, а поскольку вода текла (*manare*), то и называли его *manalis lapis*»; а также: s.v. *Manalem fontem*. P. 115 L; *Aquaelicium*. P. 2 L.

154 «etiamnunc pocula quae vocant capulas as capides, quod est poculi genus, item armillum, quod est urceoli genus vinarii».

155 «sinum lactis et haec te liba, Priape, quotannis / expectare sat est».

156 «ubi erat vinum in mensam positum aut galeolam aut sinum».

157 «ut fere habent aeneum illi, qui venditant oleum. lepistae etiamnunc Sabinorum fanis pauperioribus plerisque aut fictiles sunt aut aeneae».

Ибо видим мы, как играют радостные они меж собой на берегу и черпают из источника ведрами воду**¹⁵⁸.

Варрон в третьей книге «О жизни римского народа»: «...к сибаританской добыче, в которой есть и треноги, и кратеры, и ананкеи, чеканщиков знатных труд**»¹⁵⁹. [Цицерон во второй книге «О природе богов» (114):

А в середине изгиба его сияет блестящая Чаша¹⁶⁰.]

Книга XVII О цвете одежды

[879] Цвет морской волны (*cumatilis*), либо моря, или лазоревый; название произошло из греческого языка, как бы «подобный морской волне», ведь по-гречески морская волна именуется *κύματα*. Тициний в «Сетиянке» (114):

...и кого цвет волны морской красит?***¹⁶¹.

Плавт в «Эпидике» (233):

...платье лазоревое или расшитое перьями**¹⁶².

Молохин (*molochinum*) — цвет цветка, наподобие мальвы, [наименование заимствовано] из греческого языка. Цецилий в «Павсимахе» (138):

...платья полотняные, цвета мальвы, винограда цвета**¹⁶³.

Плавт в «Кладе» (514) назвал торговцев молохиновым красителем *молоцинариями* (*molocinarii*).

Имплювиат (*inpluviatus*) — как бы цвет дождевой воды (*inplutus*), стекшей по закопченному дождевому стоку, это тот цвет, который мы сегодня называем мутинским (*Mutinensis*)¹⁶⁴.

Плавт в «Эпидике» (224):

158 «nam ut ludere laetantis inter se vidimus * praeter amnem creterris sumere aquam ex fonte».

159 «ad Sybaritanam praedam, in qua sunt tripodes, creterrae, anancaea, opera nobilium torearum».

160 «in medioque sinu fulgens Cretera relucet».

161 «et quem colos cumatilis deceat?».

162 «cumatile aut plumatile».

163 «carbasina, molochina, ampelina».

164 Т.е. из Мутины, города в Циспаданской Галлии, ныне Модена.

Водостоком: вот для платья вам еще название¹⁶⁵.

[880] Желтый (*caltula*) и шафрановый (*crocotula*). Оба названы от цветов — от ноготков (*calta*) и шафрана (*crocus*). Вергилий в «Буколиках» (II. 50):

Нежных фиалок цветы ноготки желтизной оживляют¹⁶⁶.

Плавт в «Эпидике» (231):

...в индузии, в тесьмой златой обшитом платье, в платье желтом, шафрановом либо**¹⁶⁷.

Новий в «Педии» (71):

...в паллах, в платьях с золотой тесьмой, в шафрановых, в мягких платьях траурных**¹⁶⁸.

Но Варрон в первой книге «О жизни римского народа» под *caltula* понимает небольшой греческий плащик: «Калтула — небольшой греческий плащик, который пониже груди подвывают женщины на голое тело; им женщины пользуются в значительной мере и сейчас, после того как перестают пользоваться сорочками**»¹⁶⁹.

Церин (*cerinum*)¹⁷⁰ — от цвета воска (*cera*). Плавт в «Эпидике» (233):

Расшитое перьями, либо цвета морской волны, цвета воска, либо шутовское платье**¹⁷¹.

Полагают, что ферругиний (*ferrugineus*) — краситель, похожий на цвет железа (*ferrum*). Несомненно, однако, что ферругиний — это лазоревый цвет (*caeruleus*). Вергилий в четвертой книге «Георгик» (183):

...с гиацинтов железного цвета¹⁷².

[881] Плавт в «[Хвастливом] воине» (1179):

Плащ такой же темный, это цвет обычный на море¹⁷³.

165 «inpluiata, ut istae faciunt vestimentis nomina».

166 «pinguia luteola pingit vaccinia calta».

167 «intusiatam, patagiatam, caltulam aut crocotulam».

168 «pallis, patagiis, crocotis, malacis mortualibus».

169 «caltula est palliolum praecinctui, quo nudae infra papillis praecinguntur; quo mulieres nunc et eo magis utuntur, postquam subuculis desierunt».

170 Одевание и краситель воскового цвета.

171 «plumatile aut cumatile, cerinum aut gerrinum».

172 «et ferrugineos hyacinthos».

Острина (*ostrina*) – от цвета багрянки, это красный [цвет].
Турпилий в «Гетере» (72):

Увидел, однако, входящую
деву, голова покрыта ее пурпурным платком**¹⁷⁴.

Варрон в «Евменидах» (121):

Одевшись в платье зоревого пурпура...¹⁷⁵.

Мурекс (*murax*) — пурпурный цвет. Вергилий в «Буколиках» (IV. 43):

Сам, по желанью, баран то в пурпур нежно багряный...¹⁷⁶.

И в четвертой книге «Энеиды» (262):

Пурпуром тирским на нем шерстяная пылала накидка¹⁷⁷.

Лютий (*luteus*) — это в собственном смысле желтый цвет.
[Вергилий] в «Буколиках» (IV. 44):

То в золотистый шафран руно перекрашивать будет¹⁷⁸.

И в седьмой книге «Энеиды» (26):

С неба, где мчалась в своей колеснице алой богиня¹⁷⁹.

Варрон в «Евменидах» (148): «Как страдающим желтухой кажется желтым желтое и не желтое, так и безумцам кажутся безумцами и умные, и буйные...»¹⁸⁰. — Он же [882] в «Мере» (314): «А у киников покрывала и плащи не шафранные»¹⁸¹.

Крокота (*crocota*) — одеяние шафранового цвета. Плавт в «Кладе» (521):

Нахлынули красильщики–шафранщики¹⁸².

Виоляция (*violacia*) — фиолетовый — от цвета фиалки (*viola*). Плавт в «Кладе» (510):

Красильщики — темнильщики, желтильщики¹⁸³.

173 «*palliolum habeas ferrugineum: nam is colos thalassicust*».

174 «*interea aspexit virginem / iniectam in capite riculam indutam ostrinam*».

175 «*aurorat ostrinum hic indutus supparum*».

176 «*ipse sed in pratis aries iam suave rubenti / murice*». См. ниже (IV. 44).

177 «*Tyrioque ardebat murice laena*».

178 «*iam croceo mutabit vellera luto*».

179 «*Aurora in roseis fulgebat lutea bigis*».

180 «*nam ut arquatis et lutea quae non sunt et quae sunt lutea videntur; sic insanis sani et furiosi esse videntur insani*».

181 «*sed Cynicis involucrum et pallium luteum non est*».

182 «*cum incedunt infectores corcotarii*».

Пулл (*pullus*) — тот цвет¹⁸⁴, который мы называем теперь «испанским» (*spanus*) или «естественным» (*nativus*). Варрон в третьей книге «О жизни римского народа»: «чтоб пока [усопшие] были над землей, траур справляли они в рициниях, во время же самих похорон, чтоб одеты были в серые палы**»¹⁸⁵.

Антрацин (*anthracinus*) — черный цвет, [назван так] от греческого [слова]; ведь уголь по-гречески называют *anthraces*. Таков цвет одежд тех, кто пребывает в трауре. Варрон в третьей книге «О жизни римского народа»: «Молодые девушки также справляли траур, одевшись в черные одеяния, наподобие черного плаща, и распустив волосы**»¹⁸⁶.

Книга XVIII

О яствах и напитках

[883] Спаржа (*asparagus*). Варрон в «Божественной ветви» (573): «лучше масло сберечь для работ при лампаде, чем на спаржу вылить весь сосудец»¹⁸⁷.

Лебеда (*blitum*) — нежная зелень. Варрон в «Евменидах» (163): «Эмпедокл говорит, что люди родились из земли, подобно лебеде**»¹⁸⁸.

Щавель (*lapatium*). Варрон в «Мере» (318):

То же самое наслаждение я тайком себе доставляю щавелем да кашею¹⁸⁹.

183 «*flammarii, violarii, carii*». В переводе А. Артюшкова значение слова утрачивается. *Violarii* — мастера, окрашивавшие одежду в фиолетовый цвет.

184 Темно-серый.

185 «*ut dum supra terram essent, riciniis lugerent, funere ipso, ut pullis palliis amictae*».

186 «*propinquaе adolescentulae etiam anthracinis, proxumae amiculo nigello, capillo demisso sequerentur luctum*».

187 «*oleum in lucubrationem servabimus, quam in asparagos totam lecytum evertamus*».

188 «*Empedocles natos homines ex terra ait ut blitum*».

189 «*hanc eandem voluptatem / tacitulus taxim consequi lapatio et tisana possum*».

Анчоус (*maenae*). Марк Туллий во второй книге «О пределах добра и зла» (91): «Ведь те, кто презирают наслаждение, вправе сказать, что они не предпочитают осетра селедке»¹⁹⁰.

Осетр¹⁹¹ (*acipenser*) — разновидность рыбы. Цицерон в третьей книге «Тускуланских [бесед]» (43): «И если горе коснется кого-нибудь из твоих близких, разве ты ему предложишь вкусную рыбу, а не сократическую книгу?»¹⁹².

[884] Настурций (*nasturcium*)¹⁹³. Цицерон в пятой книге «Тускуланских [бесед]» (99): «что ели они хлеб с одной только зеленью»¹⁹⁴.

Фиги (*mariscae*). Варрон в первой книге «О сельском хозяйстве» (6, 4): «а миндаль и смоковница»¹⁹⁵.

Базилик (*ocinum*), что мы называем *ocimum*. Варрон в первой книге «О сельском хозяйстве» (31, 4): «Надо косить всякие корма, сначала *ocinum*, *farrago* и вику, а напоследок сено. Название *ocinum*, равно как и название садового растения *ocimum*, произведены от греческого слова *ὠκέω*, которое значит “быстро”»¹⁹⁶.

Лопата (*lopades*) — разновидность морского моллюска. Плавт в «Парасите» (104):

...прибавьте—ка лопат, ежей морских, да устриц! **¹⁹⁷.

Муррина (*murrina*) — специально изготовленный напиток¹⁹⁸. Варрон в «Человекограде» (40): «Дать не просто вина, но,

190 «qui enim voluptates ipsas contemnunt, eis licet dicere se acipenserem maenae non antepone».

191 Названия обеих рыб предположительные.

192 «et si quem tuorum adfectum maerore videris, huic acipenserem potius quam aliquem Socraticum libellum dabis».

193 Разновидность кресс-салата.

194 «quos negat ad panem adhibere quidquam praeter nasiturcium».

195 «ut nuces graecae ac mariscae fici».

196 «primum ocinum, farraginem, viciam, novissime / faenum secari. Ocimum dictum a graeco verbo *ὠκέω*, quod valet cito; similiter quod ocimum in horto».

197 «addite / lopadas, ecinos, ostreas».

198 Ср.: *Fest. s.v. Murrina*. P. 131 L: «Муррина (*murrina*) — вид напитка, который по-гречески зовется *véκταρ*. Женщины называли его *muriola*, неко-

по слову Плавта, слащенного, вареного, держаного!»¹⁹⁹. — Варрон в первой книге «О жизни римского народа»: «а также и муррина; когда во время сбора винограда выжимали из ягод сусло, а кожуру складывали в бочки, именовали [полученный таким образом напиток] лора**»²⁰⁰.

Портулак (*portulaca*). Варрон в восьмой книге «О дисциплине»: «съедобный портулак поднимает [на ноги] быстро**»²⁰¹.

Лора (*lora*) — разновидность приурочиваемого напитка, пригодного для пожилых²⁰². Варрон в первой книге «О жизни римского народа»: «в древности знатные женщины употребляли лору, либо сапу, либо дефрут, [885] либо пасс, который Плавтом обычно именуется также мурриной**»²⁰³.

Сапа (*sapa*) — напиток, который мы теперь называем *mel-lacium*, виноградный сок, вываренный до половины объема. Варрон в первой книге «О жизни римского народа»: «сапой называли [напиток] оттого, что изготавливали его из сусла, выпаренного до половины объема**»²⁰⁴.

Пасс (*passum*). Варрон в первой книге «О жизни римского народа»: «именовали пассом тогда, если во время сбора собирали перезревший виноград и высушивали под палящим солнцем**»²⁰⁵.

Мориола (*moriola*). Варрон в первой книге «О жизни римского народа»: «Разбавленное вино стали именовать “лора”,

торые — *murratum vinum* (смешанное с миррой вино); другие полагают, что он называется так от одноименного сорта винограда».

199 «non modo vinum dare, sed etiam, ut Plautus ait (Pseud. 741), “murrinam, passum, defritum”».

200 «tu autem murrina; loram dicebant in vindemia, cum expressissent acinis mustum et folliculos in dolium coniecissent».

201 «manducata portulaca cito tollit».

202 Вино, изготавливавшееся из виноградных выжимок.

203 «antiquae mulieres maiores natu bibebant loram aut saram aut defretum aut passum, quam murrinam quidem Plautus appellare solet».

204 «saram appellabant quod de musto ad mediam partem decoxerant; defretum, si ex duabus partibus ad tertiam redegerant defervefaciendo».

205 «passum nominabant, si in vindemia uvam diutius coctam legerent eamque passi essent in sole aduri».

“пасс”; муриолой называли напиток, приготовленный из сушеного винограда, а сапой, тот, что изготавливали из отжатого виноградного жмыха**»²⁰⁶.

Турунда (*turunda*) — своего рода пирог, некое жертвоприношение, разновидность жертвенного пирога из полбы. Варрон в [сочинении] «Катон или о свободе воспитания» (12): «другие приносят жертвенный пирог и турунду**»²⁰⁷.

Книга XX О родственниках

[894] Цезарями (*Caesares*) названы те, которые рождаются, тогда как их мать умирает²⁰⁸.

Агриппами (*Agrippae*) [зовутся те], кто рождается матерью в муках, то есть против природы не головой, а ногами вперед, как бы от [выражения] «мучительное рождение» (*ab aegro partu*).

Вописк (*Vopiscus*) — тот, кто остается в качестве законного потомка [в случае], когда один из двух зачатых исторгается [мертвым из тела матери].

Золовкой (*glos*) зовется сестра мужа, а также и жена брата²⁰⁹.

Деверем (*laevir*) называют брата мужа, как если бы говорили «левый муж» (*laevus vir*)²¹⁰.

Фратриями (*fratritiae*) зовутся меж собой жены братьев (*fratres*)²¹¹.

Amitini (двоюродные) — дети братьев мужа и жены²¹².

206 «vino addito loram, passum vocare coeperunt; muriolam nominabant, quod ex uvis expressum erat passum et ad folliculos reiculos et vinacia ea dicebant sapam».

207 «alii adferunt libum ac turundam».

208 См.: *Fest. s.v. Caesar. P. 50; Isid. Etym. IX. 3, 12.*

209 *Fest. s.v. Glos. P. 87 L: «Золовка (glos) — сестра мужа, от греческого γαλόωζ»; D. 38. 10. 4. 6.*

210 *Fest. s.v. Levir. P. 102 L: «Мой брат моей жене приходится деверем»; Isid. Etym. IX. 7, 17; D. 38. 10. 4.*

211 *Fest. s.v. Fratritiae. P. 80 L: «Фратрия (fratritiae) — жена брата»; Varr. LL. V. 85; Isid. Etym. IX. 7, 17.*

212 См.: *D. 38. 10. 1. 6-7; 38. 10. 10. 15.*

Patruelles (двоюродные) — дети братьев мужа²¹³.

Consobrini (двоюродные), как бы *consororini*, — те, что рождены двумя сестрами²¹⁴. Они встречаются во множестве примеров у древних авторов, особенно у Афрания и у древних правоведов.

213 См.: D. 38. 10. 10. 15.

214 *Fest. s.v. Sobrinus*. P. 379 L; *Isid. Etym.* IX. 6, 15; D. 38. 10. 3pr.; 33. 8. 1. 3.

При подготовке текста использовались следующие переводы и издания:

Варрон. Менипповы сатуры / пер. М.Л. Гаспарова // Римская сатира: Пер. с латин. / Сост. и научн. подгот. текста М. Гаспарова. М.: Художественная литература, 1989. С. 389–430.

Варрон. Сельское хозяйство / пер. М.Е. Сергеенко. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1964.

Вергилий. Энеида / пер. С.А. Ошерова // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Художественная литература, 1979. С. 137–404.

Вергилий. Георгики / пер. С.В. Шервинского // Там же. С. 75–136.

Вергилий. Буколики / пер. С.В. Шервинского // Там же. С. 37–74.

Луцилий. Сатиры / пер. Е.Г. Рабинович // Римская сатира: пер. с латин. / Сост. и научн. подгот. текста М. Гаспарова. М.: Художественная литература, 1989. С. 346–388.

Плавт. Псевдол / пер. А. Артюшкова // Плавт. Комедии / пер. с латин. М.: Искусство, 1987. Т. 2. С. 425–510.

Плавт. Два Менехма / пер. С. Радлова // Там же. Т. 1. С. 567–640.

Плавт. Эпидик / пер. А. Артюшкова // Там же. Т. 1. С. 509–566.

Плавт. Клад / пер. А. Артюшкова // Там же. Т. 1. С. 139–190.

Плавт. Амфитрион / пер. А. Артюшкова // Там же. Т. 1. С. 5–74.

Плавт. Хвастливый воин / пер. А. Артюшкова // Там же. Т. 2. С. 73–

184.

Цицерон. Против Катилины / пер. В.О. Горенштейна // Цицерон. Речи. В 2-х т. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 302–311.

Цицерон. Против Верреса. О казнях / пер. В.О. Горенштейна // Там же. Т. 1. С. 110–166.

Цицерон. Тускуланские беседы / пер. М.Л. Гаспарова // Цицерон. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1975. С. 177–326.

Цицерон. Оратор / пер. И.П. Стрельниковой // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Ладомир, 1994. С. 329–384.

Цицерон. О природе богов / пер. М.И. Рижского // Цицерон. Философские сочинения. М.: Наука, 1985. С. 60–190.

Цицерон. О пределах блага и зла / пер. Н.А. Федорова. // Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. М., Российский государственный гуманитарный университет, 2000. С. 41–242.

Саллюстий. Истории / пер. В.С. Соколова // Вестник древней истории. 1950. № 1. С. 271–283.

И.И. Болдырева

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ АНГЛОСАКСОНСКИХ МОНАХИНЬ В СОБРАНИИ МАЙКЛА ТЭНГЛА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: средневековая эпистолярная традиция, англосаксонские монахини, переписка Бонифация и Лула, собрание М. Тэнгла.

АННОТАЦИЯ: в центре внимания статьи — переписка средневековых английских монахинь с миссией Бонифация Германского, англосаксонского монаха-проповедника, жившего в конце VII–VIII вв. Показано, что англосаксонские монахини поддерживали дружеское общение с широким кругом лиц, а их эпистолярные контакты выходили далеко за пределы Британии. Автор обсуждает историческую личность корреспонденток Бонифация и научный потенциал переписки как исторического источника для изучения раннесредневекового женского монашества. К статье прилагается перевод избранных писем на русский язык, выполненный по изданию М. Тэнгла *Die Briefe des heiligen Bonifatius und Lullus*.

Эпистолярные памятники, авторами или адресатами которых являются раннесредневековые английские женщины, представляют собой достаточно узкий круг исторических свидетельств. Большинство их относится к VIII в. и связано с перепиской, которую вели насельницы двойных монастырей — англосаксонские монахини-аристократки. На рубеже VII–VIII вв. двойные монастыри переживают в Англии свой расцвет и становятся крупными интеллектуальными и культурными центрами. Их настоятельницы, состоявшие в родстве с правящими династиями, пользовались влиянием и авторитетом. Обученные латинской грамоте, высокородные инокини сохраняли связь со своими родственниками и знакомыми и имели возможность использовать переписку для

личного и делового общения с широким кругом лиц. Наиболее обширный эпистолярный комплекс того времени, частью которого является корреспонденция монахинь, представлен перепиской Уинфреда–Бонифация (ок. 675–754) и его сподвижника Лула. Бонифаций, снискавший известность как христианский монах–миссионер, ставший архиепископом Майнцским и впоследствии прославленный в лике святых, был уроженцем Уэссекса и происходил из знатной среды. В возрасте 40 лет он отправился на континент проповедовать христианство среди языческих народов Германии, куда за ним устремился поток единомышленников¹.

Миссия Уинфреда–Бонифация оставила после себя богатое эпистолярное наследие, проливающее свет на значимые аспекты жизни Западной Церкви в VIII в. По всей видимости, письма Бонифация вскоре после его кончины начал собирать и систематизировать епископ Лул — ученик и преемник миссионера на майнцской кафедре. На протяжении Средневековья корреспонденция Бонифация и Лула неоднократно копировалась. Судя по географии дошедших до нас рукописей, наибольший интерес к эпистолярному наследию миссионеров проявляли не на родине, а в германских землях, где широкое распространение получило почитание Бонифация, священномученика и талантливому проповедника.

В начале прошлого столетия Майкл Тэнгл издал письма Бонифация и Лула в знаменитой исторической серии *Monumenta Germaniae Historica*². В основу этого издания были положены три ранних манускрипта, созданные в Майнце в

- 1 Самое раннее житие св. Уинфреда-Бонифация было составлено его младшим современником и соотечественником св. Виллибальдом: **Levison**. 1905: 1–58. Перевод жития на английский язык см.: **Talbot**. 1954: 25–62.
- 2 **Tangle**. 1916.

конце VIII — середине IX вв³. Издание включает в себя 150 посланий, хронологический диапазон которых охватывает почти столетие. Некоторые из них отнесены к переписке Бонифация с известной долей условности. Прежде всего, это шесть писем Альдхельма, датируемые рубежом VII–VIII вв., а также письмо уитбийской игуменьи Эльфледы пфальцельской аббатисе Адоле (ок. 713)⁴.

Непосредственное отношение к монахиням имеют 26 посланий собрания Тэнгла. Их перечень приводится ниже в той последовательности, в которой они размещены в его издании:

1. письмо Альдхельма Сигегите (Tangle. 2)⁵;
2. письмо аббатисы Уитби Эльфледы аббатисе Адоле (Tangle. 8)⁶;
3. письмо Уинфреда Эадбурге о видении одному монаху монастыря Уэнлокк (Tangle. 10);

-
- 3 Munich, Hof- und Staatsbibliothek, lat. 8112; Karlsruhe, Grossherzogliche Hof- und Landesbibliothek, Rasttt 22; Vienna, Hofbibliothek, lat. 751.
 - 4 Альдхельм (ок. 640–709) — аббат монастыря Малмесбери, позже — епископ Шернборский. Известен как англосаксонский церковный писатель, автор многочисленных сочинений на латыни. Информацию о письмах Альдхельма, в том числе о письме к монахине Сигегите, Тэнгл размещает в своём издании под №1–6. Однако тексты этих посланий он не приводит по той причине, что они были опубликованы ранее. Текст письма игуменьи Эльфледы см.: **Tangle**. 1916. Ep. 8: 3–4. В собрании Тэнгла это единственное письмо, в котором женщина выступает и автором, и адресатом.
 - 5 См. английский перевод: **Lapidge, Herren**. 1979: 166–167. По другим источникам Сегигита неизвестна.
 - 6 Эльфледа Уитбийская была дочерью правителя Нортумбрии Освью (655–670). В благодарность за победу над Пендой Мерсийским Освью дал обет посвятить её Богу, когда она была ещё ребенком (**Беда Достопочтенный**. 2001. III.24). С детства Эльфледа воспитывалась в монастырях Хартлпул и Уитби (королевство Нортумбрия), которые возглавляла преподобная Хильда, а после её смерти стала настоятельницей. Агиографические памятники VIII в. свидетельствуют о дружбе аббатисы Эльфледы со святителем Кутбертом Линдисфарнским и её покровительстве святителю Уинфреду Йоркскому (См.: **Colgrave**. 1985a: 128–132; **Colgrave**. 1985b: 102–105; 126–127; 230–237; 262–265).

4. письмо Экбурги Уинфреду (Tangle. 13);
5. письмо аббатисы Эангиты и её дочери Хэбурги (Бугги) Уинфреду-Бонифацию (Tangle. 14);
6. письмо Бугги Бонифацию, где она поздравляет его с успехом в земле фризов (Tangle. 15);
7. письмо Бонифация аббатисе Бугге, где он даёт ей совет по поводу паломничества в Рим (Tangle. 27);
8. письмо Лиобгиды Бонифацию (Tangle. 29);
9. письмо Бонифация аббатисе Эадбурге, в котором он благодарит её за присланные книги (Tangle. 30);
10. письмо Бонифация аббатисе Эадбурге, в котором он просит её изготовить копию Послания св. апостола Петра в золоте (Tangle. 35);
11. письмо Денехарда, Лула и Бургхарда аббатисе Кюнибурге (Tangle. 49);
12. письмо аббата Альдхуна и аббатис Кнеубурги и Кёнбурги⁷ аббатам Кёнгильсу и Ингильду (Tangle. 55);
13. письмо Бонифация аббатисе Эадбурге (Tangle. 65);
14. письмо Бонифация неизвестной монахине (Tangle. 66);
15. письмо Бонифация Лиобгиде, Фекле и Кюнихильде (Tangle. 67);
16. письмо диакона Лула аббатисе Эадбурге (Tangle. 70);
17. письмо Бонифация аббатисе Бугге, в котором он её утешает (Tangle. 94);
18. письмо Бонифация аббатисе Лиобгиде (Tangle. 96);
19. письмо Кены Бонифацию (Tangle. 97);
20. письмо [Лула] неизвестной аббатисе и монахине её монастыря (Tangle. 98)⁸;

7 *Sneuburga* и *Coenburga*. Эти непривычные для англосаксов имена в источниках больше нигде не встречаются и, возможно, являются результатом ошибки переписчика. Следует читать *Кюнибурга* и *Квенбурга*.

21. письмо Лула Лиобгиде (Tangle. 100);
22. письмо Лула аббатисе Свите (Tangle. 128);
23. письмо [Лула] неизвестной монахине (Tangle. 140)⁹;
24. письмо [монахини Бертгиты] брату [Бальдхарду] (Tangle. 143);
25. письмо монахини Бертгиты брату Бальдхарду (Tangle. 147);
26. письмо [монахини Бертгиты] брату Бальдхарду (Tangle. 148)¹⁰.

Крупные фрагменты переписки Лула и Бонифация в разные годы переводили на английский язык Эдвард Кайли, Эфраим Эмертон, Чарльз Тэлбот¹¹ и, несмотря на скупость их исторических комментариев, благодаря этим переводам сегодня большинство писем миссии доступны широкой научной общественности. «Женские» послания коллекции Тэнгла носят, главным образом, личный дружеский характер. Многие из них содержат ссылки на не дошедшие до нас письма, тем самым подтверждая, что сохранившиеся тексты — лишь малая часть эпистолярной традиции, участницами которой в раннее Средневековье были представительницы монашеского сословия.

Эпистолярные материалы представляют интерес для изучения ряда аспектов истории англосаксонского женского

8 Имя автора в письме не указано. К письмам Лула это послание М. Тэнгла относит на основе анализа его языка.

9 Отнесено М. Тэнглом к письмам Лула.

10 Три письма Бертгиты Бальдхарду сохранились только в Венском манускрипте. Письмо 24 не называет имён автора и адресата и отнесено к переписке Бертгиты на основании сходства риторики и стиля с двумя другими её посланиями.

11 **Emerton.** 1940; **Kylie.** 1911; **Talbot.** 1954: 65–152. Перевод Э. Кайли, на наш взгляд, является наиболее удачным, так как более точно передаёт содержание и грамматическую структуру оригинального латинского текста.

монашества. Они приоткрывают образ мыслей, внутренний мир корреспондентов, особенности интеллектуальной культуры и человеческих взаимоотношений в церковных кругах. Отдельные послания содержат сведения о внутренней жизни двойных монастырей, статусе настоятельниц, их контактах, а также повседневных проблемах, с которыми им приходилось сталкиваться.

В исследовательской литературе интерес к переписке Бонифация в контексте социальной и гендерной истории проявляется с 80-х гг. прошлого века. Так, Питер Дронке, анализируя тексты, составленные женщинами поздней Античности и Средневековья, обращается к не переведившимся ранее посланиям англосаксонской монахини Бертгиты, которая трудилась миссионеркой в Тюрингии¹². В своих монографических исследованиях, посвящённых истории раннесредневековых английских женщин, фрагменты переписки Бонифация и Лула привлекали Кристин Фелл и Стефани Холлис¹³.

На русский язык переписка англосаксонских монахинь никогда прежде не переводилась. В отечественной медиэвистике практически отсутствуют работы, посвящённые её изучению¹⁴. В настоящем издании вниманию читателя предлагается перевод с латинского языка восьми писем собрания Тэнгла, где одним из корреспондентов выступает предста-

12 **Dronke.** 1984: 30–35. Бертгита перебралась на континент и присоединилась к миссии Бонифация вместе со своей матерью Кюнихильдой, доведшейся тёткой св. Лулу (**Levison.** 1905: 138.). Три послания Бертгиты были составлены в последней трети VIII в. и адресованы её брату Бальхарду. По эмоциональности и поэтичности П. Дронке сравнивает эти письма с англосаксонскими «женскими» элегиями «Плач жены» и «Вульф и Эадвакер» (**Dronke.** 1984: 30–33).

13 **Fell.** 1986: 111–116; **Hollis.** 1992: 130–150.

14 Исключением является наша статья, опубликованная в журнале «Проблемы истории, филологии, культуры»: **Болдырева.** 2017.

вительница слабого пола. Это четыре женских письма, составленные Экбурггой, Эангитой, Буггой и Лиобой (Лиобгидой), три письма Бонифация, адресованные Бугге и Эадбурге, а также совместное письмо трёх монахов Лула, Денехарда и Бургхарда аббатисе Кюнибурге.

В силу особенностей эпистолярного жанра и скудости других свидетельств не всегда удаётся установить, насельницами каких монастырей были эти женщины. Лишь монахиня Лиобгида может быть достоверно идентифицирована как преподобная Лиоба Бишофсхаймская (ум. ок. 780), чьё житие в 30-е годы IX в. было составлено Рудольфом, монахом Фульды¹⁵. Из жития св. Лиобы известно, что она родилась в Англии, и родители дали обет посвятить её Богу. С детства юная подвижница воспитывалась в западно-саксонском монастыре Уимборн¹⁶ под началом благочестивой аббатисы Тетты. Позднее по просьбе своего родственника Бонифация она отправилась на континент, где была назначена игуменьей Бишофсхаймского монастыря в епархии Майнца. Вскоре после 732 г., ещё находясь на родине, Лиоба пишет миссионеру единственное сохранившееся письмо¹⁷. Преподобная Лиоба снискала известность благодаря своей добродетели и учёности. Став игуменьей, она не поощряла чрезмерную аскезу, много времени уделяла изучению Священного Писания и творений святых отцов. При дворе франкских государей Лиобу очень уважали. Особенно любила аббатису жена Карла Великого Хильдегарда (ум.

15 См. оригинальный текст: **Waitz**. 1887. Перевод жития на английский язык: **Talbot**. 1954: 204–226.

16 Согласно «Англосаксонской хронике», монастырь Уимборн был основан на рубеже VII–VIII вв. женой короля Нортумбрии Альдфрида (685–705) Кутбурггой, которая оставила супруга и ушла в монахини (**Swanton**. 1996: 42).

17 См. письмо 5 настоящего издания.

783), которая приглашала её к себе для совета и душеполезных бесед¹⁸.

О монастыре другой корреспондентки Бонифация Экбурги, писавшей ему около 918 г.¹⁹, практически ничего не известно. Лина Экенштейн предположила, что Экбурга могла быть дочерью короля восточных англов Эалдвульфа (ум. 714) и настоятельницей Рептона²⁰. Однако текст письма не позволяет подтвердить или опровергнуть эту гипотезу. Более аргументированным представляется мнение Барбары Йорк, которая относит Экбургу к уэссекским монахиням²¹. Использование Экбургой скрытых цитат из «Энеиды» Вергилия, текстов Священного Писания и писем блаженного Иеронима Стридонского свидетельствует о высоком уровне её образованности. Из письма мы узнаём, что она и Бонифаций были знакомы лично. Экбурга считала себя его ученицей. Её покойный брат Ошере был дружен с Уинфредом ещё до того, как тот отправился на континент. В собрании Тэнгла послание Экбурги — одно из самых эмоциональных. Оплакивая смерть горячо любимого брата и разлуку с сестрой, она рассчитывала на слова утешения и молитвенную поддержку своего духовного наставника и друга.

Длительная переписка связывала Бонифация с кентской игуменьей Эангитой и её дочерью Буггой (Хэбургой). В своём послании миссионеру, отправленном вскоре после 719 г.²², они ссылаются на его не дошедшее до нас письмо. Для опре-

18 После своей кончины преподобная Лиоба была похоронена в мужском монастыре Фульда согласно завещанию св. Бонифация (см.: **Waitz**. 1887).

19 См. письмо 1 настоящего издания.

20 **Eckenstein**. 1895: 109.

21 См.: **York**. 1998: 152–155.

22 См. письмо 2 настоящего издания.

деления места расположения их монастыря существенную роль играет адресованное Бонифацию письмо кентского правителя Этельберта II (ок. 750 г.), где король называет аббатису Буггу, совершившую паломничество в Рим, своей родственницей²³. Ещё при жизни Эангиты мать и дочь вынашивали планы паломничества к римским святыням²⁴. После смерти матери Бугга, ставшая аббатисой, не оставила намерения посетить Рим. В очередном послании аббатисе Бугге, составленном, предположительно, в 30–е годы VIII в., Бонифаций даёт ей совет относительно предстоящего путешествия²⁵. На территории Кента в VIII в. существовало несколько двойных монастырей: Минстер на острове Танет, Шеппи, Лиминж, Ху, Фолькстоун. Выяснить, в котором из них жили Эангита и Бугга, к сожалению, не представляется возможным.

По поводу личности Эадбурги, которой Бонифаций адресует четыре послания²⁶, у исследователей также нет единого мнения. Одни называют её аббатисой Минстера на острове Танет²⁷. Другие считают, что Эадбурга могла быть настоятельницей западно-саксонского монастыря Уимборн, в котором начинала монашеское служение преподобная Лиоба Бишофсхаймская²⁸. Тот факт, что Бонифаций обращался к Эадбурге с просьбой изготовить декорированный золотом манускрипт, доказывает, что она жила в крупном монастыре, где имелись искусные мастера и скрипторий.

23 **Tangle.** 1916. Ep. 105: 229.

24 См. письмо 2 настоящего издания.

25 См. письмо 4 настоящего издания.

26 В том числе, письма 6 и 7 настоящего издания.

27 **Fell.** 1990: 31; **Schulenburg.** 1998: 334–335.

28 **York.** 1998: 152, 172. В англосаксонских аристократических кругах имя Эадбурга получило широкое распространение. Письма Бонифация и Лула, адресованные Эадбурге, вовсе не обязательно предназначались одной и той же женщине.

Личность корреспондентки Лула аббатисы Кюнибурги также является предметом дискуссий и гипотез²⁹. Адресованное ей письмо трёх английских монахов³⁰ иллюстрирует высокое положение и степень влияния настоятельниц крупных монастырей в Англии VIII в. Из письма следует, что Кюнибурга была особой королевских кровей и на своей территории могла выступать глафордом, оказывая покровительство местным и чужестранцам. Послание монахов своей «госпоже» (*domina*) проникнуто подчёркнутым уважением, которое отражает разницу в статусе, а, возможно, и в возрасте корреспондентов.

Вне зависимости от целей и особенностей стиля содержание посланий, включенных в настоящее издание, подтверждает, что в период «тёмных веков» отношение к женщине в Западной Церкви не обязательно было связано с враждебностью и воспоминаниями о первородном грехе. Напротив, здесь мы становимся свидетелями дружеского участия, уважения и взаимного доверия корреспондентов, готовых оказать друг другу всяческую поддержку, попросить о помощи, рассказать о своих переживаниях, поделиться советом.

29 Их обзор см.: **York**. 1998: 155–157.

30 Письмо 8 настоящего издания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Беда Достопочтенный. 2001 — Беда Достопочтенный. Церковная история народа англоv / Пер. с лат., вступ. статья, комментарии В. В. Эрлихмана. СПб., 2001.

Colgrave. 1985a — The Life of Bishop Wilfred by Eddius Stephanus / ed. and trans. B. Colgrave. Cambridge, 1985.

Colgrave. 1985b — Two Lives of Saint Cuthbert / ed. and trans. B. Colgrave. Cambridge, 1985.

Emerton. 1940 — The Letters of Saint Boniface / ed. E. Emerton. New York: Columbia University Press, 1940.

Hieronymus. 1845 — S. Eusebii Hieronymi Stridonensis presbyteri Opera omnia // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. Ep. 3. Ad Ruffinum monachum / Accurante J.-P. Migne. V. 22. P., 1845. Col. 332-335.

Kylie. 1911 — The English Correspondence of Saint Boniface / ed. E. Kylie. L., 1911.

Lapidge, Herren. 1979 — Aldhelm. The Prose Works / eds. M. Lapidge, M. Herren. Cambridge, 1979.

Levison. 1905 — Vita Sancti Bonifatii archiepiscopi Moguntini / ed. W. Levison // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. T. 57. Hannoverae et Lipsiae, 1905.

Liebermann. 1903 — Die Gesetze der Angelsachsen / hg. F. Liebermann. Bd. I. Halle, 1903.

Swanton. 1996 — The Anglo-Saxon Chronicle / ed. & trans. M. Swanton. NY, 1996.

Talbot. 1954 — The Anglo-Saxon Missionaries in Germany / ed. C.H. Talbot. L.-NY, 1954.

Tangle. 1916 — Die Briefe des heiligen Bonifatius und Lullus / ed. M. Tangl // Monumenta Germaniae Historica. Epistolae Selectae. T.I. Hannoverae, 1916. P. 1-289.

Virgil. Aeneid. 1938 — Virgil: in two vols.: Eclogues. Georgics. Aeneid / ed. T.E. Page, E. Capps. L., 1938.

Waitz. 1887 — Vita Leobae abbatisae Biscofesheimensis auctore Rudolfo Fuldensi / ed. G. Waitz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 15(1). Hannoverae, 1887. P. 118-131.

ЛИТЕРАТУРА

Болдырева. 2017 — Болдырева И.И. Англосаксонское женское монашество VIII века в свете переписки миссии святого Уинфреда-Бонифация // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4. С. 211–222.

Dronke. 1984 — Dronke P. *Women Writers of the Middle Ages: a Critical Study of Texts from Perpetua to Marguerite Porete*. Cambridge, 1984.

Eckenstein. 1895 — Eckenstein L. *Woman under monasticism. Chapters on Saint-Lore and Convent Life between A.D. 500 and A.D. 1500*. Cambridge, 1895.

Fell. 1986 — Fell C. *Women in Anglo-Saxon England and the impact of 1066*. Oxford, 1986.

Fell. 1990 — Fell C.E. Some implications of the Boniface Correspondence // *New Readings on Women in Old English Literature* / eds. H. Damico, A.H. Olsen. Bloomington, 1990. P. 29–43.

Hollis. 1992 — Hollis S. *Anglo-Saxon Women and the Church*. Woodbridge, 1992.

Lees, Overing. 2012 — Lees C.A., Overing G.R. Women and the origins of English literature // *The History of British Women's Writing, 700–1500* / eds. L. Herbert McAvoy, D. Watt. Vol. I. L., 2012. P. 31–40.

Schulenburg. 1998 — Schulenburg J. T. *Forgetful of Their Sex: Female Sanctity and Society, ca. 500–1100*. Chicago, 1998.

York. 1998 — York B. The Boniface mission and female religious in Wessex // *Early Medieval Europe*. 1998. 7 (2). P. 145–172.

Wynbourne. 1996 — Wynbourne C. *Leoba: A Study in Humanity and Holiness* // *Medieval Women Monastics* / eds. M. Schmitt, L. Kulzer. Collegeville, 1996. P. 81–98.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ АНГЛОСАКСОНСКИХ МОНАХИНЬ В СОБРАНИИ МАЙКЛА ТЭНГЛА*

1. Письмо Экбурги Уинфреду (ок. 716–718)¹

Досточтимому Уинфреду, святому отцу и истинному другу, исполненному благодати божественных учений и благочестия, Экбурга, меньшая из твоих учеников, как мужей, так и жён, желает вечного блаженства в Господе.

Самая глубина моей души наполняется сладостью, подобной мёду, ощущая узы твоей любви всем своим существом. И хотя, повидав тебя всего лишь на мгновение, я лишена твоего присутствия, но [мысленно] всегда заключаю тебя в свои сестринские объятия. И так, возлюбленный, некогда мой брат, теперь ты мне отец, а равно и брат в Господе господствующих. С тех пор как жестокая и горькая смерть отняла у меня того, кого я больше всех любила, моего брата по плоти Ошере, ты стал для меня самым дорогим среди всех мужей. Не буду многословной,

* Перевод подготовлен по изданию: Die Briefe des heiligen Bonifatius und Lullus / ed. M. Tangl // Monumenta Germaniae Historica. Epistolae Selectae. T.I. Hannoverae, 1916. P. 1–289. Датировка писем приводится по изданию М. Тэнгла.

1 Оригинальный текст см.: **Tangle**. 1916. Ep. 13: 18–21. Это послание — одно из самых ранних в переписке Бонифация. Экбурга обращается к нему, используя имя Уинфред, под которым он был известен в первую половину своей жизни. Новое имя Бонифаций (*Bonifatius*), в переводе с латинского обозначающее «делающий добро», впервые появляется в письме папы Григория II, отправленном в мае 719 г. (**Tangle**. 1916. Ep. 12: 17).

но не проходит ни дня и ни ночи, чтобы я не памятовала о твоих наставлениях. И потому, Бог свидетель, я испытываю к тебе самую искреннюю любовь и верю, что ты никогда не забываешь о той дружбе, что связывала тебя с моим братом. Пусть я заметно уступаю ему в учёности и добродетели, но наша с ним любовь к тебе одна и та же. Несмотря на то, что со временем темная туча скорби стала светлее, она никогда не покидала меня, но, чем больше времени проходит, тем сильнее моя печаль в подтверждение сказанному: «Человеческая любовь приносит страдания. Любовь Христова просвещает сердце»².

Тогда же моя дражайшая сестра Ветбурга (*Uuethburg*)³ оставила меня⁴. Для меня это стало новой раной и новой печалью. Она, с которой я выросла, которой восхищалась и с которой была вскормлена у груди одной матери. Христос — мой свидетель, всюду были скорбь и страх, и боязнь смерти⁵. И будь на то воля Господа, от которого ничто не сокрыто, я бы с радостью приняла смерть. Что же мне сказать теперь? Не горькая смерть, но ещё более горькая разлука внезапно разъединила нас, сделав её, думаю, более счастливой, а меня несчастной, оставив служить миру сему. Слышно, что она, которую, как известно тебе, я столь сильно любила, стала затворницей и живёт в римской келье. Любовь ко Христу, взращённая и расцветшая в её сердце, сильнее и крепче всех уз, потому что «совершенная любовь изгоняет страх»⁶.

Говорю же, Владыка Небесного Олимпа⁷, украсивший тебя божественными учениями, желает тебе радости и веселия неиз-

2 Источник не найден.

3 Возможно, та самая Ве[и]тбурга (*Uuiethburga*), которую упоминает Бонифаций в письме к Бугге, давая ей совет по поводу паломничества (*Tangle*. 1916. Ep. 27: 48).

4 Дословно «исчезла с [моих] глаз» (*ab oculis evaniut*). См.: **Virgil**. *Aeneid*. 1938: IX, 658.

5 **Virgil**. *Aeneid*. 1938: II, 368-369 (*ubique luctus, ubique pavor et plurima mortis imago*).

6 1 Ин. 4:18.

7 **Virgil**. *Aeneid*. 1938: II, 779 (*superi regnator Olympi*).

реченного, и «в законе Его поучишься день и ночь»⁸, ибо писано: «как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!»⁹. Она [Ветбурга] избрала тернистый и узкий путь¹⁰, в то время как я лежу здесь, связана, словно оковами, узами плоти. Она в Судный День, радуясь вместе со Христом, скажет: «Я была в темнице, и вы посетили меня»¹¹. И ты в день всеобщего воскресения, когда 12 апостолов сядут на 12 престолах, будешь их сопрестольником. И скольких ты стяжал своими трудами, над столькими будешь поставлен, увенчанный золотым венцом, радоваться пред престолом Вечного Царя¹². Я же в земной юдоли оплакиваю свои грехи, как и заслужила. Из-за них Господь счёл меня недостойной присоединиться к сообществу [святых].

А потому верь мне, более чем моряк, застигнутый штормом, стремится к гавани, более чем иссохшие поля жаждут дождя, или беспокойная мать ожидает на берегу своего сына, так я желала бы повидаться с тобой.¹³ Однако отягощенная грехами и угнетаемая великим множеством [совершенных мною] ошибок, не могу надеяться на спасение от надвигающихся зол и прихожу в уныние.

Я как грешница склоняюсь пред твоими стопами и из глубины своего сердца, от самого края земли склоняюсь к тебе. Блаженный отец, моя душа жаждет, чтобы ты воздвиг меня на камне твоих молитв, ведь ты стал моей надеждой и крепостью против врагов видимых и невидимых. Молю, утешь меня в моей скорби, укроти волны моей печали и своей крепостью поддержи мою [духовную] немощь, чтобы она не сокрушилась до конца. Смиренно прошу, пришли мне ради утешения какую-нибудь

8 Пс. 1:2.

9 Рим. 10:15.

10 Ср.: Мф. 7:13–14.

11 Мф. 25:36.

12 Мф. 19:28; Лук 22:30. См. также Откр 4:4, где упомянуты старцы, имеющие на главах золотые венцы.

13 См. письмо Иеронима к монаху Руфину: «*Credes mihi, frater, non sic tempestate jactatus portuo nauta prospectat; non sic sitientia imbres arva desiderant; nec sic curvo assidens littori anxia filium mater exspectat*» (Hieronymus. 1845: col. 333).

святую реликвию или хотя бы несколько написанных тобою слов, чтобы ты всегда был рядом со мной.

Прощай и будь всегда счастлив в Господе, не переставая ходатайствовать перед ним за меня.

[Также и я, Эальдберт, раб Христов, приветствую тебя с любовью в Господе. Прошу вспоминать в своих святых молитвах о той дружбе, которую ты когда-то мне обещал. И хотя мы разделены телесно, нас объединяет бывшее]¹⁴.

2. Письмо аббатисы Эангиты и её дочери Хэбурги Уинфреду-Бонифацию (ок. 719–722)¹⁵

Благословенного Господом, досточтимого в вере и любви Уинфреда, именуемого Бонифацием, стяжавшего благодать священства, украшенного цветками целомудрия и венками лилий, искусного в божественных учениях, нижайшая из всех служительниц Божьих его раба Эангита, недостойно называемая аббатисой, со своей единокровной дочерью Хэбургой, именуемой Буггой, приветствует во Святой Троице.

Наши уста не в состоянии выразить благодарность за любовь, которую мы находим в твоём письме, доставленном гонцом из-за моря. Блаженны мы, если похвала в наш адрес является заслуженной, однако всерьёз опасаемся, что незаслуженная похвала — более в осуждение, нежели в одобрение.

Возлюбленный брат, не по духу, но по плоти, наделённый обилием духовных дарований, тебе одному мы желаем поведать в этом письме, орошенном слезами, Господь — наш единственный свидетель, какой груз невзгод и тяжкая ноша мирской суеты угнетают нас. Подобно тому, как пучина бушующего моря извергает и выбрасывает громадные волны, разбивая их о скалы, свирепые ветры и буря неистово несутся в чудовищном водовороте, кили кораблей приподняты вверх, а мачты изогнуты, так и

14 Эта приписка в конце письма, сделанная Эальдбертом, свидетельствует о его близких контактах с Экбургой. Возможно, он был монахом того же монастыря, что и она, и записал это послание с её слов. На монашеский статус Эальдберта указывает то, что он называет себя рабом Христовым (*pauperculus Christi*).

15 Оригинальный текст см.: Tangle. 1916. Ep. 14: 21–26.

хрупкие судна наших душ сотрясаются под натиском бед и великого множества испытаний. Как говорит Слово Истины в Евангелии: «И пошёл дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот»¹⁶ и прочее.

Прежде всего, и более других зол нам досаждают мирские дела, оковы многих прегрешений, недостаток полной и совершенной уверенности [в том, что всё, что мы делаем — во благо]. Мы обеспокоены не только состоянием собственных душ, сколько тем, что сложнее и важнее — душами вверенных нам людей, мужей и жен разного возраста, различных характеров и разных нравов, которым мы обязаны служить и впоследствии дать [за них] ответ пред престолом Верховного Судьи Христа, не только за явные прегрешения делом или словом, но также за те тайные помыслы, что сокрыты от человека и известны одному Господу. Это как если вести битву с одной шеренгой против двух, с десятью тысячами [воинов] против двадцати тысяч¹⁷. К заботе о человеческих душах прилагаются нестроения, связанные с внутренними делами [монастыря], споры и различного рода конфликты, которые сеет враг всего доброго, поражая сердца всех людей горькой злобой, но более всего [сердца] монашествующих, зная, что «кому дано много, с того много спросится»¹⁸.

Мы сильно стеснены бедностью, недостатком в земных вещах и скудным урожаем с наших полей, а равно притеснениями со стороны короля, перед которым нас опорочили завистники, по слову Премудрого: «Нечестие и зависть помрачают доброе»¹⁹. Поборы (*servitium*) в пользу короля и королевы, епископа и префекта, господ (*potestatum*) и комитов — всего не перечислишь, легче представить, чем выразить словами²⁰.

16 Мф 7:25–27.

17 Лк 14:31.

18 Лк 12:47–48.

19 Ср.: Премудрость 4:12.

20 Повествовательные источники и хартии VIII в. изображают правителей Англии щедрыми жертвователями монастырей, а аббатис — влиятельными представительницами англосаксонского социума. Однако в действительности всё было сложнее. См., напр., письмо Бонифация к королю Мерсии Этельбальду, написанное ок. 747 г., где Бонифаций упоминает о

В дополнение к нашим несчастьям — потеря друзей и родственников, и домочадцев. У нас нет ни сына, ни брата, ни отца, ни дяди, лишь единственная дочь, которую смерть лишила всех дорогих ей людей, кроме одной сестры, старой матери, и племянника, человека несчастливой по причине его безрассудства, а также из-за той неприязни, которую испытывает наш король к людям его рода. И нет никого другого, близкого нам, так как разными путями Господь отдалил их [от нас]. Одни умерли на родине, и их тела покоятся в прахе земном, ожидая всеобщего воскресения, когда будет слышан глас трубы Господней, и все люди восстанут из своих мрачных могил, чтобы дать ответ [за свои дела], души, которые заберут ангелы, станут царствовать со Христом там, где не будет ни скорби, ни зависти, а печаль и плач исчезнут пред лицом святых²¹. Другие покинули родные берега и вручили себя морским просторам, устремившись к гробницам святых апостолов Петра и Павла, сонмам мучеников, дев и исповедников, чьи имена и число известны одному Богу.

В силу этих и подобных причин, которые невозможно перечислить в один день, даже если, как говорят, [на дворе] июль или август, когда продлеваются дни лета, жизнь становится утомительной, и мы пресыщаемся ею. Всякий, кто испытывает сложности в своём деле и не доверяет собственным суждениям, ищет себе надёжного товарища, на чей совет можно положиться и кому можно довериться настолько, чтобы открыть ему все секреты своего сердца, ибо сказано, что может быть любезнее, чем иметь друга, с которым поговоришь обо всём как с самим собой? По причине всех злостраний, которые мы терпим столь продолжительно, мы вынуждены искать надёжного друга, такого, кому смогли бы доверять более, чем самим себе, кто бы понял нашу боль, сомнения и нужду и проявил сочувствие, утешил и поддержал своим словом, ободрил своими речами. Мы так долго искали и теперь верим, что обрели в тебе друга, которого желали, [о котором] молились и [которого] надеялись [обрести]. И

лишении монастырей привилегий и притеснении монашествующих со стороны короля и знатных особ. (Tangle. 1916. Ep. 73: 152.)

21 Ср.: Откр 21:4.

если Господь дарует нам это через своего ангела, как Он послал пророка Аввакума в лвиный ров с пищей для пророка Даниила²², и Филиппа, одного из семи диаконов, к евнуху²³, мы смогли бы совершить путешествие в те земли, где поселился ты, и услышать слова живые из твоих уст, [наш] господин: «Как сладки гортани моей слова твои, лучше меда устам моим»²⁴.

Но, поскольку мы того не заслужили и отделены от тебя сушей, морем и многими странами, однако, как уже писали, всецело доверяем тебе, брат Бонифаций, желаем, чтобы ты знал, что мы давно стремимся по примеру наших многочисленных родственников и друзей, и просто незнакомцев посетить город Рим, некогда властелин мира²⁵, и испросить здесь прощение за свои грехи, как уже сделали многие и делают до сих пор, а в особенности я как более старшая годами и совершившая за свою жизнь множество прегрешений. Это моё желание было известно Вале, моей бывшей аббатисе и духовной матери, а также моей единственной дочери, которая тогда в силу своих юных лет не разделяла моего стремления.

Знаем, что многие относятся к этому стремлению с предубеждением и не одобряют любовь [к паломничеству], ссылаясь на то, что постановления церковных синодов предписывают каждому оставаться там, где он живет и дал обеты, и там же

22 Дан 14:33-34.

23 Деян 8:26-27.

24 Пс 118: 103.

25 Современник Бонифация Беда Достопочтенный также свидетельствует, что паломническая практика получает в Англии рубежа VII — VIII вв. широкое распространение среди монашествующих и мирян обоих полов. В числе англосаксонских пилигримов, направлявшихся в Рим, были королевские особы. Правители западных саксов Кэдвалла (685–688) и Ине (688–726) окончили в Риме свой земной путь: «Когда Кэдвалла отправился в Рим, трон унаследовал его родич Ине. После тридцати семи лет правления западными саксами он также оставил королевство наследникам и прибыл в город блаженных апостолов в понтификат Григория, чтобы провести остаток земной жизни в паломничестве по святым местам и быть потом с большей радостью встреченным святыми на небесах. В то время многие англы, знатные и простые, миряне и клирики, мужчины и женщины, стремились сделать то же самое» (Беда Достопочтенный. 2001. V.7).

должен исполнить их перед Богом. Однако мы все живём разными порывами, а судьбы Господни неведомы по слову пророка: «Правда Твоя, как горы Божии, и судьбы Твои — бездна великая»²⁶. Его воля и мысли в том, что касается этого дела, полностью сокрыты от нас. И среди неопределённости и сомнений мы, смиренно склонив свои головы, просим тебя стать нашим Аароном, нашей твердыней, поддержать нас своим ходатайством и от возожженного кадила твоих молитв вознести фимиама пред лицом Господа; и да будет воздеяние твоих рук по подобию вечерней жертвы²⁷.

Мы верим Всевышнему и молим Его о милости, чтобы ради твоих прошений и твоих сердечных молитв Он явил нам через тебя, что считает правильным и полезным для нас, оставаться на родине или отправиться в паломничество. Также просим милостиво прислать нам весточку из-за моря в ответ на то, что мы написали в этом послании своим простым и безыскусным языком. У нас нет доверия к тем, кто хвалится лицом, а не сердцем²⁸, но мы всецело верим твоей преданности и любви к Богу и ближнему.

Брат, о котором мы упоминали, не назвав его имени — наш родственник и друг Деневальд. Если Господь сподобит его оказаться в землях, где ты живёшь и трудишься, прими его с любовью и благодушием, и если он пожелает, любезно препроводи его, дав своё благословение, к достопочтенному брату Бертхере, украшенному благодатью священства и исповедничества, который длительное время живёт с этой миссией.

Прощай, духовный брат, верный и любимый искренней и чистой любовью. Всех благ тебе в возлюбленном Господе. Друга долго ищут, с трудом находят, и его трудно сохранить.²⁹ Молись о нас, чтобы наши тяжкие грехи не причинили нам зла.

26 Пс 37:5.

27 Пс 140:2.

28 2 Кор 5:12.

29 Ср.: «amicum, qui diu quaeritur, vix invenitur, difficile servatur» (Hieronymus. 1845: col. 335).

3. Письмо Бугги Бонифацию (720–722)³⁰

Уинфреда Бонифация, достопочтенного служителя Божьего, украшенного обилием духовных даров, достойного иерея Господня, Бугга, низайшая раба, приветствует с заверениями в самой крепкой любви.

Да будет известно тебе, господин, что я непрестанно благодарю Всемогущего Господа, поскольку узнала из письма твоего Преподобия, что Он проявил к тебе многие милости и провёл невредимым через чужие земли. Прежде всего, [Он] склонил предстоятеля Святого Престола исполнить желание твоего сердца. Затем Он низложил пред тобою Ратбода, врага Кафолической Церкви³¹, и, наконец, явил тебе в сонном видении, что твой долг — собирать жатву Господню, приводя многие святые души в житницу Небесного Царства. По этой причине верю, что никакие временные тяготы не смогут отлучить меня от твоей окормляющей любви. Тепло этой любви согревает меня всё сильнее, так как знаю, что ради твоих молитв я достигла подобия тихой гавани. Ещё раз смиренно прошу тебя ходатайствовать пред Господом за меня недостойную, чтобы его благодать хранила меня через твоё покровительство.

Также знай, любезный, что жития святых мучеников, которые ты просил тебе прислать, я достать пока не смогла, но сделаю это, как только представится возможность. И ты, возлюбленный, пришли мне недостойной в утешение, как и обещал в своём драгоценном письме, подборки из Священного Писания.

Ещё прошу тебя отслужить несколько святых месс за душу моего родственника N..., который был самым дорогим для меня. С тем же посыльным передаю тебе 50 солидов и алтарный плат. Это всё, что я могу предложить, пусть, малое, но зато с самой искренней любовью.

30 Оригинальный текст см.: **Tangle**. 1916. Ер. 15: 26–28. По всей видимости, автором письма является дочь Эангиты Хэбурга (Бугга). О ней же идёт речь в письме 4.

31 Ратбод (679–719) — король фризов, в землях которых проповедовал Бонифаций. Ратбод остался равнодушен к христианской религии и не оказал поддержки миссионерам. Впоследствии его войска были разбиты франками под командованием Карла Мартелла.

Прощай в благочестивой земной жизни и «в любви неличерной»³².

4. Письмо Бонифация аббатисе Бугге (до 738 г.)³³

Возлюбленной госпоже, сестре и аббатисе Бугге, превзошедшей всех жен в любви Христовой, низайший и недостойный епископ Бонифаций желает вечного спасения во Христе.

Желаю, чтобы ты знала, дражайшая сестра, что в деле, о котором ты писала, испрашивая совета у меня недостойного, не дерзаю взять на себя ответственность с тем, чтобы воспрепятствовать твоему паломничеству или опрометчиво склонить тебя к нему. Лишь скажу, что я об этом думаю. Если ради тишины и размышлений о божественном ты отложила некогда вверенное тебе попечение о слугах и служанках Господа и монашеской жизни, как можешь ты угождать с прилежанием и заботой словам и желаниям людей мира сего? Мне представляется, что, если ты из-за мирских людей не находишь на родине [душевной] свободы и душевного покоя, то могла бы по примеру нашей сестры Витбурги искать свободы созерцания через паломничество, если того желаешь и имеешь [такую] возможность. Она пишет, что

32 «*in caritate non ficta*» (2 Кор 6:6).

33 Оригинальный текст см.: **Tangle**. 1916. Ep. 27: 47–49. Здесь Бонифаций продолжает тему паломничества в Рим, затронутую в письме 2 Эангитой и Буггой. По всей видимости, послание Бонифация было написано после кончины аббатисы Эангиты, так как она здесь не упомянута. Это письмо в совокупности с другими историческими источниками демонстрирует, что отношение англосаксонской Церкви, равно как и самого Бонифация к женскому паломничеству не было однозначным. В раннее Средневековье длительные путешествия для женщин были сопряжены не только с физическими, но и с духовными опасностями. Например, в своём послании к архиепископу Кентербери Кутберту (ок. 747 г.) Бонифаций сетует, что многие английские матроны и монахини (*mulieribus et velatis feminis*), отправившиеся в Рим, за неимением связей и материальных средств впадали в сети греха и вели распутную жизнь. Чтобы не подвергать христианок опасности духовного падения, Бонифаций просил Кутберта наложить запрет на частые паломничества соотечественниц к римским святыням (**Tangle**. 1916. Ep. 78: 169). Из дальнейшей переписки Бонифация мы узнаём, что аббатисе Бугге удалось побывать в Риме и благополучно вернуться на родину (См. письмо Этельберта II Кентского Бонифацию: **Tangle**. 1916. Ep. 105: 229–231).

нашла у гробницы Святого Петра ту тихую жизнь, которую столь долго и тщетно искала. Касаемо твоего намерения, поскольку я писал о тебе к ней, она просила, чтобы ты повременила до тех пор, пока не прекратятся набег и угрозы со стороны сарацин, которые недавно появились в окрестностях Рима. Даст Бог, она сама пришлёт тебе письмо с приглашением, и мне это кажется лучшим [планом действий]. Приготовь все необходимое для путешествия, прислушайся к её совету, а затем поступай, как устроит милость Божья.

Что касается копий тех отрывков, о которых ты просила меня, каюсь в своей нерадивости. Завершить рукопись, о которой ты просила, я не смог по причине загруженности делами и длительных путешествий. Когда всё будет готово, обязательно вышлю её тебе.

В благодарность за присланные тобою подарки и облачения возношу молитвы всемогущему Господу. Пусть Он дарует тебе вечное воздаяние с ангелами и архангелами на Небесах. Дорогая сестра, и даже более, дражайшая мать и госпожа, во имя Господа прошу твоих молитв обо мне, ибо по грехам моим терплю многие искушения, скорблю и душою, и телом. Не сомневайся, наша многолетняя дружба нерушима. Будь здрава во Христе!

5. Письмо Лиобгиды Бонифацию (после 732 г.)³⁴

Бонифацию, досточтимому господину, украшенному многими достоинствами, возлюбленному во Христе и связанному со мною узами родства, Лиобгида, нижайшая раба из тех, кто несёт лёгкое иго Христово³⁵, желает вечного спасения.

Прошу твою милость не забывать о давней дружбе, которая в западной стране была у тебя с моим отцом Дуном, уже более как восемь лет оставившим этот мир, и не переставать возносить перед Богом молитвы о его душе. Также вспоминай о моей матери Эббе, которая, как ты знаешь, связана с тобой кровными узами. Она живёт в скорбях и уже долго страждет от телесной не-

34 Оригинальный текст см.: **Tangle**. 1916. Ep. 29: 52–53.

35 Матф 11:30. Эта скрытая цитата в данном контексте указывает на монашеский статус Лиобгиды.

мощи. Я — единственная дочь моих родителей, и хотя [того] не достойна, желала бы называть тебя своим братом. Среди моей родни нет другого человека, которому я доверяла бы, как доверяю тебе. Посылаю этот маленький подарок не потому, чтобы он показался тебе значительным, но чтобы у тебя осталось что-нибудь на память обо мне, и я не была забыта из-за разделяющих нас расстояний, и чтобы узы нашей любви всегда были крепки. Усердно прошу, возлюбленный брат, огради меня щитом твоих молитв от ядовитых стрел невидимого врага. Также прошу тебя исправить шероховатости стиля моего письма и послать мне в качестве образца несколько тёплых слов, которые мне так хочется услышать.

Эти небольшие стихи (*versiculi*), приводимые ниже, я пыталась сложить согласно правилам поэтического искусства, не будучи уверена [в успехе], и лишь желая продемонстрировать свои скромные таланты, в надежде на твою помощь. Этому искусству меня научила Эадбурга, которая продолжает неустанно упражняться в божественном законе³⁶. Прощай, [желаю тебе] многих лет, благоденствия, и молись обо мне.

Всемогущий Судия, единый, кто всё сотворил,
В царствии Отца вечно осиянный [божественным] светом,
Через которого бессмертный огонь славы Христовой правит,
Да сохранит тебя во веки в своём вечном законе.³⁷

36 Как правило, исследователи ассоциируют Эадбургу с аббатисой монастыря, в котором воспитывалась Лиоба. Из жития св. Лиобы известно, что при ней настоятельницей Уимборна была Тетта (**Waitz**. 1887: 123–125). С. Холлис не исключает, что Эадбургу называли Теттой в узком кругу лиц. (**Hollis**. 1992: 276 п.24). Согласно другому мнению, искусству стихосложения Лиобу обучала Эадбурга, аббатиса Минстера на острове Танет, расположенного в Кенте. (**Wynbourne**. 1996: 84). Однако автор жития св. Лиобы Рудольф ничего не сообщает о контактах Лиобы с Минстером. По всей видимости, речь идёт об учёной монахини-аристократке, жившей при Уимборнском монастыре.

37 Исследователи указывают на попытки Лиобы имитировать стиль Альдхельма и сравнивают её ученические строки с Гимном Кэдмона, где также восхваляется Творец (**Fell**. 1990:38; **Lees, Overing**. 2012: 36). Видимо, увлечение юной Лиобы стихосложением не имело серьёзного продолжения. Биограф св. Лиобы Бишофсхаймской Рудольф пишет о выдающейся

6. Письмо Бонифация аббатисе Эадбурге о копии послания святого апостола Петра (735)³⁸

Достопочтенную и дражайшую сестру аббатису Эадбургу Бонифаций, недостойный слуга служителей Господних³⁹, приветствует с любовью во Христе.

Молю всемогущего Господа, воздающего за всякое добро, чтобы Он даровал тебе за твою доброту ко мне вечное воздаяние в своём небесном чертоге и райских обителях, и среди сонма святых ангелов. Присланные твоей милостью душеполезные книги и облачения облегчили моё уныние. И теперь прошу тебя продолжить то, что ты уже начала, и изготовить копию послания святого апостола Петра, писаную золотом, чтобы [через видимый образ] внушить уважение и благоговейное отношение к Святому Писанию перед плотскими очами тех⁴⁰, кому я проповедую. Равно желаю всегда иметь перед собою слова того, кто направил меня по этой стезе. Со священником Эобаном высылаю всё необходимое для изготовления рукописи. Прошу, возлюбленная сестра, содействовать моей просьбе, как ты всегда и поступала по своей доброте, чтобы и твои дела сияли подобно золотым письмам во славе нашего Небесного Отца. Желаю тебе всех благ во Христе и преумножения святой добродетели.

7. Письмо Бонифация аббатисе Эадбурге с благодарностью за присланную рукопись (735 – 736)⁴¹

Аббатису Эадбургу, дражайшую сестру, с давних пор связанную с ним узами родства духовного, Бонифаций, слуга служителей Господних, приветствует во Христе.

учёности аббатисы, но никогда не упоминает о её поэтическом таланте (см.: **Waitz**. 1887: 126).

38 Оригинальный текст см.: **Tangle**. 1916. Ep. 35: 60.

39 См.: «Больший из вас да будет вам слуга» (Мф 23:11). Формула «*servus servorum Dei*», вероятно, указывает на епископский сан Бонифация, в который он был рукоположен ещё в 722 г.

40 «*ante oculos carnalium*». Бонифаций имеет в виду язычников.

41 Оригинальный текст см.: **Tangle**. 1916. Ep. 30: 53.

Пусть предвечный Господь, воздающий за добро, дарует моей возлюбленной сестре радоваться с сонмом ангелов небесных. Прислав мне в дар священные книги, она утешила духовным светом германского скитальца, который должен просвещать окутанные тьмой отдалённые уголки Германии, и если бы не имел слово Господне светильник ногам своим и свет стезям своим⁴², впал бы в сети смертные⁴³. Кроме того, всецело доверяя твоему расположению, прошу тебя обо мне молиться, так как по грехам моим сотрясаюсь под натиском волн бушующего моря. Молись Живущему на Небесах и Призирающему на смиренных⁴⁴, чтобы Он простил мои грехи и дал мне слово, устам моим нести и возвещать среди народов благовую весть славы Христовой⁴⁵.

8. Письмо Денехарда, Лула и Бургхарда аббатисе Кюнибурге (739–741)⁴⁶

Возлюбленной во Христе благочестивой госпоже аббатисе Кюнибурге, славной своим родством с королевским родом, Денехард, Лул и Бургхард, сыновья и соотечественники желают вечного спасения.

Выделяя тебя своею любовью из всех жен в наших сердцах, желаем, чтобы твоя милость знала, что после смерти родителей мы отправились к германским народам, где были приняты в монашество достопочтенным архиепископом Бонифацием, и разделили его труды, насколько позволяет наша немощь. И теперь молим тебя из самой глубины своих сердец не отказывать нам в общении с твоим святым сообществом и своими молитвами вести наш скромный корабль, изнурённый волнениями мира сего, в спасительную гавань. Равно [просим] ограждать нас щитом своих молитв от ядовитых стрел греха, подобно тому, как мы сами на всякое время молим Господа о благоденствии твоей светло-

42 Ср.: Пс 118:105.

43 Ср.: Пс 17:6.

44 Ср.: Пс 112:5–6.

45 Ср.: Ефес 6:19; 2 Фесс 3:1.

46 Оригинальный текст см.: **Tangle**. 1916. Ер. 49: 78–80. Лул (ум. 786) — архиепископ Майнца (755–786). Так как монахи упоминают в письме о смерти своих родителей, не исключено, что они были родными братьями.

сти. Верим, что наша просьба будет услышана, как если бы мы предстали пред тобою коленопреклонённо, изливая потоки слёз. И теперь, когда нас нет рядом, смиренно испрашиваем у тебя той же милости. Хотим, чтобы твоя заботливость и мудрость знала, что, если кто-либо из нас когда-нибудь окажется в Британии, мы не предпочтем твоему благорасположению послушание и подчинение кому-либо другому, поскольку непреложно надеемся на тебя⁴⁷.

И ещё любезно просим послать с гонцом, который доставит тебе это письмо, двух молодых вольноотпущенников Бегилока и Манна, если они того хотят и если находятся в твоей власти. Я, Лул, и мой отец освободили их накануне отъезда в Рим и поручили моему дяде ради спасения моей души. А если кто-либо незаконно станет удерживать их от дороги, молим тебя их защитить.

Передаём с этим письмом три небольших подарка — ладан, перец и корицу. Пусть это малость, но от всего сердца. Не смотри на скромность подарка, но памятуй о нашей любви. Просим тебя исправить грубый стиль нашего письма и не отказаться прислать нам несколько своих сладких слов, которые мы с нетерпением ждём.

Прощай! Долгоденствия тебе в Господе, будь счастлива и ходатайствуй о нас.

47 Согласно судебнику западно-саксонского правителя Ине, аббатысы наряду с аббатами могли оказывать покровительство иностранцам на территории своих королевств и в случае убийства иноземного гостя имели право на часть его вергельда: «*Gif mon elðeodigne ofslea, se cyning ah twaedne dæel weres, þridan dæel sunu oððe mægas. Gif he ðonne mægles sie, healf kyninge, healf se gesið. Gif hit ðonne abbod sie oððe abbodesse, dælen on þa ilcan wisan wið þone kyning*» (Ine, 23–23.2 // Liebermann. 1903: 98).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Беда Достопочтенный. 2001 — Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат., вступ. статья, комментарии В. В. Эрлихмана. СПб., 2001.

Hieronymus. 1845 — S. Eusebii Hieronymi Stridonensis presbyteri Opera omnia // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. Ep. 3. Ad Ruffinum monachum / Accurante J.-P. Migne. V. 22. P., 1845. Col. 332–335.

Liebermann. 1903 — Die Gesetze der Angelsachsen / hg. F. Liebermann. Bd. I. Halle, 1903.

Tangle. 1916 — Die Briefe des heiligen Bonifatius und Lullus / ed. M. Tangl // Monumenta Germaniae Historica. Epistolae Selectae. T.I. Hannoverae, 1916. P. 1–289.

Virgil. Aeneid. 1938 — Virgil: in two vols.: Eclogues. Georgics. Aeneid / ed. T.E. Page, E. Capps. L., 1938.

Waitz. 1887 — Vita Leobae abbatisae Bischofesheimensis auctore Rudolfo Fuldensi / ed. G. Waitz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 15(1). Hannoverae, 1887. P. 118–131.

ЛИТЕРАТУРА

Fell. 1990 — Fell C.E. Some implications of the Boniface Correspondence // New Readings on Women in Old English Literature / eds. H. Damico, A.H. Olsen. Bloomington, 1990. P. 29–43.

Hollis. 1992 — Hollis S. Anglo-Saxon Women and the Church. Woodbridge, 1992.

Lees, Overing. 2012 — Lees C.A., Overing G.R. Women and the origins of English literature // The History of British Women's Writing, 700–1500 / eds. L. Herbert McAvoy, D. Watt. Vol. I. L., 2012. P. 31–40.

Wynbourne. 1996 — Wynbourne C. Leoba: A Study in Humanity and Holiness // Medieval Women Monastics / eds. M. Schmitt, L. Kulzer. Collegeville, 1996. P. 81–98.

А.Ю. Серегина

ЖЕНЩИНА В МИРЕ ПОЛИТИКИ XVI В.: ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ДЖЕЙН ДОРМЕР, ГЕРЦОГИНИ ФЕРИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Генри Клиффорд, Джейн Дормер, герцогиня Ферия, женская биография, наставления, придворная культура, Мария Тюдор.

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется жизнеописание Джейн Дормер, герцогини Ферия, составленная ее секретарем Генри Клиффордом (1643) — единственная благочестивая биография английской католички, написанная мирянином. Рассматриваются способы описания женской придворной карьеры — ее принадлежность узкому кругу придворных, близость к королеве Марии I. Показано, что автор подчеркивал вхождение Джейн Дормер в состав придворной элиты, так как это указывало на высокий статус семьи Дормер, но не говорил о ее несомненном политическом влиянии, подчеркивая благочестие и добродетели, а не деловые качества героини. К статье прилагается перевод на русский язык первой части биографии Джейн Дормер.

Жизнеописания благочестивых христианок составили значительную часть религиозной литературы, обращенной к женщинам — и не только — в Европе раннего Нового времени, образовав отдельный жанр на стыке религиозной и биографической литературы. Английские католические авторы XVII в. также отдали ему должное¹. Большинство биографов английских дам — католичек были их капелланами; созданные ими тексты формировались под влиянием агиографических и наставительных сочинений. Анализируемое сочине-

¹ О биографиях английских католичек XVII в. см. **Серегина**. 2019а.

ние — «Жизнь леди Джейн Дормер, герцогини Ферия»², — перевод которого публикуется ниже, выделяется из ряда других женских биографий, созданных в начале–середине XVII в. по нескольким параметрам. Во-первых, в отличие от остальных, она была написана не клириком, а мирянином, во-вторых, она демонстрирует существенные отклонения от образца жанра, вызванные, в-третьих, отличием в целях и риторических стратегиях автора.

Биограф леди Джейн Дормер (1538–1612), герцогини Ферия, Генри Клиффорд, был ее секретарем в последние годы жизни (после 1603 г.)³. Создание им жизнеописания патронессы было вдохновлено стремлением возвеличить семью Дормер и найти нового покровителя из ее круга. Первоначальный вариант биографии Джейн Дормер был написан Клиффордом между 1615 и 1631 г., однако остался незавершенным⁴. Рукопись была закончена лишь в 1643 г. и посвящена Чарльзу Дормеру, второму графу Карнарвону⁵.

Биография Джейн Дормер представляет собой редкое для сочинений данного круга описание женщины в политическом мире английского, а затем и испанского двора. В труде Клиффорда оказываются тесно переплетенными темы католического благочестия героини, и ее принадлежности миру власти и включенности в систему патроната. Именно о

² **Clifford.** 1887. О биографии Джейн Дормер см. **Crummé.** 2013; **Серегина.** 2016; **Серегина.** 2019а.

³ **Clifford.** 1887: xiv.

⁴ В 1631г. скончалась леди Элизабет Дормер [урожд. Браун, дочь Энтони Брауна, виконта Монтею, и Магдален Дейкр, жена сэра Роберта Дормера (1551–1616), сводного брата герцогини Ферия] — предполагаемый адресат сочинения. См. **Серегина.** 2017: 49–50.

⁵ **Clifford.** 1887: xiv–xvi. Чарльз Дормер (1632–1709), второй граф Карнарвон — правнук сэра Роберта и Элизабет Дормер.

«политической составляющей» жизнеописания и пойдет речь в данной статье.

Генри Клиффорд уделил большое внимание величию рода Дормер/Ферия, поэтому рассказ о семье Джейн необычайно подробен; причем в нем идет речь не только о ее древнем происхождении, но и родстве со знатными семействами Англии, которые подробно перечисляются (гл. I). В числе знатных родственников упомянуты не только католики (Монтегю, Дейкры и другие аристократы севера Англии, Ратленды, Констеблы и др.), но и влиятельные придворные — протестанты (например, Пемброки и Сидни).

Кроме того, в тексте присутствуют, «вставные новеллы», посвященные особенно благочестивым родственникам: Себастьяну Ньюдигейту (монаху-картузианцу, казненному за верность папе по приказу Генриха VIII), его сестре Джейн (в замужестве Дормер), бабушке героини; сестре Энн, в замужестве — леди Хангерфорд, и, наконец, мужу, герцогу Ферия. Везде речь идет о религиозном рвении героев и их подвигах во имя веры: от личного благочестия и служения католическому королю (герцог Ферия) до эмиграции во имя свободы исповедовать свою веру (бабушка и сестра героини) и даже мученической смерти (Ньюдигейт). Тема благочестия и мученичества чрезвычайно важна для данного текста и будет подробно рассмотрена отдельно. Здесь же необходимо отметить, что автор подчеркивает не просто знатное происхождение семьи, но близость ее членов ко двору: до ухода в монастырь Ньюдигейт был джентльменом свиты Генриха VIII, дамы из семейства Дормер служили Екатерине Арагонской, придворными были и другие английские родственники (Сидни), а герцог Ферия принадлежал ко двору Филиппа II.

Сама героиня, безусловно — часть придворного круга: еще девочкой она стала подругой игр наследника престола,

принца Эдуарда, и делила с ним классную комнату, а затем 9-летняя Джейн была отправлена во вновь образованную свиту принцессы Марии Тюдор, где ей предстояло повзростеть⁶.

Служба Марии Тюдор в биографии описывается очень подробно, причем целая глава посвящена даже не самой Джейн, а сопоставлению двух королев — Марии и Елизаветы. Клиффорд делает исторический экскурс, начиная повествования со сравнения матерей двух правительниц, Екатерины Арагонской и Анны Болейн. Екатерина представлена в качестве благочестивой католички, заботливой жены и матери, а Анна — как худший стереотип придворной дамы, привыкшей к фривольности, не уделявшей времени молитве и потому совершенно предсказуемо впавшей в ересь и разврат⁷. Их дочери, Мария и Елизавета, также противопоставлены как добрая и дурная правительница, при этом католическая королева демонстрировала качества истинного монарха — благочестие, справедливость и милосердие⁸.

Елизавета же представлена через набор стереотипных обвинений в адрес женщин: слабая правительница, подчинившаяся дурным советникам и впавшая в ересь. Слабость веры тесно связана со слабостью плоти: Клиффорд высмеял репутацию королевы-девственницы⁹. Таким образом, благочестие и целомудрие правительницы тесно увязывалось здесь с правом и способностью к управлению. И именно эти два образа обрамляют рассказ о жизни самой героини биографии, а ее роль в политическом мире представляется и объясняется через соотнесение с ними.

6 Clifford. 1887: 59–60, 60–64.

7 Clifford. 1887: 73–80.

8 Clifford. 1887: 91–92.

9 Clifford. 1887: 96.

В тексте подчеркнута близость Джейн к королеве Марии, с которой она практически не расставалась: спала в ее спальне, сопровождала ее повсюду, нарезала для нее еду, а также раздавала милостыню от ее имени и хранила ее драгоценности¹⁰. Хотя в биографии не говорится прямо о том, что такая близость к правящей королеве, породила и значительное политическое влияние, такая связь прочитывается. Клиффорд указывает, что Джейн была одной из самых желанных невест Англии: ее руки искали первые аристократы Англии — Эдвард Кортни, граф Девон и герцог Норфолк¹¹. Все они были гораздо более родовитыми, нежели Дормеры, к тому же Джейн не была и особенно богатой невестой. Помимо явной привлекательности — а Джейн слыла одной из первых придворных красавиц — основным ее «капиталом» была близость к королеве.

Это обстоятельство очевидно привлекло и человека, ставшего супругом Джейн Дормер. Гомес Суарес де Фигероа, граф Ферия прибыл в Англию в 1554 г. в составе свиты короля Филиппа и был одним из самых близких к нему лиц. Брак Джейн Дормер и графа Ферии сопоставляется с династическим браком Марии Тюдор и Филиппа Испанского. Брак королевы Марии и Филиппа был заключен «ради общего блага, религии, и [был] почетным и выгодным для королевства. Так и герцогиня предпочла знатным лордам своей страны этого благородного чужеземца из Испании, герцога Ферию»¹². Сам Клиффорд подчеркивает здесь политическую составляющую союза. Свадьба пары состоялась 29 декабря

10 Clifford. 1887: 63–64.

11 Clifford. 1887: 67–68.

12 Clifford. 1887: 103: “for public good, religion, as most honourable and beneficial to the Kingdom. So also the duchess preferred before great lords at home, this noble stranger of Spain, the duke of Feria”.

1558 г., когда Ферия находился в Лондоне в качестве представителя короля Филиппа. Ферия вскоре вызвал недовольство королевы тем, что решительно отговаривал ее менять официальное исповедание страны и отказался присутствовать на коронации (вместе с большинством католических епископов), и его отозвали¹³.

Клиффорд подробно описывает церемонии, сопровождавшие отъезд героини из Англии, подчеркивая все обстоятельства, указывавшие на тот высокий статус, каким ее наделили испанцы. Так, за ней из Брюсселя отправили особого посланника короля Филиппа, Хуана де Айалу. В Дувр Джейн сопровождали английские аристократы, которых возглавляли граф Сассекс и ее дядя, сэра Генри Сидни, а также новый посол Филиппа II¹⁴. Графиня отправлялась с большой свитой, в составе которой была и ее бабушка, леди Дормер, а также несколько дам из расформированной свиты Марии Тюдор, ставшие ядром английского католического «двора в изгнании», позднее сформировавшегося вокруг графини (с 1567г. — герцогини) Ферия в Испании¹⁵.

В Кале Джейн встречал французский губернатор (в компании губернатора соседней Булони), после чего графиня Ферия направилась в Брюгге. Клиффорд описывает, как в каждом городе на испанской территории — от Дюнкерка до Льежа — ее ждали торжественные встречи с речами, представлениями и артиллерийским салютом¹⁶. В Брюгге Джейн и ее супругу нанесли визит младший брат герцога Альбы, дон Бернардино де Толедо, великий приор Ордена Св. Иоан-

13 Clifford. 1887: 104-107.

14 Clifford. 1887: 109.

15 Crummé. 2013; Серегина. 2016.

16 Clifford. 1887: 110-112.

на в Кастилии, и дон Луис Мендес де Аро, дворянин королевской опочивальни¹⁷.

Графиня планировала остановиться в Льеже и дождаться родов (она была уже на восьмом месяце беременности). Однако правительница Нидерландов Маргарита Пармская настояла на приезде графини к ней в Мехельн. Там 28 сентября 1559 г. у Джейн родился сын, которого назвали Лоренсо. Его рождение стало придворным праздником, отмечавшимся балами, представлениями и турнирами¹⁸.

После празднеств семья Ферия разместилась в Лувене; часть английской свиты осталась здесь, в доме бабушки, леди Джейн Дормер¹⁹. Остальная часть свиты весной 1560 г. отправилась с Джейн и ее супругом в Испанию. Клиффорд посвятил целую главу этому путешествию, подробно описывая, как отбывающую пару провожали празднествами в Брюсселе, затем встречали на французской границе и торжественно препроводили в Сен-Дени, а оттуда в Париж, где супругов разместил в своем доме дядя королевы, герцог де Гиз. Из Парижа граф Ферия с супругой отправились в Амбуаз. Там они были приняты Франциском II и Марией Стюарт, а также и королевой-матерью, Екатериной де Медичи. Клиффорд уделил немало внимания знакам внимания, оказанными графине Марией Стюарт и упомянул также, что с момента отъезда и до смерти Марии дамы состояли в переписке²⁰.

Наконец, в июне 1560 г. супруги прибыли в Испанию. Клиффорд описывает торжественный въезд графини в Толедо, где находился двор (9 августа 1560 г.), а также нефор-

17 Clifford. 1887: 111.

18 Clifford. 1887: 112-113.

19 Clifford. 1887: 115.

20 Clifford. 1887: 115-119.

мальный визит, нанесенный ей королем Филиппом, и прием у королевы²¹.

Последующая жизнь графини, а затем и герцогини Ферия в Испании куда менее подробно, хотя именно в Испании герцогиня провела более полувека. Самым детальным стал рассказ о покровительстве, какое герцогиня оказывала англичанам — католикам, и соотечественникам, оказавшимся в Испании²². И хотя герцогиня Ферия не имела должностей при испанском дворе, она находилась в постоянном контакте с влиятельными испанцами, определявшими политику по отношению к Англии (один из них — королевский секретарь Хуан де Идиакес — упомянут в биографии²³).

Как мы видим, на протяжении практически всей жизни Джейн Дормер была близка к центрам принятия политических решений. Как фрейлина королевы Марии, она оказывается в самом средоточии власти, где определяются престолонаследие и вероисповедание Англии. Однако Клиффорд далее не развивает мысль о вовлеченности Джейн в политические интриги. И нигде в описании ее карьеры при дворе Марии Джейн Дормер не показана участницей политических действий наряду или вместе с мужчинами (хотя на самом деле такие ситуации имели место²⁴). Даже в эпизоде с принцессой Елизаветой (передача ей драгоценностей и последних наставлений сестры) Джейн обращается к женщине, которая

21 **Clifford.** 1887: 121–122.

22 **Clifford** 1887: 129–135; 172–181. Герцогиня собирала у себя в свите англичан, помогала эмигрантам получать испанские пенсии и находить должности, помещала английских дам в монастыри, оказывала финансовую помощь бедствующим (в том числе военнопленным).

23 **Clifford.** 1887: 192.

24 Например, рассмотренный чуть выше эпизод с передачей драгоценностей и последнего послания Марии сестре наверняка задумывался как эпизод в дипломатической игре, в которую был вовлечен посол Испании.

теоретически также была частью женского двора королевы Марии; таким образом, для женщины совершение действий, имевших политический подтекст (а точнее описание таких действий) оказывалось возможным лишь в пределах «дома королевы», т.е., пространстве, мыслившемся как частное. В целом, в сочинении Клиффорда Джейн — уже в качестве герцогини Ферия — оказывается политическим игроком лишь постольку, поскольку она вовлечена в связи патроната и оказывала помощь английским эмигрантам в Испании. Ее участие в принятии политических решений и вовлеченность в неформальные дипломатические контакты с англичанами, известные из других источников, не получили никакого отражения в тексте²⁵. Политическая активность придворной дамы, при всей ее очевидности, не находит отражения даже в ее биографии. В ней подчеркивались совершенно иные качества женщины: не ум и деловые способности, но добродетели и благочестие. Голос женщины должен был быть слышим лишь в молитве²⁶. Невозможность описания политических действий женщин не исключала обоснования возможности и оправданности таких действиях их биографами, однако это требовало перемещения в область религии и благочестия, о чем пойдет речь во второй части публикации²⁷.

25 Подробнее об этом см. **Серегина**. 2016.

26 **Sánchez**. 1998: 62–66. Рассмотренные в исследовании биографии испанской королевы Маргариты, вдовствующей императрицы Марии и ее младшей дочери Маргариты, монахини мадридского конвента, сформировали образцы жизнеописаний женщин, которым, вполне вероятно, следовал Генри Клиффорд, проведший много лет в Испании. Об этом см. также: **Серегина**. 2018.

27 См. след. выпуск журнала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Clifford. 1887 — Clifford H. Life of Jane Dormer, Duchess of Feria / ed. by J. Stevenson, S.J. L., 1887.

ЛИТЕРАТУРА

Серегина. 2016 — Серегина А.Ю. Английская аристократка на политической сцене: «Биография» леди Джейн Дормер // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 77. [3–4]. 2016. С. 357–370.

Серегина. 2017 — Серегина А.Ю. Английское католическое сообщество XVI – XVII вв.: виконты Монтегю. М.–СПб., 2017 С. 49–50.

Серегина. 2018 — Серегина А.Ю. Женская биография и католическая религиозная культура XVII в.: «Жизнеописание виконтессы Монтегю» // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 26. 2018. С. 226–245.

Серегина. 2019a — Серегина А.Ю. Королевская опочивальня: придворные дамы Марии I Тюдор и политический мир XVI в. // Казус-2019. Уникальное и индивидуальное в истории. М., 2019. С. 161–184.

Серегина. 2019b — Серегина А.Ю. Обретение голоса. Женщины английского католического сообщества XVI–XVII вв. М.–СПб., 2019 (в печати).

Crummé. 2013 — Crummé H.L. Jane Dormer's Recipe for Politics: A Refuge Household in Spain for Mary Tudor's Ladies-in-Waiting // The Politics of Female Households: Ladies-in-Waiting Across Early Modern Europe / Ed. by N. Akkerman, B. Houben. Leiden, 2013. P. 51–71.

Sánchez. 1998 — Sánchez M.S. The Empress, the Queen, and the Nun. Women and Power at the Court of Philip III of Spain. Baltimore, 1998; 2nd end: Baltimore, 2009.

Генри Клиффорд

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЛЕДИ ДЖЕЙН ДОРМЕР, ГЕРЦОГИНИ ФЕРИЯ*

Глава I Происхождение леди Джейн Дормер и ее появление на свет

Родители леди Джейн Дормер принадлежали к древнейшим и благороднейшим семействам Англии, как по крови, так и по доблести и добродетели. Об этом был хорошо осведомлен кардинал Николя де Пеллеве, архиепископ Реймский и первый пэр Франции¹, когда он 2 апреля 1593 г. от имени трех сословий этого королевства отвечал на речь ее сына, герцога Ферии², посла короля Филиппа II³ к Лиге в Париже. «Не могу, — сказал архиепископ — не упомянуть, что Ваша мать, ведущая род от лучших семей Англии, ежедневно от щедрот своих оказывает помощь и поддержку несчастным беженцам из-за веры, прибывшим в Испанию: англичанам, ирландцам и шотландцам».

* Перевод подготовлен по изданию: Clifford H. Life of Jane Dormer, Duchess of Feria / ed. by J. Stevenson, S.J. L., 1887.

- 1 Николя де Пеллеве (1518–1594), архиепископ Реймский, сторонник Католической Лиги. Возглавлял первое сословие (духовенство) на Генеральных Штатах 1593 г.
- 2 Лоренсо Суарес де Фигероа и Кордоба, 2-й герцог Ферия (1559–1607), испанский посол в Риме (1591–1592), Франции (1593–1595) — именно в этом качестве он присутствовал на заседаниях Генеральных Штатов, обсуждавших избрание короля; позднее — вице-король Каталонии и Сицилии.
- 3 Филипп II Габсбург (1527–1598), король Испании (1556–1598), Неаполя (1554–1598), Англии (1554–1558), Португалии (1581–1598), герцог Миланский (1540–1598).

Семья Дормеров (как я узнал из старой родословной, подтвержденной преданием), сначала жила в Нормандии, когда там скрывался король Эдуард Исповедник⁴, бежавший от тирании Гарольда Заячьей Лапы⁵, сына узурпировавшего королевство короля Кнута⁶. Когда преемник Гарольда Хардакнут⁷ вызвал принца Эдуарда домой из Нормандии, в его свите, среди прочих нормандских дворян, которым пожаловали важные должности, был и Тома д'Ормер. Согласно старинному преданию, во время войн с датчанами и эрлом Годвином⁸ королю Эдуарду помогли деньги, одолженные ему Тома д'Ормером. После победоносного завершения этих войн д'Ормер пригласил короля к себе на обед. Во время обеда он приказал подать на блюде деревянные бирки, обозначающие количество одолженных королю денег, и, сказав, что у него нет другого способа выказать свою благодарность за оказанную его дому честь, кроме этих бирок, и бросил их в огонь. По числу бирок король понял размер своего долга и величие дара, и ответил, ссылаясь на происхождение имени: «Поистине зовут тебя д'Ормер⁹, ибо нужно иметь море золота, чтобы поступить так, как ты». Говорят, что в память об этом событии был изменен герб Дормеров; ранее на нем был восстающий лев, чернью по золотому полю, а добавлены десять золотых брусков на лазоревом поле, со львом во главе.

Некоторые могут возразить, что ни имени Томаса Дормера, ни такого деяния не найти в исторических трудах, а также, что в это время еще не использовали гербов, чтобы отличать знатные семьи друг от друга. Однако Стоу в своей Английской Хронике¹⁰ (р. 94) пишет, что король Эдвард привез с собой из Нормандии

4 Эдуард Исповедник (ок. 1003–1066), король Англии в 1042–1066 гг., канонизирован в 1161 г. Провел юность в изгнании в Нормандии и вернулся в Англию в 1041 г. как наследник короля Хардакнута.

5 Гарольд Заячьей Лапы (ок. 1016–1040), король Англии в 1035–1040 гг.

6 Кнут (995–1035) — король Дании (1018–1035), Англии (1016–1035) и Норвегии (1028–1035).

7 Хардакнут (1018–1042) — король Англии в 1040–1042 гг.

8 Годвин (ок. 1001–1053) — эрл Уэссекса.

9 От фр. “*or*” — золото, “*mer*” — море.

10 Имеются в виду «Анналы, или Великая Хроника Англии» историка и антиквара Джона Стоу (ок. 1525–1605).

многих дворян и назначил их на высокие должности, но по имени названы только двое прелатов. Почему бы Тома д'Ормеру не быть одним из многих? А в память о службе, какую Тома д'Ормер сослужил своему королю, какой-либо из позднейших государей мог даровать герб в том виде, каков он сейчас. Ведь так поступали многие правители по отношению к потомкам тех, чьи благородные подвиги заслужили благодарность страны.

Сыном этого Тома был Гильом д'Ормер, прибывший вместе с нормандцами, когда король Вильгельм¹¹ завоевал Англию. Его сына звали тоже Гильом (Уильям), и его род по прямой мужской линии продолжается до нынешнего 1616 г. Теперешний лорд Дормер¹² —

единственный брат герцогини Ферия, и среди его предков был сэр Уильям Дормер, доблестно служивший королю Эдуарду III¹³ в его войнах с Францией около 1350 г. Другой предок, Джеффри Дормер, живший во времена короля Генриха VI¹⁴, имел двадцать шесть детей, по большей части сыновей. В мои задачи, однако, не входит подробно рассказывать обо всех предках, но лишь о тех, кто имел отношение к рождению, воспитанию и жизни Джейн Дормер.

Роберт Дормер¹⁵, впоследствии сэр Роберт, дед нашей герцогини, женился на Джейн¹⁶, дочери Джона Ньюдигейта из Харфил-

11 Вильгельм I Завоеватель (1027–1087), король Англии в 1066–1087 гг.

12 Роберт, барон Дормер (1551–1616), сын сэра Уильяма Дормера от его второго брака, сводный брат Джейн Дормер.

13 Эдуард III Плантагенет (1312–1377), король Англии в 1327–1377 гг.

14 Генрих VI Ланкастер (1421–1471), король Англии в 1422–1461 и 1470–1471 гг.

15 Сэр Роберт Дормер (1485/86–1552), сын Уильяма Дормера из Хай Уикема и его жены Агнес Вудвил, дочери (незаконнорожденной?) Ричарда Вудвила, графа Риверса. Вопреки словам автора, Дормеры не могли похвастаться знатным происхождением: все они, включая сэра Роберта, занимались разведением овец и торговлей шерстью. Богатство, влияние в графстве и отдаленное родство с королем (Агнес Вудвил была сестрой Элизабет, жены Эдуарда IV и бабушки Генриха VIII) принесло ему ок. 1535 г. рыцарское звание.

16 Джейн Ньюдигейт (ум. 1568), старшая из детей Джона Ньюдигейта и Амфиллис Невилл (см. ниже).

да в Миддлсексе¹⁷ и дамы Амфиллис Невилл из дома Уэстморлендов¹⁸. Сэр Роберт Дормер, важнейший человек в своем графстве, славный гостеприимством, был любим и почитаем соседями. Король Генрих VIII¹⁹ назначил его казначеем армии, с которой отправился под Монтрей во Франции²⁰. Он был настолько любим людьми, что король, ценя его достоинства и доблесть, желал видеть его при дворе. Сэр Роберт, однако, добровольно вернулся в Англию и удалился в свое поместье. Он был счастлив жить среди соседей, как и его предки до него. Ибо в те времена люди, славные гостеприимством, избегали важных постов. Другими причинами его отсутствия при дворе были, сначала власть и гордыня тех, кто отдавал приказы, а затем — безумие короля, усомнившегося в законности своего брака с доброй и добродетельной супругой Екатериной²¹. Дело обернулось к худшему, и добрые католики сокращались, ибо король вышел из повиновения церкви Господней и жестоко преследовал тех, кто остался ей верен. Наш же добрый рыцарь показал свое рвение к истинной вере Господней. Когда он понял, к чему ведет король в парламенте, руководствуясь своими страстями (умерить которые или даже возразить грозило полным разорением), то всеми средствами стал избегать избрания в парламент. Будучи избранным в качестве рыцаря от своего графства, он отказался и передал полномочия другому, убедив графство, что так будет лучше для всех²². А когда король актом парламента за-

-
- 17 Семья Ньюдигейт (выходцы и Саффолка) владела манором Харфилд (сейчас — в черте Лондона) с 1440-х гг. Джон Ньюдигейт (род. ок. 1460), о котором идет речь, вероятно, второй владелец манора.
 - 18 Амфиллис, дочь Джона Невилла и Энн Мейблторп, представительница младшей линии семьи Невилл (из Ноттингэмшира).
 - 19 Генрих VIII Тюдор (1491–1547), король Англии в 1509–1547 гг.
 - 20 Войска императора Карла V и короля Генриха VIII осаждали Монтрей в 1537 г., в результате город был почти полностью разрушен.
 - 21 Первая жена Генриха VIII, Екатерина Арагонская (1485–1536). Их брак был аннулирован архиепископом Кентерберийским Кранмером в 1533 г.
 - 22 Сэр Роберт Дормер был избран в парламент 1529 г., и нет сведений о том, что он отказался от места в палате. Возможно, его отказ относится к 1532 г., когда в графстве выбирали замену сэру Эндрю Виндзору, получившему баронский титул (и, соответственно, лишившемуся права избираться в нижнюю палату парламента).

брал себе монастырские земли, то, чтобы сделать это более приемлемым и получить одобрение подданных этому нехристианскому поступку, раздал²³ эти земли многим, или продал их за бесценок по отношению к настоящей цене, и предложил влиятельным в своих графствах дворянам по очень низким ценам, по сути, заставив их приобрести земли. Король поступил так, и отказаться или избежать покупки означало быть заподозренным в неподчинении ему или этому акту; в их верности королю могли усомниться. Наш рыцарь всеми способами старался избежать покупки тех земель, которые некогда были отданы Господу.

Когда это заметили приближенные короля, они сообщили ему, чтобы разжечь его гнев против сэра Роберта Дормера, тем самым подвергнув риску его жизнь и имущество. По этой причине сэр Роберт, поддавшись на уговоры друзей, был принужден купить Эбботс Астон²⁴, манор близ его дома. Как прежде монастырь, его дом стал убежищем и приютом для всех несчастных и гонимых католиков, священников и прочих, лишившихся приходов, лишь бы не подчиняться неслыханной тирании христианского государя.

Творя добрые дела своим щедрым гостеприимством, он провел годы правления короля Эдуарда²⁵, и никакими средствами — ни требованиями, ни угрозами, или иными посулами — нельзя было его заставить подчиниться незаконным желаниям тех, кто правил при короле-ребенке, и льстить им. У сына сэра Роберта было только две дочери, леди Джейн и ее сестра²⁶, которых тогда считали наследницами его больших владений (их отец девять лет вдовствовал)²⁷, и величайшие люди страны искали их руки для своих отпрысков. Но хотя старый и опытный рыцарь и делал вид, что укрывается в тени их величия, ибо тогда власть их

23 В тексте здесь: «сэр Роберт раздал», но это — явная ошибка.

24 Астон Эбботс, манор в долине Эйлсбери (Бакингэмшир), рядом с Уингом — манором Дормеров.

25 Эдуард VI (1536–1553), король Англии в 1546–1553 гг.

26 Энн Дормер (1535–1603), старшая дочь сэра Уильяма Дормера, с 1558 г. — жена лорда Уолтера Хангерфорда (ум. 1596). С 1568 г. жила отдельно от мужа, в 1571 г. уехала из Англии в Лувен.

27 Первая жена сэра Уильяма Дормера умерла в 1542 г., а второй раз он женился ок. 1550 г.

была велика, он опасался, что падение забравшихся высоко будет стремительным, или же им выпадут иные несчастья из-за безбожной гордыни и пренебрежения служению Господу, и поэтому отказался от их предложений, предпочтя видеть молодых дам женами добрых христиан, а не вельмож, запятнанных нечестивыми делами. Поэтому, когда герцог Нортумберленд²⁸ приехал однажды к нему, чтобы предложить брак с одним из сыновей²⁹ и сделать самого сэра Роберта (уважаемого в графстве) сторонником своих планов, он так и не сумел его убедить.

Добрый рыцарь, посвятивший жизнь добрым делам, ревностный к славе Господней, перешел в вечную жизнь в 1552 г., оставив вдову, леди Джейн, с которой прожил сорок лет. Именно она была воспитательницей внучки, леди Джейн, и благороднее по добродетели и святости жизни, нежели по крови, хотя и происходила от Невиллов из королевского дома Ланкастеров³⁰. Она была внучкой сэра Джона Невилла, так как ее мать приходилась ему дочерью и наследницей³¹, и, таким образом, происходила от Томаса Невилла³² и его жены Энн³³. Последняя же была дочерью³⁴ Джона Холланда, герцога Эксетера³⁵ и его супруги Элизабет³⁶, дочери Джона Гонта³⁷.

28 Джон Дадли, герцог Нортумберленд (1504–1553), в 1550–1553 гг. — лорд-председатель королевского совета, фактический правитель страны.

29 От брака с Джейн Гилфорд у герцога Нортумберленда было шесть сыновей.

30 Предки леди Джейн Дормер (урожд. Ньюдигейт) происходили от другой ветви семьи Невилл и не состояли в родстве с королевской династией. См. примеч. 18.

31 Сэр Джон Невилл (ум. 1516), отец Амфиллис Ньюдигейт, принадлежал к семье Невиллов из Роллстона (Норхэмптоншир). Клиффорд перепутал его с лордом Джоном Невиллом (ум. 1461), внуком графа Уэстморленда.

32 Томас Невилл, отец сэра Джона Невилла, был женат на Изабел Бабингтон. Клиффорд здесь «соединил» две разные линии семьи Невилл.

33 Леди Энн Холланд (ум. 1486), дочь Джона Холланда, 2-го герцога Эксетера (1395–1447), и Энн Стаффорд (ум. 1432) была женой лорда Джона Невилла (ум. 1461) (см. примеч. 31). Единственным ребенком от этого брака был Ральф Невилл, 3-й граф Уэстморленд (1456–1499).

34 Внучкой. Отец леди Энн, Джон Холланд, 2-й герцог Эксетер, был вторым сыном и тезкой того Джона Холланда, которого здесь имеет в виду автор (см. след. примеч.)

Матерью Джейн Дормер была леди Мэри Сидни³⁸, старшая дочь сэра Уильяма Сидни³⁹, наставника и лорда–камергера принца Эдуарда в годы царствования его отца, короля Генриха VIII, и одного из наследников Чарльза Брендона, герцога Саффолка, приходившегося ему двоюродным братом⁴⁰.

Ее братом был сэр Генри Сидни⁴¹, супруг Мэри, дочери герцога Нортумберленда⁴², лорд–депутат в Ирландии на протяжении восьми лет. Его дочерью была графиня Пемброк, мать⁴³ сэра Филиппа Сидни⁴⁴.

Вторая из сестер сэра Генри вышла замуж за отца лорда Харингтона⁴⁵, а третья — за сэра Уильяма Фицуильяма⁴⁶. Младшая,

-
- 35 Джон Холанд, 1–й герцог Эксетер, 1–й граф Хантингдон (ок.1352–1400), сводный брат короля Ричарда II, третий сын Томаса Холанда, графа Кента.
 - 36 Элизабет (ок. 1363–1426), дочь герцога Джона Ланкастера и его первой жены Бланш, герцогини Ланкастер.
 - 37 Джон Гонт (1340–1399), третий сын короля Эдуарда III, герцог Ланкастерский.
 - 38 Мэри Сидни (ум. 1542), старшая дочь сэра Уильяма Сидни и его жены Энн Пакенхэм.
 - 39 Сэр Уильям Сидни (1482?–1554), сын сэра Николаса Сидни и Энн Брендон. Отличился в битве при Флоддене (1513) и возведен за это в рыцарское достоинство. Один из телохранителей (*squire of the body*) короля Генриха VIII, позднее — наставник принца Эдуарда и камергер его двора.
 - 40 Чарльз Брендон, герцог Саффолк (1484–1545), друг детства Генриха VIII и муж его сестры Марии, был сыном сэра Уильяма Брендона (1456–1485), павшего в битве при Босуорте знаменосца Генриха VII. Сестра сэра Уильяма Энн Брендон была матерью сэра Уильяма Сидни (см. пред. примеч.)
 - 41 Сэр Генри Сидни (1529–1586), сын сэра Уильяма Сидни и Энн Пакенхэм. Джентльмен королевской опочивальни при Эдуарде VI. Лорд–депутат (королевский наместник) в Ирландии в 1561–1565, 1571–1578 гг.; член Тайного совета с 1579 г.
 - 42 Мэри Дадли (ок. 1535–1586), старшая дочь Джона Дадли, герцога Нортумберленда, и Джейн Гилфорд.
 - 43 Ошибка: Мэри Сидни (1561–1621), супруга Генри Герберта, 2–го графа Пемброка — не мать, а сестра сэра Филиппа Сидни и дочь сэра Генри Сидни и Мэри Дадли.
 - 44 Сэр Филипп Сидни (1554–1586), елизаветинский придворный и поэт, старший сын сэра Генри Сидни и Мэри Дадли.
 - 45 Люси Сидни, с 1539 г. жена сэра Джеймса Харингтона (1511–1592) из Экстон–Холла (Ратленд). Их старший сын, Джон Харингтон (1540–1613), получил титул барона в 1603 г.

Фрэнсис, стала женой графа Сассекса⁴⁷, лорда-камергера королевы Елизаветы⁴⁸, и основала колледж Сидни Сассекс в Кембридже⁴⁹. Были и еще две сестры, оставшиеся незамужними⁵⁰; обе служили леди Марии⁵¹ прежде, чем она стала королевой, и были любимы ею за редкую добродетель и рвение к католической вере.

У сэра Уильяма Дормера⁵² от первой жены были только две дочери — Джейн, героиня этих мемуаров, и Энн, супруга лорда Хангерфорда. От второй жены⁵³ у него был сын и три дочери. Сын, нынешний лорд Дормер⁵⁴, женился на Элизабет⁵⁵, дочери Энтони, виконта Монтегю⁵⁶, и его жены Магдален⁵⁷, дочери лорда Дейкра Северного⁵⁸, породнившись благодаря этому со многими знатными семьями⁵⁹.

-
- 46 Энн Сидни (ум. 1602), с 1543 г. жена сэра Уильяма Фицуильяма (1526–1599), в 1571–1575 гг. — лорда-депутата в Ирландии.
- 47 Фрэнсис Сидни (1531–1589), с 1555 г. жена Томаса Рэдклифа, 3-го графа Сассекса (1525–1583), лорда-камергера королевы Елизаветы I.
- 48 Елизавета I (1533–1603), королева Англии в 1558–1603 гг.
- 49 Колледж Сидни Сассекс был основан в 1596 г. на средства, завещанные Кембриджскому университету графиней Сассекс (отсюда и его название).
- 50 Мейбл и Элизабет Сидни, фрейлины принцессы Марии Тюдор в нач. 1550-х гг.
- 51 Мария I (1516–1558), королева Англии в 1553–1558 гг.
- 52 Сэр Уильям Дормер (ок. 1514–1575), единственный сын Роберта Дормера и Джейн Ньюдигейт.
- 53 Ок. 1550 г. сэр Уильям Дормер женился вторым браком на Дороти Кэтсби (ум. 1613), дочери сэра Энтони Кэтсби из Уистона и Изабел Пиготт. После смерти мужа леди Дороти вышла замуж за сэра Уильяма Пелэма (1528–1587), верховного судью Ирландии.
- 54 Роберт Дормер (1551–1616), с 1615 г. — барон Дормер из Уинга.
- 55 Элизабет, леди Дормер (урожд. Браун, ум. 1631).
- 56 Энтони Браун, 1-й виконт Монтегю (1528–1592), сын сэра Энтони Брауна и Агнес Гейдж, член Тайного совета Марии I, при Елизавете — лорд-лейтенант графств Сарри и Сассекс.
- 57 Вторая жена виконта Монтегю, Магдален Дейкр (1538–1608), дочь Уильяма Дейкра, 3-го барона Гилсленда и Грейстока, и Элизабет Тэлбот, дочери графа Шрусбери.
- 58 Уильям Дейкр, 3-й барон Гилсленд и Грейсток (ок. 1493–1563), сын Томаса Дейкра, 2-го барона Гилсленда, и Элизабет Грейсток.
- 59 Монтегю и Дейкры приходились родственниками знатнейшим семьям Англии, включая практически всю северную знать — графов Нортумбер-

Старшая дочь сэра Уильяма от второй жены⁶⁰ вышла замуж за сына и наследника виконта Монтегю⁶¹ и является матерью Энтони, нынешнего виконта⁶², знатного и ревностного в католической вере. Вторая дочь, Кэтрин, вышла замуж за лорда Сен-т-Джона из Блетсо⁶³, а младшая, Маргарет — за сэра Генри Констебла Северного⁶⁴, джентльмена из старого и знатного рода. Его сын теперь — виконт Данбар⁶⁵ и женат⁶⁶ на сестре графини Ратленд⁶⁷.

Глава II

О ее младенчестве и первых годах. Жизнь отца Себастиана Ньюдигейта, мученика

Джейн Дормер родилась в доме деда, в Этропе⁶⁸ неподалеку от Эйлсбери в графстве Бакингэм, 6 января 1638 г., в воскресенье и праздник Богоявления, предсказав тем самым вои взрослые добродетели, ибо явилась в мир, когда христиане радовались рождеству нашего Господа.

При крещении она была названа Джейн в честь бабушки, а насколько подходило ей это имя, означающее «благодать», станет ясно из дальнейшего рассказа о ее жизни. Когда она научилась говорить, осознавать и понимать свои обязанности, проявились и ее природные задатки. Она была сообразительной, легко

лендов (Перси), Уэстморлендов (Невиллов), Камберлендов (Клиффордов), Шрусбери (Тэлботов) и Эренделов (Фицаланов и Ховардов).

- 60 Мэри Дормер (ум. 1637), жена 1) сэра Энтони Брауна (см. след. примеч.); 2) сэра Эдмунда Ювдейла (ум. 1606); 3) сэра Томаса Джерарда (ум. 1621).
- 61 Сэр Энтони Браун (1552–1592), старший сын 1-го виконта Монтегю от его первого брака с Джейн Редклиф (1532–1552).
- 62 Энтони Мария Браун (1574–1629), 2-й виконт Монтегю.
- 63 Кэтрин Дормер (ум. 1615). Ок. 1575 г. вышла замуж за Джона Сент-Джона, 2-го барона Сент-Джона из Блетсо (ум. 1596).
- 64 Маргарет Дормер (ум. 1637). Ок. 1575 г. стала женой сэра Генри Констебла из Бертон Констебл (ок. 1551–1607).
- 65 Генри Констебл (1582–1645), 1-й виконт Данбар с 1620 г.
- 66 Женой виконта была Мэри Тафтон (ум. 1659), дочь сэра Джона Тафтона и Кристиан Браун.
- 67 Сесили Тафтон, старшая дочь сэра Джона Тафтона и Кристиан Браун, вторая жена Фрэнсиса Мэннерса, 6-го графа Ратленда (1578–1632).
- 68 Сейчас — Эйтроп в приходе Уоддсон (Бакингэмшир).

подчинялась правилам, была послушной, смиренной, уважительной к старшим, щедрой, как то подобало ее положению, так что казалась ребенком только по годам. Ее очень любили слуги и дамы, проживавшие в доме бабушки (многие из них были благородного происхождения; родители отправили их туда, чтобы они научились хорошему поведению и добродетели), и все эти знаки — такие добрые качества в столь юном возрасте, и такое прекрасное поведение — давали основание надеяться на соответствующие последствия позднее. Она была так послушна по отношению к родителям и так покорна наставнице, что в этом ясно проявлялся ее добрый нрав и удивительная почтительность. Она спешила преклонить колени, перекреститься, выучить молитвы, любила ходить в часовню, держать в руке молитвенник и четки, и радовалась всему священному. Когда Джейн исполнилось четыре года, Господу было угодно забрать ее мать с этого света, так что девочка еще в раннем детстве познала бедствия и переменчивость земного счастья, понесла огромную потерю в столь нежном возрасте. Бабушка взяла на себя обязанности по воспитанию девочки, и была она дамой редкого достоинства; подобных ей мало. Я расскажу немного о ее жизни и деяниях.

Леди Джейн, дочь Джона Ньюдигейта, вышла замуж за сэра Роберта Дормера в 1512 г. От этого брака родился единственный сын, сэр Уильям. До свадьбы она была образцом сдержанности и набожности; как жена — скромности, рассудительности и милосердия; а как вдова — терпения, благочестия и молитвенного подвига. Она всегда была верным другом; врагом тщеславия, смиренной, строгой к себе, исполненной рвения к Богу, жалости и сострадания к бедным, всегда милостивой и щедрой по отношению к соседям и арендаторам. Если кто из них заболел, она всегда заботилась о них и посылала им яства и все необходимое. Она не просто посылала к ним каждый день, но и сама их посещала и помогала им в трудностях, особенно же — женщинам в родах. Своим присутствием она утешала самых бедных соседей и помогала им щедрой рукой.

Привязанность, с какой она почитала своего мужа и служила ему, была столь сильной, целомудренной и верной, что, как она сама утверждала, если бы он скончался в самый день их сва-

дъбы, они никогда не вышла бы замуж снова. Она была столь рассудительной, что он доверил ей управление домом и поместьем, и она занималась этим всю жизнь с большой осмотрительностью и умеренностью. Она воспитала сына богобоязненным, держала в порядке всю семью, заведовала слугами, заботясь о том, чтобы они выполняли свои обязанности, так что казалось: она имела перед глазами в качестве примера «добродетельную жену», о которой говорил царь Соломон⁶⁹. Она всегда приглядывала за служанками, следя за тем, чтобы они оставались дома, были скромными, стыдливими и честного поведения. Вся ее жизнь была похвалой ее памяти. Все вокруг видели милостыню, подаваемую ею бедным; ее щедрость к священникам, монахам и другим несчастным, страдавшим от нечестивых гонений нашего времени; ее исполненные христианского рвения советы и наставления родственникам и друзьям придерживаться католической веры; и ее решимость убрать с их пути препятствия, которые могли бы ослабить их верность. Служившим ей женщинам предоставлялось достойной приданое, чтобы одни могли выйти замуж, а другие — уйти в монастырь. Здесь же стоит отметить ее обычную щедрость к церкви во имя лучшей службы Богу; усилия ее и ее дам, расширявших облачения, алтарные покровы и другие украшения богослужения; ее преданность и рвение к католической религии во время схизмы и отступничества, проявлявшиеся в том, что она содержала священников не только для своего дома, но и для блага и утешения всех соседей; ее ненависть к ереси; часы, проведенные ею в молитве и созерцании; ее труды, ее слова — все это вместе служит ей хвалой и хранит ее память.

Брат этой леди, Себастиан Ньюдигейт⁷⁰, был высокопоставленным дворянином, служившим в Опочивальне короля Генриха

69 Притч. 31: 10–31.

70 Себастиан Ньюдигейт (1500–1535), 7-й сын Джона Ньюдигейта из Харфилда и Амфиллис Невилл. Придворный, джентльмен королевской опочивальни при Генрихе VIII. Стал послушником лондонской обители картузианцев не ранее 1526 г.; в 1531 г. рукоположен в диаконы, позднее — в священники (дата неизвестна). В числе других монахов отказался принести королю присягу как главе церкви Англии; был признан виновным в государственной измене и казнен. Причислен к лику блаженных католической церкви в 1886 г.

VIII и испытывавшим его благосклонность. Этот король, подавшись своим плотским страстям, соскучился со своей добродетельной женой, и стал влюбляться в других. Тогда добрая леди Дормер, опасаясь, как бы дурной пример великого короля не сбил ее брата с пути истинного, пригласила его к себе в дом (располагавшейся в одном дне пути от Лондона) и говорила с ним о порочности двора; о том, какие слухи ходят в графстве о распутности придворных; и о дурном примере короля, отвергнувшего такую знаменитую своими знатностью и добродетелями даму, какой была королева⁷¹. Леди Джейн посоветовала брату не забывать о мирских соблазнах и уловках дьявола; помнить об обязанностях христианина; и не запятнать своей души и чести заразой греха, как то случилось с его могущественным повелителем. В своем ответе брат оправдывал короля, своего господина, говоря, что слухи и мнение сестры о короле хуже, чем он того заслужил; но если король и впрямь окажется таким дурным, как о нем думают и говорят, то, обещал Себастиан сестре, он не забудет ее советов. Она же сказала, что ему стоит запомнить их и поступить согласно им. «Я так и сделаю», сказал он. «Этого я и боюсь», сказала она. После этих слов, немного помолчав и опустив голову на руку, он ответил: «Сестра, чтобы ты сказала, если бы следующим известием обо мне стала новость о моем пострижении в монахи в картузианской обители?». «Монах!», сказала она: «Боюсь, что скорее увижу тебя повешенным». (Через несколько лет она увидела и то, и другое). «Молю Бога, чтобы он сохранил тебя добрым христианином; такое совершенство — для людей, сделанных из иного металла, нежели распутные придворные». Улыбнувшись, брат простился с ней и вернулся ко двору.

Король продолжал прожигать жизнь в роскоши, назначая на должности, причем самые высокие, испорченных и распутных людей, льстивших ему в его порочных и жестоких устремлениях, унижая и смещая достойных и добродетельных. Увидев все это, в горе и смятении Себастиан, понимая, какими ужасными буря-

71 Имеется в виду первая жена Генриха VIII Екатерина Арагонская. Уход Ньюдигейта в монастырь приходится на то же время, что и начало ухаживания короля за Анной Болейн.

ми и бедствиями грозят эти поступки короля всему королевству, и, вспомнив о разговоре с сестрой, решил высвободиться из уз двора и мирских опасностей и, пока не поздно, найти себе более безопасную гавань. Его не удержали ни должность при дворе, ни благосклонность короля, ни надежды на высокие назначения. С решимостью он отверг все это и принял постриг у картузианцев в лондонской обители; вступив в орден, который в Англии особенно почитали.

Когда сестра об этом узнала, она немало подивилась такой внезапной перемене в брате и сначала сочла ее заблуждением и дьявольским искушением, вознесшим брата так высоко, чтобы потом погрузить его в отчаяние. Ибо такая резкая перемена: от утонченности и места высоких устремлений и свободной беседы к строгости, презрению к людской славе, созерцанию, суровому молчанию и вечному затвору — порождала в ней эти страхи. Хотя по своим наклонностям он был не из худших, она считала его не лучше других придворных доброй репутации и даже не мечтала о таком совершенстве, чтобы ее брат обратился к жизни, отличной от той, в какой был воспитан; ибо всю свою жизнь он не мог переварить рыбу, а если ел ее, то выблевывал обратно. А монахи этого ордена никогда не ели мяса.

Рассудив так, она решила поехать в Лондон, чтобы увидеться с братом и высказать свое мнение приору; поэтому она пустилась в дорогу и приехала в Чартерхаус. Там она пожелала поговорить с отцом приором⁷². Тот вышел к ней и, после должных приветствий, выслушал ее суждение о брате. Она посоветовала приору хорошенько подумать прежде, чем принимать брата в свой орден. Ибо ей казалось маловероятным, чтобы человек, вплоть до того времени проводивший жизнь в мирских развлечениях, подошел бы для столь строгого и сурового ордена. Приор ответил: «Добрая леди, слава Богу, он нам подходит», и сказал, чтобы она об этом не беспокоилась. Ее брат уже оставил юность позади и стал рассудительным человеком; он хорошо обдумал то, за что взялся, и уже предоставил достаточно доказательств того, что к монашеской жизни его побудила божественная благодать и привела его в этот

72 Уильям Тинбиг, приор лондонских картузианцев в 1501–1529 гг.

орден; и что из хорошего придворного он точно станет замечательным картузианцем. «Если дело обстоит так», ответила она, «благословен будь Господь и день, в который родился тот, кто сделал столь мудрый выбор, вопреки моему мнению. Могу сказать, что ему выпала счастливая доля».

Тогда приор приказал позвать брата Себастиана; он пришел к сестре, а та от слез не могла говорить. Ее не столько растрогали изменение его облика и облачения, сколько изумили его жесты, сдержанная речь, суровое смирение и скромность, он принизил себя так, как если бы всю жизнь провел в монастыре. Тут она успокоилась, ибо не могла желать большего; так рассказывала она сама. Расчувствовавшись от этой неожиданной радости, она распрощалась с отцом приором и братом—послушником, вверив Всемогущему Богу его пребывание на этой стезе, а ее саму и родственников — его молитвам. Достойный Себастиан настолько продвинулся в своих молитвах и ученых занятиях, что был рукоположен в священники.

Король же, ослепленный своими плотскими страстями, рассорился с апостольским престолом, не дававшим разрешения на его развод⁷³. Он пошел на полный разрыв, отрекшись от повиновения ему, оторвав себя и свое королевство от единства католической веры и объявив изменой признание подчинения апостольскому Римскому престолу⁷⁴. Святость жизни теперь считали опасной; монашествующих преследовали, добрые люди страдали, а в делах религии совершались неразумные и несправедливые деяния. Когда это поняли благочестивые и добродетельные мужи, а именно, отцы— картузианцы, они сокрушались о злобе и бедствиях своего времени (которые, не останавливаясь, распространялись все дальше); и ожидали, что вскоре бедствия выпадут и на их долю. Ибо, когда король издал нечестивый и святотат-

73 Дело о расторжении (точнее, аннулировании) брака Генриха VIII и Екатерины Арагонской рассматривалось в 1527–1533 гг. В конце концов, не надеясь на благоприятный исход в Риме, Генрих VIII решил на разрыв с Папским престолом. Его первый брак был аннулирован архиепископом Кентерберийским Томасом Кранмером в 1533 г.

74 Имеется в виду Акт о Королевской Супрематии 1534 г., признавший короля главой церкви Англии.

ственный закон, приказав всем признать под присягой, что он — глава церкви в своих владениях (закон, ранее неслыханный в христианских государствах)⁷⁵, то, предполагая, что мудрые и знающие люди сочтут его жестоким, он посоветался с советниками и решил сначала привлечь на свою сторону тех, кто славился добродетельной жизнью или ученостью. Если бы он сумел завоевать тех, к кому были прикованы взгляды других, остальных легче было бы привести в подчинение ложному закону.

Следуя этому плану, король узнал на опыте, что щедрые обещания и ласковые убеждения не действуют на людей, верно служащих Богу, и решился принудить их силой и жестокостью. Тут его нечестивые министры—святотатцы взялись прежде всех за отцов лондонской обители картузианцев. В ней по делам ордена тогда находились два других приора картузианцев, а именно, отец Роберт Лоуренс, приор обители в Бевейле⁷⁶, отец Августин Уэбстер⁷⁷, приор монастыря в Хексеме⁷⁸, и лондонский приор, отец Джон Хаутон⁷⁹. Все они были достойными людьми, известными рассуди-

75 Акт о королевской Супрематии 1534 г. предписывал англичанам принести королю присягу как главе национальной церкви.

76 Роберт Лоуренс (ум. 1535), выпускник Кембриджского университета, приор картузианского монастыря в Бивейле (Ноотингэмшир) в 1531–1535 гг. Отказался принести присягу Генриху VIII как главе церкви, был признан виновным в измене и казнен в Лондоне 5 мая 1535 г. Причислен к лику блаженных католической церкви в 1886 г., канонизирован в 1970 г.

77 Августин Уэбстер (ум. 1535), выпускник Кембриджского университета, монах картузианской обители в Шине (близ Лондона), в 1531–1535 гг. приор монастыря в Эксхолме. Отказался принести присягу Генриху VIII как главе церкви Англии, был признан виновным в измене и казнен в Лондоне 5 мая 1535 г. Причислен к лику блаженных католической церкви в 1886 г., канонизирован в 1970 г.

78 Сейчас — Эксхолм в Линкольншире.

79 Джон Хаутон (ок. 1486–1535), выпускник Кембриджского университета, с 1516 г. монах лондонского монастыря картузианцев; в 1531 г. был избран приором обители ордена в Бивейле, но через несколько месяцев вернулся в лондонский монастырь, когда его избрали в ней приором. В Бивейле его преемником стал Лоуренс (см. выше, примеч. 72). Отказался принести присягу Генриху VIII как главе церкви Англии, был признан виновным в измене и казнен в Лондоне 5 мая 1535 г. Причислен к лику блаженных католической церкви в 1886 г., канонизирован в 1970 г.

тельностью, добродетелью и ученостью. Обратившись к трем приорам, [министры] сначала показали им опубликованный эдикт о королевской супрематии и предложили признать его письменной клятвой. Досточтимые отцы ответили: «странная и неслыханная просьба», ибо они никогда не встречали в книгах подобного примера в церкви Господней; а ее в духовных делах следует слушать первой, как супругу Господа нашего Иисуса Христа, руководимую и направляемую Его Святым Духом; этому же должны быть подчинены все человеческие законы. Им ответил сэр Томас Кромвель⁸⁰ (бывший генеральным викарием короля в духовных делах и главой комиссии в этом деле), оскорбляя их последними словами, называя негодяями и изменниками из-за отказа, и заставляя их поклониться, четко и ясно, во всем, что требовалось, вне зависимости от того, позволяет ли это божественный закон, или не позволяет. Отцы отказались, сказав, «что они — священники и сыновья католической церкви и обязаны повиноваться ее учению и предписаниям». Нечестивый викарий ответил: «мне нет дела до вашей церкви; если вы не подчинитесь закону короля, я покараю вас и ваш орден и не останюсь, пока не уничтожу вас всех». Но эти добрые отцы предпочли скорее рассердить короля, нежели Бога, и их, с двумя другими священниками⁸¹, доставили в тюрьму. Оттуда через пять дней, после жестокого обращения и нескольких допросов их привели в суд и приговорили к смерти. 5 мая 1535 г. их, в их монашеском облачении, приволокли к Тайберну⁸² и там повесили, вынули из

80 Томас Кромвель (ок. 1485–1540), юрист, советник кардинала Уолси в 1516–1530 гг., в 1530–1540 гг. — фаворит Генриха VIII, канцлер казначейства (1533–1540), государственный секретарь (1534–1540), лорд-хранитель королевской печати (1536–1540), великий камергер (1540), граф Эссекс (с апреля 1540 г.). Лишился благосклонности короля в 1540 г. из-за утреннего им и оказавшегося неудачным брака короля с Анной Клевской. Был арестован, объявлен вне закона актом парламента и казнен 28 июля 1540 г.

81 Вместе с приорами-картузианцами 4 мая 1535 г. были казнены Ричард Рейнолдс (1492–1535), монах-бригеттинец из Сионского монастыря (в Ричмоде, близ Лондона) и Джон Хейл (ум. 1535), приходский священник из Ислуорта. Оба были причислены к лику блаженных католической церкви в 1886 г., канонизированы в 1970 г.

82 Тайберн (сейчас находится близ Марбл Арч [«Мраморной Арки»] в Лондоне) — в средние века небольшая деревушка, в которой сходились две римские дороги; место казней лондонских преступников с конца XII в. до 1783 г.

петель еще живыми и четвертовали, а останки вывесили на городских воротах, а части тела приора Лондонского — на воротах его собственного монастыря.

Через три недели, 25 мая, поняв, что жестокое обращение с указанными отцами вовсе не убавила храбрости и решимости остальных, свирепые законники⁸³ схватили еще троих в лондонской обители: отца Себастиана Ньюдигейта, отца Хамфри Миддлмора, викария конвента⁸⁴, и отца Уильяма Эксмью⁸⁵, прокуратора; оба они хорошо знали греческий и латынь и пользовались уважением в своем ордене. Хотя они не были старыми, но держались строго и почтительно, и вели серьезные и душеполезные беседы. Троих отцов выволокли из клуатра с бесчеловечной жестокостью и отправили в Маршалси⁸⁶, где держали четырнадцать дней прикованными к столбам, стоя, с железными кольцами вокруг шеи, рук и ног. Такая жестокость должна была принудить их подчиниться воле короля и, если возможно, заставить их подписаться под законом о супрематии. Когда король убедился в их непоколебимой верности [католичеству], он проявил особый интерес к отцу Себастиану и, переодевшись, отправился в тюрьму поговорить с ним. Король позвал его и объяснил: он питает к Себастиану такую сильную привязанность, что лично пришел навестить его, и посоветовал ему не губить себя добровольно,

83 Комиссию, состоявшую из юристов и богословов, возглавлял Томас Бедилл (ум. 1537), королевский капеллан и клерк Тайного Совета.

84 Хамфри Миддлмор (ум. 1535). Прокуратор лондонской обители кратузианцев; стал викарием обители после ареста приора Хаутона. Отказался принести присягу Генриху VIII как главе церкви Англии, был признан виновным в измене и казнен в Лондоне 19 июня 1535 г. Причислен к лику блаженных католической церкви в 1886 г.

85 Уильям Эксмью (ум. 1535), суб-приор, затем прокуратор лондонской обители картузианцев. Отказался принести присягу Генриху VIII как главе церкви Англии, был признан виновным в измене и казнен в Лондоне 19 июня 1535 г. Причислен к лику блаженных католической церкви в 1886 г.

86 Маршалси — тюрьма, существовавшая в южном пригороде Лондона (Сауторке) в 1373–1842 гг. В нее отправляли тех, кто должен был предстать перед судом лорда-маршала (т.е., главы королевской свиты), или судом Королевской скамьи. В XVI в. в эту тюрьму часто отправляли католиков, обвиненных в нарушении законов о религии.

зная предписанные законом кары, а также судьбу собратьев по ордену, пострадавших из-за отказа и неповиновения. Король напомнил Ньюдигейту о дарованных ему вознаграждениях; сказал, что неблагодарность уравнила бы его с теми, кто, как изменники, отказались подчиниться закону, в отличие от многих других монахов и всего дворянства; что такое упрямство не могло быть оправдано. Король сказал, что ему [Ньюдигейту] придется претерпеть великие мучения, если он станет упорствовать в своей глупости и не подчинится требованиям, так как он обязан повиноваться своему господину и королю и делать то, что тот прикажет; «если (сказал король) ты это сделаешь, то увидишь, что у меня есть и желание, и власть вознаградить тебя». Сильное искушение и весомые доводы.

Добрый отец ответил: «Я должен признать великой честью, которую я едва ли заслужил своей недостойностью, то обстоятельство, что Ваше Величество снизошли до посещения своего бедного слуги и монаха в столь неприглядном месте. Признаю, что получил немало милостей от Вашего Величества. Да вознаградит Вас Господь, о чем я каждый день прошу Царя Небесного. Покуда жив, я буду молиться о Вашем здравии и счастье, и о процветании вашего королевства. Я — монах и потому обязан говорить правду. Желание спасти душу, которую Господь наш Иисус Христос искупил ценой своей жизни и пролития Его драгоценной крови, охватило меня и указало на искушения и опасности мирской жизни, побудив меня удалиться от нее (иначе я бы погиб от своей недостойности) в гавань монашества. Здесь я, и все в нашем ордене, денно молятся Богу о Вашем здравии и благополучии, о том, чтобы Он оказывал Вам милость Свою и одарил Вас счастьем. Господь наш Иисус Христос — свидетель, что не презрение, упрямство, недовольство, желание бунта, или чей-либо совет заставляет меня не подчиниться закону или не принять предложенную клятву, но только лишь учение Святой церкви и закон божий, нарушить которые я не могу». Король не пожелал его больше слушать и ушел в ярости, осыпая его угрозами и проклятиями.

Через четырнадцать дней, в течение которых добрые отцы выносили эту жестокую пытку, их привели к лордам Тайного Совета, допросили по одному и снова потребовали признать новый закон о

супрематии, который, как они сказали, отменил любую власть иностранцев. Ответ их был таков: «власть Церкви не может быть иностранной ни в одной христианской стране, а они никак не могут подчиниться тому, что не согласуется с божественным законом или противоречит учению нашей святой матери—церкви».

После допросов, посулов и угроз, видя, что они по-прежнему упорствуют, и их нельзя склонить к согласию, лорды отправили их узниками в лондонский Тауэр, и там они оставались восемь дней. Король находился там же и опять приступил к отцу Себастиану, но не с мягкими речами, а с угрозами и оскорблениями. Тем не менее, бесстрашный исповедник терпеливо выслушал его, сказав в ответ: «Будучи при дворе, я верно служил Вашему Величеству, и по-прежнему остаюсь вашим смиренным слугой даже в тюрьме и в оковах. Но в делах, относящихся к вере и к славе Господа нашего Иисуса Христа, учению католической церкви и спасению моей бедной души, Ваше Величество должны признать мою свободу». Король отвечал: «Ты считаешь себя мудрее и святее всех людей духовных и светских в моем королевстве?» Тот сказал: «Я — не судья другим и не считаю себя мудрым или святым, ибо мало во мне и того, и другого. Уверен я лишь в том, что вера, которую я исповедую, не новая и новоизобретенная, но всегда считалась благочестивыми христианской и католической. Мы должны повиноваться Богу, а не человеку».

Получив такой решительный отпор, король не стал дальше рассуждать с ним, а назвал его изменником и, придя в страшную ярость, сказал ему, что и покарают его как изменника. Но ни уловки, ни запугивание не проникали в доблестную грудь, защищенную Духом Господним, остававшуюся недвижимой, подобно скала, вспоминая божественный совет Псалмопевцу: «Не надейтесь на князей, на сына человеческого, в котором нет спасения»⁸⁷, а также бессмертные слова Маккавея, не побоявшегося сказать в лицо царю Антиоху: «не послушаем мы слов царя, но подчинимся закону божию, данному нам»⁸⁸.

87 Пс 145:3

88 1 Мк 2:22. В Синаодальном переводе: «Не послушаем мы слов царя, чтобы отступить нам от нашего богослужения вправо или влево».

18 июня троих отцов привезли в Вестминстер на суд. Там им предъявили обвинение в измене за отказ подписаться и присягнуть королевской супрематии, снова допросили и задали вопрос, не согласятся ли они, наконец, показать свое повиновение, как все остальные подданные. Все они ответили, что в данном случае не могут, не станут и не должны этого делать, процитировав и сославшись на божественное Писание, отцов церкви, и священные установления, доказывающие, что ни один светский государь не может законно взять на себя управление церковью, каковое Царь царей и Господь Иисус Христос даровал только лишь Св. Петру и его преемникам. Они считают это заповедью Слова Божия, а значит: отказываться от этой веры или же противоречить ей есть дерзость и грех. Они были готовы обосновать это при помощи весомых и ученых доводов, если бы им позволили, показывая решимость и непоколебимую верность учению. Не видя другой возможности, судьи применили против них законы и вверили их судьбу 12 присяжным, которые признали их виновными в измене. Однако прежде чем судья произнес им смертный приговор, он употребил множество доводов, уговаривая их, в конце концов, смягчиться и подчиниться, уверяя их, что подчинение дарует им милость короля, и призывая задуматься об утрате тех, кто мог бы послужить Господу и стране. Судья говорил, что они спешат к позорной смерти, упоминал горе друзей и унижение родных, в особенности он обращался к отцу Себастиану, напоминая ему о благородстве его крови, знатных друзьях в королевстве, долге по отношению к королю, которому он раньше служил, милости, от него полученные; призывал его одуматься и подчиниться, уверяя его, что еще есть время милости и прощению. Но никакие увещевания не действовали на сильные умы, устремленные к божественной любви. Монахи стремились лишь умереть за Него и пролить кровь за католическую веру. Они не придавали значения тщеславным мирским побуждениям и храбро и твердо ждали приговора, который был им дан таким образом. Они были признаны виновными в измене и должны были вернуться в место, откуда их привели. Оттуда же их должны были выволочь на место казни и повесить, затем перерезать верев-

ку, вырвать внутренности, рассечь тела на четыре части и поместить их туда, куда укажет судья⁸⁹.

Досточтимые отцы выслушали и приняли этот жестокий приговор, спокойно произнеся “*Dei Gratias*”, благодаря Спасителю нашего Иисуса Христа, милостиво признавшего их достойными пострадать за Его веру и в защиту церкви. Так что их вернули в тюрьму, а на следующий день (19 июня) приговор привели в исполнение. Отцов вывели из тюрьмы, привязали к волокушам, которые потом лошади протащили по лондонским улицам до Тайберна — места казни. Достойное жалости зрелище — невинные монахи в своих облачениях, с которыми так обращаются за то, что они верны древней католической церкви, причем те, кто сами называют себя христианами.

Прибыв на место казни, они восславили Бога. Они терпеливо подчинялись всем приказам судейских, добровольно и с радостью отдавая свои тела жестокой и бесчеловечной смерти во имя веры Христовой и единства его святой обручницы—церкви. Никакие доводы (а их много приводили) не смогли изменить их мнения и заставить подчиниться закону короля. Отца Себастиана отвязали от волокуши, оставив веревку на шее, и поместили в телегу. Там он вверил себя молитвам помощников⁹⁰; помолился за короля, прося Господа даровать ему здравие и долголетие, и призывая Его Величество позаботиться о своем спасении и о благе королевства, долгие годы процветавшего в христианской вере, единстве и в подчинении католической церкви Христовой. Он заявил о своей невинности перед королем и миром, сказав, что его смерть — исповедание и защита католической церкви, и его судьбы будут тому свидетелями. Приготовившись умереть, он произнес на латыни слова Псалма: «На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь вовек», до стиха «В Твою руку предаю дух мой;

89 В тексте воспроизводится формула приговора, характерная для дел об измене. Приговоренных к смерти изменников вешали, вынимали из петли живыми, кастрировали их (о чем не упомянул Клиффорд), вырывали им внутренности, отрубали голову и конечности. В качестве милости монарх мог приказать повесить приговоренного до смерти и совершать все дальнейшие действия с его трупом. Картузианцам такой милости оказано не было.

90 Тех, кто окружал его во время казни, т.е., палачей и судейских.

Ты избавлял меня, Господи, Боже истины»⁹¹. Затем телегу сдвинули у него из-под ног, а он повис, но совсем ненадолго: его и двух других отцов сняли с виселицы еще живыми и немедленно взрезали им животы. Их внутренности бросили в огонь, отсекали им головы, рассекли тела на четыре части и выставили их на дорогах и на лондонских воротах. И при совершении этой жестокости по отношению к невинным была также совершена еще одна бесчеловечность: того, кого должны были казнить вторым, заставили стоять и смотреть на смерть и расчленение первого, а третий видел смерти обоих; страшное тиранство — заставить их смотреть, как предадут смерти братьев.

Такова была суровая кончина и счастливый конец отца Себастиана, храброго дворянина, истинного монаха и славного мученика во имя Иисуса Христа. Он оказал великую честь своему роду и навсегда прославил семью. Ибо ничто не украшает дом герцогини (происходившей от великих государей) больше и не придает ее крови больше чести, нежели ее родственник и дядя, славный и знаменитый мученик, достойный монах, верный слуга Иисуса Христа. Он при первом же проявлении враждебности к католической вере в нашей стране доблестно выступил за нее и отдал кровь и жизнь на ее защиту.

Этот дворянин, как его мне описывали, был довольно высокого роста, хорошо сложен и пригож, с лицом живым и красивым. Он был храбр; вел себя доброжелательно, честно и скромно. Когда он стал монахом, эти черты его природы и воспитания усилились благодатью и благочестием, как было показано.

Глава III

О бабушке Джейн Дормер. Она поступает на службу к принцессе Марии

Старшая сестра этого славного мученика и была той добродетельной дамой, о которой мы здесь расскажем, а именно, бабушкой герцогини. Другая его сестра вышла замуж за сэра Лео-

91 Пс 30:2-6.

нарда Чемберлейна из Оксфордшира⁹² и стала матерью леди Стонор⁹³, известной своим рвением к католической религии. Ее я мальчишкой видел в Оксфорде, когда она там предстала перед судьями из-за отказа посещать протестантские службы, на 23–м или 24–м году правления королевы Елизаветы⁹⁴. Когда ее упрекнули за верность католической религии (что тогда каралось английскими законами), она ответила: «Я родилась, когда святую мессу почитали, и была воспитана в этой вере. Во времена короля Эдуарда правители от этого почитания отказались и осуждали его. При королеве Марии его восстановили со всеобщего одобрения, а теперь властям угодно сомневаться в тех, кто, подобно мне, продолжает исповедать католичество. Власти считают изменения, которые я видела своими собственными глазами, добрыми и похвальными. Пусть Ваши Лордства судят, так ли это. Я же придерживаюсь той веры, в какой родилась и была воспитана, и нахожу в ней лишь святость и великую добродетель, и так, по милости Божией, буду жить и умру». Такой ответ поразил судей, ибо произнесен был с большой уверенностью; они отпустили ее под обычный залог. Эта леди была известна редким благочестием и удивительным воздержанием, и до смерти оставалась вдовой.

Еще две сестры были монахинями; одна — аббатисой Сионского монастыря в Брентфорде (Миллдсекс)⁹⁵. Эта община принадлежала ордену Св. Бригитты и до сих пор существует в Лиссабоне (Португалия), выехав из Англии вместе с герцогиней, когда та направлялась во Фландрию⁹⁶. Там конвент пробыл не-

92 Женой сэра Леонарда Чемберлейна (1504–1561) из Вудстока (Оксфордшир) была Дороти Ньюдигейт.

93 Сесили Чемберлейн, жена лорда Фрэнсиса Стонора (ок. 1520–1564).

94 Т.е., в 1581 или 1582 гг.

95 Мэри Ньюдигейт была монахиней Обители Сион, но не аббатисой. Последней аббатисой (до отъезда из Англии в 1539 г.) была Элис Джордан (в 1520–1539 гг.). Автор ошибся: главой монашеской общины была ее младшая сестра (см. примеч. 97).

96 Конвент бригеттинок, основанный в 1415 г. в королевском маноре Шин (Ричмонд). В 1539 г. община эмигрировала в Нидерланды, а в 1553 г. вернулась. После отъезда в 1559 г. монахины долгое время скитались от города к городу в Нидерландах и Северной Франции, а в 1594 г. осели в Лиссабоне. В 1861 г. община вернулась в Англию.

сколько лет, до отъезда в Испанию. Другая сестра вступила в орден Св. Доминика⁹⁷. Обе они служили примером строгой и святой жизни. Двое братьев были рыцарями на Родосе и принадлежали к ордену Св. Иоанна⁹⁸. В 1522 г. Родос был осажден султаном Сулейманом⁹⁹, а христианские рыцари этого ордена храбро защищались, и на этой войне оба брата отдали свои жизни.

Мудрость и добродетель бабушки Джейн Дормер ярко проявились в ее делах, например, в устройстве брака своего сына, сэра Уильяма. Когда она увидела испорченность властей в королевстве и в особенности тех, кто по рангу и достоинству должны были бы быть защитниками справедливости и веры, но действовали вопреки им, она пожелала устроить его брак с добродетельной дворянкой доброго нрава. Ее муж, сэр Роберт Дормер, согласился с ней и приказал ей все устроить прежде, чем о деле узнает король и вмешается в него своим приказом. Так как Уильям Дормер был их единственным ребенком и наследником больших владений, многие придворные хотели выдать за него замуж своих родственниц. Среди них был сэр Фрэнсис Брайан¹⁰⁰, знаменитый фаворит короля, который хотел женить его на своей племяннице Джейн Сеймур¹⁰¹. Благодаря близости к королю влияние этого рыцаря было столь велико, что когда он начал обсуждать это дело с сэром Робертом Дормером, противостоять ему нужно было не только волей, но и хитроумием. Пока между ними велись переговоры, мать, презирая характер этого рыцаря, взяла своего сына и отправилась в Лондон, в дом сэра Уильяма Сидни, поскольку ранее уже сделала от имени сына предложение

97 Младшая дочь, Сибил Ньюдигейт (1509–после 1549) стала монахиней, а в 1534–1539 гг. приорессой конвента августинок (не доминиканок!) в Холиуэлле (Шордич, тогда — пригород Лондона).

98 Скорее всего, Чарльз (1493–1522) и Уильям (1495–1522) Ньюдигейты.

99 Сулейман I Великолепный (1494–1566), султан Османской империи в 1520–1566 гг.

100 Сэр Фрэнсис Брайан (ок. 1490–1550) — старший дворянин опочивальни Генриха VIII, близкий друг короля.

101 Джейн Сеймур (1506–1537), третья жена Генриха VIII, была не племянницей, а троюродной сестрой сэра Фрэнсиса Брайана: их бабушки по материнской линии (Элизабет Тилни и Энн Сай) — сводные сестры.

леди Сидни, и та была им довольна. Эти две дамы устроили брак между сыном одной и старшей дочерью другой. Когда об этом узнал сэр Фрэнсис Брайан и понял, что его провели, он был весьма недоволен, но эта дама взяла всю вину на себя, уверив его: переговоры с леди Сидни она вела раньше, и не могла пойти на попятный. Пытаясь устроить брак своей племянницы, сэр Фрэнсис дал им понять, что девушка будет хорошо обеспечена. Ибо он, отвезя ее ко двору, устроил ее в свиту королевы Анны Болейн, где ее и заметил король, и из-за этого между королевой и ее фрейлиной было немало ссор. В конце концов, королеву Анну Болейн арестовали, приговорили и обезглавили за гнусную супружескую измену. На следующий же день король женился на леди Джейн Сеймур, и она родила ему сына¹⁰². Своим разумным и храбрым поступком леди Дормер показала любовь к благочестию и христианской вере, почтение к целомудрию и чести, женив сына на девушке доброй славы, и ни получение большого приданого, ни власть королевского фаворита, ни возможность завоевать себе влиятельного друга при дворе, ни надежды благодаря ему приобрести почести и богатство, ни страх последствий его враждебности не могли заставить ее женить сына на племяннице того, кто погубил свою веру и честь.

Когда король Генрих умер, и началось царствование короля-ребенка Эдуарда, католическую веру изгнали и запретили там, куда могло дотянуться правительство, а на ее место поставили ересь и схизму. Чтобы они лучше прижились, в королевстве принимали священников и монахов-отступников из разных стран, вместе с их женами, и ставили их проповедниками в университетах, предоставляя им учить ереси. Если же благочестивый или ученый католик возражал (как это делали многие) против учения этих заморских отступников, таких преследовали, заставляли замолчать, лишали приходов, отправляли в тюрьму или в изгнание. Добрая дама, бабушка герцогини Ферия, чей дом стал приютом гонимых, обеспечивала пропитание и безопас-

102 Генрих VIII обручился с Джейн 20 мая 1536 г., на следующий день после казни Анны Болейн. Свадьба состоялась 30 мая, а 12 октября 1537 г. Джейн родила принца Эдуарда.

ность их телам, а от них получала пищу для души для себя, своей семьи и соседей. Это заметила леди Мария, немало благоволившая ей и членам ее семьи; когда же она стала королевой и эта леди прибыла к ее двору, то Мария вспомнила ее гостеприимство и особо поблагодарила ее за щедрость, назвав хранительницей католической веры. Леди Дормер рекомендовала Ее Величеству нескольких из этих добрых людей, и королева приняла их в качестве своих капелланов, другим же дала епископства и прочие должности. Таковы были достойные люди, которым оказывала гостеприимство эта добрая леди.

Если я начну подробно рассказывать о щедрых деяниях этой дамы, мне придется потратить немало страниц. Будучи женой и вдовой и управляя домом в течение тридцати лет, она ежедневно раздавала милостыню и совершала добрые дела, что и подтвердилось событиями, случившимися в царствование короля Эдуарда, в ответ на ее гостеприимство и щедрость. Ибо многие невзлюбили эти странные перемены религии, а божественную литургию еще не утвердили (так как в течение пяти или шести лет все эти горячие головы не могли утвердить форму литургии, которая бы всем нравилась), и люди были также недовольны правительством¹⁰³. Великие лорды сговаривались, стараясь уничтожить друг друга. Многие из тех, кто имел власть и влияние в графствах, воспользовались обстоятельствами и присвоили земли, находившиеся в общинном пользовании и необходимые всем. Джентльмены низкого ранга, богатые и имевшие больше власти, нежели соседи, следуя примеру своих лордов, тоже взяли себе во владение поля и пастбища, которыми ранее пользовалась вся округа. Во многих местах люди сокрушались и жаловались на эти несправедливости, как они их называли, и, не надеясь получить защиту у властей, в некоторых графствах взяли дело в собственные руки, стремясь покарать тех, кто совершил злые дела; собравшись, мятежники взяли за оружие, угрожая этим злодеям. Мятежники разрушали все на своем пути, уничтожали

103 Речь идет о восстании июня 1549 г. против введения новой литургии, а также огораживаний общинных пастбищ. Оно охватило Девон и Корнуолл, а также Бекингэмшир и Оксфордшир. Здесь речь идет о последних двух графствах.

изгороди, ломали заборы, засыпали канавы, грабили дома и совершали множество других преступлений, так что дворянам приходилось либо покидать свои дома, либо укреплять их и охранять с помощью соседей всеми силами, какие они только могли найти для защиты домов против этой ярости.

В дом к леди Дормер пришли многие люди всех сословий, из соседних деревень, с женами, детьми и лучшим из имущества; все они готовы были с оружием в руках защищать ее саму и ее дом. Добрая леди приветствовала их и благодарила, зная, что в такие мятежные времена закон и справедливость почитают мало, и укрепила свой дом, как смогла. Когда мятежники узнали об этом, и о запасах, сделанных ею для защиты, они отправили ей следующее послание: ее сиятельству не стоит опасаться, так как ее щедрость и добрые дела, известные всему графству, — достаточная защита для нее самой и ее семьи, прославленных гостеприимством и христианскими добродетелями. Они (по их словам) пришли не грабить и наносить ущерб, но вернуть общинам то, что ми принадлежало. Сильные и богатые люди несправедливо и не по совести забрали себе то, что принадлежало всем людям; именно в этих людей они целились, и именно они и должны ответить за свою жестокость и обиды. Как они и обещали, они прошли по ее землям, не нанеся другого ущерба, кроме потоптанной травы, и не совершив ни одного проступка против ее людей или имущества. В парках же и на землях дворян вокруг нее они многое разрушили и учинили много насилия.

Когда Господу было угодно забрать с этого света ее мужа, сэра Роберта Дормера, с которым они прожили около сорока лет, ее сын, сэр Уильям Дормер, был женат вторым браком¹⁰⁴, после девятилетнего вдовства. От первой жены (как уже говорилось) у него было только две дочери, а от второй — сын (теперь — лорд Дормер), которому было пять месяцев, когда умер его дед. Став вдовой и освободившись от обязанностей жены, леди Дормер, по совету Св. Павла, обрела свободу служить Господу. В обоих со-

104 Сэр Уильям Дормер овдовел в 1542 г., а в 1550 или 1551 г. женился на Дороти Кейтсби (ум. 1613), дочери Энтони Кейтсби из Уистона, и Изабелл Пиготт.

стояниях она показала себя примером и зеркалом для всех благородных женщин. Будучи замужем (как сказано выше), она всегда старалась выполнять обязанности жены, любя и почитая мужа, держа дом в порядке, управляя семьей с похвальной осмотрительностью, воспитывая сына и внучек (потерявших свою мать) в добродетели; и в целом она вела себя как разумная, мудрая и рачительная дама и как любящая мать. Став вдовой, она отошла от мирских дел, хотя и продолжала в некоторой степени заботиться о поместьях сына. Ее вдовья доля, выделенная из его имущества, соответствовала ее рангу, и она хорошо ею управляла. Большую часть времени она проводила в молитве и благочестивых делах и неукоснительно (когда здоровье позволяло) присутствовала на литургии. Она трудилась для церкви и во благо тех, кто пребывал в нужде.

Вскоре после кончины ее мужа, сэра Роберта Дормера, умер король Эдуард¹⁰⁵. Ему наследовала католическая правительница, королева Мария, которая без сражений и пролития крови победила герцога Нортумберленда, пытавшегося посадить на престол невестку, леди Джейн Грей¹⁰⁶. В сумятице войны, начатой, чтобы

105 6 июля 1553 г.

106 Джейн Грей (1537–1554) — старшая дочь Генри Грея, 1-го герцога Саффолка, и Фрэнсис Брендон, герцогини Саффолк, внучка и наследница Марии Тюдор, младшей сестры Генриха VIII. Парламентский акт о престолонаследии (1544) устанавливал порядок передачи престола в случае смерти принца Эдуарда, или отсутствия у него детей. Согласно акту, наследницами Эдуарда объявлялись его сестры Мария и Елизавета (хотя обе они считались незаконнорожденными), а после них — дети Фрэнсис Брендон (исключив ее саму, а также всех потомков старшей сестры короля, Маргарет, т.е., шотландскую линию). Кроме того, акт о государственной измене (1547) объявлял преступлением попытку изменить престолонаследие вопреки предписаниям акта 1544 г. Таким образом, в 1553 г. наследницей бездетного короля Эдуарда VI была его сестра, принцесса Мария. Однако она была католичкой, и, протестантские лорды Совета во главе с герцогом Нортумберлендом с согласия короля попытались обойти закон. Королевский патент от 21 июня 1553 г. объявлял наследницей престола леди Джейн и ее детей от брака с Гилфордом Дадли (1535–1554), сыном Нортумберленда. Эдуард VI скончался 6 июля 1553 г., но его смерть скрывали несколько дней; 10 июля Джейн была провозглашена королевой в Лондоне. Однако большинство английского дворянства поддержало законную наследницу, Марию. Когда Нортум-

уничтожить истинную королеву и защитить узурпатора, сын нашей леди, сэр Уильям Дормер, созвал друзей и собрал силы во имя королевы Марии. Однажды он вместе с ними отправился в Эйлсбери, зная, что там будет со своими сторонниками граф Бедфорд¹⁰⁷, желающий заставить графство Бакингэмшир объявить себя за леди Джейн. М-р Дормер, встретив его, прямо ему сказал: «Милорд, мы знаем лишь одну королеву — леди Марию. Тот, кто осмелится провозгласить право другой, поплатится за это». Его слова так напугали графа, что он не посмел осуществить задуманное и удалился, а м-р Дормер с друзьями и сторонниками отправился к королеве Марии. Он поступил так во имя права и справедливости, вопреки дружбе и родству, так как его первая жена — мать герцогини — была троюродной сестрой¹⁰⁸ леди Джейн. За эту услугу, а также за великую щедрость его матери к ученым католикам во времена короля Эдуарда (как уже было сказано), королева оказывала ему милости, сделав его рыцарем Бани во время своей коронации. Она также приняла его дочь, герцогиню, к себе на службу, очень любила и ценила ее, о чем еще будет рассказано в подробностях.

В годы царствования этой королевы, без малого пять лет, леди Дормер жила с сыном, продолжая творить добрые дела в отношении соседей. Но когда добродетельная католическая королева умерла, с ней умерла и забота о благочестии и религии в Англии. Унаследовав престол в 1558 г., королева Елизавета изменила управление [церковью] и принимала ереси, главными

берленд с вооруженным отрядом покинул столицу, чтобы задержать принцессу, Тайный Совет поменял сторону и 19 июля провозгласил королевой Марию. Джейн Грей и ее муж были отправлены в Тауэр. Оба они предстали перед судом в ноябре 1553 г., были признаны виновными в измене и приговорены к смерти. Изначально королева Мария не хотела приводить приговор в исполнение, однако в январе 1554 г. в восстании Уайатта (см. примеч. 235) приняли участие отец и два дяди Джейн, и ее судьба была решена. Джейн Грей и Гилфорда Дадли обезглавили в Лондоне 12 февраля 1554 г.

107 Джон Рассел (1485–1555), 1-й граф Бедфорд (с 1551 г.), лорд-хранитель королевской печати (1542–1555).

108 Джейн Грей приходилась троюродной племянницей Мэри Сидни (1-й жены Дормера) по женской линии.

защитниками которых были ее главные советники и командиры. Видя эти огорчительные перемены, добрая леди Дормер, немолодая летами, но исполненная рвения и любви к истинной вере, покинула дом, сына, страну и друзей, предпочтя жить в изгнании и свободно служить Господу, нежели оставаться в столь испорченном королевстве. С этой христианской целью она в 1559 г. вместе с внучкой, герцогиней Ферия, отправилась за море, во Фландрию. Незадолго до того, как герцогиня направилась из Мехельна в Испанию, леди Дормер уехала в Лувен, обустроила дом и поселилась там; в городе жили многие достойные и ученые священники—англичане, изгнанные за неподчинение новым еретическим установлениям Англии. Там она прожила остаток своих лет (около двенадцати), прославившись добродетелью, щедростью, и другими христианскими делами, так что не только город и университет, но и страна вокруг почитала ее. До сих пор знавшие ее пожилые люди вспоминают ее с похвалой. Таковы были ее щедрость и благочестие, что ученый доктор Сандерс в своей книге *Visibilis monarchia ecclesiae*¹⁰⁹ восхваляет ее, как свидетель, следующими словами: «благородная вдова, леди Джейн Дормер, бабушка благороднейшей герцогини Ферия, увидев, что страна захвачена ересью, добровольно отправилась в изгнание и прожила в Лувене двенадцать лет, не просто убегая от всякой схизмы; она — опора хромого, глаза слепца, посох слабому, настоящая мать сирот и покровительница вдов». Как новая Тавифа (Доркас)¹¹⁰, она шила одежды для вдов и бедняков. Когда в Нидерландах был генералом герцог Альба, его армия была расквартирована по разным городам, и в Лувене был многочисленный гарнизон, солдатам которого не хватало еды и одежды. Добрая леди в своем доме устроила комнату, наполненную плащами, камзолами, штанами, чулками, шляпами и рубашками для бедных солдат, и так она одевала то сорок солдат, то еще тридцать. Когда об этом узнал герцог, он с благодарностью

109 Николас Сандер (1530–1581) — английский католический полемист и богослов-эмигрант, выпускник Оксфордского университета. Клиффорд ссылается на его трактат «О видимой монархии церкви» (Лувен, 1571).

110 Деян 9: 36-40.

признал себя обязанным ее любви и щедрости и даровал привилегии ей, ее дому и друзьям, освободив их от постоя. Он так ее ценил, что когда магистратам Лувена поступали от него требования, они всегда обращались за помощью и посредничеством к ней, называя ее своей покровительницей и заступницей.

В Чистый Четверг Святой недели она всегда собирала двенадцать вдов или бедных женщин, омывала им ноги, дарила каждой новое платье и накидку, кошелек с деньгами, и угощала их обедом в тот день и на Пасху. Ее дом был убежищем и приютом для изгнанных священников и джентльменов—католиков из ее страны; многие бедные студенты получали от нее ежедневную помощь, и ныне живущие из них в моем присутствии с благодарностью свидетельствовали об этом. Ее уважали люди всех сословий; знатнейшие дворяне, дамы и господа часто посещали ее и высоко ценили. Ее почитали университет и город Лувен, о чем свидетельствуют многочисленные оказанные ей прижизненные услуги и посмертные почести.

7 июля 1571 г. (будучи около восьмидесяти лет от роду) эта дама покинула жизнь земную ради вечной жизни с Господом. Благоговейно причастившись святых таинств церкви, она до последнего часа была в здравом рассудке и сознании, со спокойной и легкой совестью. Она завещала большие суммы бедным, коллегиям, монахам и монахиням нескольких монастырей, земли и ренты — сыну, как наследнику, а оставшееся после нее движимое имущество — полностью в распоряжение внучки—герцогини, к которой она была особенно привязана. Когда она обращалась к ней на словах, или в письме, то всегда называла ее «моя дражайшая и любимейшая дочь», что явствует из ее завещания, копией которого я располагаю. Душу она вверила Ее творцу и искупителю; она, исполненная добрых дел и других деяний христианской любви, несомненно, вознеслась к Нему немедленно, судя по ее добродетелям.

Торжественность похорон соответствовала рангу леди Дормер. Присутствовавшие на погребении многочисленные сироты, вдовы и бедняки, получили траурные одежды в соответствии с ее завещанием. В процессии по порядку следовали прелаты, доктора, регенты, ректор университета, монахи всех орденов. Дворяне и

городские магистраты следовали, в соответствии с чином, вслед за остальными в церковь картузианской обители¹¹¹, где ее погребли. На следующий день множество городских бедняков (редкий и достойный пример) собрались в ее доме, сокрушаясь о своей потере, каждый с зажженной свечей, и все по порядку прошли тем же путем, каким днем ранее несли ее тело к картузианцам, и там молились о ее душе. Этот дар удивительной любви проистекал от их собственных побуждений и благодарности.

Как я сказал, леди Дормер похоронили в церкви картузианской обители (куда при жизни ее — женщину — не допускали), в середине трансепта, прямо перед алтарем. Рядом с ней лежит также и тело внучки, леди Энн Хангерфорд, единственной сестры герцогини по отцу и по матери, которая умерла в том же городе Лувене тридцать два года спустя. Обе дамы лежат под прекрасным мраморным надгробием, окруженным мраморными колоннами; их портретные изображения в рост помещены на верху надгробия. Эпитафии и гербы, указывающие на их происхождение и брачные союзы, были сделаны за счет герцогини, из годовой ренты в сто флоринов, дарованных ею монастырю и выплачиваемых в Антверпене.

Леди Хангерфорд приехала из Англии за море в тот самый год, когда умерла ее бабушка, еще не зная о ее кончине, ибо муж, сэра Уолтер Хангерфорд был недоволен ее католическим благочестием и благородными устремлениями¹¹². Хотя ее супруг и был благороден по происхождению, его личность и честь были запятнаны низкой жадностью и телесной распущенностью. Он не обращался с этой леди так, как подобает обращаться с женой и знатной дамой ее ранга, поэтому она получила у него разрешение уехать за море к бабушке, чтобы обрести свободу совести и свободно служить Богу. Он с радостью согласился на это, чтобы

111 Картузианское аббатство Св. Марии Магдалины у Креста в Лувене.

112 Лорд Уолтер Хангерфорд (1526–1596) в 1570 г. подал в суд, требуя раздельного проживания с женой, которую он обвинил в попытке отравить его и в адюльтере. Леди Энн выиграла процесс, но муж отказался выплачивать ей содержание. Только после этого она покинула Англию; вполне вероятно, что католическое рвение не играло здесь такой большой роли, какую приписывает ему Клиффорд.

свободнее предаваться плотским удовольствиям, и чтобы избежать преследований из-за ее убеждений. Итак, как я сказал, она отправилась в Нидерланды и прожила там тридцать два года, пример истинного благородства и христианской жизни, почитаемая за храбрость и рассудительность; об этом хранят память в Намюре и Лувене, где она жила. Госпожа Маргарита Австрийская, герцогиня Пармская, сестра короля Филиппа II Испанского¹¹³, правившая в те годы провинциями от имени брата, любила с ней беседовать и, зная, что она — сестра герцогини, почитала ее и выказывала ей свое расположение, часто приглашала ее к себе и хвалила другим ее благородное повеление и достоинства, равные которым встречала у немногих женщин. Губернаторы и магистраты городов, в которых жила леди Хангерфорд, при каждой опасности (ибо тогда в тех местах бушевала война) особенно заботились о ней, приходили к ней в дом, предоставляли охрану ей самой, ее семье и имуществу, показывая тем самым великую заботу о ее безопасности. Таковы были достоинства ее поведения. Во время опасности она вела себя храбро и великодушно. Она была щедра и полна сочувствия к бедствующим дворянам и бедным студентам, и раздавала много милостыни. Будучи в изгнании, она испытала горе, потеряв единственного сына во цвете юности, перед его свадьбой¹¹⁴; он подавал большие надежды, был благородным, рассудительным и добродетельным. То было наказание, которое Господь налагает на прелюбодеев, и я мог бы лишь желать, чтобы его отец был невиновен в этом грехе¹¹⁵; тогда его род продолжился бы, а теперь он рассеян.

Леди Хангерфорд оставила этот свет 19 декабря 1603 г., исполненная добрых дел, следуя стопами своей достойной бабушки.

Свидетельством достоинств и великих заслуг двух этих дам являются голоса не только простых людей, но и правителей

113 Маргарита Пармская (1522–1586), незаконнорожденная дочь императора Карла V, жена Оттавио Фарнезе, герцога Пармского. В 1555–1567 гг. управляла Нидерландами от имени Филиппа II.

114 Эдвард Хангерфорд умер в 1585 г.

115 Барон Хангерфорд после отъезда жены открыто жил с любовницей, Марджери Брайт, родившей ему двух сыновей, и даже пытался узаконить их отношения.

страны, а также тех, кто служил им много лет; подтверждением служат утверждения и сочинения самых ученых людей нашей нации, тогда живших за морем, например, ученого прелата, доктора Уильяма Аллена, впоследствии — кардинала¹¹⁶, доктора Оуэна Льюиса¹¹⁷, епископа Кассанского, доктора Николааса Сандерса, доктора Томаса Степлтона¹¹⁸, сочинителей и преподавателей богословия, а также и пятидесяти других, подавших петицию папе Григорию XIII¹¹⁹ с тем, чтобы он убедил послать герцогиню в Нидерланды. Обсуждая дело с кардиналом Мороне¹²⁰, их покровителем при Папском престоле и протектором английской нации, помимо прочих причин, приведенных в общем письме от 28 декабря 1572 г., указали многочисленные услуги, оказанные им герцогиней.

Глава IV О детстве и воспитании Джейн Дормер

Когда Джейн Дормер, которую в раннем детстве воспитывала столь достойная госпожа, достигла разумного возраста, то первым, что она постигла, стал ее долг служить Богу и повиноваться отцу, деду и бабушке, смиренно подчиняясь их приказам. Добродетель подчинения была воспринята ею всем сердцем и, вместе с редким уважением [к старшим] не только сохранялась в ней до самой смерти бабушки, но даже возросла. Когда она служила королеве Марии в ее опочивальне, то никогда не пренебре-

¹¹⁶ Уильям Аллен (1532–1594) — католический богослов и полемист, выпускник Оксфорда; преподаватель богословия в Лувенском университете (после 1562 г.), основатель Английской коллегии в Дуэ (1568). С 1587 г. — кардинал.

¹¹⁷ Оуэн Льюис (1532–1594) — католический богослов и полемист, выпускник Оксфорда; преподавал каноническое право в Лувене (после 1561 г.); епископ Кассанский (1588–1594).

¹¹⁸ Томас Степлтон (1535–1598) — католический богослов, историк и полемист, выпускник Оксфорда; после 1568 г. преподавал богословие в Английской коллегии Дуэ.

¹¹⁹ Григорий XIII (Уго Бонкомпаньи, 1502–1585), папа Римский в 1572–1585 гг.

¹²⁰ Джованни Мороне (1509–1580), итальянский богослов и дипломат; кардинал с 1542 г.

гала своим долгом по отношению к бабушке, всегда сообщала ей обо всех важных делах, спрашивала ее разрешения и строго выполняла то, что та ей приказывала или советовала.

Не достигнув еще семи лет, она уже читала на латыни Часослов, или, как мы говорим, Часы Богородицы, и продолжала делать это ежедневно на протяжении всех шестидесяти семи лет жизни, при любом состоянии здоровья. Она достигла удивительного искусства в вышивании, которому учат дворянских девушек. Я видел несколько образчиков ее работы, расшитые ее собственными руками, удивительные и редкие в своем совершенстве, по мнению мастериц в этом деле. Есть и различные алтарные покровы, и облачения священников и служек, богато украшенные и примечательные изобретательностью и разнообразием рисунков; все они сделаны ее руками. При этих способностях, она всегда проявляла похвальную скромность во всем, что делала и говорила.

Когда ее дед, сэр Уильям Сидни, которого король, все еще охваченный своими неумеренными страстями, избрал в наставники сыну, принцу Эдуарду, пребывавал в Эшридже (что неподалеку от дома Дормеров)¹²¹, он послал за Джейн, чтобы она провела какое-то время в играх с принцем. Они оба были примерно одного возраста, около шести или семи лет¹²², и принц был старше ее всего на три месяца; он желал ее общества, получая особенное удовольствие от бесед с ней. Джейн отправили туда с гувернанткой, и она проводила время вместе с принцем, читая, играя или танцуя с ним, или занимаясь чем-либо подобным, в силу их душевных устремлений и невинности юных лет. Играя в карты, принц говорил ей: «Вот Джейн, твой король бит, так что тебе придется довольствоваться мной»

Я слышал от тех, кто служил принцу, что его склонности и природные качества побуждали его проявлять добродетель и свойства истинного государя; прекрасное дитя доброго и щедро-

121 Бывший приорат Братьев Покаяния в Бекингэмшире. После роспуска монастырей — королевский манор, резиденция детей Генриха VIII — Эдуарда и Елизаветы. Находится в 12 км от Уинга — поместья Дормеров.

122 Т.е., в 1543 или 1544 г.

го нрава. Позднее, когда его отец умер (принцу тогда было девять лет)¹²³, злонамеренные наставники—еретики воспользовались его юностью; злоупотребив властью во имя собственных целей, они повредили природным добрым наклонностям этого хорошего и благородного государя. Ибо, когда Эдуард стал королем, он, проезжая как-то мимо руин монастыря, спросил, что это за здания. Ему ответили: то были монастыри, распущенные и разобранные по приказу его отца, за злоупотребления. Эдуард на это сказал: «а не мог мой отец наказать виновных и оставить в неприкосновенности эти прекрасные здания, украшающие королевство, и поместить в них лучших людей, которые смогли бы населить их и управлять ими?», сожалея, кажется, об этих печальных событиях. Когда его посетила сестра, леди Мария (державшая дом в соответствии с католическими порядками), Эдуард обрадовался ее обществу (об этом я слышал от очевидца), задавал ей множество вопросов, обещая сохранить ее тайну, и обращался с ней с таким уважением и почтением, как если бы она была его матерью. Она же, проявив осмотрительность, дала ему советы относительно вещей, касавшихся его самого, и тех, что касались ее, выказав к нему большую любовь и сестринскую привязанность. Юный король заплакал, узнав, что некоторые вещи невозможно устроить согласно ее пожеланиям. Когда же его дядя—герцог¹²⁴ проявил к принцессе строгость и ограничил ее свободу, Эдуард умолял ее потерпеть и подождать, пока он вырастет и все исправит. Когда она прощалась, он загрустил от расставания; поцеловав ее, он приказал принести драгоценное украшение ей в дар и пожаловался, что ему не принесли для нее ничего получше. Все это было отмечено наставниками, и пришел приказ сделать такие визиты как можно более редкими, потому что они, якобы, вводят короля в грусть и меланхолию; предполагалось также наказать ее слуг и офицеров за то, что вопреки тогдашнему закону, принцесса публично посещала мессу в своей

123 Генрих VIII умер 28 января 1547 г.

124 Брат матери Эдуарда VI Эдвард Сеймур, герцог Сомерсет (1500–1552), в 1547–1549 гг. лорд—протектор Англии, глава регентского совета при малолетнем короле.

часовне, если бы только удалось получить согласие у короля. Однако Эдуард ни за что на это не соглашался и строго-настрого приказал соблюдать ее свободу поступать так, как она хочет. Он послал к Марии, чтобы узнать, не побеспокоили ли ее, ибо если так случилось, то его воли на то не было, и он соглашался удовлетворить ее требования. Однако в те времена леди Марии было небезопасно и неблагоприятно жаловаться.

Когда Джейн Дормер подросла, бабушка порекомендовала ее на службу благороднейшей католической принцессе Марии. Леди Дормер подвиг к этому ее дедушка Сидни, две дочери которого служили принцессе и умерли, находясь на ее службе¹²⁵; Ее Высочество высоко ценила их за добродетель. Когда королевы (жены короля Генриха) настоятельно требовали их к себе на службу, они ни за что не пожелали оставить леди Марию, хотя сам король просил об этом. В те дни дом этой принцессы был единственным приютом для благородных молодых женщин, стремившихся к благочестию и служению Богу. То была истинная школа добродетельного поведения, подобающее место воспитания благородных девиц. Знатнейшие лорды королевства просили принцессу принять их дочерей на службу.

Джейн продолжала служить леди Марии, когда после смерти короля Эдуарда ей достался престол, и оставалась с ней, пока она не покинула этот мир. В это время королева выказывала ей любовь и благосклонность, на которые Джейн отвечала должным уважением, так что королева почти никогда не позволяла ей покидать себя. Джейн спала в ее опочивальне, много раз — вместе с ней; королева читала вместе с ней Часы Богородицы; ввела ее попечению свои украшения и все драгоценности, какими обычно ведают дамы опочивальни. За столом она ела мясо, нарезанное рукой Джейн Дормер, и все это — явное доказательство ее добродетелей, ведь столь добродетельная и добронравная принцесса благоволила ей и уважала ее.

Королева редко путешествовала, выезжая только в дом кардинала в Кройдоне (ибо ее родственник, кардинал Пол, был ар-

125 Мейбл и Элизабет Сидни.

хиепископом Кентерберийским)¹²⁶, ни в коем случае не желая беспокоить своих подданных во время покоса и сбора урожая зерновых, когда им нужны лошади и повозки. Отдыхая в Кройдоне, она, одевшись попроще, посещала бедных соседей с двумя-тремя фрейлинами, и всегда одной из них была Джейн. В бедных жилищах Мария садилась поговорить с хозяином и его женой, спрашивала, чем они зарабатывают на жизнь, как идут дела, и как обращаются с ними слуги ее двора, ведь их повозки и услуги требовались для обслуживания свиты королевы. Однажды, находясь в доме угольщика, королева, сидя за столом, пока хозяин ужинал, задала ему подобный вопрос; угольщик же ответил, что в Лондоне у него забрали подводу и не заплатили. Королева спросила, потребовал ли он своих денег. Он сказал: да, у тех людей, что приказали ему работать, но не получил от них ни денег, ни удовлетворительного ответа. Она спросила: «Друг, правда ли то, что ты мне сказал?» Он ответил: «Да», и умолял ее потребовать от управляющего двором¹²⁷, чтобы тот заплатил ему и другим беднякам. Королева сказала, что так и сделает и приказала ему явиться за своими деньгами на следующее утро, часов в девять — десять. Как только королева вернулась ко двору, она тут же позвала к себе управляющего и так распекла его за то, что он не заплатил бедным людям, что находившиеся с ней дамы очень расстроились. Королева сказала, что у его служащих не нашлось для людей ни денег, ни добрых слов, и что он должен все исправить, ибо если она еще раз услышит о подобном, то сильно на него разгневается, что на следующее утро бедные люди должны были прийти

126 Режинальд Пол (1500–1558), кардинал (с 1536 г.), один из папских легатов на Тридентском соборе (1540–е гг.), в 1555–1558 гг. — папский легат в Англии и архиепископ Кентерберийский. Потомок Йоркской ветви Плантагенетов (внук Джорджа, герцога Кларенса, младшего брата короля Эдуарда IV). Приходился троюродным братом Генриху VIII. Манор, а позднее — город Кройдон (сейчас — южный пригород Лондона) принадлежал архиепископам Кентерберийским. Королева Мария останавливалась в летнем дворце архиепископа.

127 В тексте нет даты, поэтому не вполне ясно, о ком идет речь. При Марии I должность управляющего двора (*comptroller of the household*) занимал сэр Роберт Рочестер (1494–1557), а после его смерти — сэр Томас Корнуоллис (1519–1604).

за деньгами и получить все причитающееся им, до последнего пенни. Управляющий недоумевал, как королева узнала об этом, и дамы рассказали ему, что произошло тем вечером.

Если при посещении бедных соседей королева находила их обремененными детьми, то давала им щедрую милостыню и утешала, советуя им жить нерасточительно и в страхе Божиим, и заботиться о воспитании детей. Если же детей было много, она приказывала обеспечить их, отправив мальчиков и девочек в ученичество в Лондон, чтобы они могли приобрести доброе ремесло и быть в состоянии содержать себя. Так она поступила в доме бедного плотника, и в доме крестьянской вдовы. Так она проводила часы в обществе бедняков, в простоте и любезности; они же считали ее одной из фрейлин, ибо между ними не было разницы. Если же они жаловались, она поручала Джейн Дормер запомнить все подробности их жалобы.

Глава V

Брак Джейн Дормер и герцога Ферри. Очерк жизни и характера королевы Марии

Особая благосклонность, какую королева выказывала Джейн Дормер, а также редкие качества ее ума и нрава стали теми причинами, благодаря которым знатнейшие дворяне искали ее руки в браке; например, Эдвард Кортни, граф Девоншир, сын маркиза Эксетера и троюродный брат королевы¹²⁸. Его королева Мария выпустила из Тауэра во время своего торжественного въезда туда¹²⁹, одновременно с другими заключенными, а среди них были герцог Норфолк¹³⁰, епископы Боннер¹³¹, Тансталл¹³² и

128 Эдвард Кортни (1527–1556), граф Девон, сын Генри Кортни, 1-го маркиза Эксетера, и Гертруды Блаунт, троюродный брат Марии I (их бабушки, королева Елизавета Йоркская и Кэтрин, жена Уильяма Кортни, графа Девона, были родными сестрами). Его отец был обвинен в соучастии в заговоре против Генриха VIII и казнен в 1539 г.; Эдвард был арестован вместе с родителями и провел в заключении в Тауэре 15 лет (1538–1553). Мария I освободила его из-под ареста и вернула земли и наследственный титул.

129 3 августа 1553 г.

130 Томас Ховард, 3-й герцог Норфолк (1473–1554) был арестован в 1546 г. вместе с сыном, Генри Ховардом, графом Сарри, обвиненным в

Гарднер¹³³. Последний был сторонником этого союза, зная о привязанности графа к девушке; некоторые же считали, что он всего лишь хотел предотвратить брак графа и леди Елизаветы¹³⁴, от чего впоследствии и проистекли все ее злоключения в царствование королевы Марии. Он говорил с королевой о браке Джейн и уговаривал саму девушку, чтобы добиться заключения союза. Другими ее поклонниками были герцог Норфолк, в то время — единственный герцог в Англии¹³⁵, и другие знатные дворяне, что признал позднее в своем завещании герцог Ферия,

измене (за то, что использовал в своем личном гербе королевскую символику — т.н. «герб Эдуарда Исповедника»). Оба были объявлены вне закона и приговорены к казни, но герцога спасла смерть Генриха VIII в январе 1547 г. Приговор не привели в исполнение, но герцог оставался в Тауэре до тех пор, пока его не освободила королева Мария. Ему вернули земли, титулы и наследственную должность графа-маршала, а также ввели в состав Тайного Совета.

- 131 Эдвард Боннер (1500–1569), епископ Лондонский в 1539–1549 и 1553–1559 гг.; в Тауэр он попал за отказ принять протестантскую литургию. При Елизавете он по той же причине был смещен с посла, вновь отправлен в тюрьму (Маршалси), где и умер.
- 132 Катберт Тансталл (1474–1559), епископ Лондонский в 1522–1530 гг., Дарэмский в 1530–1551 и 1553–1559 гг. Был взят под стражу в 1551 г. и помещен сначала под домашний арест, а затем в Тауэр. В 1559 г. был лишен кафедры и отправлен под арест в лондонскую резиденцию архиепископа Кентерберийского (Лэмбет), где и умер.
- 133 Стивен Гарднер (1483–1555), епископ Винчестерский в 1531–1551 и 1553–1555 гг., за отказ признать протестантское учение о евхаристии попал в Тауэр; после освобождения в 1553 г. Мария I назначила его на пост лорда-канцлера.
- 134 Поскольку граф Девон был англичанином и приходился правнуком Эдуарду IV, он обладал правами на английский престол, поэтому часть советников выступали сторонниками брака его и королевы. Когда Мария выбрала испанский брак, недовольные дворяне (по большей части протестанты) подняли восстание. Кортни поддерживал контакты с восставшими, которые планировали посадить на престол вместо Марии его и Елизавету. После подавления восстания летом 1554 г. Кортни был вновь арестован. Весной 1555 г. он был отправлен в изгнание и поселился на территории Венецианской республики. Умер он в Падуе 18 сентября 1556 г.
- 135 Имеется в виду Томас Ховард, 4-й герцог Норфолк (1536–1572), унаследовавший титул после смерти деда в 1554 г.

ходатайствуя за Джейн перед королем, отметив: в своей стране она отвергла более знатных искателей ее руки. Нынешний лорд-адмирал, граф Ноттингэм¹³⁶, ее ровесник, в то время провозглашавший ее своей госпожой, сказал мне, будучи послом в Испании в 1605 г.¹³⁷, что она была прекраснейшей и нежнейшей женщиной на свете; что ею восхищался весь двор, и все почитали ее за ее собственные достоинства и за то уважение, которое ей оказывала королева. Однако в брачных делах Джейн не могла ничего сделать без согласия королевы, не желавшей с ней расставаться; говоря об этом, королева обычно замечала, что Джейн Дормер заслуживала самого лучшего мужа, и добавляла также, что не знает достойного ее мужчину. Если Джейн случалось разболеться так сильно, что она не могла прислуживать королеве, Ее Величество проявляла к ней удивительные заботу и внимание, что больше подобает матери или сестре, но не королеве и госпоже. В последние дни жизни этой благословенной королевы, когда она направлялась из Хэмптон Корта¹³⁸ в Лондон, а Джейн почувствовала недомогание, Ее Величество не позволила ей отправиться баржей по воде, по отправила ее посуху в собственном паланкине, в сопровождении своего собственного врача. Приехав в Лондон, она первым делом спросила о Джейн Дормер, которая, встретив ее у подножия лестницы, сказала, что чувствует себя лучше. Королева ответила: «а я — вовсе нет», и было это в конце августа 1558 г. Она отправилась в свои покои и больше никогда их не покидала.

В это время король находился во Фландрии и был занят важными действиями, которые шли тогда на границе с Франци-

136 Чарльз Ховард, барон Эффингэм (1536–1624), с 1596 г. — граф Ноттингэм. Лорд-адмирал в 1585–1619 гг.

137 Граф Ноттингэм участвовал в мирных переговорах между Англией и Испанией в 1604 г. и возглавил английское посольство в Испанию весной 1605 г. В Испании он контактировал с английскими эмигрантами и даже был принят в Английской коллегии Вальядолида, готовившей католических священников для Англии.

138 Хэмптон Корт — королевская резиденция близ Ричмонда; построена в 1515–1529 гг. кардиналом Уолси и позднее расширена Генрихом VIII.

ей¹³⁹. Он узнал о болезни королевы, находясь в расположении армии близ Дурлана¹⁴⁰, и послал герцога Ферию, чтобы тот служил королеве и помогал ей во всем, что потребуется. Господу Всемогущему было угодно сделать так, что болезнь оказалась смертельной; усиливаясь день ото дня, она, в конце концов, унесла ее в лучший мир. Джейн постоянно находилась вместе с королевой, не будучи еще замужем, так как королева не позволяла ей обвенчаться до возвращения короля из Фландрии. По этой причине не было сделано богатых даров и пожалований, которыми королева собиралась, как обещала, отметить ее свадьбу, и Мария I сожалела об этом. Поняв, что она умирает, королева сказала Джейн: она была бы счастлива видеть ее свадьбу, однако Господь решил иначе — больная и в отсутствии короля она не в состоянии сделать желаемое. Ее болезнь повергла в траур все королевство, однако сама королева переносила страдания с христианским терпением. Она утешала тех, кто сокрушался о ней; рассказывала им, какие прекрасные сны видела: дети, подобные ангелочкам, играли перед ней, пели ласкающие слух песни, давая ей больше, чем земное утешение, и таким образом побуждала всех иметь страх Божий, освобождающий от зла и умеряющий все искушения. Она просила их помнить о том, что все, что ни случается с ними, происходит по Божьему произволению, и всегда верить, что Он в милости своей все устроит к лучшему.

С самого начала злключениям ее матери королеве пришлось многое перетерпеть, а радостных дней было немного — лишь тогда, когда она восстановила в своих королевствах католическую религию. В короткие годы своего правления королева столкнулась с многочисленными заговорами, и все они происходили от злобных наветов на истину Господню. Королева Мария приказала всем своим советникам и слугам оставаться верными католической религии и с этим добродетельным христианским советом, помолившись и выслушав наставления, причастившись

139 На последней стадии Итальянских войн, в 1556–1558 гг. военные действия между Францией и Габсбургами сосредоточились на пограничных территориях Фландрии и Северной Франции.

140 Дурлер в провинции Эно.

святых таинств церкви, покинула этот мир 17 ноября 1558 г. Тем утром, она слушала мессу, которую отслужили в ее опочивальне, хотя она уже была близка к концу (ибо она слушала мессу каждый день своей жизни), и, едва живая, слушала с вниманием, рвением и благочестием, отвечая вместе со служкой; таковы были живость ее органов чувств и память. Когда же священник дошел до слов *Agnus Dei, qui tollis peccata mundi*, она ответила прямо и четко, чтобы все слушали: *Miserere nobis, Miserere nobis, Dona nobis pacem*¹⁴¹. После этого она молилась про себя, а когда священник причащался, принимая освященную гостию, она славила ее голосом и жестом, а затем закрыла глаза и вверила свою блаженную душу Богу. Так рассказывала мне герцогиня, и слезы лились из ее глаз: последним, что королева видела в этой жизни, был ее Спаситель и Искупитель в таинстве, несомненно, немедленно после того она лицезрела Его во славе на небесах.

Добрая королева Мария вверила Джейн Дормер некие предметы, которые надлежало вручить ее сестре, леди Елизавете, а также повелела передать свои слова той, что должна была наследовать королевство; все это Джейн исполнила точно, передав Елизавете драгоценности, находившиеся в ее ведении, причем королева Елизавета приняла их с радостью, и изложила вверенное ей послание. Оно заключалось в следующем: сохранить католическую веру, проявить щедрость к ее [Марии] слугам и заплатить то, что им причиталось по праву. Относительно того, что касается религии: я не знаю, по каким низким причинам или другим дьявольским соображениям политики она [Елизавета] изменила мнение, однако во время болезни королевы она обещала сохранить католическую веру. На протяжении всего царствования королевы Марии леди Елизавета ежедневно слушала две мессы — за живых и за умерших, и казалось, особенно почитала Деву Марию. Когда же во время ареста ее спрашивали о вере, она молила Бога разверзнуть землю под ее ногами и поглотить ее заживо, если она не была доброй католичкой. Все это подтвер-

141 *Agnus Dei* — литания, звучащая во время мессы: *Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis.* / *Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis.* / *Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, dona nobis pacem.*

ждается письмом королю от герцога Ферии, который во время болезни королевы посещал леди Елизавету, заверившую его в том, что исповедует католическую религию, верит в реальное присутствие Тела и Крови Христовой в гостии, и не склонна ничего менять в основных положениях официального вероучения.

Ниже я расскажу о рождении этих двух королев, а затем о других событиях их жизни, только правду, и по большей части — из свидетельств протестантских сочинителей.

Королева Екатерина была на пять лет старше мужа и сильно отличалась от него привычками. Она вставала в полночь на монашескую утреню. В пять утра она вставала и как можно быстрее собиралась, говоря, что время, потраченное на украшение себя, потеряно зря. Под королевским облачением она носила францисканскую рясу, принеся обет терциария. Она постилась, вкушая хлеб и воду, по пятницам и субботам, а также в кануны богородичных праздников. По воскресеньям она причащалась святых таинств, ежедневно читала Часы Богородицы, проводила большую часть утра в церкви на службе, а после обеда читала стоявшим рядом с ней фрейлинам житие святого, чью память отмечали в тот день. Затем она опять возвращалась в церковь. Она мало ела на ужин. Во время коленопреклоненных молитв она вставала на голый пол, а не на подушку. Она была любезна в разговоре, вежлива со всеми, доброго и благочестивого нрава. Эта дама, зеркало доброты, столкнулась со множеством бедствий, чтобы в испытаниях сладость ее добродетели распространилась на весь христианский мир.

Генрих VIII, уставший (как кажется), от своей доброй королевы Екатерины после пятнадцати лет совместной жизни, по наущению кардинала Уолси¹⁴² начал заявлять о сомнениях относительно законности своего с ней брака, ибо до того она была

142 Томас Уолси (1473–1530), архиепископ Йоркский (1514–1529), кардинал (1515–1530), папский легат в Англии (1518–1530), лорд-канцлер (1514–1529); первый министр короля Генриха VIII, попавший в опалу из-за невозможности добиться аннулирования королевского брака в Риме. Уолси не был инициатором дела о разводе — им был сам король, — но он активно поддерживал план развода и нового брака короля, который мог бы обеспечить стране наследница мужского пола.

женой его брата¹⁴³. Папа Юлиан II дал законную диспенсацию, объявлявшую брак истинным¹⁴⁴. Когда рассматривалось дело о разводе, богослов, славный мученик, доктор Джон Фишер¹⁴⁵, светоч не только королевства Англии, но и всего христианского мира, подал легатам свой ученый трактат в защиту брака, советуя им не рубить сгоряча и не позволять исказить явную всем истину Священного Писания и церковных законов, доказанную в данном случае; подумать также и о том, какие великие бедствия последуют за этим разводом — вражда между королем Генрихом и императором Карлом¹⁴⁶, и государями — их союзниками. Самое же страшное — раздоры в вопросах веры, схизма, ересь и бесчисленные секты. «Я (говорил он) много работал над этим делом, проявив наибольшее усердие, на какое способен, и дерзаю подтвердить то, о чем написал в своем сочинении, и что ясно доказывается свидетельством Священного Писания и Святых Отцов, готовностью пролить кровь, заявляя: на земле нет власти расторгнуть этот брак, соединенный самим Господом».

Это, наряду с сочинениями других ученых и благочестивых защитников, представленных легатам, убедило последних, хотя среди них был и сам кардинал Уолси¹⁴⁷, не выносить вердикта,

143 Артур, принц Уэльский (1486–1502), старший сын и наследник короля Генриха VII Английского. 14 ноября 1501 г. женился на Екатерине Арагонской.

144 Екатерина впоследствии утверждала, что из-за юности обоих интимных отношений между ею и ее первым мужем, принцем Артуром, не было (т.е., брак не считался состоявшимся), что делало возможным заключение второго брака с братом покойного супруга на основании особого разрешения (диспенсации) папы Юлия II, выданного в декабре 1503 г.

145 Джон Фишер (1469–1535), ученый, богослов, епископ Рочестерский в 1504–1535 гг., кардинал (1535). Казнен за отказ признать короля главой церкви Англии. Канонизирован католической церковью как мученик в 1935 г. Выше идет речь о выступлении Фишера в защиту законности брака Генриха и Екатерины в легатском суде 1527 г.

146 Карл V Габсбург (1500–1559), король Испании (1516–1556) и Неаполя (1516–1554), император Священной Римской империи (1519–1556).

147 Легаты, рассматривавшие в 1527 г. в Лондоне прошение Генриха VIII об аннулировании его брата — Томаса Уолси в качестве папского легата в Англии и специально присланный с этой целью кардинал Лоренцо Кампеджио (1474–1539). Суд в Англии закончился неудачей для Генриха VIII, т.к. в от-

которого желал король. Не соглашался на это и тогдашний папа Климент VII¹⁴⁸, хотя ему, пребывавшему тогда в состоянии войны с императором Карлом¹⁴⁹, король Генрих обещал содержать четыре тысячи солдат в сражениях против императора. Настолько сильно желал он развода, чтобы жениться на Анне Болейн¹⁵⁰. Он посылал дары и взятки во все университеты, чтобы там высказали благоприятное для него мнение о разводе. В письме к императору кардинал Уолси намекнул, что король может затем жениться на госпоже Маргарите, прекрасной даме, вдове герцога Алансонского и сестре французского короля Франциска¹⁵¹. Томас Кранмер¹⁵², капеллан сэра Томаса Болейна¹⁵³, предполагаемого отца Анны Болейн¹⁵⁴, был таким, каких король лю-

вет на прошение королевы Екатерины папа Климент постановил рассматривать дело в его собственной курии и отозвал полномочия легатов.

- 148 Климент VII (Джулиано де Медичи, 1478–1534), папа Римский в 1523–1534 гг.
- 149 Папа Климент VII в союзе с королем Франции, герцогом Миланским, Генуэзской, Флорентийской и Венецианской республиками выступил против Габсбургов, стремясь изгнать их войска из Италии. Военные действия были неудачными для союзников, а в мае 1527 г. армия императора захватила и разграбила Рим, что фактически вывело папу из числа участников конфликта. В 1529 г. папа заключил мир с императором и короновал его в 1530 г. в Болонье.
- 150 Анна Болейн (1507–1536), дочь сэра Томаса Болейна и Элизабет Ховард, фрейлина королевы Екатерины с 1522 г. Ее роман с Генрихом VIII начался ок. 1525 г. В 1532 г. первый брак короля был аннулирован, а 14 декабря 1532 г. он женился на Анне.
- 151 Маргарита (1492–1549), дочь Шарля, графа Ангулемского и Луизы Савойской, старшая сестра французского короля Франциска I. В 1509 г. она стала женой герцога Шарля Ангулемского (1489–1525). В 1526 г. Маргарита вышла замуж за Генриха II (1503–1555), короля Наваррского в 1517–1555 гг.
- 152 Томас Кранмер (1489–1556), английский богослов–протестант, архиепископ Кентерберийский в 1533–1555 гг. В конце 1520–х гг. — начале 1530–х гг. он пользовался покровительством семьи Болейн, которому и был обязан своим высоким назначением.
- 153 Томас Болейн (1477–1539), граф Уилтшир и Ормонд; тюдоровский дипломат и придворный, в 1521–1525 гг. — казначей двора, в 1530–1536 гг. — лорд–хранитель королевской печати.

бил: он делал то, что было угодно королю, льстил ему и выполнял все его требования. Он вынес вердикт, согласно которому королеву Екатерину впредь нужно было именовать вдовствующей принцессой Уэльской, вдовой принца Артура, а Анну полагось считать законной королевой¹⁵⁵.

Мистер Кемден¹⁵⁶ скрывает дату свадьбы Анны Болейн¹⁵⁷, так как леди Елизавета родилась всего четыре месяца спустя. Удивительно, но он не указывает и дату обручения короля с ней, а также и день свадьбы и коронации¹⁵⁸, ведь она была матерью той, о чьей жизни и правлении он писал¹⁵⁹. Он говорит только, что Елизавета родилась 7 сентября 1533 г. в Гринвиче. Королеву Екатерину прогнали от королевского двора в Кимболтон¹⁶⁰, где она и жила с фрейлинами до 6 января 1536 г., дня, когда она

154 Здесь автор ссылается на слухи, ходившие о семье Болейн, а точнее, о матери королевы. Леди Элизабет Болейн (1480–1538), дочь Томаса Ховарда, 2-го герцога Норфолка от его первого брака с Элизабет Тилни, провела при дворе почти всю взрослую жизнь в качестве дамы свиты королевы Елизаветы Йоркской, а затем — Екатерины Арагонской. Рассказывали, что она была любовницей короля Генриха VIII, которого даже называли отцом ее дочери Анны. Однако никаких подтверждений этим слухам нет; вероятнее всего, Элизабет Болейн спутали с Элизабет Блаунт — матерью незаконнорожденного сына короля.

155 Первый акт о престолонаследии 1534 г. (25 Hen VIII с 22).

156 Автор здесь и ниже полемизирует с английским антиквариером Уильямом Кемденом (1551–1623), а точнее, с его трудом, посвященным царствованию королевы Елизаветы: *Annales rerum Anglicarum et Hibernicarum regnante Elizabetha, ad annum salutis* (1615, 1625)

157 Генрих VIII и Анна Болейн были тайно обвенчаны 14 ноября 1532 г. (их дочь Елизавета была зачата после этой даты). Однако брак с Екатериной Арагонской (который король уже счел незаконным) был провозглашен недействительным только 23 мая 1533 г., так что пара была объявлена мужем и женой лишь 28 мая 1533 г., когда беременность Анны уже должна была быть заметной. Именно эту дату имеет в виду Клиффорд.

158 Анна Болейн была коронована 1 июня 1533 г. в Вестминстере.

159 Т.е., королевы Елизаветы.

160 Манор и замок Кимболтон посреди болот восточного Кембриджшира в начале XVI в. принадлежал семье Уингфилд. В 1533 г. туда была отправлена Екатерина Арагонская (за отказ признать себя вдовствующей принцессой Уэльской, а не королевой). Считается, что промозглый климат Кимболтона способствовал ее ранней смерти.

оставила земную жизнь. Говорят, что ее дни сократила нездоровый воздух, но главным образом — непрекращавшийся поток бедствий и страданий. Некоторые же даже подозревали отравление, потому что леди Анна безмерно ненавидела ее. Когда король узнал о ее смерти, он прослезился и приказал свите облечься в траур; однако его новая жена нарядилась в желтое, радуясь ее тихой смерти. Тело королевы Екатерины похоронили в Питерборо¹⁶¹. После изгнания от двора ее не могли убедить удалиться в монастырь, хотя она и желала монашеской жизни; однако она не хотела делать ничего, что могло бы повредить ее браку, пусть это и подвергало ее бедствиям и опасностям. Отказывалась она и уехать в Испанию или Фландрию, куда ее приглашал племянник-император, хотя там бы ее приняли с почетом. Она же считала, что выпавшие ей на долю горести случились в искупление казни принца Эдварда Плантагенета¹⁶², сына герцога Кларенса¹⁶³, брата короля Эдуарда IV¹⁶⁴. Его (невинного) Генрих VII¹⁶⁵ приказал казнить, чтобы государство стало безопасным для его потомков, а также ради того, чтобы побудить короля Фердинанда¹⁶⁶ отдать свою дочь Екатерину в жены принцу Артуру¹⁶⁷. Перед смертью она написала два исполненных бла-

161 Екатерина Арагонская была похоронена в церкви бенедиктинского аббатства Св. Петра в Питерборо, которая после роспуска монастырей стала кафедральным собором новообразованной епархии Питерборо.

162 Эдвард, 17-й граф Уорик (1475–1499), сын Джорджа Плантагенета, герцога Кларенса, и Изабеллы Невилл, графини Уорик.

163 Джордж Плантагенет, герцог Кларенс (1449–1478), третий сын Ричарда Плантагенета, герцога Йорка и Сесили Невилл.

164 Эдуард IV (1442–1483), старший сын Ричарда Плантагенета, герцога Йорка и Сесили Невилл, король Англии в 1461–1470 и 1471–1483 гг.

165 Генрих VII Тюдор (1457–1509) — король Англии в 1485–1509 гг.

¹⁶⁶ Отец Екатерины Арагонской Фердинанд II (1452–1516), король Арагона в 1479–1516, Сицилии — в 1468–1516, Неаполя — в 1504–1516, Наварры — в 1512–1516 гг.

167 Хотя король Ричард III объявил Эдварда Плантагенета, графа Уорика, лишенным права наследования короны после объявления его отца, герцога Кларенса, вне закона в 1478 г., многие все равно считали юношу наследником Йорков по мужской линии. Генрих VII с 1485 г. держал графа Уорика под арестом в Тауэре. В 1499 г. он был обвинен (по всей видимости, ложно) в причастности к заговору, ставившему своей целью

гочестия письма, одно — королю, другое — духовнику, брату Фостеру, который тогда был в тюрьме, а затем, после жестоких пыток прославился как мученик¹⁶⁸. Таков был конец этой великой королевы и святой государыни, известной всем народам и прославленной большинством авторов того времени.

Пятью месяцами позже королева Анна была призвана на суд в мир иной, но после жизни, во всем отличной от предшественницы. Эта жизнь прошла в развлечениях, танцах, играх и прочих телесных уладах, в которых она отличалась особым изяществом — искушением и призывом к плотским удовольствиям, позорящим и губящим тех, кто ранее славился добродетелью. С того времени, как на защиту королевы Екатерины выступил ученый и неколебимый защитник, епископ Рочестерский¹⁶⁹, Анна всеми силами старалась погубить его. Некого Ричарда Райса, повара, подговорили отравить епископа, и он не додумался ни до чего лучшего, кроме как отравить весь колет с пищей, предназначенной для свиты епископа. Случилось так, что в тот день епископ не пришел по своему обыкновению обедать в общем зале, но большая часть поевших там домочадцев отравились и умерли. Повара Райса поймали, он во всем признался и был казнен¹⁷⁰. Когда же дворянин сообщил королю, что сэра Томаса Мора

способствовать бегству из тюрьмы другого заключенного — Перкина Уорбека (выдававшего себя за Ричарда Йоркского, младшего сына Эдуарда IV, т.е., одного из «принцев из Тауэра»). Екатерина Арагонская считала себя виноватой в смерти невинного принца, так как ее родители, Фердинанд II и Изабелла Кастильская, отказывались выдавать ее замуж за английского принца до тех пор, пока не окажется подтвержденным право на престол его отца (а фактически, пока Генрих VII не устранил всех потенциальных конкурентов из линии Йорков).

168 Имеется в виду Джон Форрест (1477–1538), богослов-францисканец, глава английской провинции францисканцев-обсервантов, духовник Екатерины Арагонской. 22 мая 1538 г. он был сожжен на костре за ересь (отказ признать короля главой церкви вместо папы).

169 Джон Фишер (см. примеч. 145).

170 Ричард Рус был арестован, подвергнут пытке и признался в том, что подложил в еду слабительное «ради шутки». Ему не поверили и приговорили к смерти актом объявления вне закона. 5 апреля 1531 г. его заживо сварили в котле в Смитфилде (близ Лондона).

обезглавили¹⁷¹, король сидел за игорным столом, а леди Анна стояла рядом. Король отшвырнул кости, выказав гнев и горе, и сказал ей: «Все это из-за тебя; честнейший человек моего королевства мертв», и внезапно ушел в расстройстве.

Вернемся к ее смерти. Королю, похоже, приглянулась Джейн Сеймур, и однажды королева Анна увидела, как король посадил ее себе на колени. Считали, что королева тогда была беременна и из-за ярости и гнева выкинула¹⁷², как она сказала королю, который, опечалившись, просил простить его и обещал больше не вызывать ее неудовольствия таким образом. Королева же, желая родить сына — наследника престола, и видя, что король не удовлетворяет ее, ради этой цели связалась¹⁷³ с собственным братом, лордом Джорджем Болейном, виконтом Рочфордом¹⁷⁴, джентльменами опочивальни — Фрэнсисом Уэстоном¹⁷⁵, Генри Норрисом¹⁷⁶, Уильямом Бреретоном¹⁷⁷, и музыкантом Марком Смитоном¹⁷⁸, за что

171 Сэр Томас Мор (1478–1535) — английский гуманист; спикер Палаты Общин в 1523 г., канцлер герцогства Ланкастерского в 1525–1529 гг., лорд-канцлер в 1529–1532 гг. В 1534 г. арестован за отказ принести присягу королю как главе церкви; был признан виновным в измене и казнен (обезглавлен) 6 июля 1535 г. Английские католики почитали его как святого мученика уже в XVI в.; канонизирован он был в 1935 г.

172 В конце января 1536 г. Анна Болейн перенесла выкидыш (примерно трехмесячного плода мужского пола). Причиной выкидыша называли стресс, перенесенный ею, когда Генрих VIII был сбит с коня во время турнира и два часа не приходил в себя; другой причиной стресса называли и описанный выше эпизод с Джейн Сеймур.

173 Официальной причиной обвинения королевы Анны в измене и инцесте были объявлены ее любовные связи с вышеперечисленными придворными, в том числе и ее собственным братом.

174 Джордж Болейн, виконт Рочфорд (1503–1536), дворянин королевской опочивальни, в 1534–1536 гг. смотритель Пяти портов и констебль Дуврского замка.

175 Сэр Фрэнсис Уэстон (1511–1536), дворянин королевской опочивальни, близкий друг Генриха VIII.

176 Сэр Генри Норрис (1482–1536), дворянин королевской опочивальни, близкий друг Генриха VIII.

177 Сэр Уильям Бреретон (1487–1536), дворянин королевской опочивальни.

178 Марк Смитон (1512?–1536), придворный певец и музыкант, возможно, фламандец.

их всех предали смерти¹⁷⁹. Через три дня, 14 мая 1536 г.¹⁸⁰, саму Анну Болейн обезглавили. Председателем суда был герцог Норфолк¹⁸¹. Ее осудили и приговорили двадцать шесть пэров, в том числе и ее отец, вскоре после того умерший от горя. Ей не было и двадцати девяти лет. Мы видим, какими разными были матери двух королев, и отцовство второй сомнительно; королева Мария никогда не называла Елизавету сестрой и не верила, что та — дочь ее отца. Она говорила, что у Елизаветы — лицо и фигура Марка Смитона, который был очень красивым мужчиной. Однако мы перейдем к их образованию.

В коротком рассказе о воспитании и эпизодах из жизни королевы Марии I я скажу, что она была воспитана добродетельной матерью, в княжеской роскоши и в истинном благочестии, научена знать Господа и служить Ему, и всегда пребывать в страхе Божиим. Впоследствии ее дальнейшее образование было вверено графине Солсбери¹⁸², матери кардинала Пола и двоюродной сестре королевы — ее бабушки, благочестивой женщины, уподоблявшейся святым¹⁸³. Мария была провозглашена принцессой Уэльской и наследницей королевства¹⁸⁴; научена ненавидеть зло, не знала грубых и нечистых речей. Когда об этом узнал отец, то не поверил и одна-

179 Предполагаемые любовники Анны Болейн были казнены 17 мая 1536 г.

180 Ошибка автора: казнь Анны состоялась 19 мая 1536 г. 14 мая ее брак с королем был объявлен аннулированным.

181 Дядя Анны, Томас Ховард, герцог Норфолк (см. примеч. 130).

182 Маргарет Пол (урожд. Плантагенет), графиня Солсбери (1473–1541), дочь Джорджа Плантагенета, герцога Кларенса, и Изабеллы Невилл, старшая сестра графа Уорика (см. примеч. 133 и 134); жена сэра Ричарда Пола (1462–1505). Придворная дама и воспитательница принцессы Марии в 1520–1533 гг. В 1539 г. ее и ее сыновей обвинили в измене — переписке с младшим сыном, Реджинальдом Полом, который в 1536 г. покинул Англию, отказавшись признать короля главой церкви. Старший сын графини, Генри Пол, барон Монтегю, был казнен в 1539 г., а его мать два года провела под арестом и была казнена 27 мая 1541 г.

183 Имеется в виду мать Генриха VIII Елизавета Йоркская.

184 Марию никогда формально не объявляли принцессой Уэльской, однако в 1525 г. она была отправлена в Ладлоу во главе собственного двора, как глава Совета Валлийской марки и обладательница других прерогатив принца Уэльского.

жды, во время бала, велел сэру Фрэнсису Брайану испытать ее. Узнав же, что это — правда, и сочтя ее рассудительной особой с королевским разумением, еще больше стал почитать ее. Однажды в Элтеме¹⁸⁵ она и Анна Болейн слушали мессу, находясь в одной комнате. В конце службы леди Мария, низко присев перед ней, оправилась в свои покои, так же поступила и леди Анна, которую тогда называли королевой. Когда леди Анна пришла к себе, одна из фрейлин сказал ей, что при расставании леди Мария присела перед ней в реверансе; она ответила, что не заметила этого, сказав: «если бы мы это заметили, то поступили бы так же по отношению к ней», а затем немедленно послала к ней даму своей свиты с извинениями, добавив, что ничья любовь не ценится ею выше, чем ее, и она примет ее с нежностью истинного друга. Дама пришла с посланием, когда леди Мария обедала. Войдя, она сказала: «королева с любовью приветствует вашу милость и просит прощения, ибо, когда вы обе вышли из молельни, вы присели перед ней в реверансе, и если бы она это заметила, то ответила бы тем же. Она хотела бы видеть в этом начало дружеского общения, и ваша милость найдет ее совершенно к вам расположенной». «Невозможно», отвечала леди Мария, «чтобы королева велела передать мне эти слова, и неподобающе; и не могло это произойти так быстро, ведь она находится далеко от этого места. Вы должны были бы сказать — леди Анна Болейн, ибо я не могу признать никакой другой королевы, кроме моей матери, и не могу считать друзьями тех, кто не являются и ее друзьями. Что же до реверанса, он был обращен к алтарю Творца нашего; те же, кто говорят иначе, обмануты и обманывают ее». Леди Анна пришла в ярость от такого ответа, заявив, что в один прекрасный день сломает это упорство.

Луис Вивес¹⁸⁶ в 1524 г. посвятил ей двести тридцать *Symbola*¹⁸⁷, или кратких сентенций, которые мы обычно называем деви-

185 Дворец в Элтеме (близ Гринвича) был королевской резиденцией в XIV–XVI вв.

186 Хуан Луис Вивес (1493–1540), испанский гуманист. Его трактат *De institutione feminae christianaе* (1523) был заказан королевой Екатериной Арагонской как наставление для ее дочери Марии.

187 Имеется в виду главный педагогический труд Вивеса: *Introductio ad sapientiam ... eiusdem satellitium animi, sive symbola* (1524).

зами, с парафразами на каждый из них. Первый из них гласил: *Scopus vitae Christus*¹⁸⁸, а последний — *Mente Deo defixus*¹⁸⁹. Она всегда помнила их, и сделала образом жизни. Она сделала началом и концом всех ее действий Христа, от благодати которого истекают все вещи, к Кому они стремятся, и живым примером тому была ее собственная мать.

Все соседние короли и князья стремились получить ее руку. Яков V, король шотландцев¹⁹⁰, затем император Карл¹⁹¹, немедленно предложивший ей во владение Нидерланды; потом французский король¹⁹² от имени своих сыновей, сначала — дофина¹⁹³, а потом — герцога Орлеанского¹⁹⁴. Когда же король Генрих отверг обоих по причине их юного возраста, король Франциск предложил самого себя ей в мужья. Такова была слава ее добродетели и достоинств. По разным государственным соображениям ни один из женихов не преуспел.

В царствование короля Эдуарда, когда новые правители изменили религию, принцессу Марию нельзя было ни угрозами, ни уговорами лорда-протектора¹⁹⁵ и других заставить закрыть модельню, или же не допускать никого постороннего в домашнюю

188 Христос — цель жизни (лат.)

189 Ум, обращенный к Богу (лат.).

190 Яков V Стюарт (1512–1542), король Шотландии в 1513–1542 гг., сын Якова IV и Маргарет Тюдор, сестры Генриха VIII.

191 Принцесса Мария была обручена со своим кузеном Карлом V в 1521 г., когда ей было всего пять лет. В 1525 г. помолвка была расторгнута, и император женился на Изабелле Португальской.

192 Франциск I Валуа (1494–1547), король Франции в 1515–1547 гг.

193 Франсуа (1518–1536), дофин, герцог Бретонский, старший сын короля Франциска I и Клод, герцогини Бретонской. Дофин был обручен с принцессой Марией в 1518 г. Помолвку расторгли в 1521 г., после чего Марию обручили с императором Карлом V (см. примеч. 146).

194 Генрих II (1519–1559), младший сын старший сын короля Франциска I и Клод, герцогини Бретонской, герцог Орлеанский в 1519–1536 гг., дофин в 1536–1547 гг.; король Франции в 1547–1559 гг. В 1527 г. между Англией и Францией был подписан договор, предполагавший, помимо прочего, брачный союз между Марией и Генрихом (либо его отцом Франциском I).

195 Эдвард Сеймур, герцог Сомерсет (см. примеч. 124).

часовню, где открыто служили мессу каждый день, или принять хоть малейшее отступление от католической религии. Когда же она увидела, каким путем идут новые правители, нарушившие последнюю волю ее отца, соблюдать которую они поклялись перед его смертью, она храбро и откровенно написала лорду-протектору, призывая его и остальных членов Совета задуматься о том, что они делают и не злоупотреблять несовершеннолетием короля, изменяя законы, волю и постановления их отца, короля Генриха, ибо их могут призвать к ответу за содеянное, когда ее брат-король достигнет совершеннолетия. Она также сказала им, что они не имеют власти вносить изменения в таких важных делах так, как поступили; им должно скорее сохранять все в том состоянии, в каком их оставил ее отец-король, в соответствии с клятвой, данной ими перед его смертью: что они так и станут поступать, особенно в делах религии, пока ее брат-король не достигнет совершеннолетия. Они же не посмели преследовать ее, так как она была наследницей престола, но забрали у нее капелланов и наказали их за неповиновение новым законам. Леди Мария пожаловалась на это брату и написала императору о том, как обращаются с ее капелланами и слугами. Императору не понравилось, что ей не позволяют того, что позволено всем послам иностранных государей¹⁹⁶; притом, что она — старшая сестра их короля, исповедующая католическую религию, в которой она была воспитана, и никакая другая религия ранее не была известна в Англии.

Глава VI

Очерк царствования королевы Елизаветы. Сравнение ее с королевой Марией

Теперь я перехожу к воспитанию королевы Елизаветы. Она не получила материнского воспитания, так как ей не исполнилось и трех лет, когда умерла ее мать. Вскоре после рождения ее провозгласили принцессой Уэльской, лишив этого титула леди

196 Католическое богослужение разрешалось в часовнях при домах послов католических стран, так как предполагалось, что там будут присутствовать только иностранцы, но не подданные английского короля (хотя это правило неоднократно нарушалось).

Марию¹⁹⁷. Вскоре после смерти ее матери, в начале июня¹⁹⁸, король собрал ассамблею епископов и парламент, обозначив тем самым, как печалит его обида, нанесенная дочери Марии, и возвышение Елизаветы, дочери Анны Болейн. Он предпочел бы вернуться к тому, что было раньше, и установить определенное вероучение и форму богослужения¹⁹⁹. Ибо когда правила Анна, всюду царило замешательство и распущенность, не было определено, во что следует верить, и что делать в делах религии. Ведь она (несчастливая женщина) стала первопричиной схизмы и гибели своей страны. И все же она²⁰⁰ была величественной и щедрой принцессой, и как сказал о ней один человек, больше годилась для величия, нежели для благочестия, и уделяла больше внимания политике, нежели религии. Ее сестра Мария ничем не уступала ей достоинствам, подобающих столь знатной принцессе, но она была на семнадцать лет старше и воспитана в добрых устоях, прежде всего в том, что касается добродетельной жизни и религии. Мистер Кемден говорит нам, что леди Елизавета читала «Общие места» Меланхтона. Я бы предпочел, чтобы она вместо того читала «Размышления», «Исповедь» и «Монологи» Блаженного Августина, а о том, как нужно жить, и делах политических — книгу святого *De civitate Dei*²⁰¹.

Знатная дама, хорошо знавшая Елизавету, когда той было двенадцать или тринадцать лет, говорила мне, что она была высокомерной гордячкой, и приводила примеры неприятного поведения, пятнавшего красоту ее персоны. В царствование короля

197 Акт о престолонаследии, принятый в марте 1534 г. См. примеч. 106.

198 В июне 1536 г. парламент принял новый акт о престолонаследии, согласно которому леди Елизавета (объявленная незаконнорожденной после аннулирования брака родителей) лишилась титула принцессы Уэльской.

199 Речь идет о «Десяти статьях», принятых конвокацией английского духовенства в 1536 г. Документ представлял собой компромисс между протестантами (доктрина оправдания верой) и католиками (пресуществление, таинство исповеди, сохранение молитв святым и их изображений в церквях, молитва за умерших и т.п.).

200 В данном случае речь идет о Елизавете I, а не о ее матери Анне Болейн.

201 «О граде Божьем» (лат.).

Эдуарда доктор Лэтимер²⁰² прочел проповедь о том, что произошло между ней и лордом—адмиралом, сэром Томасом Сеймуром, и в том была главная причина, почему парламент осудил лорда—адмирала²⁰³. Был слух о ребенке, рожденном и безжалостно убитом, но нельзя было точно уставить, чей это был ребенок; есть только рассказ повитухи, которую привезли из дома с завязанными глазами и так же доставили обратно. Она ничего не увидела в доме, пока была там, только зажженные свечи. И сказала только, что ребенка родила очень красивая юная леди. Шептались об адмирале и этой леди, которой тогда было между пятнадцатью и шестнадцатью годами. Если этот рассказ правдив, то приговор был Божьей карой адмиралу, а роды — для нее, ибо она после того навсегда осталась неспособной иметь других детей. До этого, в сентябре, адмирал похоронил жену, королеву Екатерину, которая умерла родами, произведя на свет дочь²⁰⁴.

- 202 Хью Лэтимер (1487–1555) — протестантский богослов и проповедник, епископ Вустерский в 1536–1539 гг.; капеллан короля Эдуарда VI в 1547–1550 гг. В 1554 г. осужден как еретик. Сожжен на костре в Оксфорде 16 октября 1555 г.
- 203 Томас Сеймур, барон Садли (1508–1549), младший брат лорда-протектора Сомерсета, лорд—адмирал в 1547–1549 гг. После смерти отца леди Елизавета жила в доме мачехи, королевы Екатерины Парр, и ее нового мужа, Томаса Сеймура. Именно там, в 1548 г. завязался роман между принцессой и лордом—адмиралом, хотя о сути их отношений доподлинно ничего неизвестно. После смерти жены в сентябре 1548 г. Томас Сеймур был свободен и мог жениться на принцессе. В январе 1549 г. он был арестован при попытке вломиться в покои юного Эдуарда VI ночью, что королевские советники расценили как попытку захватить короля и получить разрешение на брак с принцессой. Именно это стало основой обвинения в измене; 20 марта 1549 г. признанный виновным Сеймур был казнен. Елизавету и ее слуг арестовали и долго допрашивали; она и все ее дамы настаивали на том, что ее отношения с Сеймуром оставались в рамках приличия, а об интимности и речь не шла. Тем не менее, слухи о любовной связи и беременности Елизаветы разошлись довольно широко; именно их и воспроизводит Клиффорд.
- 204 Екатерина (Кэтрин) Парр (1512–1548), дочь сэра Томаса Парра и Мод Грин; в первом браке (1529–1533) — жена сэра Эдварда Боро (ум. 1533), во втором (1534–1543) — Джона Невилла, 3-го барона Лэтимера (1493–1543); шестая жена короля Генриха VIII в 1543–1547 гг. Томас Сеймур искал руки Екатерины еще в 1543 г., но ему пришлось отступить, когда сам король сделал ей предложение. После смерти Генриха VIII от-

Похоже, что рогоносица не имела большого почтения к леди Елизавете, ибо в 1550 г. главного судью опекунского суда сделали графом Уилтширом²⁰⁵, а этот титул принадлежал ее отцу²⁰⁶, и его отняли у нее и его рода²⁰⁷. Когда же после смерти короля Эдуарда его лорды посадили на престол леди Джейн, они при этом отвергли ее и опасались только леди Марии. Я пишу все это в ответ на слова моих соотечественников, которые несправедливо возвеличивают леди Елизавету и принижают королеву Марию.

Злоключения королевы Елизаветы начались на втором году царствования ее сестры. Ее заподозрили и обвинили в соучастии в восстании сэра Томаса Уайетта²⁰⁸, и за это она была впервые посажена в Лондонский Тауэр и потом отправлена узницей в Ву-

ношения Сеймура и Екатерины Парр возобновились, и в апреле–мае 1547 г. (дата неизвестна) пара тайно обвенчалась. 30 августа 1548 г. Екатерина родила дочь Мэри и скончалась в результате родильной горячки 5 сентября того же года.

- 205 Уильям Полет (1485–1572) — тюдоровский юрист и придворный, занимавший в разное время посты казначея, аудитора, стюарта и лорда-камергера двора, а также, лорда-казначея и лорда-хранителя королевской печати; член Тайного совета, в 1542–1554 гг. главный судья суда по опеке. В 1550 г. Полету был дарован титул графа Уилтшира; в 1551 г. он получил более высокий титул маркиза Винчестера, а титул графа Уилтшира стал «титолом вежливости», который теперь носил наследник маркиза.
- 206 Автор путается в местоимениях. В данном случае «она» обозначает не Елизавету, но Анну Болейн.
- 207 В 1529 г. Генрих VIII даровал титул графа Уилтшира сэру Томасу Болейну. Поскольку наследник — его сын Джордж был признан виновным в измене и казнен (1536), после смерти Болейна-старшего в 1539 г. графский титул оказался выморочным. Елизавета не могла наследовать титул деда, так как считалась незаконнорожденной, а ее мать — лишенной прав изменницей.
- 208 Сэр Томас Уайетт (1521–1554), сын тюдоровского дипломата, сэра Томаса Уайетта и Элизабет Брук. Противник брака Марии I и Филиппа II, в январе 1554 г. он стал одним из заговорщиков (см. ниже), планировавших захватить королеву и посадить на престол Елизавету и графа Девона. Уайетту, единственному из заговорщиков, удалось поднять восстание в Кенте и повести своим отряды на Лондон. Восставшие были разгромлены у западных ворот города (Ладгейт). Сэр Томас был захвачен в плен, признан виновным в измене и казнен 11 апреля 1554 г.

дсток²⁰⁹. Большая часть советников, основываясь на показаниях участников и других предписаниях, старалась убедить королеву предать ее суду, однако та в доброту своей этого не допустила.

Когда в Англию приехал Филипп и был признан королем²¹⁰, то, найдя леди Елизавету под арестом, он убедил королеву проявить милосердие и тем самым не только избавил ее от сурового наказания, но и обеспечил ей свободу вернуться ко двору²¹¹. В оставшиеся годы правления сестры леди Елизавета по большей части жила в собственном доме в Хатфилде²¹². В ее доме собирались многие люди, которых подозревали в ереси и мятеже, и лордам Тайного Совета казалось, что это нельзя больше игнорировать, но нужно расследовать и покарать виновных. Но к ней благоволили король и испанская знать, убедившие отложить расследование. Дело вышло наружу в марте следующего года, когда сэр Энтони Кингстон²¹³, Ричард Юделл²¹⁴, Джон Трокмортон²¹⁵,

209 Заговорщики планировали посадить Елизавету на престол, поэтому Мария считала сестру соучастницей. В феврале 1554 г. Елизавету отправили в Тауэр; часть Совета высказывалась за ее казнь, однако 22 мая ее отправили в королевский манор Вудсток под домашний арест.

210 Король Филипп обвенчался с Марией в Винчестере 25 июля 1554 г. и был провозглашен королем Англии *jure uxoris* согласно условиям Акта о браке (апрель 1554, 1 Mary, с.2).

211 Елизавета вернулась ко двору 17 апреля 1555 г.; покровительствовавший ей король Филипп предпочитал (в отсутствие у него и Марии детей) видеть наследницей именно ее, а не шотландскую королеву Марию, права которой на английский престол отстаивал его враг — король Франции.

212 Дом в маноре Хатфилд (Хартфордшир) был построен в конце XV в. епископом Илийским Джоном Мортонем. В XVI в. он попал в руки Генриха VIII вместе с другим конфискованным церковным имуществом и стал одной из королевских резиденций. В ней провела детство и юность принцесса Елизавета. В 1603 г. король Яков I передал его сэру Роберту Сесилу (в обмен на манор Теобальдс) и с тех пор он находится в собственности этой семьи.

213 Сэр Энтони Кингстон (1512–1556), тюдоровский придворный и парламентарий, член Совета Валлийской марки. Соучастник заговора Дадли, умер под арестом.

214 Ричард Юделл, младший сын сэра Уильяма Ювделла из Уикэма, командир гарнизона в замке Ярмут на острове Уайт. Казнен за участие в заговоре в 1556 г.

215 Джон Трокмортон из Тортворта (Глостершир).

Джон Дэниэл, Уильям Стентон и другие сговорились, не без вмешательства французского посла²¹⁶, ограбить сокровищницу короля, где собирались деньги для французской кампании²¹⁷. Когда один из заговорщиков выдал их замыслы, некоторых арестовали и казнили, другие же бежали во Францию²¹⁸. Согласно многим показаниям, леди Елизавета была соучастницей, и королевский совет хотел допросить и наказать ее, однако король вновь защитил ее от этой угрозы. Было решено, что к ней нужно отправить двух джентльменов–католиков, чтобы те оставались с ней и наблюдали все происходящее в ее доме; туда послали сэра Томаса Поупа²¹⁹ и мистера Роберта Гейджа²²⁰. Однако своим осторожным поведением, вежливостью и хитростью, а также публичным объявлением верности католической религии, леди Елизавета сумела обмануть этих дворян. Еще до конца года она тайне узнала о мистере Томасе Стаффорде, изгнаннике во Франции, который собрался, внезапно вернувшись в Англию, провозгласить себя королем (ибо он происходил из рода герцогов Бекингэмов) и жениться на леди Елизавете²²¹. Они считали

216 Антуан де Ноайль (1504–1562), французский посол в Англии в 1553–1556 гг.

217 Заговор (1555–1556), известный по имени организатора, сэра Генри Дадли (1517–1568), младшего сына барона Дадли. Заговорщики планировали ограбить казначейство, а деньги использовать для того, чтобы возвести на престол Елизавету и графа Девона.

218 Во Францию удалось бежать сэру Генри Дадли; он вернулся на родину только в 1563 г.

219 Сэр Томас Поуп (1507–1559), тюдоровский юрист и парламентарий, член Тайного Совета Марии I.

220 Сэр Роберт Гейдж из Хейлинга (1519–1587).

221 Томас Стаффорд (1533–1557) — второй сын Генри, барона Стаффорда и Урсулы Пол, происходил от Плантагенетов, возводя свой род к сыновьям Эдуарда III: барон Стаффорд был сыном и наследником Эдварда Стаффорда, герцога Бекингэма (1478–1521), казненного за измену (а скорее, за то, что имел права на престол) и потомком младшего сына Эдуарда III, Хамфри, герцога Глостера; Урсула Пол была дочерью графини Солсбери (см. примеч. 182), следовательно, в числе ее предков были два других сына Эдуарда III — Лионел, герцог Кларенс, и Эдмунд, герцог Йорк (предки династии Йорков). Обиженный отказом Марии I вернуть его семье титул и поместья Бекингэмов, Стаффорд присоединился к восстанию Уайатта, а

себя достаточно сильными, чтобы выступить против королевы Марии. Вскоре после того мистер Стаффорд привел свой план в исполнение: 24 апреля 1557 г. он, прибыв из Франции всего с сорока людьми, взял замок Скарборо в надежде, что либо леди Елизавета пошлет свои силы забрать его оттуда, либо сама придет туда с войском. Но благодаря бдительности графа Уэстморленда²²² его захватили в плен, отправили в Лондон и обезглавили, а сторонников повесили; прочую же ответственность за это преступление возложили на леди Елизавету. Ей повезло, что как раз в это время из Фландрии в Англию вернулся король Филипп, и благодаря его заступничеству она опять избежала гибели.

Во время последней болезни королева Мария отправила лордов с поручением допросить леди Елизавету о религии. Она же ответила им: «Неужели невозможно убедить королеву в том, что я — католичка, ведь я уже столько раз объявляла об этом?», и опять поклялась в том, что является католичкой. Это — ответ словам мистера Кемдена²²³, и подтверждается письмом герцога Ферии королю, а герцог посещал леди Елизавету во время болезни королевы. Он заверил короля, что она исповедовала католическую религию, верила в реальное присутствие Тела и Крови Христовых в гостии и не склонна была изменять основные положения вероучения.

Правление королевы Марии началось 6 июля 1553 г. Она вернула все законы, касавшиеся религии в то положение, в каком их оставил дед, король Генрих VII, и в каком они оставались при всех христианских государях, начиная с прихода христианства в Англию. Она отменила все новые законы и нововведения, принятые в правление ее брата и отца, вернув всех к смиренному почитанию веры. Она наказала главных из тех, кто вводил новшества, и прежде всего — их главного автора, Томаса Кранме-

после его поражения бежал во Францию. В 1557 г. он попытался поднять в Англии восстание против испанцев; эти события и упомянуты в тексте.

222 Генри Невилл, 5-й граф Уэстморленд (1525–1563).

223 Здесь Клиффорд вновь полемизирует с Кемденом («Анналы», книга 1, глава 1), в повествовании которого и речи нет о том, что Елизавета когда-либо была католичкой.

ра²²⁴. Он, как предполагают, еще будучи католиком, занял кафедру и стал первым архиепископом, отошедшим от веры своих предшественников и подчинения Апостольскому престолу. Королева простила недоимки по субсидиям, объявленным в последний год царствования ее брата, давала большую милостыню бедным, простила долги тем из придворных, которые были ими сильно обременены, восстановила больше пришедших в упадок знатных домов, нежели любой другой английский государь, и принесла стране мир и изобилие. Проще говоря, в своем великодушии и добродетели она была лучшей государыней, которую когда-либо имела Англия. Тем не менее, ересь так заворожала умы некоторых ее подданных, что за пять лет ее правления она столкнулась с большим количеством открытых мятежей, нежели королева Елизавета за почти сорок пять лет ее царствования.

Королева Мария правила просто, без уловок и новшеств, суровая к отвратительным и богопротивным грешникам и строгая к мятежникам против короны, но больше по обязанности, нежели по природной склонности. Она соблюдала законы, но ее милосердие проявилось в сочувствии к герцогине Сомерсет²²⁵, сэру Джону Чичу²²⁶, сэру Эдварду Монтегю²²⁷, маркизу Норх-

224 Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский, предстал перед судом (светским и церковным) дважды, в 1553 и 1555 г. и был признан виновным, соответственно, в измене и ереси. Сожжен на костре в Оксфорде 21 марта 1556 г.

225 Энн Сеймур, урожд. Стэнхоуп (1510–1587), дочь сэра Эдварда Стэнхоупа и Элизабет Берчер, жена Эдварда Сеймура, герцога Сомерсета, лорда-протектора Англии. Герцогиня была арестована вместе с мужем и оставалась в Тауэре после его казни (1551), хотя ей не предъявляли обвинения. Освобождена при восшествии на престол Марии I.

226 Сэр Джон Чик (1514–1557) — английский гуманист, глава Королевского колледжа (Кембридж), наставник принца Эдуарда, государственный секретарь (1553). Будучи протестантом, Чик предпочел эмигрировать, когда на престол взойшла Мария I, однако был в 1556 г. арестован в Нидерландах по приказу короля Филиппа, привезен в Англию, и посажен под арест в Тауэр. Обвиненный в ереси, Чик отрекся от протестантского учения и был освобожден.

227 Сэр Эдвард Монтегю (1485–1557), главный судья Суда Общих тяжб, член Тайного Совета Эдуарда VI; поддержал королеву Джейн Грей (хотя и под

эмптону²²⁸, сэру Генри Дадли²²⁹, сэру Фрэнсису Гейтсу²³⁰, лорду Роберту Дадли²³¹ и к герцогу Саффолку²³², все они были ее явными противниками, и большая их часть объявлена вне закона, все — враги ее веры и права на престол, однако она освободила их из Тауэра, где они пребывали в заключении.

Однако протестанты по-прежнему злоумышляли против нее и не давали ей покоя. Они писали пасквили против правления женщин²³³, издавали рассуждения и выпады против религии и

давлением Нортумберленда) и именно поэтому в 1553 г. оказался в Тауэре, но был отпущен после выплаты большого залога.

- 228 Уильям Парр (1513–1571), 1-й маркиз Норхэмптон, лорд-камергер в 1550–1553 гг.; за попытку возвести на престол Джейн Грей был приговорен к смерти и лишился титулов, однако в конце 1553 г. был выпущен из Тауэра.
- 229 Не вполне ясно, кого именно имеет в виду автор. Попытку посадить Джейн Грей на престол поддержали два Генри Дадли — сын барона Дадли (см. примеч. 217) и его кузен и тезка, младший сын герцога Нортумберленда (1531–1557). Оба они в 1553 г. были отправлены в Тауэр и оба получили королевское прощение несколько месяцев спустя.
- 230 Скорее всего, сэр Генри Гейтс (1523–1589) — придворный и парламентарий, в 1553 г. вместе с братом, сэром Джоном Гейтсом, пытался возвести на престол Джейн Грей. Был арестован в 1553 г., признал себя виновным в измене и приговорен к смерти, но получил королевское прощение. Его брат был казнен.
- 231 Роберт Дадли, 1-й граф Лестер (1533–1588), пятый сын герцога Нортумберленда, фаворит Елизаветы I, лорд-штальмейстер (1558–1587) и распорядитель ее двора (1587–1588). В 1553 г. вместе с отцом и братьями попытался возвести на престол Джейн Грей. Герцог Нортумберленд и муж Джейн, Гилфорд Дадли, были казнены (см. примеч. 28 и 106), а остальные братья — Эмброуз, Роберт и Генри — были освобождены. В 1557 г. они сражались за Филиппа и Марию против французского короля, а в 1558 г. семье Дадли были возвращены наследственные права (утраченные после объявления Нортумберленда вне закона в 1553 г.).
- 232 Генри Грей, 1-й герцог Саффолк (1517–1554) пытался возвести дочь на престол (см. примеч. 106). Арестованный за это в 1553 г., он получил королевское прощение благодаря дружбе жены, леди Фрэнсис (урожд. Брендон), с королевой Марией.
- 233 Имеется в виду памфлет английского протестанта Джона Нокса (1513–1572) «Первый трубный глас против чудовищного правления женщин» (1558), мишенью которого были королева Мария и королева — регентша Шотландии Мария де Гиз.

сговаривались лишить ее власти в пользу наследницы. Все эти мятежные действия предпринимались во имя религии, которой не было и шести лет, религии распушенности, к которой склонялись ветропрахи, лишенной всякого воздержания²³⁴. Королеву Марию принижают, обвиняя в том, что многих сожгли в ее правление. Однако она не вводила новых законов против еретиков, а только восстановила существовавшие ранее, те, что действуют в церкви Господней с момента принятия Англией христианства²³⁵. А когда один человек обвинялся в ереси, измене или уголовном преступлении, по воле королевы применялся закон, поскольку ересь — прямое преступление против Бога.

Прожив тридцать семь лет девственницей, королева Мария ради блага страны, чтобы оставить потомство, вышла замуж за знатнейшего государя христианского мира, который принес английской короне богатство, честь и лучшие союзы в Европе. Посмотрите, однако, какие за этим последовали заговоры и мятежи: восстание сэра Томаса Уайетта на востоке Англии²³⁶; сэра Питера Кэрю, сэра Гэвина Кэрю и сэра Томаса Денни — на западе²³⁷; сэра Джеймса Крофта и прочих — в Уэльсе²³⁸; герцога

234 Имеется в виду отсутствие в церкви Англии правила целибата.

235 Парламентский акт 1554 г. (1 & 2 Ph. & M. с.6) восстановил отмененные при Генрихе VIII и Эдуарде VI статуты о преследовании и наказании еретиков 1382 (5 Ric. 2 Stat. 2, с.5), 1401 (2 Hen.4 с.15) и 1414 (2 Hen. V St. 1, с. 7).

236 В конце января 1554 г. сэр Томас Уайатт поднял восстание против королевы в Кенте (см. примеч. 208).

237 Сэр Питер Кэрю (1514–1575) — дворянин из Девона, парламентарий и солдат; сэр Гэвин Кэрю (1503–1585), его дядя, шериф Девона; Томас Денни — видимо, младший брат сэра Энтони Денни, дворянина королевской опочивальни и члена Тайного Совета Генриха VIII. Все трое попытались одновременно с Уайеттом поднять в январе 1554 г. восстание в Девоне, однако потерпели неудачу. Гэвина Кэрю и Денни арестовали сразу после этого и в 1555 г. отпустили после выплаты большого залога; Питер Кэрю бежал во Францию и был в 1556 г. арестован в Нидерландах вместе с сэром Джоном Чиком (см. примеч. 226). Освобожден из-под ареста в конце того же года.

238 Сэр Джеймс Крофт (1517–1590), тюдоровский придворный и дворянин Валлийской марки. Его план поднять в 1554 г. восстание в Уэльсе и Херефордшире был раскрыт; Крофт предстал перед судом, был признан ви-

Саффолка (уже получившего прощение) — в Лестершире²³⁹. Затем, после этого, заговоры графа Девоншира²⁴⁰, сэра Николаса Трокмортон²⁴¹ и других. И секретаря времен короля Эдуарда, Уильяма Томаса, умышлявшего убить королеву; перед казнью он объявил, что умирает за свою страну²⁴². После этого были Юделл, Трокмортон и прочие, и Томас Стратфорд, о которых я уже упоминал раньше.

Королева Елизавета унаследовала королевство 17 ноября 1558 г.; король Филипп находился тогда во Франции под Дурле²⁴³. Новые советники убедили ее вернуть себе духовную власть и юрисдикцию²⁴⁴. Возможно, что ее именно убедили, учитывая клятвы, данные ею в правление королевы Марии советникам, посланным допросить ее, а также слова, сказанные ею герцогу Ферри, послам и другим людям в нескольких случаях, и почитание, оказываемое ею Святому Кресту, Благословенной Деве Марии и святым. Она умерла, имея перед собой золотое распятие, так что

новным в измене и приговорен к смерти, однако в 1555 г. получил королевское прощение.

- 239 Попытка герцога Саффолка поднять в 1554 г. восстание в Лестершире, после того как он всего год назад получил королевское прощение (см. примеч. 185 и 204), на этот раз привела его на плаху. Казнен 23 февраля 1554 г.
- 240 Имеются в виду заговоры Уайетта и Дадли (1554 и 1555 гг.), ставившие своей целью возвести на престол графа Девона и Елизавету. См. примеч. 208 и 217.
- 241 Сэр Николас Трокмортон (1516–1571) — тюдоровский парламентарий и дипломат. В 1554 г. был арестован за соучастие в заговоре Уайетта, предстал перед судом и был оправдан. В 1555 г. его освободили из Тауэра, однако в 1556 г. Трокмортон заподозрили в причастности к заговору Дадли, и он бежал во Францию. В 1557 г. он получил королевское прощение и сражался за Филиппа и Марию под Сент-Квентином.
- 242 Уильям Томас (ум. 1554) — гуманист, клерк Тайного Совета при Эдуарда VI. Участник заговора Уайетта; после подавления восстания в феврале 1554 г. пытался бежать в Уэльс, но был арестован и 8 мая 1554 г. предстал перед судом, приговорившим его к смерти за измену. Казнен 18 мая 1554 г.
- 243 Дурлер. См. примеч. 140.
- 244 Елизаветинский акт о супрематии (1559: 1 Eliz 1 с 1) провозгласил королеву «верховой распорядительницей *supreme governor*» церкви Англии.

доктор Барлоу²⁴⁵ заявил: она умерла паписткой. Кажется, однако, что люди, стремившиеся установить новую религию, следовали своим убеждениям и мало-помалу перевернули все с ног на голову. Благодаря им королева Елизавета согласилась издать такие суровые законы против католиков, какие ни один государь никогда не издавал против преступников любого толка. Свидетельство тому — находящиеся в силе статуты²⁴⁶, казни многих священников и страдания бесчисленных подданных за это дело.

До коронации королева велела всем епископам молчать и не проповедовать. После заседаний парламента все неприсягнувшие²⁴⁷ были лишены сана, приходов и постов церковных и светских и отправлены в тюрьму. В Англии сместили четырнадцать епископов, ученейших прелатов, в Ирландии — десять; двенадцать настоятелей соборов, пятнадцать глав коллегий, шесть аббатов, двенадцать архидиаконов, сто шестьдесят священников, а также мистера Шелли, приора ордена Св. Иоанна Иерусалимского²⁴⁸.

Книгу Общих молитв, их новый служебник, составили Паркер, Гриндал, Хорн, Уайтхед, Билл и сэр Томас Смит²⁴⁹. Слыхано

245 Уильям Барлоу (ум. 1613) — английский богослов и полемист, настоятель Честерского собора, епископ Рочестерский (1605–1608) и Линкольнский (1608–1613).

246 Имеются в виду принятые английским парламентом во второй половине XVI в. антикатолические статуты 1559, 1563, 1571, 1581, 1585, 1593 гг., запрещавшие католическое богослужение и приравнивавшие деятельность католических миссионеров к государственной измене, а также вводившее штрафы за отсутствие на протестантской воскресной литургии.

247 Т.е., не признавшие королеву главой церкви.

248 Ричард Шелли (1513–1589) — последний приор Ордена Св. Иоанна Иерусалимского в Англии. Смерть Марии I застала Шелли в Брюсселе. В 1559 г., еще до официальной смены вероисповедания в Англии, он был отправлен к Фердинанду I в качестве посланника новой королевы, и больше в Англию не возвращался. Он жил в Испании, на Мальте и в Италии. Умер в Венеции.

249 Члены комиссии по пересмотру служебника (1559): Мэтью Паркер (1504–1575) — архиепископ Кентерберийский в 1559–1575 гг.; Эдмунд Гриндел (1519–1583) — епископ Лондонский (1559–1570), архиепископ Йоркский (1570–1576) и Кентерберийский (1576–1583); Роберт Хорн (1510–1580), епископ Винчестерский в 1560–1580 гг.; Дэвид Уайтхед (1492–1571) — протестантский богослов; Уильям Билл (1505–1561) — протестантский богослов, настоятель Вестминстерского собора в 1560–

ли это, чтобы в христианском королевстве порядок богослужения определялся без согласия и помощи епископов? Но это совершили выскочки и миряне, впоследствии сделавшие себя епископами. В дебатах, которые воспоследовали, председателем назначили сэра Николаса Бэкона, простого мирянина, которого потом назначили лордом-хранителем печати²⁵⁰. Он, будучи знатоком законов, а не богословом, стал одним из главных советчиков, убедивших королеву избрать этот образ действий и изменить религию.

Конец добрых епископов был таков. Доктор Скотт, епископ Честерский умер в изгнании в Лувене²⁵¹; Голдуэлл Сент-Асафский — в Риме²⁵²; Пейт Вустерский подписал каноны Тридентского Собора от имени английского клира и не вернулся в Англию²⁵³; доктор Оглторп Карлайлский, короновавший короле-

1561 г.; сэр Томас Смит (1513–1577) — ученый, протестантский богослов и дипломат. Все, кроме Смита, были духовными лицами, однако Клиффорд, обозначая их мирянами, подчеркивает свое непризнание протестантской церковной иерархии.

250 Сэр Николас Бэкон (1510–1579) — тюдоровский юрист, лорд-хранитель королевской печати в 1558–1579 гг.

251 Катберт Скотт (ум. 1564) — доктор богословия, профессор Кембриджского университета, епископ Честерский в 1556–1559 гг. В 1559–1563 гг. был под арестом в Тауэре и тюрьме Флит; сумел бежать в Нидерланды; умер в Лувене.

252 Томас Голдуэлл (1501–1585) — выпускник Оксфордского университета, капеллан кардинала Пола в 1539–1553 гг., епископ Сент-Асафский в 1555–1559 гг.; эмигрировал в Италию, где с 1561 г. был главой обители театинцев в Риме. Участвовал в заседаниях Тридентского собора с 1563–1564 гг.; в 1560-х гг. викарий Карло Борромео, архиепископа Миланского. Умер в Риме.

253 Ричард Пейт (ум. 1564) — католический богослов, архидиакон Линкольнского собора в 1528–1540 гг., в 1533–1540 гг. посол при дворе императора Карла V, затем жил в изгнании до 1553 г. Назначен папой на Вустерскую кафедру в 1542 г. (за что в Англии его объявили вне закона). Участвовал в работе Тридентского собора в 1547, 1549 и 1551 гг. Вернулся на родину в 1554 г. и до 1559 г. был епископом Вустерским. В 1559 г. лишился кафедры и был арестован, затем бежал в Лувен и умер в изгнании.

ву, скоропостижно скончался вскоре после лишения сана²⁵⁴; знаменитый ученостью Тансталл умер узником в Лэмбете²⁵⁵; Бурн Уэллский стал узником Кэрю, настоятеля Часовни Св. Георгия²⁵⁶; Терлби Илийского отправили в Тауэр, а потом в Ламбет, где он и умер²⁵⁷; аббат Фекэм, епископ Уотсон, епископ Уайт и епископ Боннер умерли в заключении²⁵⁸; а приор Шелли — в изгнании²⁵⁹. Так свершилось падение католического клира, вещь невероятная для потомков.

Королева взошла на престол, будучи двадцати пяти лет отроду, прекрасная госпожа благородной наружности. Но ее невозможно было убедить выйти замуж, а на могиле своей она приказала написать, что жила и умерла девственницей. Король Генрих IV Французский, смеясь, сказал, что мир ни за что не поверит этому, не поверят и ее многочисленные фавориты, например, Пикеринг, который был у нее еще до коронации, так что все

254 Оуэн Оглторп (ум. 1559) — епископ Карлайлский в 1557–1559 гг.; короновал Елизавету I, так как все остальные епископы отказались участвовать в церемонии. В 1559 г., незадолго до смерти, был лишен епископской кафедры.

255 См. примеч. 132.

256 Гилберт Бурн (ум. 1569) — епископ Уэллский в 1554–1559 гг.; после лишения кафедры был арестован (1560) и почти 10 лет провел в Тауэре и других лондонских тюрьмах. Незадолго до смерти был отправлен под домашний арест в резиденцию Джорджа Кэрю (1498–1583), настоятеля Часовни Св. Георгия в Виндзоре.

257 Томас Терлби (1506–1570), епископ Илийский в 1554–1559 гг. Лишен кафедры в 1559 г., в 1560–1564 гг. находился под арестом в Тауэре, затем был переведен в Ламбет под надзор архиепископа Кентерберийского (1564–1570).

258 Джон Фекенхэм (1515–1584) — настоятель собора Св. Павла в Лондоне (1554–1559), последний аббат Вестминстерского аббатства (1554–1560), в 1560–1574 гг. был под арестом в Тауэре, а в 1580–1584 гг. — в замке Уисбеч (близ Или); Томас Уотсон (1515–1584) — епископ Линкольнский в 1557–1559 гг., с 1559 г. по арестом в Тауэре (начало 1560-х гг., 1570–1571), в резиденциях епископов Рочестерского и Илийского, и в замке Уисбеч (1580–1584); Джон Уайт (1510–1560), епископ Линкольнский (1554–1556) и Винчестерский (1556–1559), в 1559 г. был отправлен в Тауэр, где и умер; о Боннере см. примеч. 131.

259 См. примеч. 248.

считали: он должен на ней жениться²⁶⁰. Не поверили бы и Лестер²⁶¹, Пакингтон²⁶², Хаттон²⁶³, Рэли²⁶⁴ и Эссекс²⁶⁵. Тем, что можно о ней рассказать, можно заполнить тома. В Анналах ее жизни мистер Кемден сделал это весьма избирательно, во многих местах опуская то, что должен был бы рассказать, особенно о католиках. Совесть может напомнить ему, что он не выполнил обещанное в послании к читателю, особенно в том, что касается процесса, приговора и казни королевы шотландцев, матери Его Величества и ближайшей кровной родственницы самой королевы Елизаветы²⁶⁶; эта смерть стала ее несмываемым позором. Ее счастье восхваляется до небес льстивыми еретиками и теми, кто не знает и не хочет знать о том, что происходило в ее царствование, до него, и в момент ее смерти. Ради ее интересов погибли многие в правления ее брата и сестры; умы подданных отвлекались множеством сект и раздоров в религии; обильно проливалась кровь католических священников, благородных и честных людей; подданных постоянно подавляли субсидиями и налогами; она оказывала помощь мятежникам против своих природных

260 Сэр Уильям Пикеринг (1516–1575) — придворный и дипломат; в 1559 г. считался одним из поклонников королевы Елизаветы, искавших ее руки.

261 Роберт Дадли, граф Лестер. См. примеч. 231.

262 Сэр Джон Пакингтон (1549–1625) — елизаветинский придворный; в начале 1570–х гг. прославился как один из поклонников королевы.

263 Сэр Кристофер Хаттон (1540–1591) — елизаветинский придворный, королевский фаворит, лорд-канцлер в 1588–1581 гг.

264 Сэр Уолтер Рэли (1554–1618) — придворный, солдат и путешественник, королевский фаворит.

265 Роберт Деверо, 2-й граф Эссекс (1565–1601) — фаворит и родственник королевы Елизаветы (правнук Мэри Болейн и, вероятно, Генриха VIII), лорд-шталмейстер в 1587–1601 гг.

266 Мария Стюарт (1542–1587), королева Шотландии в 1542–1567 гг., в 1568–1587 гг. находилась в Англии под арестом (обвиненная в причастности к убийству мужа, Генри Стюарта, лорда Дарнли). В 1586 г. предстала перед судом в Англии по обвинению в соучастии в заговоре Бабингтона (ставившего своей целью убить королеву Елизавету и возвести на английский престол Марию). Признана виновной, приговорена к смерти и казнена 8 февраля 1587 г.

государей, например, голландцам и гугенотам²⁶⁷. Людям навязали несправедливый закон о супрематии, а отказ принести присягу считался изменой, однако ее не навязывали знатным дворянам²⁶⁸. Королю Испании наносились оскорбления, например, захват его сокровищ²⁶⁹, разрешение знатным дворянам быть пиратами и грабителями²⁷⁰, позволение Дрейку и другим грабить его корабли, штурмовать города и захватывать его людей²⁷¹, причем она сама первая дала повод к войне, выступая против того, кто трижды спас ее жизнь и свободу.

Перейдем же к ее смерти. Она проистекла из странной меланхолии, ставшей, скорее всего, следствием размышлений об уже перечисленных делах. Постарев, она утратила свою красоту. Королева Елизавета подозревала, что многие среди знатнейших ее лордов смотрели в сторону Шотландии. Эти соображения уничтожили все ее великодушие. Пренебрежение служением Господу заставило ее перед смертью погрузиться в тоску и глубокую ме-

267 Английское правительство оказывало тайную поддержку восставшим против Филиппа II голландским протестантам еще с 1568 г., а в 1584 г. было подписано соглашение об оказании им военной помощи, что привело к войне Англии и Испании (1585–1604). В 1562 г. было также подписано соглашение с лидерами французских гугенотов, которым англичане оказывали военную помощь в кампании 1562–1563 гг. В 1590–х гг. английские отряды воевали во Франции на стороне Генриха Наваррского против испанских войск герцога Пармского.

268 Имеется в виду Акт о супрематии 1559 г., предписывавший всем поданным по требованию приносить присягу королеве как главе церкви Англии. Это предписание не распространялось на титулованную знать, в числе которой было немало католиков.

269 В 1569 г. английское правительство задержало в Плимуте испанские корабли, укryвшиеся там от шторма. Корабли везли золото, предназначавшееся для платы солдатам герцога Альбы в Нидерландах. Захват груза привел к серьезному кризису в англо-испанских отношениях.

270 Получавшие королевские патенты английские моряки в 1560–1570–х гг. официально занимались торговлей, но на практике — незаконной работорговлей и пиратством, что вызывало многочисленные конфликты с испанцами в Карибском бассейне.

271 В ходе своего кругосветного путешествия 1577–1580 гг. флотилия Фрэнсиса Дрейка разграбила испанские города на тихоокеанском побережье Южной Америки (Вальпараисо и др.), а также захватила в Лиме галеон с золотом и драгоценностями, предназначавшийся для отправки в Испанию.

ланхолию. Еще до болезни, находясь в Уайтхолле²⁷², королева испытала ослабление чувств, аппетита и упадок сил. Ее мучили пугающие видения; отсюда она уехала в Ричмонд²⁷³ и там слегла. Она сказала одной леди, из тех, кто все время находилась с ней²⁷⁴, что видела вокруг себя яркое пламя, и спросила даму, не видела ли та снов той ночью. Когда болезнь усилилась, королева, полностью одетая, просидела в кресле два дня и три ночи, и никто не мог убедить ее лечь в постель, поесть или попить. Только лорду–адмиралу²⁷⁵ однажды удалось убедить ее выпить немного бульона; никому другому она не говорила ни слова; ему же она тихо сказала: если бы он только знал, что она видит, лежа в постели, он не стал бы ее уговаривать. Приказав остальным лордам удалиться из ее опочивальни, она приказала лорду–адмиралу остаться и, покачив головой, жалобным голосом сказала ему: «Милорд, на моей шее железные цепи». Он ответил, что ей не хватает смелости, на что она заметила: «Я связана, и со мной все изменится».

Под сиденьем кресла королевы обнаружили карту (даму червей), сквозь голову которой был вбит гвоздь; дамы не посмели вынуть его, считая все это колдовством. Так королева, уже в состоянии неизлечимой болезни, провела несколько дней в постели. К ней послали архиепископа Кентерберийского²⁷⁶ и других прелатов, но она рассердилась, увидев их, гневно отругала и

272 Дворец Уайтхолл (между Лондоном и Вестминстером) — главная резиденция английских королей в 1530–1694 гг.

273 Дворец в Ричмонде — резиденция английских королей в XVI–XVII вв. Был построен Генрихом VII ок. 1501 г.; пришел в запустение и был фактически разобран в середине XVIII в. Любимый замок королевы Елизаветы.

274 Рассказ о смерти Елизаветы основывается на воспоминаниях Элизабет Саутуэлл (1586–1631), дочери сэра Роберта Саутуэлла и Элизабет Ховард. В 1599–1603 гг. Элизабет Саутуэлл была фрейлиной королевы Елизаветы, находилась рядом с ней перед смертью и впоследствии составила об этом записки. В 1605 г. Элизабет бежала из Англии вместе с сэром Робертом Дадли (незаконнорожденным сыном графа Лестера). Пара обратилась в католичество и вступила в брак с особого разрешения папы (т.к. Дадли уже был женат в Англии). Супруги жили во Флоренции.

275 Чарльз Ховард; см. примеч. 136.

276 Джон Уитгифт (1530–1604), архиепископ Кентерберийский в 1583–1604 гг.

выгнала прочь. Потом она заявила лорду–адмиралу, что архиепископ позволил себе наивысшее оскорбление, какое только можно нанести государю, а именно, объявить ей смертный приговор, как будто бы она прожила жизнь атеисткой. Лорды предложили прислать к ней других прелатов, она же ответила, что не хочет этих невежественных бродяг. Так что никто не приходил к ней до тех пор, пока она не лишилась чувств, и лишь в последний момент, находясь рядом с ней, произнесли слова молитв. Таков был конец этой королевы после сорока четырех лет, четырех месяцев и нескольких дней правления, прошедшего в великой мирской славе и удовольствиях. Никто не слышал, чтобы в своей болезни она сказала: «Помоги мне Господь!», произнесла слова молитвы или призвала Бога и просила о Его милости.

Теперь же, после долгого отступления, настало время вернуться к госпоже герцогине.

Глава VII

Прибытие в Англию герцога Ферии.

Его история и характер. Он женится на Джейн Дормер

Когда король Филипп, принц Испании, прибыл в Англию, чтобы жениться на королеве Марии, его сопровождали многие знатные особы и благородные дворяне. Среди них был дон Гомес де Фигероа и Кордоба, граф, а впоследствии — герцог Ферия²⁷⁷, знатный сеньор и испанский гранд, один из советников короля, который проявлял к нему большую благосклонность. Этот человек начал испытывать особую привязанность к герцогине и (будучи испанцем) пожелал узнать о ее рождении, родстве и знатности. Узнав, что по древности рода и почетным титулам ее род не ниже его собственного, он решился просить ее руки (хотя испан-

277 Гомес Суарес де Фигероа и Кордоба (1523–1571), граф, а с 1567 г. герцог де Ферия, второй сын Лоренсо Суареса де Фигероа, графа Ферии, и Каталины Фернандес де Кордоба и Энрикес, маркизы де Приего; в 1554–1555 гг. губернатор Милана; капитан гвардии короля Филиппа в Англии, в 1557 г. участвовал в сражении при Сент-Кантене; в 1558–1559 гг. посол Филиппа при английском дворе; по возвращении в Испанию — королевский камергер и член Совета Войны; в 1571 г. был назначен губернатором Нидерландов, но умер, не успев занять должность.

ские гранды редко женятся на дамах не их круга и нации); его к тому побудил фавор, в каком она была у королевы, а также ее красота и изящество. Это чувство основывалось на ее добродетели в той же мере, как и на редкой красоте (герцогу было тогда тридцать восемь лет), и, учитывая все свойства натуры этой прекрасной дамы, счастлив был бы тот, кому она досталась. То, что не только знатные лорды ее собственного королевства, но и дворяне других наций искали ее руки, есть явный довод, подтверждающий ее достоинства, скромное и достойное поведение. А поскольку именно иностранцу посчастливилось получить ее руку, он тем самым был в еще большей степени обязан почитать ее, ведь она ради него оставила свою страну и друзей и пренебрегла другими женихами; все это, как я уже отмечал, подтвердил сам герцог в своем завещании. В нем он просил короля дать согласие на то, чтобы герцогиня, леди Джейн Дормер, его законная и возлюбленная жена, могла выбрать себе из его владений два города, с юрисдикцией гражданской и уголовной, а также всеми рентами и доходами, и пользоваться ими на протяжении своей жизни. «Я обязан (сказал он) просить об этом Ваше Величество, потому что герцогиня пренебрегла лучшими женихами своей страны и доверилась мне, чужеземцу, ее слуге и вассалу». Таковы слова герцога в его завещании. В выборе супруга, как во всей своей жизни, леди Джейн Дормер руководствовалась примером добродетели и разума ее госпожи, королевы. Ибо королева по нижайшей просьбе всего королевства и по суждению ее мудрого католического совета, предполагая поступить наилучшим образом для общего блага, решила выйти замуж, рассудив, что все дела, касающиеся религии и управления, можно лучше разрешить через установление прочного наследования престола. И хотя ей предлагали многих, и в самом королевстве, и вне его, но, в конце концов, она решила выбрать в мужа принца Филиппа Испанского, сына императора Карла V²⁷⁸ как самого знатного и выгодного для королевства. Так и герцогиня предпочла знатым лордам своей страны чужестран-

278 На момент свадьбы Филипп (1527–1598) был королем Неаполитанским (1554–1598). После отречения Карла V от престола он стал королем Испании (1556–1598).

ца из Испании, герцога Ферию. Король и королева с радостью согласились на этот брак, однако она не соглашалась устроить свадьбу до того, как король вернется из Фландрии, куда он отправился из-за боевых действий, которые шли на границе с Францией, а с ним уехал и герцог²⁷⁹.

Тем временем королева смертельно заболела, и король послал к ней с визитом герцога, но сам не вернулся. После смерти и похорон королевы герцогиня уехала к бабушке, которая тогда жила в своем доме в Савое²⁸⁰. Там, когда герцог выразил настоящее желание заключить брак, они и обвенчались в часовне Савойского дворца 29 декабря, в праздник достопочтенного мученика Св. Фомы Кентерберийского²⁸¹. Дяди Джейн, сэры Генри Сидни²⁸² и граф Сассекс²⁸³, хотя и с большим недовольством, дали согласие на брак: им не хотелось, чтобы всеми любимая племянница оставляла страну, родных и друзей ради жизни с чужестранцем в стране столь далекой от них и со столь отличным от их климатом. Но так устроил Господь, и герцог почел за счастье стать мужем той, чье достоинства и добродетель ценил, по его собственным словам, превыше всех царств и должностей мира.

279 Граф Ферия сопровождал короля Филиппа в качестве капитана его гвардии. Во время своего английского правления Филипп дважды уезжал в Нидерланды: с сентября 1555 по март 1557 г., и с июня 1557 г. В тексте речь идет о втором отъезде, когда Филиппа сопровождали к Сент-Кантену английские отряды.

280 Савой — место на Стренде (сейчас — улица в Лондоне, в XVI в. — дорога между Лондоном и Вестминстером), на котором в XIII–XIV в. стоял дворец, построенный графом Савойским (отсюда и название). Дворец был разрушен во время крестьянского восстания 1381 г., но местность сохранила название. Генрих VII построил здесь странноприимный дом. Леди Дормер жила рядом с ним, а ее внучка обвенчалась там в часовне.

281 Св. Фома (Томас) Бекет (1119–1170), архиепископ Кентерберийский в 1162–1170 гг. Убит по приказу короля Генриха II и канонизирован в 1173 г.; один из самых почитаемых святых средневековой Англии, патрион Лондона.

282 См. примеч. 41.

283 Томас Рэдклиф, 3-й граф Сассекс (1525–1583), был дальним родственником Дормеров: его род по женской линии также восходил к Ричарду Вудвилу, графу Риверсу (см. примеч. 15).

Герцог был послом и представителем своего короля и выполнял свои обязанности доблестно и достойно, как верный и благочестивый сын католической церкви. Ведь когда новая королева начала менять и извращать богослужение, отменять древние законы о религии, восстановленные ее покойной сестрой, то в день коронации²⁸⁴ герцог, которого сама королева и ее совет настоятельно приглашали там присутствовать (как он присутствовал в день ее торжественного въезда в Лондон, когда она была провозглашена королевой)²⁸⁵, спросил, будут ли в ходе коронации совершены все обычные церемонии, какие происходят при коронации других христианских государей, согласно правилам католической церкви и древним обычаям католических государей этого королевства. Поняв из их ответа, что в церемонию будут внесены изменения, он отказался им помочь, публично ли в церкви, или же втайне, в месте, которое для него обеспечат, так как не мог своим присутствием признать действие, не сочетавшееся с почитанием католической церкви и соблюдением ее обычаев.

Примерно в это время в Англию прибыл посол–резидент, епископ Аквильский²⁸⁶. Король, все еще находившийся во Фландрии, послал за герцогом Ферией, который перед отъездом из Англии по настоянию жены ходатайствовал перед королевой позволить ему забрать с собой тех монашествующих ее королевства, мужчин и женщин, которые захотят поехать с ним; он же обязывался доставить их в те места, где они смогут свободно служить Богу и соблюдать устав своего ордена. Прежде этого он пытался всеми возможными способами убедить королеву и ее новых советников не изменять католической религии, которую она публично исповедовала, унаследовав корону, но сохранить в силе все защищавшие ее законы, обещая властью короля устранить все затруднения и любое сопротивление. Не все было напрасно, ибо ему давали вежливые ответы, а затем поступали совсем по–другому. Он получил разрешение в ответ на просьбу

284 15 января 1559 г.

285 14 января 1559 г.

286 Альваро де Квадра (ум. 1564), епископ Аквильский (1553–1561), испанский посол в Англии (1559–1563).

увести монашествующих из Англии, хотя и с большим трудом, преодолев затруднения, созданные некоторыми из главных советников, распускавших слухи и устроивших много препятствий, говоривших королеве о многих бедствиях, какие могли последовать для нее и ее дел от такого разрешения. Тем не менее, герцог не сдался (таковы были его отвага и рвение), постоянно напоминая королеве о ее обещании, и собрал так много из них, сколько сумел, в своей резиденции — Дарэм Хаусе²⁸⁷, и там содержал их, пока не получил разрешение на их отбытие во Фландрию. Среди них были три конвента: картузианцев из Шина, которые по милости Божией до сих пор сохранились как единая обитель в Мехельне в Брабанте²⁸⁸; монахинь—бригеттинок из обители в Сионе; эта община также сохранилась и состоит из многих знатных дам и блаженных сестер, живущих в Лиссабоне в Португалии²⁸⁹; третьим же была обитель доминиканских монахинь из Дартфорда²⁹⁰, их, однако, было немного, и их вскоре распределили по монастырям их собственного ордена. Когда же герцог выехал из Англии, что произошло в конце мая 1559 г., с ним было много священников, а впоследствии в свите герцогини за ними последовали и многие другие. Прибыв к королю, он ходатайствовал перед ним за этих людей, моля о его благосклонности и защите; король обещал им это в своей любви и благочестии, как и подобает великому католическому государю.

287 Лондонская резиденция епископа Дарэмского, построенная ок. 1345 г. в 1532 г. была конфискована Генрихом VIII и впоследствии была в распоряжении королей. В 1559 г. — дом испанского посла в Лондоне.

288 Картузианский монастырь, основанный в 1414 г. в королевском маноре Шин (Ричмонд). Распущен в 1539 г. и воссоздан в 1555 г. Покинувшие Англию в 1559 г. монахи долго скитались по Нидерландам, гонимые с места на место войной — из Брюгге (1559–1578) в Намюр или Дуэ (1578), Лувен (1578–?), Антверпен (?–1591), Мехельн (1591–1626) и лишь в 1626 г. осели в Ньивпорте. Обитель была распущена после реформы императора Иосифа II в 1783 г.

289 См. примеч. 96.

290 Конвент доминиканских монахинь был основан в Дартфорде (сейчас — восточный Лондон) в XIV в.; в 1539 г. община была распущена и воссоздана в 1555 г.

Герцог оставил жену в своем доме в Лондоне, и она оставалась там почти до конца июля. Тогда в Лондон прибыл дон Хуан де Айала, посланный за ней королем и герцогом²⁹¹. Герцогиня немедленно начала собираться в дорогу; 24 июля она отправилась попрощаться с королевой Елизаветой. Она ожидала в парадном покое, когда королева позовет ее, и долго оставалась на ногах, так что испанский посол начал сердиться, ведь она была уже на седьмом месяце беременности. Епископ громко заявил, что, учитывая, кто она такая, и ее беременность, герцогине не подобает стоять и ждать, и стал уговаривать ее сесть на стул королевы. Когда королева Елизавета узнала об этом, то немедленно вышла к ней. Спустя два дня после прощания герцогиня отправилась в Дувр, откуда ей предстояло отплыть. Ее сопровождало множество знатных дворян и дам, родственников и друзей, и среди них — господин епископ, постоянный посол, которому король дал особое распоряжение позаботиться о ней. Вместе с нею оправилась добрая леди, ее дорогая и любимая бабушка, воспользовавшаяся возможностью уехать туда, где она могла свободно и безопасно служить Богу, имея для того возможность и средства. Герцогиню сопровождали шесть ее дам, все — дочери знатных и влиятельных джентльменов. Одна была сестрой лорда Харрингтона, двоюродного брата герцогини²⁹²; другая — сестрой сэра Эдварда Страдлинга²⁹³; еще одна — сестра королевского фаворита, сэра Уильяма Пикеринга²⁹⁴; еще одна — госпожа Пастон, которая впоследствии, вернувшись в Англию, стала женой сэра Генри Ньютона из Глостершира и дамой опочиваль-

291 Дон Хуан де Айала — испанский дипломат, один из королевских секретарей.

292 Маргарет Харингтон, дочь сэра Джеймса Харингтона и Люси Сидни (сестры Мэри Сидни, матери Джейн Дормер), старшая сестра барона Джона Харингтона (1540–1613). В Испании Маргарет Харингтон стала женой дворянина из свиты Ферия, Бенито де Сиснероса.

293 Дамасин Страдлинг, дочь сэра Томаса Страдлинга (ум. 1571) и Кэтрин Гемедж, сестра сэра Эдварда Страдлинга (1529–1609). Умерла в 1567 г. в Испании.

294 Энн Пикеринг, младшая сестра известного елизаветинского придворного сэра Уильяма Пикеринга (см. примеч. 234). Вышла замуж за Роже де Ла Ривьера.

ни королевы Елизаветы, и других²⁹⁵; и с ними госпожа Кларенсиус, служившая королеве Марии с ее детства и была ее самым доверенным лицом; женщина, уважаемая и любимая королевой, провела остаток жизни в доме герцогини²⁹⁶. Кроме того, священники, получившие разрешение отбыть, многие джентльмены, получившие ее покровительство, смогли уехать туда, где могли жить в соответствии со своим желанием служить Господу.

По прибытии в Дувр она попрощалась с друзьями, среди которых были граф Сассекс и сэра Генри Сидни, а на следующий день после обеда отплыла в Кале, куда и прибыла через несколько часов. Ее встречал господин Гурден, губернатор Кале; посетить ее там прибыл также и губернатор Булони. В городе Кале герцогиня отдохнула день и две ночи, а губернаторы устроили в ее честь празднество и развлечения, затем она поехала в Гравлин, а оттуда в Дюнкерк, на землях короля Испании. В обоих городах ее ждали пиршества и торжественные встречи под пушечные залпы. Губернаторы встречали ее вместе с капитанами, а солдаты маршировали строем, оказывали ей все знаки приветствия, подносили дары, как обычно делают в тех местах в отношении знатных особ.

Из Дюнкерка она поехала в Нивпорт, а оттуда — в Брюгге, где отдыхала несколько дней. Туда приехал приветствовать ее сам герцог, ее супруг, и дон Луис Мендес²⁹⁷, которого король послал нанести ей визит и приветствовать ее в его владениях. Также туда приехал дон Антонио де Толедо, брат герцога Альбы, командор ордена Св. Иоанна и великий приор Кастилии²⁹⁸. В

295 Кэтрин Пастон (1547–1615), Дочь сэра Томаса Пастона и Ангес Ли. Вернулась в Англию в середине 1570-х гг., с 1576 г. — фрейлина, затем дама свиты Елизаветы I. В 1578 г. она вышла замуж за сэра Генри Ньютона.

296 Сьюзен Уайт (ок. 1510–ок. 1566), жена Томаса Тонга, гербового короля Кларенсье; известна как госпожа Кларенсье или Кларенсиус. Служила в свите принцессы Марии с 1525 г. и провела с ней практически всю жизнь. Самое близкое и доверенное лицо королевы.

297 Дон Луис Мендес де Аро, младший брат маркиза дель Карпио, придворный, приближенный и советник короля Филиппа II.

298 Антонио Альварес де Толедо (ум. после 1571), рыцарь Ордена Св. Иоанна Иерусалимского (госпитальер), великий приор Кастилии. Младший сын Гарсии Альвареса де Толедо и Суниги, маркиза Корию.

этом городе (как и во всех остальных) магистраты и губернаторы соседних поселений оказали ей честь своими дарами и засвидетельствовали своей почтением герцогу и герцогине. Герцогу же пришлось уехать во Флиссинген, куда он поспешил, чтобы попроситься с королем, отплывавшим в Испанию²⁹⁹.

Оттуда герцогиня, все еще вместе с бабушкой, отправилась через Гент, где ее ждала пышная встреча, в Антверпен, и там ее снова принимали с торжествами и почестями. Все горожане собрались у ворот и усеяли улицы, чтобы увидеть ее въезжающей верхом (поистине по-княжески); ее сопровождали шесть фрейлин, также верхом. Так она проследовала по главным улицам и разместилась в Английском подворье, где хранили свои товары английские купцы. Оттуда герцогиня поехала в Льеж, вознамерившись остаться там до рождения ребенка, тогда как герцогиня Пармская, сестра короля, тогда — правительница [Нидерландов]³⁰⁰, находилась в Мехельне. Однако Ее Высочество правительница не позволила этого и вызвала к себе в Мехельн, чтобы герцогиня была при ней. Подчинившись ее воле, герцогиня приехала в Мехельн, где ее тоже приняли с большими почестями. Правительница приказала разместить ее со всеми удобствами и почестями, чтобы она была всем довольна. Поселили герцогиню, уже на последнем месяце беременности, в доме кардинала Гранвеллы, архиепископа Мехельнского³⁰¹. Она благополучно разрешилась от бремени 28 сентября, в канун праздника Св. Михаила Архангела и всех святых ангелов, произведя на свет мальчика. При крещении его назвали Лоренсо или Лаврентий, по-испански дон Лоренсо де Фигероа и Кордоба, маркиз де Вильяльба³⁰². Он был ангельской внешности, а благодаря природным склонностям и доброму воспитанию, данному ему матерью, стал знаменитым князем этого мира: его достоинства из-

299 Филипп покинул Нидерланды 25 августа 1559 г.

300 См. примеч. 113.

301 Кардинал Гранвела (Антуан Перно де Гранвель, 1517–1586), архиепископ Мехельнский в 1561–1586 гг., дипломат на службе испанской короны.

302 Титул маркиза де Вильяльба был дарован наследнику дома Ферия Филиппом II в 1567 г.

вестны не только Испании, но и всей Европе, ибо весь мир признал его великую мудрость, ученость и доблесть.

По случаю рождения сына испанцы и итальянцы устроили пиры, представления и турниры, а через несколько дней состоялось крещение. Крестными отцами были кардинал Гранвелла и епископ Турнэ³⁰³, а крестными матерями — правительница, герцогиня Пармская, и графиня фон Хогстратен³⁰⁴ (ибо тогда в обычае было иметь двух крестных отцов и двух крестных матерей), и все было исполнено самым почетным образом, достойным князей.

Когда ребенка принесли в церковь, сначала вошли дворяне, которые несли предметы, нужные при крещении — свечи, купель и кувшин, солонку, миро и др. Затем проследовала старшая дочь крестной — графини, несшая на руках младенца, и младшая дочь, несшая мантию ребенка, обе — в роскошных одеяниях³⁰⁵. Затем шла госпожа правительница, а за ней — другая крестная, со всеми дамами и знатными придворными. Мальчика крестили с именем Лоренсо; то было имя его деда, графа Ферии и маркиза Приего³⁰⁶. По обычаю наследники рода, через одного, носили имена Лоренсо и Гомес на протяжении многих поколений.

303 Шарль де Крои (1506–1564), принц Шиме, епископ Турнуасский в 1524–1564 гг.

304 Анна фон Ренненберг, дочь графа Вильгельма фон Ренненберга, вдова Филиппа де Лалена (ок. 1510–1555), графа Хогстратена, штатхальдера Гельдернского.

305 Дочери графини — Маргарита де Лален (ум. 1598), с 1559 г. жена графа Филиппа де Линя, и Барбара де Лален, с 1564 г. супруга графа Максимилиана фон Фолькенбурга.

306 Лоренсо Суарес де Фигероа, граф Ферия (ум. 1528), супруг Каталины Фернандес де Кордоба и Энрикес, маркизы Приего (ум. 1569).

В.А. Думачева

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ МАРИАННЫ ЭРМАН

Ключевые слова: женский журнал, женская пресса, история развития прессы, становление жанра, Просвещение, женское образование.

Аннотация: в статье затрагивается проблема становления жанра женского журнала в Германии в XVIII в. и его роль в гендерном дискурсе эпохи, рассматривается исторический контекст возникновения и развития женской периодики. В приложении публикуется перевод на русский язык вступительного слова издательницы Марианны Эрман к первому номеру журнала «*Amaliens Erholungsstunden*» («Часы досуга Амалии»), вышедшему в Штутгарте в 1790 г.

Предлагаемый читателю текст представляет собой вступительное слово издательницы к первому номеру журнала «*Amaliens Erholungsstunden*» («Часы досуга Амалии»), который вышел в Штутгарте в 1790 г. Этот журнал является одним из первых женских журналов в Германии, где в роли издательницы выступила женщина.

Во второй половине XVIII столетия женщины искали пути самореализации, преодолевая анахронические, уже разрушающиеся гендерные роли. Клаудия Хонеггер обозначила этот процесс как «глубокий переворот в культурной систематизации»¹, подразумевая под этим смещение привычных концепций в понимании идеальных образов мужчины и женщины. По мнению исследовательницы, к концу XVIII столетия в Германии наряду с другими ведущими европейски-

1 Honegger. 1989: 11.

ми странами ярко наметились пути индивидуализации и культурной автономии женщин. Однако эти процессы протекали в крайне проблематичных, ограничивающих женщин жизненных условиях, которые обусловили сложный характер женской культурной автономизации².

Феномен женского журнализма в Германии XVIII века определяется периодом между 1779 и 1796 гг.³ За этим временем последовала продолжительная пауза в женской издательской деятельности, когда только в середине XIX столетия женщины вновь стали издавать собственные журналы. Очевидно, что в женских журналах, в которых издателями и авторами выступали преимущественно мужчины, наблюдался определенный «гендерный дисбаланс». Факты явного доминирования, насаживания единственно верной информации сверху со стороны мужчин ставили женщину в положение неразумного бесправного воспитанника. Женщины-издательницы не предпринимали явных попыток отхода от консервативных концепций, продолжая тематическую линию «мужской версии» жанра. Но то, каким образом при этом транслировался и воспринимался контент журналов, говорит о качественно иной форме взаимодействия авторов с публикой. В контексте «женского наставничества» автор фактически воспринималась читательницами в роли доброй подруги или даже матери, что определенно делало ее ближе к публике.

Чтобы добиться подобного «эффекта» — максимального уровня понимания с женской аудиторией — в рамках мужской издательской деятельности наблюдалось явление «вымышленного редакционного органа»⁴. Нередко, при издании

2 См. подробнее: **Honegger**. 1989: 8.

3 См. подробнее: **Weckel**. 2006.

4 **Bittermann-Wille, Hofmann-Weinberger**. 2000: 55.

журнала создавалась видимость, что над его содержанием трудились исключительно женщины, или, как минимум, они выступали на первых ролях. На практике же, мужчины продолжали занимать ведущие позиции при подготовке издания, а женщины работали лишь в «фоновом режиме» — в качестве редакторов, или порой даже были совершенно не задействованы в работе над журналом.

К концу XVIII столетия возникают относительно автономные органы женской печати, которые своей деятельностью обеспечивают более реалистичное освещение опыта и интересов женщины рассматриваемой эпохи⁵. В большинстве работ, написанных о становлении женского журнализма, первые женские журналы рассматриваются в качестве отправной ступени зарождения и развития женского движения в Германии⁶. Переход к женскому журнализму был очень сложным и нерешительным. Прежде всего, это было обусловлено вопросами «внешней» стороны женской издательской деятельности — условиями самостоятельного женского труда и заработка. Эта проблема представляется крайне сложной и достойна отдельного рассмотрения. Главная тенденция, которую необходимо отметить в данном контексте — женский журнализм в Германии XVIII столетия развивался фактически под полным мужским контролем. Прежде всего, это находило свое воплощение в абсолютной власти мужчин в контексте современной общественности. Свои трудности для развития автономной женской журналистики также вносили все еще продолжавшаяся правовая зависимость женщин от мужской половины семьи, а также фактор исклю-

5 Bittermann–Wille, Hofmann–Weinberger. 2000: 53.

6 Примеры таких исследований см.: Böhmel Fichera. 1989; Bittermann–Wille, Hofmann–Weinberger. 2000; Kirstein. 1997.

чительно мужского контингента на руководящих постах издательских предприятий.

Не менее интересен вопрос контента журналов, которые стали издавать женщины. Долгое время транслируемый женский образ, который уже плотно укоренился в умах эпохи, держал женщин в обозначенных социальных и интеллектуальных оковах. Попытки разрушить эти оковы были предприняты в частности первыми женщинами-издательницами. Однако это касалось исключительно интеллектуальных ограничений женщин:

[...] в XVIII веке [...] ни одна из издательниц них не «посягала» на существующие предрассудки и ограничения, связанные с гражданским идеалом женщины⁷.

Другими словами, в женских журналах никак не высказывалась проблема необходимости коренных перемен в политических, экономических и гражданских правах женщин. Тенденции к фактической правовой эмансипации женщин в Германии наметились лишь в середине XIX века, причем роль женской прессы в этом вопросе была очень значительной. К концу XVIII столетия правомерно говорить о положительных сдвигах исключительно в вопросах интеллектуальной автономии женщин и их возможности самовыражения.

Важно отметить, что большинство женщин-издательниц практически полностью продолжили линию «мужского» жанра издания. Изменилась лишь форма подачи содержания. Контент журналов способствовал поддержке господствующего социального образа женщины и не ставил под сомнение ее естественного предназначения. Однако при этом имел место определенное рождение «радикализма». Женщины-издательницы, которые хотели воплотить свои идеи

7 Bittermann-Wille, Hofmann-Weinberger. 2000: 55.

изменений, должны были придерживаться определенных правил. Для должной подачи своих «радикальных» мыслей, им приходилось изобретать и активно практиковать различного рода стратегии, которые помогали им оставаться в рамках допустимого обществом женского образа. Среди них имели место быть так называемые стратегии «самооправдания», «адаптации», или «смягчающей дистанции»⁸, где уже их обозначения говорят сами за себя. Практикуя подобные приемы, издательницы могли обеспечить своему журналу долгосрочное и успешное существование на рынке периодики.

Крайняя радикальность грозила издательницам неприятием их идей со стороны общества, и, разумеется, прекращением существования журналов. Вместе с тем, важно отметить, что уже сама женская издательская деятельность во многом являлась своего рода нарушением социального образа женщины, и требовала постоянного оправдания. Примечательно, что первая издательница женского журнала в Германии «*Für Hamburgs Töchter*» («Дочерям Гамбурга»), Эрнестина Гофман, выдавала себя на издателя-мужчину, публикуясь под мужским псевдонимом. Подобный факт можно рассматривать как одну из обозначенных выше стратегий адаптации к социальным реалиям времени. Контент журнала Гофман был практически идентичен мужскому: издательница постулировала исключительное определение женщин на семейную жизнь и обеспечивала читательниц ключевыми моральными наставлениями. Но сам факт, что руководителем издания была женщина, воплощал собой кардинальные изменения в традиционной системе гендерных ценностей эпохи. Журнал Шарлотты Хетцель «*Wochenblatt für's schöne Geschlecht*» («Еженедельник для прекрасного пола»), в отличие от издания Гофман, по

8 Kirstein. 1997: 72–83.

своему содержанию уже обладал видимыми чертами радикальности. Издательница выступала с идеями «интеллектуального освобождения» женщин, предлагая ощутимые изменения в вопросах женского образования. Однако, смелые высказывания Хетцель, несмотря на обилие практикуемых ею приемов «соответствия общественной норме», обязывали издательницу публиковать журнал под псевдонимом.

Вместе с тем, в конце столетия женский журнализм, в сущности, переживал свой расцвет. Ощутимо наметился отход в изданиях от «мужского натиска»: контент журнала в большей степени автономно определялся самими издательницами, смелее высказывались идеи о возможностях раскрытия интеллектуального потенциала женщин. Однако в данном контексте еще совершенно неправомерно говорить об объективной духовной свободе и самоопределении женщин.

Среди всех издательниц в Германии уходящего XVIII столетия ярко выделялась Марианна Эрман. Применительно к ее изданиям уже без сомнения можно применять понятие «радикальности».

[...] Эрман подчеркивает необходимость женского образования, независимости и интеллектуального самоопределения женщин и критикует господствующие нормы, которые обрекают ее пол на произвол мужчин⁹.

Во вступительном слове Марианна Эрман излагает концепцию своего издания, где главной целью для нее было обратить внимание общества на ущемленный интеллектуальный статус женщин и призвать к изменению подобного положения.

Марианна Эрман, урожденная Брентно (1755–1795) — немецкая писательница, журналистка и актриса швейцар-

9 Kirstein. 1997: 12.

ского происхождения. Прожила короткую, но очень насыщенную событиями жизнь. Родилась в состоятельной многодетной семье торговца, который, однако, к определенному моменту потерял все свое состояние. Оказавшаяся в тяжелом финансовом положении после ранней смерти родителей и всех остальных членов семьи Марианна Эрман была вынуждена скитаться по дальним родственникам семьи, претерпевая различного рода сложности на своем пути. После неудачного замужества с офицером, который безжалостно относился к Марианне и в азартных играх растрачивал все семейное состояние, Эрман в очередной раз была оставлена на произвол судьбы. Социальная незащищенность, финансовые сложности и серьезные проблемы со здоровьем сильно осложняли жизнь Марианны Эрман. После развода она обратилась к театральной деятельности, а некоторое время спустя начала заниматься писательством.

Ее дебютный роман «*Philosophie eines Weibs*» («Философия женщины») свел Марианну с ее вторым супругом, видным юристом и рецензентом известных литературных и политических изданий, Теофилом Фридрихом Эрманом. При поддержке мужа Марианна продолжила свою деятельность в качестве публицистки и после успеха отдельных романов она обратилась к издательской деятельности. С 1790 г. она начала выпускать журнал «*Amaliens Erholungsstunden*» («Часы досуга Амалии»), который после разрыва с издательством *Cotta* в 1793 г. трансформировался в другой, уже более «независимый» журнал Эрман «*Die Einsiedlerin aus den Alpen*» («Отшельница из Альп»).

Личность Марианны Эрман и ее журналы представляются необычайно интересными для изучения: с одной стороны, они являются показательным примером для раскрытия модели женской издательской деятельности в Германии

к. XVIII в., но в то же время, это — уникальный и самоценный сюжет, способный привнести многое в вопрос изучения культурного перелома в гендерном вопросе эпохи.

Проблематика журналов Марианны Эрман весьма противоречива. Исследователи, которые занимались этим сюжетом, достаточно сильно расходились во мнениях относительно роли журналов Эрман в процессе культурной (и не только) эмансипации женщин в Германии конца XVIII века. Представительницы «феминистического» направления в истории женщин видели в Марианне Эрман ярого борца с засильем исключительно мужской культуры, в то время как другие специалисты наделяли публицистку весьма консервативным настроением в отношении «женского вопроса».

Личность Марианны Эрман является исключительно интересной для изучения с точки зрения актуальных трендов исторической науки. Являясь частью нового для эпохи социокультурного явления — сообщества женщин-издательниц — Марианна Эрман при этом ярко выделялась из их числа. Наряду с многосложным процессом гендерной самоидентификации, осуществляющимся в контексте профессиональной деятельности Эрман, в ее случае не менее ярко прослеживается другая линия индивидуального самоопределения. Эта линия была обусловлена стремлением выхода из так называемой *Außerseiterposition*, маргинальной позиции. Сирота, впоследствии разведенная женщина, так и не испытавшая счастья материнства, актриса, «ученая», писательница — все эти роли не соответствовали установленному эпохой женскому образу и создавали для Марианны Эрман значительные трудности на пути личной и профессиональной самореализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА

Bittermann-Wille, Hofmann-Weinberger. 2000 — Bittermann-Wille C., Hofmann-Weinberger H. Von Der Zeitschrift "Dokumente Der Frauen" Zur Dokumentation Von Frauenzeitschriften // Medien & Zeit. Wien, 2000. Heft 2, Band 15. S. 52–62.

Böhmel-Fichera. 1992 — Böhmel-Fichera U. "Es Ist Ein Schön Gelese". Literarische Frauenzeitschriften Im Späten 18. Jahrhundert // Begegnung mit dem Fremden : Grenzen, Traditionen, Vergleiche (Akten Des VIII. Internationalen Germanisten-Kongresses; Bd.10) / Hrsg. E. Iwasaki. München, 1992. S. 212–221.

Honegger. 1989 — Honegger C. Weibliche Selbstthematization um 1800: kultursoziologische Betrachtungen // Beiträge der Forschungskomitees, Sektionen und Ad-hoc-Gruppen. Kultur und Gesellschaft: gemeinsamer Kongreß der Deutschen, der Österreichischen und der Schweizerischen Gesellschaft für Soziologie / Hrsg. H.-J. Hoffmann-Nowotny. Zürich. 1989. S. 95–96.

Kirstein. 1997 — Kirstein B.-A. Marianne Ehrmann: Publizistin und Herausgeberin im ausgehenden 18. Jahrhundert. Wiesbaden, 1997.

Weckel. 2006 — Weckel U. The Brief Flowering Of Women's Journalism And Its End Around 1800 // Gender In Transition: Discourse And Practice In German-Speaking Europe, 1750–1830 / ed. U. Gleixner, M.W. Gray. Ann Arbor, 2006. P. 175–201.

Марианна Эрман

МОЕ ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО*

Тот, кто вступает на общественный пост, обычно произносит речь, в которой рекомендует себя своей аудитории. Почему бы и писательнице, после долгого перерыва снова взявшейся за перо, не сделать милостивым читательницам благоговейный поклон, тем более что она имеет дело с более многочисленной публикой, чем привычные ораторы. — Конечно, сколько людей, столько мнений! Эта ужасная поговорка, которая сразу начинает обременять мое сердце, как только я приближаюсь к письменному столу, чтобы по повелению особенной, не очень отрадной судьбы, сменить швейную иглу на перо¹! — Однако я полностью признаю, что если бы все женщины хотели заниматься тем, что практикую я, тогда в нашем добром мире царил бы совершенно невыносимый беспорядок²!

Однако нет правил без исключения. — Я строго планирую свой день, лишь изредка появляюсь в обществе, проворно расправляюсь с моим скромным домашним хозяйством; детей

* Перевод подготовлен по изданию: Ehrmann, Marianne, Meine Antrittsrede. In: Amaliens Erholungsstunden. Deutschlands Töchtern geweiht von Marianne Ehrmann, Stuttgart (im Verlag der Expedition des Beobachters und gedruckt bei den Gebrüdern Mäntlern) Tübingen 1790, Bd. I, Heft 1, S. 1-11.

- 1 «Сменить швейную иглу на перо» — метафора, часто встречающаяся у писательниц конца XVIII в. В данном случае Марианна Эрман заявляет, что к писательской деятельности ее в первую очередь подтолкнули сложные финансовые обстоятельства.
- 2 В настоящем высказывании Эрман акцентирует внимание на своей исключительности, определенно негативной; она — исключение из правил, элемент нарушения общественного порядка.

у меня нет, поэтому мне остается достаточно времени для работы³. Стало быть, следует решиться. — Я хочу попробовать развлечь и обучить моих любезных читательниц, насколько это в моих силах. Только об одном я должна попросить вас заранее — чтобы вы простили мне мои порой чересчур грубые и жестокие высказывания. Простите мне тот факт, что порой, когда этого требует необходимость, я не говорю приятных слов, упоминая приставшие ко мне и моему полу пороки, простите, что временами взмахиваю плетью сатиры, размышляя над зловещим уроном, препятствующим утонченному образованию. Для меня было бы наивысшей честью посодействовать развитию этого образования! Моя добрая воля жаждет вашего милостивого снисхождения, а признание моих собственных ошибок подготовит Вас к пути самоотречения. Ведь только взгляните: если бы хотя бы одна из вас оказалась бы настолько ограниченной, чтобы оскорбиться каким либо сатирическим выпадом, — который ни в коей мере не направлен на отдельных личностей, — как бы громко могли бы посмеяться над этой слабостью всезнающие мужички, заключив бы из этого, что в наших женских головках действительно так же пусто, как это обычно выглядит. Мужчины смеялись бы, оставшись при убеждении, что мы не в силах выдержать удары плетью сатиры и более чем заслуженные упреки моралистов. Этих всезнаек позабавила бы их уверенность в том, что мы совершенно не обладаем силой духа, что раны, нанесен-

3 Подобная стратегия «оправдания» — один из главных лейтмотивов женской литературы в Германии конца XVIII в. (См. об этом подробнее: **Kirstein**. 1997: 75). Занятие публицистикой представлялось практически невозможным в привычном кругу женских обязанностей — ведении хозяйства (пусть даже условном, как в аристократической среде) и исполнении роли матери и супруги. Конкретно в случае Марианны Эрман можно заметить смену парадигмы: вместо воспитания детей она сосредоточилась на воспитании своего пола.

ные нам упреками, небрежным воспитанием, убеждением в женском бессилии, невозможно исцелить болезненным лечением. Им кажется, что мы словно изнеженные куклы моментально начинаем стонать, плакать, сопротивляться и даже браниться, когда дело доходит до какой-либо незначительной операции, которой вообще еще достоин наш глубоко оскорбленный пол. — О горе, как злорадно посмеивался бы этот отряд мужичков над этими открытиями и хвастался бы ими повсюду! —

Но рано смеяться, вы, венцы творения! — Я знаю, мой пол значительно лучше, у него нет недостатка в доброй воле, чтобы стать тем, чем бы он мог и должен был бы стать, если бы имел на то возможность. Нашему полу уделяется очень мало внимания. Так мало внимания уделяется его воспитанию и образованию, что практически все отдается на произвол старых привычек и укоренившихся предрассудков! Матушка была в неведении важных вещей, следовательно, и дочери не было дозволено знать ничего важного. Это те печальные последствия, которые препятствуют полным надежды девушкам. Но могло бы случиться так, что матушка все же обладала достаточным разумом, чтобы вследствие строго самопознания и искусного размышления о женских обязанностях сделать счастливым своего супруга, мудро вести домашнее хозяйство и заботиться о детях. Она бы могла выполнять общественные обязанности иным образом, не посредством машинальной, необдуманной деятельности⁴. Она могла бы быть мудрой матерью, обходительной супругой, бравой и остроум-

4 Метафора машинальности, неосмысленной повторяемости жизни часто встречается в женской литературе и литературе о женщинах позднего XVIII в. Во многих случаях эта метафора была сопряжена с призывами к пересмотру насущного для эпохи вопроса женского образования, к оживлению, «одушевлению» женской интеллектуальной сущности.

ной компаньонкой, однако воплощению этого способствуют лишь единицы мужчин! Они довольны, когда их жены не отличаются в мышлении от служанки, когда они не обладают собственной волей в поступках, а лишь прелестно подражают тому, чему их наставляла в те самые «темные времена» бабушка. Они удовлетворены, когда в разговорах с женами их тянет зевать, ведь скука от этих разговоров дает им полное право проводить свое время вне дома. Они довольны и при этом спокойны, когда их жены являются сплетницами, клеветницами, задирами, кокетками и хулиганками, когда они под самым хвастливым именем доброй домохозяйки в душе являются лишь жалкими калеками, по своему рассудку — неизменными дурочками, а по своим манерам — хулиганистыми созданиями. — Я утверждаю, большинство мужчин удовлетворены, когда их дочери следуют славным шагам матери; если их чада читают кулинарную книгу, какой-либо бессмысленный молитвенник или даже сентиментальный роман, который портит их разум и отравляет их сердца; они спокойны, когда молодая гусыня обзаводится мужем, который женится на ее деньгах, репутации или милом кукольном личике (которому ему довольно долго пришлось нашептывать приятнейшую чепуху); когда вся жизнь дочери лишь сводится к замужеству, воспитанию детей; когда она способна следить за собой, немного готовить, вязать и болтать о занятных вещах. — От таких печальных порядков у нас можно наблюдать бесконечные злоупотребления в отношении нашего пола, ошибки в воспитании, первенство глупости. Это приводит к тому, что все чаще слышны жалобы от тех достойнейших мужчин, которые желали бы улучшить наш пол и которые справедливо могут требовать этого⁵!

5 В конце XVIII столетия в Германии уже довольно активно высказывались

Мне очень жаль, что я вынуждена выставлять мое открытие на такое широкое обозрение; я долго сдерживала себя с моими тайными наблюдениями и, наконец, я получила серьезную возможность замолвить об этом значимое словечко!

Посмею упомянуть еще одну неправомерность, которая касается женского образования. Я знаю мужчин и женщин из старого арсенала глупости, которые являются жертвами банального предрассудка: все, что способствует развитию женской культуры, является излишним и смехотворным, так как несет в себе опасность превратить женщин в слишком ученых особ. Господи, до чего абсурдны и неразвиты у этих людей представления о женщине, которая мыслит и должна мыслить, если она не хочет превратиться в безжизненную машину. Как они заблуждаются в своих представлениях об эрудированной женщине, которая якобы всю жизнь проводит за чрезмерным обучением, что ведет ее к полной неспособности к выполнению женских обязанностей, к отходу от женской природы и домашнего счастья. Почему путают одно с другим⁶? Отчего так сильно общественное стремление, перекры-

программные предложения по вопросу преобразований в рамках «женского вопроса», в частности, относительно системы женского воспитания и образования. (См., например: **Hippel**. 1794; **Hippel**. 1801).

- ⁶ Под «эрудицией» в дискурсе раннего Просвещения подразумевалось нечто иное, чем то, что стояло за этим термином к концу XVIII столетия. «В то время как понятие «эрудиция» к началу XVIII в. еще использовалось позитивно — как всестороннее образование, широкие знания и особые способности к наукам [...], — к концу века оно коннотировалось как уничижительное обозначение и служило синонимом сухой книжной начитанности». (См.: **Böhmel–Fichera**. 1996: 144). «С середины столетия, а именно с внедрением сентиментального образа женщины [...] и последующими за этим экономическими и правовыми ограничениями в положении женщины, понятие эрудиция стало рассматриваться как недопустимое применительно к женщине. <...> К 1790 г. определения «ученая» или «эрудированная» вызывают лишь шок и страх, которых должна была опасаться любая женщина, которой была важна ее репутация». (См.: **Querelles**. 1996: 16).

вать путь мыслящим молодым девушкам к домашним и светским добродетелям лишь оттого, что время от времени какой-либо ученой даме нравится избегать этих добродетелей посредством менее подходящей для нее деятельности? — Как, ради всего святого, возможно, что это глупое заблуждение все еще так активно пропагандируется обществом и утверждается во вред нашим молодым девушкам? — Неужели этим упрямым, безрассудным всезнайкам хочется или просто нравится не понимать разницу между ученой педанткой и рассудительной мыслительницей, которая осознает необходимость размышления о своем предназначении? — Как болезненно действует это несправедливое непреклонное предубеждение о представительницах женского пола, которых тем самым пытаются отринуть от должного образования; ведь разница лежит в словах, и понятие содержит в себе как полезную, так и бесполезную цель. —

Но эта жалкая ирония, это заржавевшее предубеждение, которое во многих обществах является лишь крикливым недоразумением, этот кричащий и упрямый приказ не должен заставить моих читательниц пасть духом и далее следовать путем, который указан нам мыслящими справедливыми мужчинами. — Несмотря на все предрассудки, мы хотим повеселить наши головки, очистить наши души от скверного и научиться должным образом выполнять наши обязанности посредством чтения правильных книг и общения с разумным обществом. — Как радуется мое сердце, когда на своем пути я встречаю образованную женщину, которая мыслит и рассуждает. Особенно радует меня возможность, узнать ее поближе. Как сердечно я протянула бы ей руку, с каким великим энтузиазмом примкнула бы к ней и прижалась бы, полная сестринских чувств. Как же много девушек блистает лишь в своем укрытии, просто не отваживаясь вынести свое

сокровище в свет. В этом им препятствует их ошибочная скромность или сдерживающий страх, ведь они уже заранее убеждены, что зависть и язвительный смех глупости давно поджидают в засаде, чтобы забросать их грязью⁷.

В каждом городе у его общества есть свой особенный тон, своя собственная рутина, которая, однако, часто является не самой поучительной. Случается, что в общество вступает та, что правильнее размышляет, говорит на более чистом немецком, в своих высказываниях выступает более открыто и естественно, свободно от сердца выражает свое мнение, а не просто поддакивает, не в состоянии с основанием опровергнуть мнение оппонента. Тогда из укрытия выступают ее менее просвещенные и образованные сестры и нападают на нее за ее спиной: досаждают духом клеветы, искажают и передергивают ее слова, всячески обременяют ее разной бессмыслицей. Они испытывают оскорбление уже просто от того, что эта девушка знает больше, чем они, за что ей приходится терпеть жестокие приступы злобы, уже давно таившейся в оскорбленных дамах. Я знаю уже довольно многих достойных женщин, обремененных общественными насмешками, по причине того, что они отважились укрепить свой разум и выделиться из повседневного общества своей речью и мышлением.

Это также одно из тех варварских препятствий, которые стоят на пути славных девушек, стремящихся вырваться на свет, расширить свои знания. В наших жалких женских обществах, где, как правило, только и делают, что едят, пьют, сплетничают или играют, невозможно ввести более возвышенный тон, нежели тот, который господствует на данный

7 Здесь подчеркивается яркая тенденция высмеивания, порицания и неприятия «ученых» женщин в обществе рассматриваемого исторического контекста.

момент. О, это одно из тех невыносимых препятствий, которые стоят на пути женского образования и затрудняют его распространение! —

Но этим жалким препятствиям, этим вырождакам вероломного невежества и бледно-желтой женской зависти не удастся сломить сильную, благоразумную девушку, в которой живет большая мужественная душа. Они не остановят ее в благородной цели, бесстрашно способствовать просвещению общества и действовать для всеобщего блага. Она должна и будет сочувственно и с благородной гордостью улыбаться всем этим препятствиям. Ее будут вести пыл и сила духа, а также убеждение, что ею выбран наилучший путь, который приведет к твердому противостоянию предрассудкам и их искоренению из общественного сознания. А для нее эти предрассудки — всего лишь шипы, которые могут незначительно поранить ее кожу. Ей не должны мешать женская трусость, старинные предрассудки, глупые возражения сверхразумных матрон. Если она жаждет громких оваций мыслителей и восторга благородных, то ни угрожающая глупость, ни рычащая клевета не собьют ее с намеченного пути.

Сколь позорно то, что человеческий страх удерживает нас от нашего же образования, что толпа, — под какой бы маской она не скрывалась, — препятствует нашим попыткам приобщиться к прогрессу Просвещения и совершенствовать наше мышление и обычаи. Именно поэтому мы справедливо заслужили определение слабого пола, который из-за рабского страха не может воплотить в жизнь свои удивительнейшие добродетели. Наш зыбкий характер как будто сплетен из паутины, разорвать которую способно малейшее дуновение ветра. И такой характер по праву достоин порицания. —

Но нет! — Наберемся храбрости, мои дорогие читательницы! Давайте же посредством мысли поторопимся вперед, по-

средством самопознания овладеем благом, с верой в славные принципы воспрепятствуем развитию слабостей, действуя и размышляя, отдалимся от предрассудков и, в итоге, с твердым убеждением добьемся чудесной цели! Давайте же усиленно работать над этой задачей, искренне признавать и исправлять наше неблагоразумие, выдерживать все сложности там, где дело касается нашего временного или вечного счастья. Проникнемся же мужской стойкостью и одержим победу! —

Моя добрая воля и бесконечная готовность оказывать поддержку помогут вам на этом нелегком пути. Скромные таланты, которыми наградила меня судьба, а также немного опыта, который скопился за мою жизнь, я с огромной радостью направлю на воплощение нашего намерения. Материал, который я для этого выбираю, отвечает моему представленному плану. Его широта и многообразие находятся в прямой зависимости от настроений и обстоятельств. Все, с чем я сталкиваюсь в повседневной жизни, будет приобщено к моей работе. И все же, я запрещаю себе любые личные трактовки и не думаю, что кто-либо будет всерьез воспринимать мою сатиру. Мой тон будет представлять собой смену жизнерадостности серьезностью, чтобы не злоупотреблять терпением и снисхождением моих читательниц. И самым большим счастьем для меня было бы быть принятой и зарекомендовать себя всем своим читательницам.

Издательница

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Hippel. 1794 — Hippel T.G. Über die bürgerliche Verbesserung der Weiber. Frankfurt und Leipzig, 1794

Hippel 1801 — Hippel T.G. Nachlaß über weibliche Bildung. Berlin, 1801

ЛИТЕРАТУРА

Böhmel-Fichera. 1992 — Böhmel-Fichera U. "Es Ist Ein Schön Gelese". Literarische Frauenzeitschriften Im Späten 18. Jahrhundert // Begegnung mit dem Fremden : Grenzen, Traditionen, Vergleiche (Akten Des VIII. Internationalen Germanisten-Kongresses; Bd.10) / Hrsg. E. Iwasaki. München, 1992. S. 212–221.

Querelles. 1996 — Querelles. Jahrbuch für Frauenforschung 1996, Band 1: Gelehrsamkeit und kulturelle Emanzipation / Hg. Ebrecht A., von der Lühe I. Einleitung. Stuttgart / Weimar 1996. S. 9–18.

Kirstein. 1997 — Kirstein B.-A. Marianne Ehrmann: Publizistin und Herausgeberin im ausgehenden 18. Jahrhundert. Wiesbaden, 1997.

А.Ю. Серегина

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПАЛОМНИЧЕСТВО И ЧУВСТВА». ОКСФОРД, 7 ИЮНЯ 2019 Г.

Ключевые слова: паломничество, религиозные практики, чувственные восприятия, конференция

Аннотация: В статье представлены результаты исследований, посвященных чувственным восприятиям и религиозным практикам, связанным с паломничествами в разных конфессиональных традициях, которые обсуждались на конференции «Паломничество и чувства» (7 июня 2019 г., Оксфорд).

Проблематика чувственного восприятия в последние десятилетия стала предметом активного изучения со стороны гуманитарных дисциплин. Подобные исследования позволяют понять, в какой мере невербальные контакты, основанные на чувственном восприятии, обусловлены специфической исторических и культурных процессов тех или иных обществ, и в какой мере они сами оказывают влияние на социальные отношения, выстраивание социальных иерархий, стереотипов, и т.п.

В последние годы внутри данного направления проявилось смещение исследовательского интереса в сторону изучения социальных аспектов чувственного опыта, в том числе исследования роли чувственных восприятий и взаимодействия органов чувств с материальными объектами в религиозных культурах и практиках. Об этом свидетельствует уве-

Анна Юрьевна Серегина, д.и.н., в.н.с. Отделения историко-теоретических исследований ИВИ РАН, aseregina@mail.ru
DOI: 10.32608/2307-8383-2019-27-369-375

личение как числа публикаций,¹ так и проводимых конференций.² В их числе — прошедшая 7 июня 2019г. в Оксфорде международная конференция «Паломничество и чувства». Ее организаторами выступили участники проекта *Pilgrimage Studies* Хелена Гузик и Сильвия Альварес-Корреа, (Оксфорд) совместно с Оксфордским центром гуманитарных исследований (TORCH), Центром исследований раннего Нового времени и факультетом истории искусств Оксфордского университета.

Целью междисциплинарной конференции было пролить свет на то, как чувственные восприятия определяют опыт паломничества и сами им определяются в разных культурах, исторических периодах и религиозных традициях. Паломничество укоренено в физическом опыте — оно представляет собой реальное (или воображаемое) путешествие, соприкос-

-
- 1 См., например, публикации, посвященные истории религии: **NVMEN**. 2007; **Milner**. 2011; **Religion and the Senses**. 2012; **Hallett**. 2013; **Luehrmann**. 2017; **Baum**. 2018.
 - 2 Только в 2017–2018 гг. были проведены следующие конференции: “Le Sens et les sens / Sense and the Senses: International Colloquium for 20th and 21st Century French and Francophone Studies” (06–08.04.2017, Bloomington, Indiana), “Embodiment, Corporeality, and the Senses in Religion” (8–9.04.2017, UT-Austin), “Decadence and the Senses: An Interdisciplinary Conference” (10–11.04.2017, University of London), “Literacy and Senses in Ancient Egypt” (09.05.2017, University of Copenhagen), “Les cinq sens au théâtre. Théories, esthétiques, dramaturgies / colloque international” (13–14.06.2017, Maison de l’Italie, CIUP, Paris), “Senses, Emotions and the Affective Turn — Recent Perspectives and New Challenges in Cultural History” (26–29.06.2017, International Society for Cultural History, Umeå), “Capitalism and the Senses Conference” (29.06.2017, 19.06.2018, Harvard Business School, Massachusetts), “Pouvoirs du son, sons du pouvoir. Esthétique et politique du sonore” (15–17.11.2017, Centre National de la Recherche Scientifique, Paris), “Sweetness and Bitterness. The Sense of Taste in and around Anglo-Saxon England” (5.06.2018, University of Durham, UK), “Sensible Communities: The Senses and Community Formation in Early Modern Cities and Towns” (6–7.12.2018, Eberhard Karls Universität, Tübingen, Germany).

новение со святынями и / или реликвиями, и памятными знаками, но при этом требует обращения верующего к метафизическому плану. Паломничества существовали повсеместно и на протяжении тысячелетий и благодаря этому представляют собой полезный инструмент, дающий возможность понять, как люди взаимодействовали со священными объектами через свои чувственные восприятия. Изучение способов, благодаря которым в ходе паломничеств задействовались органы чувств, позволяет расширить представления о том, как в разных культурах и религиозных традициях понимался религиозный опыт и телесные аспекты благочестивых практик. Докладчики, обращаясь к различному материалу, стремились понять, как истолковывался и описывался чувственный опыт, связанный с духовными феноменами.

Участники конференции представляли полтора десятка университетов и исследовательских центров, преимущественно, но не исключительно англоязычных: среди них — ученые из Великобритании (Оксфорд, Кембридж, Лондон [SOAS, Kings College, Birkbeck College], Сент-Эндрюс), США (Нью-Йорк [CUNY], Чикаго, Хаверфорд, Беркли и др.), Ирландии (Корк), Нидерландов (Утрехт) и Чили (Сантьяго-де-Чили). Их исследования охватывали разные регионы и хронологические периоды, включая в себя как средневековые паломничества, так и современные религиозные и культурные практики Китая (Синьцзян), Индии и Японии, а также включая различные религиозные традиции — разные христианские и исламские течения, буддизм и шиваизм в Китае и Индии и др. Ученые использовали подходы разных гуманитарных дисциплин — истории, антропологии, литературоведения, истории искусства, религиоведения и социологии — продемонстрировав, как чувственные восприятия по-

могали интериоризировать опыт паломников, формализовать их действия (и их описания), а также припоминать связанные с ними религиозные переживания.

Темы докладов отражали различные аспекты чувственного опыта, связанного с паломничеством, и его осмыслением, и сгруппированы по соответствующим блокам. Один из них, открывший конференцию, был посвящен репрезентациям чувственного опыта в текстах, посвященных паломничеству в Святую землю, и осмыслению самой проблемы — в какой степени органы чувств (и прежде всего, зрение) помогают человеку приобщиться к святыне — в этих сочинениях. Как и во всех остальных блоках докладов, организаторы старались соединить доклады, тематически представляющие разные регионы и/или конфессиональные традиции. В выступлениях Рафаэлы Рорхофер (Оксфорд), Энтони Бейла (Лондон) и Джакомо Ньиши (Оксфорд) рассматривались представления о реальных и воображаемых путешествиях в Святую землю, рожденных средневековой католической и эфиопской традициями.

Другой блок докладов был обращен к звукам, сопровождавшим паломничества, и составлявшим важную часть связанного с ним социального и религиозного опыта. В докладах Блахин Херли (Корк), Гуантяна Ха (Хаверфорд, США) анализировался «звукоряд», сопровождавший паломников на пути из Италии в Иерусалим XV в., а также способы отражения в их описании представлений автора об идеальной гармонии истинной веры, роль звуков — пения и чтения арабоязычной поэзии в практике паломничеств суфиев Синьцзяна — в ритуале паломников, а также их благочестивых практиках и формировании групповой идентичности конфессионального сообщества.

Следующая группа докладов объединила другие аспекты чувственного опыта — осязание, обоняние и болезненные ощущения / физические страдания. Одно из представленных исследований (Адам Бурси, Утрехт), посвященное дискуссиям исламских богословов VII–VIII вв. о допустимом и недопустимом поведении паломников в Мекке — а именно, прикосновениям к Черному камню Каабы. Другой доклад (Юньфу Вон, Кембридж) рассматривал буддийские паломничества, описанные в биографиях средневековых китайских монахов, выделяя описания физических лишений и страданий, претерпеваемых паломниками, и подчеркивал, что эти страдания осмыслялись как своеобразный аскетический опыт, игравший ключевую роль в религиозном опыте паломников. Наконец, исследование Фуксии Харт (Оксфорд), посвященное практике паломничеств шиитов в Кербелу к могиле имама Хуссейна в X в., подчеркивало важную роль обоняния и запахов в религиозных практиках паломников, а также осмыслению и оформлению ими их опыта в посвященных паломничеству повествованиях.

Четвертая группа докладов была посвящена телесным аспектам паломнического опыта, причем эта тема была представлена в гендерном измерении. В исследовании Медардо Росарио (Чикаго), посвященном роману Франсиско Лопеса де Убеды «Плутовка Хустина» (XVII в.) анализируется повествование автора о паломничестве Хустины в Компостелу; ее путешествие представлено метафорой танца, дающего женщине свободу, хотя бы и временную, освобождение от давления социальных норм. Другой темой, рассмотренной в данном контексте, были телесные практики и чувственные восприятия, связанные с паломничеством женщин к святыне Шивы в современном индийском Джаркханде. В докладе (Шрути Амар, Лондон) показано, как кастовая принадлеж-

ность определяет восприятия паломнического опыта женщинами.

Наконец, последняя группа докладов была посвящена теме взаимодействия с предметами — памятными знаками и сувенирами, вызывавшими у паломников воспоминаний об испытанных ощущениях и переплетенных с ними религиозных переживаниях. Были представлены исследования, посвященные описаниям паломничества в Иерусалим из Пьяченцы VII в. и роли привезенных паломниками домой небольших ампул с маслом как способов вновь пережить опыт молитвы у Гроба Господня (Кристен Раканьелло, Нью Йорк), а также и роль материальных объектов (стеклянных колокольчиков, внутри которых помещались фигурки младенца Христа) в религиозной жизни южноамериканских монахинь XVIII — XIX вв., а именно, практиках мысленного путешествия в райский сад (Наталия Келлер, Олайя Санфуэнтес, Сантьяго-де-Чили).

Пленарный доклад Хенрики Ленеманн (Оксфорд) подвел итог конференции, продемонстрировав, как зрительные, звуковые, тактильные и др. стимулы могли становиться мнемоническими инструментами, помогавшими пилигримам вспоминать о паломничестве или даже представлять себе паломничества, в которые они не отправлялись физически. Чувственные восприятия способствовали также формированию социальных связей и групповых идентичностей, реальных и виртуальных, соединяя паломников с другими пилигримами, разделявшими с ними этот путь в прошлом, настоящем и будущем.

Список источников и литературы

ЛИТЕРАТУРА

Baum. 2018 — Baum J.M. Reformation of the Senses: The Paradox of Religious Belief and Practice in Germany. Champaign, 2018

Hallet. 2013 — Hallett N. The Senses in the Religious Communities, 1600–1800: Early Modern ‘Convents of Pleasure’. Farnham, 2013

Luehrmann. 2017 — Luehrmann S. Praying with the Senses: Contemporary Orthodox Christian Spirituality in Practice. Bloomington, 2017

Milner. 2011 — Milner M. The Senses and the English Reformation. Farnham, 2011

NVMEN. 2007 — NVMEN: International Review for the History of Religions. 2007. Vol. 54. Issue 4: Religion through the Senses

Religion and the Senses. 2012 — Religion and the Senses in Early Modern Europe / ed. by W. de Boer et al. Leiden, 2012

SUMMARIES

O.I. TOGOEVA

FAMILY HISTORY OF AMBROISE II DE LORÉ, OR WHERE RUMORS COME FROM

The article analyzes the possible sources of rumors that accompanied the death of Ambroise II de Loré († 1446), one of the closest associates of Charles VII, an active participant in the Hundred years war, a royal adviser, Marshal and the prévôt of Paris. Court documents preserved in the archives of the Parliament of Paris and the Royal Chancellery allow the author to suggest that these rumors were only partly related to the professional activities of the prévôt. Perhaps, they were also based on the scandal surrounding the marriage between Ambroise de Loré and Guillemette de Courceriers, in which Thiphaine Arnoul, the grandmother of the groom, played the major role.

YU.P. KRYLOVA

TO KISS OR NOT TO KISS? THE RECEPTION OF THE ARCHDUKE AND THE ARCHDUCHESS OF AUSTRIA AT BLOIS (1501)

The article deals with one curious episode concerning the visit of Philip the Fair, Archduke of Austria, and his wife to France, and the reception given to the couple by the French king Louis XII at the Castle of Blois. An important aspect of this diplomatic visit was the ceremonial greeting that the Archduchess Joanna, the daughter of the kings of Castile and Aragon, could give to her host. The difference in the traditions of two neighboring countries was significant in this matter. In Spain, women did not kiss men, according to the diplomatic etiquette. This visit was described in several historical sources, written both by the French and the Spanish authors, and their opinions differed. A significant

source on this episode was the text by an unknown lady of the court of Infanta Joanna. As the anonym's notes indicate, gender issues could be hidden behind the political and diplomatic scenes.

B.L. SHAPIRO

DESIGNING A QUASI-MALE AND FEMINIZED COURT COSTUME IN THE 18TH CENTURY: A RUSSIAN SPECIFIC

The article presents a study of various types of female court uniform of the 18th c., a time of its dynamic formation. During this period, the female court uniform became the focus of aesthetic perception, and best examples were produced. Particular attention was paid to the appearance of quasi-male forms of clothing and to the interrelation of two fundamentally different types of uniforms — quasi-male (riding habit and uniform dress) and feminized (Order dress, Robe de Cour and court “Russian” dress). Though these had fundamental differences, they also shared a number of features. The emphasis is also made on the continuity of new forms and the Old Russian costume, which reflected in the tunic uniform and court dress. The conclusions of the study are as follows: the key events in the development of the 18th century Russia female court uniform happened during the reign of Catherine II when all models of various female uniforms emerged. During the reign of Paul I, the existence of a female uniform was confirmed by legal documents.

O.I. LISITSYNA

SEX, LOVE AND MARRIAGE IN THE CONTEXT OF RUSSIAN NOBLE CULTURE OF THE LATE 18TH — EARLY 19TH CC.

The article presents a study of love culture, marital and sexual behavior of the Russian nobility in the first half of the 19th century

For the Russian nobility, culture was characterized by the taboo of sexuality — at least at the level of speech practices. However, the severity of such prohibitions was not the same for men and women. The comparison of male and female texts created within the framework of this culture makes it possible to reveal the principles of constructing a normative system of inter-sexual relations, as well as to study specific practices of relations between men and women as a result of categorization of such concepts as "love", "marriage", "passion", etc. in the context of Russian noble culture.

O.YU. SOLODYANKINA

PRINCESS VARVARA TURKESTANOVA: MYSTERIES OF AN INTELLECTUAL MAID OF HONOUR

The article is devoted to the maid of honor, Princess Varvara Turkestanova (1775–1819), tragically deceased favorite of Emperor Alexander the First. The author clarifies a number of details of her pedigree and revises the notions of the family ties that have developed in the historiography regarding her aunt Arsen'yeva and the ancestors (the Eropkins and Princes Bekovich-Cherkassky).

I.I. IUKINA

THE RIGHTEOUS MARTHA AND MARY

The article is devoted to the activities of Baroness M.P. Fredericks, a maid of honor at the Russian Imperial court, and M.S. Sabina, a music teacher, and an assistant mentor of the Grand Duchess, who, in solidarity with the reform spirit of the 60s, founded the Russian Red Cross Society. "The righteous Martha and Mary", as they were called at the court, created the organization on new grounds as private and voluntary. The fundamental principle of the Society was the principle of the human right to life, to freedom

from cruel, inhuman and degrading treatment. This social innovation of the two court ladies not only developed a culture of charity in the country, but also contributed to the acceptance in society of the idea of inalienable human rights and the development of humanitarian law in Russia.

T.I. ZAYTSEVA

THE STATUS OF A RULER'S WIDOW AT GERMAN AND FRENCH COURTS IN CONTEMPORARY MEDIEVAL GENDER STUDIES

The article presents a complex of studies of court culture carried out in the German and French medieval gender studies. The focus of attention is on the reconstruction of the gender status of elite women and, in particular, monarchs' widows: ways of representation, social roles and scope of activity.

A.A. PAVLOV

ABOUT NONIUS MARCELLUS SAY A WORD...

The article is devoted to the Nonius Marcellus, Roman grammarian of 4th century AD. This introduction to publication of some of the 'antiquarian' books from his *De compendiosa doctrina* considers such problems as authorship, timeline of Nonius' life, composition and character of his work.

I.I. BOLDYREVA

THE CORRESPONDENCE OF ANGLO-SAXON NUNS IN THE COLLECTION OF MICHAEL TANGLE

The article is focused on medieval English nuns' correspondence with the members of the mission of St Boniface' of Germany — Benedictine monk and preacher, who lived in the late 7th–8th centuries. It is shown that Anglo-Saxon *mulieres religiosae* maintained friendly relations with a wide range of persons. Their epis-

tolary contacts spread far beyond Britain. The author discusses historical identity of Boniface's addressees as well as scientific potential of the epistolary corpus for studying Anglo-Saxon women monastics. The article is supplemented by the translation of selected letters into the Russian language, based on M. Tangle's edition *Die Briefe des heiligen Bonifatius und Lullus*.

A.YU. SEREGINA

A WOMAN IN THE WORLD OF THE 16TH -CENTURY POLITICS: THE "LIFE OF JANE DORMER"

The article analyses the "*Life of Jane Dormer, Duchess of Feria*" composed by her secretary Henry Clifford (c.1643) — the only pious life of an Englishwoman written by a layman. The author discusses the ways to describe a female court career — Jane's belonging to a small court circle, her closeness to Queen Mary I. It is shown that Clifford emphasized Jane Dormer as a member of court elite because this stressed the high status of the Dormer family, but did not mention her real political influence; he described her piety and virtues, not political abilities. The article is followed by a Russian translation of the part I of the "Life of Jane Dormer".

V.A. DUMACHEVA

INTRODUCTORY SPEECH BY MARIANNA ERHMANN

The article discusses the emergence of the genre of women's magazine in the 18th-century Germany, and the role played by the magazines in the shaping of gender discourse of the period, as well as the historical context of the rise and development of female journalism. The article is followed by a Russian translation of an Introductory speech by Marianna Erhmann to the first issue

of the «*Amaliens Erholungsstunden*» («Amalia's leisure time») published at Stuttgart in 1790.

A.YU. SEREGINA

Conference “Pilgrimage and Senses”, 7 June 2019, Oxford

The article presents the results of studies of senses and religious practices connected to pilgrimages in various confessional traditions, which were discussed at the conference ‘Pilgrimage and Senses’ (7 June 2019, Oxford).

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ

В альманахе гендерной истории «Адам & Ева» публикуются различные материалы по гендерной исторической проблематике: исследовательские статьи и сообщения (включая публикацию источников), историографические и тематические обзоры, рецензии, научные хроники. К рассмотрению принимаются материалы по всем аспектам гендерной истории, без ограничений по хронологии и региону исследования.

Альманах выходит один раз в год (ноябрь–декабрь). Объем каждого выпуска альманаха составляет около 20 а.л.

Все материалы, присланные в редколлегию, проходят внутреннюю рецензию. Материалы, оформленные не в соответствии с указанными ниже правилами, *не принимаются* к рассмотрению. При передаче рукописи статьи для опубликования в альманахе презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте альманаха в системе Интернет, а также данных об авторе (ФИО, место работы, должность, e-mail), аннотаций статьи на русском и английском языках и ее титула, списка использованных источников и литературы в отечественных и международных базах данных (РИНЦ, Web of Science, Web of Knowledge).

Прием статей и других материалов для публикации в альманахе осуществляется круглый год. Текущие выпуски формируются из статей, присланных в редакцию до конца июня каждого года. Материалы можно высылать на электронный адрес редакции: genderhistory@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Объем статьи или заметки от 0,5 до 2 а.л. (20 000 — 80 000 знаков, включая пробелы между словами). Гарнитура текста — Cambria (заголовки), кегль 11. Если Вам необходимо использовать особые символы, пожалуйста, пришлите дополнительные шрифты одновременно со статьей.

Вместе со статьей необходимо прислать:

- краткие (один абзац до 1 000 знаков) аннотации на русском и английском языках с заголовком, набранным строчными буквами;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- информацию об авторе (Ф.И.О., уч. степень и звание, место работы, должность, контактный телефон, e-mail).

В конце статьи необходимо привести список использованных источников и литературы в алфавитном порядке, а также список используемых сокращений.

Иллюстративные материалы (карты, схемы, рисунки, фотографии) предоставляются отдельным файлом в формате *.jpg (предпочтительно) или *.tiff, *.bmp, *.png.

Сноски даются в подстрочных постраничных примечаниях со сквозной нумерацией. Кегль 9. Просьба не использовать в сносках такие сокращенные формы как: Там же. Он же/Она же. Ibid. Idem/Eadem. Источники и научная литература в библиографическом списке упорядочиваются по алфавиту отдельными списками («источники» и «литература»). В библиографических описаниях возможно использование устоявшиеся аббревиатуры для обозначения изданий, если они расшифровываются в списке сокращений, прилагаемом после списка используемых источников и литературы.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СНОСОК

Фамилия автора или краткое название сборника, библиотеки или архива, где хранится рукопись (жирным шрифтом). Год издания: страница (для видео — минуты)

Иванов. 2008: 34.

Университет для России. 1997: 35.

Эйзенштейн. 1925: 17-19 мин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1750: 5-9.

Ларошфуко. 1993: 39 (**La Rochefoucauld.** 1878: 104)

Patin. 2006. Lettre à C.Spon du 31.03.1649. V.1: 373-374.

Bonnart. s.d. — **Bonnart N. Marie Casimir Reine de Pologne.** s.d. BM. 1917,1208.3557

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ БИБЛИОГРАФИИ

В СПИСКЕ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

✧ Рукопись — Краткое название архива, библиотеки (жирным шрифтом). Данные архивного дела или шифр библиотечного фонда. Название рукописи.

РГАДА. Ф. 96 (Сношения России с Швецией). Оп. 1. Кн. 3.

VL. Add. MS. 5503. Copies of Letters of Frances Bacon.

✧ Видео — Фамилия режиссера или название (жирным шрифтом). Год выхода. Тире. Фамилия режиссера. Название. Год создания.

Тарковский. 1983 — **Тарковский А.А. Борис Годунов.** 1983.

Rickman. 2015 — **Rickman A. A Little Chaos.** 2015

✧ Книга — Фамилия автора. Год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора курсивом. Название. Место издания. Год издания.

Вайнштейн. 2006 — **Вайнштейн О. Денди: мода, литература, стиль жизни.** М., 2006.

Монтень. 1960 — Монтень М. Опыты: в 3 кн. / Пер. и примеч. Ф.А. Коган–Берштейн, А.С. Бобовича. М., 1960. Т. II. (Литературные памятники)

Apps, Gow. 2003 — Apps L., Gow A. Male Witches in Early Modern Europe. Manchester, 2003.

✧ Статья в сборнике статей — Фамилия автора (жирным шрифтом) и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора. Название статьи (без точки), две косые черты, название сборника, косая черта, редактор (инициалы, затем фамилия). Место издания. Год издания. Страницы.

Градскова. 2003 — Градскова Ю. «Освобождение женщины» — гендерный анализ репрезентаций женской телесности в годы культурной революции (по материалам журналов 1920-х годов) // Репрезентации телесности: сборник научных статей / Под ред. Г.И. Зверевой. М., 2003. С. 148-160.

Bruard–Arends. 2004 — Bruard–Arends I. De l’auteur à l’auteure, comment être femme de lettres au temps de Lumières // Intellectuelles : du genre en histoire des intellectuels / Sous dir. de N. Racine et M. Trebitch. P., 2004. P. 73-84.

✧ Статья в журнале — Фамилия автора (жирным шрифтом) и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора. Название статьи (без точки), две косые черты, название журнала (полное или аббревиатура, вынесенная в общий список сокращений). Год издания. Том. Номер. Страницы.

Руднева. 2010 — Руднева Я.Б. Женские саморепрезентации в деловой документации начала XX века // Диалог со временем. 2010. Вып. 31. С. 98-131.

Schaps. 1982 — Schaps D. Women of Greece in Wartime // Classical Philology. 1982. Vol. 77. № 3. P. 193-213.

✧ Интернет источники — Описываются так же, как вышеуказанные типы. Название интернет-портала: гиперссылка (дата последнего обращения)

Annibale Pocaterra. 1592 – Two dialogues on shame. English translation of: Annibale Pocaterra Due Dialogi della Vergogna Ferrara 1592. Herzog August Bibliothek: <http://diglib.hab.de/edoc/ed000237/start.htm> (12.08.2016)

Tabloid: Sex in Chains. 2012 – Morris E. Tabloid: Sex in Chains. 2012. BBC: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b01f13f6> (28.05.2017)

Swope. 1961 – Swope M. Ethel Ayler in the stage production The Blacks. 1961. The New York Public Library (Martha Swope photographs): <https://digitalcollections.nypl.org/items/2ec90590-438e-0133-17e9-00505686a51c> (21.12.2016)

Редколлегия